
ТЭМСИН МЬЮИР
18+
НОНА
ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА
fanzon

Нона из Девятого дома

Тэмсин Мьюир

Аннотация
Тэмсин Мьюир. Нона из Девятого дома
Действующие лица. Список гостей
Нона из девятого дома
  Иоанн 20:8
День первый
  1
  2
  3
  4
  5
  6
  Иоанн 5:20
День второй
  7
  8
  Иоанн 15:23
  9
  10
  Иоанн 5:18
День третий
  11

12
13
14
15
Иоанн 8:1
16
Иоанн 19:18
День четвертый
17
18
Иоанн 5:1
19
Иоанн 3:20
День пятый
20
21
Иоанн 9:22
22
23
24
25
26
27
Иоанн 1:20
28
29

Иоанн 5:4
30
31
32
Эпилог
«Алекто из Девятого дома»
Благодарности

Аннотация

Финалист премий «Небьюла», «Хьюго» и «Локус».

Выбор Indie Next.

Цикл «Запертая гробница» – финалист премии «Хьюго».

Лучшая книга по версии Kobo!

Ее город в осаде.

Мертвецы возвращаются.

Но все, чего хочет Нона – это отпраздновать день рождения.

Во многих отношениях Нона похожа на других людей. Она живет со своей семьей, работает в местной школе, любит прогулки по пляжу и дружит с собаками. Но в то же время Нона совсем не похожа на других людей. Полгода назад она проснулась в чужом теле и боится, что ей придется его вернуть.

Весь город разваливается на куски. Чудовищная голубая сфера висит на горизонте, готовая разорвать планету на части. Силы Крови Эдема окружили последний объект Когорты и ждут, когда Император Неумирающий придет на их зов. Лидеры хотят, чтобы

Нона стала тем оружием, которое спасет их от Девяти домов. Девушка же предпочла бы жить обычной жизнью с теми, кого она любит: с Пиррой, Камиллой и Паламедом, но она знает, что ничто не вечно.

И каждую ночь Ноне снится женщина с лицом, на котором нарисован череп…

«Вы полюбите Нону, а Нона полюбит вас». – Аликс Э. Хэрроу

«Если вы читали первые две книги этой трилогии, мне не нужно ничего говорить, чтобы убедить вас взять в руки и этот роман. Если же вы еще не знакомы с героями и миром автора, то, боже мой, я вам завидую. Трудно представить себе кого-то более изобретательного, более дерзкого и более веселого, кто сейчас пишет научную фантастику». – Келли Линк

«Милый, простой и временами наивный голос Ноны особенно хорошо сочетается с темным, плотным фоном серии, создавая восхитительный контраст. Читатели будут очень взволнованы». – Publishers Weekly

«Захватывающая, умопомрачительная и удивительно душевная история. Она перемещает нас во времени и пространстве,

в ней есть ученые с комплексами Бога (в буквальном смысле) и много некромантии. Приготовьтесь к тому, что вы будете кричать “Что? ЧТО?!” ни единожды». – NPR

«Одна из лучших научно-фантастических серий всех времен». – Cosmopolitan

«Бессмертная преданность! Любовная драма! Разрушения! В любви и на войне нет справедливости, но, черт возьми, Нона делает и то, и другое как минимум веселым». – Огаст Кларк

«Вы можете ожидать немного некромантии, шуток ниже пояса и поворотов сюжета. И я не могу не порекомендовать вам эту книгу». – NPR

«Запертая гробница» остается непохожей на все остальные выходящие циклы книг, и это стоит того, чтобы им насладиться». – CNET

«Смесь научной фантастики, фэнтези, готики, ужасов и комедии должна была стать катастрофой, но каждая страница кажется настолько свежей, насколько и захватывающей… Любителям классической и современной фантастики эта серия придется по вкусу». – Australian Financial Review

«Потрясающие американские горки, в которых автор еще больше повышает градус напряжения. У нее великолепный талант смешивать вместе столько жанров, что из пепла восстает новый, с мечом и восхитительным острым юмором наготове». – Рин Чупеко

Тэмсин Мьюир
Нона из Девятого дома

Tamsyn Muir
NONA THE NINTH
Copyright © 2022 by Tamsyn Muir
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2024

~~Действующие лица~~
Список гостей

(Записано К. Гект)

Собаки, которых надо пригласить на день рождения

• Коричневая, которая живет у рыбной лавки. Средних размеров, четыре лапы.

• Фу! (предполагаемое имя), лежит под прилавком в молочном магазине, рыжая, большая, четыре лапы.

• Черно-белая, один раз видели в парке, средних размером, хвост двойным бубликом, три лапы.

• Лапша, тайная королева собак, почти белая, маленькая, шесть лап.

• Пятнистая с пляжа, большая, огромные рыжие брови, три лапы.

Члены банды, которых надо пригласить на день рождения

• Табаско
• Чести
• Утророжденный
• Красавчик Руби
• Кевин

Учителя

• Ангел?

Кровь Эдема

• Увенчайте Его многими коронами (Нет — К.)

• Капитан, наверное (Невозможно — К.)

• Командир ячейки Ценой страданий, хотя, возможно, она командир крыла, я точно не знаю (Оба варианта верны, и нет — К.)

• Вы трое (Приятно — К.)

Один – Императору, с честью несущему фатум великий.

Еще один – Ликторам, что явились по зову владыки.

Один – Святым, за давно предреченный удел.

Один – Десницам, за холод клинков, что в руках их запел.

Два – за железную волю и стойкий отказ от утех.

Три – за сияющий блеск самоцветов и радостный смех.

Четыре – за вечную верность движенью вперед.

И пять – за старых традиций увесистый свод.

Шесть – за горькую правду, дороже, чем сладкая ложь.

И семь – за миг красоты, что растает, лишь глазом моргнешь.

Восемь – за радость спасенья, какой бы его ни купили

ценой,

А девять – за сонмы потерь и Гробницы суровый покой[1].

[1] Примечания: 1
Перевод Юлии Назаровой.

Ты сказала мне: *Спи, я разбужу тебя утром.*
Я спросил: *Что такое утро?* — и ты сказала:
Когда все, кто трахался со мной, умрут.

Когда все, кого мы любили, уйдут,
Наступит утро. Пустота — это просто синоним чистоты.
Давай уложим мою мечту
Спать.
В назначенный час
Я подниму одеяло. Я убью свет,
Лягу рядом с тобой; умру и буду спать.

На этот раз мы сделаем все правильно:
Прощать несложно, гнев недолог.
Наши могилы будут не такими глубокими,
А ложь — не такой правдивой.

Ты поднимаешь меч.
Я все еще люблю тебя.

Нона ~~из девятого дома~~

Иоанн 20:8

Во сне он рассказывал ей, где получал дипломы, где делал постдок, где раздобыл грант. Просто шум, по большому счету, слушать это не было смысла. Скорее это была медитация. Казалось, даже его губы понимают, что двигаются совершенно без толку. Ему просто хотелось говорить. Дилворт. Отаго. Окленд. Поездка за границу в Корпус-Кристи (ей нравилось слово «корпус», такое оно было красивое и основательное). Еще год за границей, когда он получил грант и встретил тех, кто мог чего-то добиться. Сотрудничество с правительством Новой Зеландии и Азиатско-тихоокеанским экологическим агентством, возвращение в лабораторию в пригороде Грейтауна. Они смеялись, что заморозка вроде бы работает. «Мы все думали, что это забавно», — говорил он.

Он говорил: «Мы просто хотели тебя спасти. Ты сильно болела».

Он говорил: «Там были я, и А, и М — в начале. В принципе, у них были деньги и на большую команду, но только мы могли сделать то, чего они хотели. М — как врач, А — потому что разбирался

в глицерине-шесть лучше всех. Он мог заняться чем угодно, но застрял там со мной. И слава богу, потому что это он разговаривал с акционерами. Я во всем участвовал, но собрания были подобны смерти. Я ненавижу собрания. К прислали к нам следить за всякими контрактами, сдержками и противовесами и всем таким. Но ты же знаешь, чем это закончилось, она оказалась на нашей стороне еще до конца года…»

Он говорил: «Ты пойми, что до самого последнего года мы верили, что они доведут дело до конца. Мы знали, что план может сработать. В криокамеры Марк-Р легко могли поместиться одиннадцать миллиардов человек. Мы сократили процедуру до пяти часов на человека силами четырех специалистов. При наличии медицинского образования обучение заняло бы пару недель, поэтому люди не были бы проблемой, если бы начали сразу. Мы еще не до конца разобрались с вопросами беременности, но мы работали над этим. Конечно, на нас злились из-за графика и из-за денег, но они же всегда так делают. Мы придерживались правила: никого не оставить осознанно».

Он говорил: «Даже когда они стали строить другие корабли, нам в глаза говорили, что это ничего не значит, что их отправят в пояс Койпера, что

эвакуация будет доступна всему населению.

В деле участвовала Международная федерация астронавтики, Панъевропейское агентство дало свое благословение, все было ужасно мило. Мы даже одолжили им Г — на время, поговорить про внешнюю оболочку корпуса. М сказала, что ей это не нравится, она почуяла неладное. И знаешь, что я сказал? Знаешь, что я ей сказал? Я сказал: “Да не принимай так близко к сердцу”. Я сказал: “Не надо паранойи!” Я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: “Ты сама знаешь, что все заканчивается. И когда шесть триллионов это вдруг поймут, они помчатся туда, где есть кислород”. Вот что я ей все время говорил. “Они собираются туда, где есть чем дышать. Богатые эвакуируются”».

Он говорил: «Когда мне позвонили и сказали, что криопроект закрыт, она посмотрела на меня и просто сказала: “Вот и все, Джон”».

Во сне они сидели на пляже. Он разжег костер из сырых коряг. Дым оставил черные пятна на брезенте, натянутом у них над головами. Пепел все еще падал. Им стало больно, но ненадолго. Боль вообще всегда была недолгой.

Во сне она сидела рядом с кучей мяса — в основном там были бедра, — это мясо он резал, когда они вдруг чувствовали голод, что случалось

редко и всегда одновременно. В такие моменты они сидели бок о бок и ели, пока у них не начинали болеть животы. Они пили воду из моря, как собаки.

После паузы он сказал: «Знаешь, что хуже всего? Она плакала. Она и А. Оба плакали. В объятиях друг друга. Как дети. Они обгадились от страха. А я сидел там и ничего не мог сделать. Все, что я сделал, все, чем я был… и я ничего не мог».

Он надолго замолчал. Море облизывало песок. Волны слегка светились, хотя солнца никакого не было, только плотная желтая туча висела в небе.

Она поторопила: «И что ты сделал?»

Он сказал: «Ужасную вещь».

Она сказала: «А когда мы дойдем до той части, где ты меня ранил?»

Он сказал: «Скоро».

Она сказала: «Я все еще люблю тебя».

И во сне он потер висок и сказал:

— Ты всегда так говоришь, Харрохак.

День первый

О Ноне – Табаско начеку – У города плохой день – Нона слушает сказку на ночь – Пять дней до открытия Гробницы

1

В конце никакого года она и правда много думала об этом. Человек, который присматривал за ней, нажал кнопку на диктофоне и сказал: «Старт».

Она зажмурилась и начала привычную скороговорку:

— Раскрашенное лицо надо мной. Я в безопасной воде — я лежу, наверное. Что-то давит на меня. Вода закрывает голову и стоит во рту. Поднимается до носа.

— Больно?

— Нет.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне нравится. Мне нравится вода, мне нравятся ее руки.

– *Ее* руки?

— Ну, они обнимают меня. Может быть, это мои руки.

Карандаш слышно царапал бумагу.

— А что насчет лица?

— Это лицо с рисунка.

Набросок, который они для нее сделали, тот самый, запертый в секретном ящике, куда скла-

дывают все самое интересное: сигареты, поддельные удостоверения личности и деньги, которые, по их словам, не были настоящими и их нельзя было использовать. Карандаш послушно бежал по странице. Сложно было не открыть глаза и не посмотреть на девушку напротив, поэтому она развлекалась, представляя, что увидит: загорелые уверенные руки на блокноте, склоненная над ним голова, заколотая в ожидании стрижки челка. Воображать было лучше, чем смотреть, потому что лампу никто не включил.

Она спросила:

— Что ты пишешь? — потому что карандаш продолжал двигаться. Большую часть времени текст был интересным, но порой встречались просто скучные описания выражения ее лица, типа: «0:24 — улыбнулась».

— Всякие мелочи. Продолжай, ты поздно проснулась.

— Можешь поменять мелодию будильника? Я уже способна спать под «Доброе утро, доброе утро».

— Конечно. Буду швыряться в тебя мокрой губкой. Думай дальше.

Она думала дальше.

— Руки крепко обнимают меня. Это точно ее

руки.

— Ты ее знаешь?

— Может быть. Не уверена.

— Тогда почему «она»?

— Я не знаю.

— Что будет потом?

— Не знаю.

Долгая пауза.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Все уже ушло. Прости, Камилла.

— Ничего.

Камилла Гект отжала кнопку с ярким и резким пластиковым щелчком. Это был сигнал, и она начала действовать. Правило гласило, что ей необходимо лежать неподвижно и изо всех сил концентрироваться с момента, как кнопка пошла вниз, до момента, когда она вернулась в изначальное положение. Когда она поднималась, ночную одежду полагалось снимать. В бледном дрожащем свете крошечного фонарика, прикрепленного к блокноту Кэм, она одевалась и раздевалась одновременно. Она стянула с себя ночную рубашку и ногой придвинула к себе брюки. Камилла называла такие ее движения червем-инвалидом.

Жизнь червя-инвалида ее не смущала. Воз-

можность одеться самостоятельно сама по себе была достаточно чарующей. В плохие времена ей приходилось помогать даже с ночной рубашкой, потому что она могла застрять в ней и покрыться потом от приступа клаустрофобии. Очень важно было, чтобы это не повторялось. За всю жизнь с ней случилось всего две истерики, но третья стала бы слишком унизительной. Она немного повозилась, застегивая жилет, но зато прекрасно справилась с песочной рубашкой с УФ-фильтром, даже манжеты застегнула, а это сложно. Если бы она ошиблась, ей пришлось бы снимать рубашку в ванной, в потоке желтого песка. Брезентовая куртка с застежками совсем ее не замедлила.

— Хорошо, быстро, — похвалила ее Камилла.

Она так устала от похвалы, что рухнула обратно на матрас.

— Буду делать растяжку, — поспешно объявила она, пока ей не приказали что-нибудь еще. Она подняла ноги, потянула носки на себя и, как ее учили, стала обводить ступнями пятна воды, видимые на штукатурке. Сырая зима уже закончилась, но огромное темное пятно в углу так и не высохло. Она говорила всем, что надо бы обратиться к хозяину дома, но ей отвечали, что тот, кому удалось хотя бы увидеть этого хозяина,

уже заслужил золотую медаль.

Камилла не выразила ни одобрения, ни порицания, поэтому она сказала более решительно:

— Ноги прямо горят.

Она надеялась, что Кэм возьмет ее за лодыжки и потянет их вперед, пока ее колени не коснутся груди, а сухожилия не натянутся так, как будто сейчас лопнут со щелчком. Приятнее этого ничего в мире не было. Если бы ей по-настоящему повезло, Камилла помассировала бы ей икры, которые всегда болели от ходьбы, или даже спину, хотя это обычно случалось после тренировки. Но Камилла была занята своими записями и не обратила внимания на ее шевеления пальцами. Она даже повторила упражнение и сказала ей еще раз, погромче:

— Очень больно, господи.

— Надо ходить больше, — отозвалась Кэм не глядя.

— У меня судороги. Я не могу шевелиться.

— Значит, и в школу не пойдешь.

Она поняла, что проиграла.

— Да встаю я, встаю.

Чтобы подчеркнуть свои слова, она выгнула спину и вскочила, только чуть-чуть оттолкнувшись руками. Она много тренировалась и, когда

смогла встать одним движением, была в совершенном восторге. Но Камилла сказала только:

— Не перенапрягайся. — И добавила совсем неприятное: — Посмотри, не надо Пирре помочь с завтраком?

— Хорошо. Хотя она, наверное, уже закончила, мы целую вечность возились. Может, еда уже остыла, — добавила она, измученная желанием.

Камилла на мгновение оторвалась от блокнота и критически посмотрела на ее голову — растяжка и прыжки прическу не улучшили — и добавила:

— Пусть она поможет тебе причесаться. У меня есть разговор.

— Отлично! Я найду время.

— У меня есть хронометр.

— Кэм, это звучит странно, никто здесь не называет это хронометром. Они говорят «часы».

— Приятно слышать. Не пытайся прогулять завтрак.

Она попыталась схитрить.

— Хотя бы напиши: «Я люблю тебя, Паламед» от меня? Пожалуйста? «Я люблю тебя, Паламед. Нона».

Камилла Гект сделала это не моргнув глазом, хотя Ноне пришлось принять ее слова на веру.

Она присела на корточки, глядя на быстро бегущий по бумаге карандаш, но не смогла разобрать ни одного слова. Она не различала даже буквы, не могла узнать даже алфавит. Это интересовало всех, кроме нее самой. Но Кэм всегда можно было доверять. Когда карандаш замер и послание было, очевидно, закончено, Нона наклонилась и сказала:

— Спасибо. Я тебя тоже люблю, Камилла. А ты уже знаешь, кто я?

— Та, кто опоздал на завтрак, — ответила Камилла.

Но когда Нона встала, она повернулась к ней и улыбнулась редкой короткой улыбкой — так солнце вспыхивает на окнах автомобиля, несущегося по автостраде. Кэм теперь так редко улыбалась, что Нона сразу почувствовала, что день будет хороший.

На кухне было не светлее. Голубоватый свет пробивался сквозь щели в шторах, а старая плита мерцала тускло-оранжевым, но ее почти загораживал другой человек, с которым она делила квартиру. В какой-то из соседних квартир рыдал, возмущаясь утром, ребенок, поэтому Нона шла на цыпочках, чтобы не умножать шум. Соседей внизу бесили громкие звуки, а Пирра говорила,

что они связаны с ополчением и что лучше их не злить, потому что у них похмелье девяносто процентов времени. Это было несправедливо, потому что сосед сверху никогда не снимал обувь в доме, а это, несомненно, значило, что они могли на него жаловаться. Но Пирра утверждала, что его тоже не стоит злить, потому что он полицейский. Всю ситуацию в целом Пирра именовала сэндвичем с дерьмом. Она всегда знала все обо всех.

— Все сделала? Отличное время, — сказала Пирра не оборачиваясь.

Пирра держала в руке распылитель с маслом, направленный прямо на сковородку, где она ворочала бледную пену лопаточкой. На ней были пижамные штаны и жилетка, а рубашки не было, поэтому оранжевое сияние конфорки освещало шрамы на ее жилистых руках. Потом она пошарила в шкафу рукой в поисках продуктов, и Нона подошла и начала отсчитывать тарелки.

— Это для оладьев? — спросила она.

— Возьми глубокие. Это яйца, — ответила Пирра.

Вблизи Нона почувствовала запах масла и увидела, как Пирра агрессивно болтает вилкой в стакане с ярко-оранжевой жидкостью, радиоактивно светящейся в темноте, а потом

выплескивает ее на зашипевшую сковородку. Там, где жидкость коснулась горячего края, сразу образовалось желтое кружево. Нона заменила тарелки на две щербатые миски, и Пирра спросила:

— А считать в твоей школе не учат?

— Пирра, тут так жарко. Можно мне что-нибудь холодное?

— Конечно. Подожди, пока яйца остынут.

— Фу, я не это имела в виду.

— Выбора нет, малышка. Что тебе снилось?

— Все как обычно, — сказала Нона, неохотно беря еще одну миску, — хорошо бы хоть раз увидеть во сне что-то другое. Ты видишь сны, Пирра?

— Конечно. Буквально прошлой ночью мне приснилось, что мне нужно провести брифинг, но на мне не было штанов, и все видели мою задницу, — ответила Пирра, краем лопатки раздвигая ослепительно-рыжую жижу.

Нона захихикала, а Пирра торжественно добавила:

— Это не смешно, дитя мое. Я знала, что со мной все будет в порядке, пока я на трибуне, но не представляла, что буду делать, когда придется снова сесть. Думала, что умру.

— Ты серьезно или шутишь? — требовательно

спросила Нона, отсмеявшись в очередной раз.

— Смертельно серьезно. Но все равно учти, что это тоже шутка про задницу, можешь галочку поставить.

Нона была настолько счастлива, что встала из-за стола и подошла к большому листу коричневой бумаги, пришпиленному к стене, и взяла карандаш. Подождала, пока Пирра скажет:

— Ряд выше, налево, стоп, — и поставила кривую галку.

Пересчитав их, она заметила:

— Седьмой за месяц. Но это несправедливо, ты ведь все время придумываешь новые. Паламед скажет, что ты искажаешь данные.

— Не могу отказать девушке, — пояснила Пирра.

Она выключила плиту и выложила часть содержимого сковородки в миску Ноны, а потом поставила сковородку обратно на плиту, накрыв ее полотенцем, чтобы не остыло. Вытерла руки и сказала:

— Ешь. Я помогу тебе причесаться.

— Спасибо, — сказала Нона, благодарная за понимание, — Кэм велела попросить тебя. А можно мне косички?

— Как изволит моя леди.

— Можно одну большую косу и две маленькие по сторонам от нее?

— Конечно, если времени хватит.

— Они не распускаются, в отличие от простых кос. — И в порыве искренности Нона добавила: — А еще я так не буду жевать концы. Я хочу держаться подальше от искушения.

— Как и все мы. Мне нужно перестать мучить себя, глядя на ящик для сигарет.

— Ой, только не надо снова о пассивном курении, — расстроилась Нона, но потом решила, что это было слишком резко, — в любом случае курить вредно, а я тебя люблю, Пирра.

— Докажи. — Это означало, что ей придется съесть яйца.

Нона ела, а Пирра короткими быстрыми движениями расчесывала ей волосы, которые падали Ноне на плечи тонким черным плащом. Они спадали почти до пояса, были мягкими и тонкими, как вода. Каждый четвертый день стрижки ее стригли, но не *каждый* день стрижки, потому что ей было больно и потому что длинные волосы растут медленнее, как сказала Камилла. Камилла и Пирра обе носили короткие стрижки, которым она завидовала. Темно-русая Кэм прямо обрезала волосы на уровне подбородка, и они мягко ще-

котали щеку, а если Пирра не успевала побрить голову, у нее вырастал коротенький ежик цвета темной терракоты, мокрой красной земли на строительной площадке. Пирра вся была цветов этой площадки: иссохший коричневый, пыльные комки глины, ржавый металл. Она была грубой, жилистой, с квадратными плечами, а Камилла — длинной, мрачной и худой. Нона полагала, что они обе прекрасны.

Камилла вошла, когда Пирра заплетала первую косу, а Нона уже начала жевать яйца — мучительный шаг на пути к тому, чтобы их проглотить.

— Яйца? — жалобно спросила Камилла. — Мы разве не изобрели новый белок?

Это значило, что говорит не Камилла.

Проще всего было узнать их по глазам. Паламед смотрел на мир спокойными холодными глазами коричневато-серого цвета, похожими на голую землю морозным утром в детстве Ноны, а у Камиллы были самые ясные в мире серые глаза, как лед из сказок, а не обычный, мутный.

Нона могла отличить их друг от друга с другого конца комнаты, и она этим гордилась, потому что в остальном их тела были одинаковы. Разница заключалась в том, как они стояли: Камилла не могла устоять на месте и постоянно переносила

вес с ноги на ногу и щелкала пальцами, а Паламед словно бы играл в «Горячий шоколад» и вода смотрела прямо на него. Ее друзья любили «Горячий шоколад», и Нона очень хотела научиться играть как следует.

— Черный рынок мяса, только сейчас. — Пирра начала плести вторую косу.

Паламед бросал в кружки шероховатые крупинки растворимого кофе.

— Кофе, Нона? — рассеянно спросил он, хотя она всегда вежливо отказывалась (он любил давать людям выбор) и даже дождался, пока она ответила: «Нет, спасибо», прежде чем налить кипятку в две кружки. Молока не было, кончилось. Одну кружку он поставил так, чтобы Пирра могла до нее дотянуться — она как раз наклонилась к столу за шпилькой, — и оставил вторую себе. В душной кухне от них шел пар, и Ноне нравился приятный горьковатый запах кофе. Пирра продолжила:

— Это же мясная рулетка. Из того, что мясник придерживает, мякоти процентов десять, а остальное — всякий ливер и хрящи.

— Что такое мякоть? — захотела выяснить Нона.

— Очень питательная часть, — пояснил Па-

ламед.

— Та, которую все видели в моем сне, — добавила Пирра.

Это снова разозлило Нону, и ей пришлось оторваться от яиц, встать и сделать еще отметку в счетном листе. Паламед рассеянно посмотрел на него:

— Боже мой, две штуки в день? Почему мы вообще в чем-то сомневаемся? Забудь о мясе, я пошутил. У нас не было бы на него денег, даже если бы я зарабатывал на жизнь написанием жесткой порнографии.

— Ты бы попробовал, — сказала Пирра, — эти никотиновые пластыри меня убивают.

— Если это должно вызвать у меня чувство вины, то я ничего не чувствую, спасибо. Тело Кэм — храм. Это она запретила мне торговать плохой эротикой. Говорит, что не хочет, чтобы нашим последним подарком Вселенной стали истории о людях, елозящих задницами по тортам. Кстати, Пирра, у тебя найдется минутка? Вчера ты появилась слишком поздно, чтобы разговаривать.

— Время закончилось, — объяснила Пирра, — эти проклятые учения прекращаются раз в полчаса, чтобы мы могли укрыться.

Нона почувствовала, как шпилька крепит к ее

голове последнюю косичку и как волосы разглаживает обветренная рука.

— Освобождай уже тарелку, Нона, — велела Пирра и взяла кофе, а Паламед положил себе яиц. Они с Паламедом вместе с завтраком вернулись в спальню и закрыли за собой дверь.

Пока их не было, Нона рассматривала яйца. Они были желтого цвета, с черными пылинками перца. На них можно было налить сколько угодно жидкого огненно-красного соуса, но этот вкус Ноне не нравился. Потом она посмотрела на окно за шторами — оно было приоткрыто, ложка бы между створками точно пролезла. В конце концов, Пирра велела освободить миску. Но Паламед говорил, что ей доступны абстрактные понятия, а следовательно, буквальные интерпретации не могут служить защитой. Она снова посмотрела на яйца. В качестве добродетельного компромисса отправила в рот три ложки и бесшумно подошла к закрытой двери. Неоправданно жестоко было ждать, что она будет есть *и* не будет подслушивать.

— …оздно говорить о сроке, — сказала Пирра, — если они хотят ее раньше, это желание может оказаться опасным. Они дали нам год.

Затем они оба отошли от двери, и слушать

стало труднее.

— Твоя се…

Паламед говорил чуть ниже Камиллы.

— …оворит, несколько парней прочесывают зону Б… может, завтра мы…

— …обещали в зоне С, мы знаем, что им принадлежит зда…

— …сначала безопасные точки. Чем ближе мы к казармам… тем вероятнее то, что мы ищем…

Они продолжили говорить, но оба понизили голос, так что Нона слышала только невнятное бормотание. Набив рот яйцами, она изо всех сил прижала ухо к двери и была вознаграждена словами Паламеда:

— …могли ворваться в казармы в любой момент. Они держатся. Почему?

— Ты знаешь почему, — прошептала в ответ Пирра. — Как только они войдут туда и выгонят последних бедолаг, занятых дележом крыс и успокоительных, это поставит огромный черный крест на переговорах. Когорта умирает, как и все осажденные. Рано или поздно.

— Тогда это наш последний шанс изменить ситуацию. Приказывай, командир.

Пирра громко жевала.

— Я перестала быть командиром, когда умерла,

Паламед. В любом случае это было вежливое обращение, и здесь целая куча командиров, если они тебе нужны.

— Пирра, почему они бегут сейчас? Зачем Крови Эдема бежать, имея на руках лучший расклад в своей истории? Почему они бегут, когда здравый смысл, законы тактики и интуиция должны орать им, что сейчас лучший момент, чтобы выступить? Время, которое ты потратила… все твои идеи, а таких ни у кого нет… только не говори, что ты даже ничего не подозреваешь.

— Ты не ханжа. Говори как есть. — Голос у Пирры был обычный — глубокий, приятный, с хрипотцой, но все же она явно подразумевала что-то, чего Нона не могла толком понять. Она поняла бы лучше, если бы увидела Пирру. — Я все это время спала с врагом и ничего за это не получила, да? Кровь Эдема — это дом с кучей комнат, а я побывала только в одной. Конечно, предположения у меня есть.

— Тогда тебе придется сообщить нам…

Раздался скрежет металла о пластик, как будто кто-то ковырял ложкой яйца в миске.

— Нет. Нет, если существует какой-то риск, что вас двоих будут допрашивать.

— Не надо обращаться с нами как с детьми.

— Детьми? Я отношусь к тебе как к Стражу Шестого дома и его рыцарю, которых не учили выживать на допросах Крови Эдема. Не воображай, что тебе будет проще, раз уж ты в теле Камиллы. Вы понятия не имеете, что такое их пытки, и у нас нет пяти лет, за которые я могла бы тебя научить.

— Пирра, перестань говорить, что у тебя нет времени учить нас, и просто начни учить. Мы быстро схватываем.

Послышался звук глотка. Пирра всегда пила громко. Она говорила, что до сих пор не привыкла к своим зубам.

— Я могла бы научить тебя тому и сему, но для обучения Камиллы мне нужен мой некромант.

— Зачем?

— Потому что ты хочешь научиться быть ресурсом, а Кэм — убийцей.

Наступила короткая пауза, а потом Пирра медленно сказала:

— Или ты мог бы принять мое первое предложение, которое решило бы многие твои проблемы.

Паламед заговорил самым тихим голосом, на который была способна Камилла, и расслышать его стало совсем сложно:

— Это было прекрасное предложение, Пирра,

но почти бесполезное. Мы не можем бросить все свои силы на поиск и восстановление. В любом случае Эдем обрушится на нас, даже здесь. Нам нужно действовать с умом.

— Действовать с умом — это сосредоточиться на поисках и эвакуации, а не упираться в казарму. Кэм это не поможет. Она страшно злится, хуже даже, чем ты, — и это ни к чему не приведет.

— Спасибо за то, что понимаешь моего рыцаря, — вежливо ответил Паламед.

Короткий смех.

— И он снова ледяной. Я слишком стара, чтобы бояться кого-то оскорбить, Паламед, так что быстренько прости меня и давай двигаться дальше. Скажу прямо. Забудь о казармах и не пытайся стать героем. Мы проиграли этот бой.

— Проиграли? Там еще может быть человек двести.

— Оптимистично.

— Если бы их было двое, я бы с тобой согласился. Мерзкий способ подохнуть. Для Дома или для кого-то еще. А когда все это кончится… потоп.

— Эй, нам нужна какая-то передышка. Это может вскрыть нарыв.

— Ты не можешь по-настоящему в это верить.

— Нет. Это будет первая кровь, — сказала Пир-

ра и отхлебнула еще глоток, — я знаю, как это бывает. Слышал бы ты вчера демокоманду. Эти люди просто вне себя. Ждут начала драки, готовы на все ради Домов. Один парень сказал, что все закончится, как только зачистят казармы, другой — что был счастлив увидеть Когорту, если бы они просто привезли припасы и уничтожили бы банды. Половина моих ребят задушила бы другую половину под этим предлогом. Вот что происходит, когда беженцам с двадцати разных планет приходится жить бок о бок друг с другом, а ты продолжаешь считать, что общая угроза объединяет людей. Она всегда совершала эту ошибку. Я говорила ей двадцать лет назад. Это прекрасно работает в краткосрочной перспективе, но чтобы удержать людей, надо дать им идею будущего. Паламед, мы сами совершаем эту ошибку. Ты можешь получить казармы либо своих людей. Либо ничего. Нельзя просто заявить, что хочешь и то и другое, и ожидать, что Вселенная тебя послушается.

— Пирра, по-моему, ты предлагаешь сдаться.

— Да ты что? Ты же знаешь, что я готова. Происходит полное дерьмо. Я готова увезти Нону за пределы этого мира, как только ты осознаешь, как обстоят наши дела.

— Нельзя выйти за пределы мира.

— Знаешь про такую штуку, как корабль?

— Если ты прячешь корабль в штанах, поделись им с остальными, а? — Он слегка повысил голос: — Даже если не спрашивать как, куда нам деваться, Пирра? Что нам делать?

— Куда угодно. Что угодно. Я уже десять тысяч лет не в строю. Я готова на все.

Наступило короткое молчание, а затем снова послышался глоток. Потом Паламед заговорил снова, очень серьезно:

— Знаешь, это ложная дихотомия. Это все разные уровни одного и того же захвата заложников. Три миллиона человек толпятся на танергетическом планетоиде в миллионах километров от нас. Только в этом городе девять миллионов человек…

— Которых ну вот совсем никак нельзя назвать твоими.

— Девять миллионов, Пирра, это эквивалентно Седьмому и Восьмому домам, вместе взятым. Три миллиона человек плюс девять миллионов человек плюс шестнадцать. Мы не бросим никого из них.

— Ты очень великодушен. А знаешь, кому плевать? Крови Эдема и мне. Если бы ты попросил

меня выбрать между нами тремя и этими двенадцатью миллионами плюс шестнадцать, я бы выбрала нас не моргнув глазом. Ты меня не слушаешь. Кровь Эдема делает этот выбор, Паламед. Ценой страданий проиграла. Пробудившиеся и Ктесифонское крыло не смогут защитить нас. У крыла Мерва хватит яиц, и это выход. Надеющиеся сейчас на коне. И я и раньше видела лидеров вроде Неправедной надежды. Такие ребята всегда выходят на первый план, когда народу нужны лидеры, не считающиеся с потерями. Впереди зачистка, Секстус. Это Кровь Эдема, и им плевать на все.

— Да они и раньше не были особо милосердны.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Ты никогда раньше не видел Кровь Эдема. Все время своего существования они ставят на карту решительно все, лишь бы прожить еще один день… и я не уверена, что хочу знать почему. Потому что знаешь что? Гидеон мертв, и мне на все насрать. Или нет, если я смогу спасти наши шкуры.

— Я тебе не верю.

— А придется. Я знаю маленькую луну, раздолбанную только наполовину. Там хорошая почва и пригодный для дыхания воздух. Гидеон думал туда сбежать. Я умею возделывать землю. Могу

научить тебя, Кэм и Нону. Я могу научить вас ждать. Это моя профессия. И как только мне в руки попадет корабль, туда я нас всех и отвезу.

Раздался шорох, а потом приглушенно, как будто из кармана, заблеял таймер. Паламед что-то тихо буркнул — Нона знала, что это ругательство. Потом быстро сказал:

— Мое время вышло.

— Это приятнее всего, правда? Вот так уходить от неприятных разговоров. — И почти сразу добавила потише: — Прости за шутку, Страж. Забыла, что ты к такому не привык.

— И никогда не привыкну, сама понимаешь. Слушай, ты опоздаешь на работу, а Нона — в школу.

Пирра понизила голос, и Нона уловила только:

— …очешь, чтобы она…

— Я хочу, чтобы она оставалась максимально спокойной. Может, остановимся на зоне Б?

— Будет сделано к концу дня, даже если мне придется заканчивать самой. Не волнуйся.

Нона посмотрела на остатки желтых комков в миске и тихо сунула в рот половину — она прикинула, что если проглотит все сразу, то и не подавится, и вкуса не почувствует. Она не могла издать даже самого тихого звука, но Камилла

— она сразу поняла, что это снова Камилла, — крикнула изнутри:

— И долго ты подслушиваешь, Нона?

— Вы говорили очень громко, так что почти все время, — ответила Нона с набитым ртом.

— Тогда тебе лучше съесть свой чертов завтрак, — отозвалась Пирра.

Камилла стояла у кухонной стойки и механически тыкала ложкой в свой недоеденный завтрак, пока Нона разворачивала стерильную таблетку и кидала ее в ведро с серой водой для мытья посуды. Пирра поставила зеркало на стол и начала бриться. Нона любила чистый, яркий запах мыла для бритья, и ей нравилось смотреть, как Пирра быстро и умело убирает тень красновато-коричневой щетины со щек и области вокруг рта, и маленькие влажные красные пятнышки, остававшиеся от этого, ей тоже нравились. Когда она потянулась прикоснуться к гладкой щеке, пятнышки уже прошли, а Кэм стояла у дверей.

— Шляпы, — сказала она, и Нона покорно сняла с вешалки и раздала всем шляпы. — Маски. — Последовало то же самое.

Шляпы были ужасные, с большими полями, с тканевой защитой для шеи сзади, с завязочками. Нона часто мечтала сжечь свою — в конце

концов, зачем им нужны были шляпы и маски? Зачем было делать из них целую проблему? Нона даже не кашлянула бы, если бы ветер кинул дым прямо ей в лицо, а Пирра вряд ли бы сгорела, ее кожа и так была темно-коричневой. Пока Камилла расправляла вуаль на своей шляпе, Нона отвлеклась на окно. Свет ярко сиял сквозь маленькие дырочки, а сквозь разрывы побольше виднелось небо.

Небо над городом раньше имело густой желто-ирисочный цвет, но теперь он остался только на краю горизонта: синева растеклась, как пятно по ковру, даже свет посинел. Нона воспользовалась моментом, чтобы незаметно раздвинуть шторы и взглянуть на мир снаружи между рваной защитой от снайперов. Синий свет стал сильнее, и Камилла резко сказала:

— Нона!

Она поспешно опустила шторы.

Пирра, уже в маске, остановилась перед дверью, взявшись за нее жилистой рукой.

— Перекличка. Пароль этой недели?

— Грязные подробности, — отозвалась Камилла.

— Отзыв?

— Дедвейт, — сказала Нона.

— Идеально. Ваша база, если штука в небе вдруг перестанет нас разглядывать?

— Подземные туннели возле рыбного рынка, — сказала Камилла.

— Канава под большим мостом, — сказала Нона.

— Десять баллов каждой. И что вы там будете делать?

— Прятаться, пока не придешь, — ответила Нона, а потом честно добавила: — И спасать всех животных поблизости, если они размером не больше коробки и сами шерстяные, а не волосатые.

— Полбалла. Никаких животных, ни волосатых, ни шерстистых. Кэм?

Камилла закончила надевать шляпу и теперь нацепляла огромные темные очки, которые специально хранила, хотя они вечно спадали с носа и ушей. В них Паламед и Камилла выглядели ледяными и циничными, и, как говорил Паламед, они решали проблемы фантомных болей. Без них он вечно поправлял на носу что-то несуществующее. Нона считала, что Камилле они втайне нравились.

Камилла поправила очки, обдумала вопрос и сказала:

— Драться.

— Ноль баллов, Камилла. Если ты вступишь в бой с Вестником, ты не вернешься домой.

— Это ты так считаешь.

— Эта теория подкреплена данными. Гект…

— Если Камилла будет драться, мне придется забрать всех собак, — решительно сказала Нона, — даже волосатых.

Пирра в немой молитве подняла глаза к потолку и громко выдохнула в маску.

— Раньше я руководила всем Бюро, — сказала она, ни к кому не обращаясь, — а теперь разбираюсь с героями-недоучками и волосатыми псами. Такого наказания она бы для меня хотела. Да она обоссалась бы от смеха. Пойдем, детки. Не собираюсь я дожидаться настоящей жары.

2

Пирра работала ради Ноны, Камилла присматривала за Ноной, а Паламед учил Нону, и все потому, что она была не просто каким-то человеком, а, вероятно, одним из двух других людей. Нона не знала ни одного из своих настоящих вероятных имен. Паламед говорил, что в этом нет надобности. Одна из причин, по которым ее назвали Ноной, была в том, что, когда ее спасли, она постоянно твердила «нет, не». «Нене» трансформировалось в Нону, а еще это слово означало «Девять», а девять — очень важное число.

Что она точно знала, так это то, что ее тело принадлежало одному из двух людей, и это тело ее очень интересовало. В зеркале она видела кожу цвета коробки от яиц, глаза цвета яичной смеси и волосы цвета подгоревшей яичницы. Честно говоря, Нона считала себя великолепной. У нее было тонкое сложное лицо и несчастный рот со слишком легко опускающимися уголками, красивые белые зубы, улыбка, которая казалась грустной, как бы счастлива ни была Нона, и изогнутые черные брови, как будто она постоянно хотела задать какой-то вопрос. Нона разговари-

вала со своим отражением прямо сейчас. Когда она была моложе и менее застенчива, иногда она даже прижималась лицом к зеркалу и пыталась дотянуться до своего отражения. Однажды Камилла застала ее за этим поцелуем и сделала около шести страниц заметок — это было очень унизительно. Очень тяжело не иметь ни единого секрета и знать, что о любом твоем поступке напишут целую книгу.

И если записей о том, как она целует себя, у Камиллы было шесть страниц, то о ее глазах — страниц двадцать. Яично-желтые глаза Ноны принадлежали другому человеку — другой девушке. Так работали все их тела, не только ее. Все четыре пары их глаз принадлежали другим людям. Глубокие карие глаза Пирры достались ей от ее мертвой лучшей подруги, ясные серые глаза Камиллы были глазами Паламеда, а его зимние глаза — ее глазами. Глаза Ноны были цвета теплого золота, как небо в полдень — ну, такими, каким раньше бывало небо в полдень.

— Понимаешь, — объяснил Паламед, — глаза — последний подарок. Когда ты отдаешь себя другому, его душа проявляется в твоей цветом глаз. Вот почему я никогда не смогу смотреть с лица Камиллы своими глазами.

— Значит, внутри меня кто-то есть? Я имею в виду — и я, и есть кто-то? — На этом она всегда спотыкалась.

— Может, да, Нона, а может, и нет. Глаза могут также показывать, что душа в чужом теле временно. Твои янтарные глаза могут значить, что ты как мы с Камиллой. Или что-то другое. Но ты испытала… серьезный стресс.

— Может быть, я просто потеряла память, — с сомнением сказала Нона.

— Такое случается, — не очень уверенно согласился Паламед.

Ей было все равно, чьи это глаза, но она была немного тщеславна, и ей важно было быть красивой. Она рано поняла, что другие тоже считали ее красивой. Однажды давным-давно, когда она стояла в очереди за каким-то моющим средством, а Камилла искала что-то еще, что они забыли, человек позади сказал:

— Эй, красотка, и где ты была всю мою жизнь? — И долго смеялся, когда Нона честно ответила, что не знает. Они стояли совсем близко, и он невзначай коснулся ее бедра, примерно там, где она заправила рубашку в штаны. В магазине было очень много людей, все ждали чего-то, все проходы были заставлены, и еще были специальные

люди, которым магазин платил, чтобы никто ничего не украл, и на Нону никто и не смотрел.

Когда Камилла вернулась, человек все еще пытался говорить с Ноной, и Ноне пришлось рассказать Камилле, что он ей сказал, и Камилла посмотрела ему прямо в глаза и небрежно коснулась рукояти ножа, висевшего на ремне, и человек немедленно ушел в конец очереди.

— Если кто-нибудь когда-нибудь прикоснется к тебе… не я, не Паламед и не Пирра, — сказала ей позже Камилла, — уходи. Найди кого-нибудь из нас. Ты не знаешь, чего они хотят.

— Он хотел увидеть меня голой, — возразила Нона, — это про секс.

Камилла издала какой-то звук и сделала вид, что закашлялась, а потом выпила целый стакан воды.

— И откуда ты это знаешь?

— Ну, так люди на тебя смотрят, когда хотят увидеть тебя голой, — объяснила Нона, — да и пофиг в общем.

Камилла помолчала, а потом сказала, что это плохая идея — позволять незнакомым людям видеть себя голой и что не стоит поощрять никакие сексуальные действия. Она сказала, что секс — это нормально. Она сказала, что в мире и так

достаточно проблем. Она сказала, что хватит и того, что она постоянно помогает Ноне в ванной. И сделала еще кучу заметок.

Это было после того, как Нона научилась говорить, но до того, как она начала становиться полезным членом общества. В те первые дни было сложно жить с Пиррой, Паламедом и Камиллой и чувствовать, что не можешь внести никакого вклада. Они так старались для нее. Пирра отлично умела планировать, и у нее были золотые руки, а еще она за пять секунд могла убедить кого угодно в чем угодно, так что они довольно долго жили на ее карточные выигрыши. Она рулила ими с военной эффективностью, как выразилась Кэм. Это Пирра заставляла их учить кодовые слова и пароли, которые менялись раз в неделю. По выходным Нона выбирала новые слова, потому что это помогало ей их запоминать. Пирра также придумала им особые кодовые слова на экстренные случаи: если вас кто-то преследует («красная ленточка») или кто-то подслушивает («оладьи»). У них даже было кодовое слово для «важный ресурс, помоги мне его раздобыть» («рыболовный крючок»), но Паламед сказал, что Пирре стоит перестать воспринимать сигареты и спиртное важным ресурсом, поэтому это слово

не использовали целую вечность.

Пирра умела готовить и вообще была очень крутой. Если подняться на крышу дома и положить мраморный шарик на вершину колонны, она могла закрыть глаза, поднять пистолет, выстрелить в шарик с другой стороны крыши и попасть. В последнее время она не делала этого даже по просьбе Ноны, потому что патроны были очень дороги (но намного дешевле мяса). Так что Пирра умела зарабатывать деньги и стрелять. Еще она прекрасно владела мечом, но никогда не прикасалась к нему, не задернув шторы и не заперев дверь. Мечи они спрятали в тайнике в шкафу.

Камилла владела почти любым оружием, особенно хорошо — ножами, но она не стала бы бросать нож в мраморный шарик, а просто спросила бы: «А что он мне такого сделал?» — и улыбнулась красивой короткой улыбкой. Паламед говорил, что это типично для нее. Кажется, не было ничего такого, с чем Камилла не справилась бы после нескольких попыток, будь то стирка, запуск грузовика, необходимость открыть дверь без ключей или сказать пьяному мужчине из дальней квартиры, что им не нравится, когда он бьет свою партнершу, — каким-то мистическим

образом это заставило мужчину уехать навечно.

Паламед умел думать. Он говорил, что это его любимый трюк.

Но Нона не умела ни стрелять, ни драться, ни думать. Она просто была хорошей, да и то не всегда. Ноне не нравилось, когда говорили, что у нее дурной характер, если учесть, что она устроила всего две истерики за жизнь, и то ни одной не помнила. Даже если бы она этим гордилась, двумя истериками особо не похвастаешься.

Каждый день она держала в руках меч, пока ей всерьез не надоели мечи, но она так и не научилась им владеть, даже самым длинным и тонким. Камилла хотела научить ее фехтовать как следует, но Пирра велела не делать этого, чтобы они заметили, если что-нибудь вдруг вернется.

Нона не умела показывать запретные фокусы с костями, хотя Паламед владел серыми кусками плоти почти так же, как Камилла — мечом. Ей приходилось держать их в руках и слушать всякую ерунду, которую он нес.

— Вообрази, что можешь растянуть кость. Растяни ее. Представь, что ты касаешься ее изнутри. Вскрой ее.

Он никогда не ругал Нону за то, что она не может сделать ничего, что он говорил, но вел себя

так, как будто это очень интересно.

Вначале она почти ничего не умела делать, но со временем вспомнила, как застегивать рубашки, завязывать шнурки, намыливаться в ванне и наливать воду в стакан так, чтобы рука не дрожала и вода не выплескивалась. Стыдно было вспоминать, как мало она могла в самом начале. В те очень медленные первые дни она была очень расстроена. Но теперь она умела почти все. Она знала всякие важные вещи — что положено делать в какое время дня и что не положено и что человеческие уши не настолько интересны, чтобы совать в них пальцы. В те первые дни Паламед, Камилла и Пирра часто смотрели на нее ошеломленно, теперь они порой удивлялись, но уже не шокировались, и часто она заставляла их смеяться.

И теперь они ее трогали, иногда даже без прямой просьбы. Пирра могла внезапно грубо обнять ее или подхватить своими крепкими жилистыми руками и усадить на диван. Паламед укрывал ее одеялом, когда она ложилась в постель, и аккуратно подтыкал его по углам. Если она, идя по улице рядом с Камиллой, брала ее за руку, Камилла сжимала ее руку в ответ. Нона не понимала, как остальные люди ходят и вообще живут, прикаса-

ясь друг к другу только по необходимости. Когда Нона спросила об этом, Камилла объяснила, что это потому что людям надо бы чаще мыться.

Нона теперь умела делать все необходимое, но список вещей, в которых она была хороша, оставался прискорбно коротким. Нона хорошо умела:

1) трогать других людей;

2) вытирать посуду;

3) водить рукой по плоскому пробковому ковру, вынимая из него все волосы;

4) спать в разных позах и положениях;

5) понимать любой язык, на котором к ней обращались, при условии, что она видела лицо, глаза и губы человека.

Оказалось, что Паламед и Камилла знали только один язык, а Пирра говорила на этом же языке, неплохо на двух других и кое-как еще на пяти. Тот язык, на котором говорили все трое, обычно использовался для деловых операций, так что ничего странного в этом не было, — но он постепенно выходил из моды, потому что считался языком ужасных людей. При этом диалект, распространенный в городе, они понимали не всегда, и произношение казалось им странным. Нона понимала всех и могла ответить так, что-

бы ее поняли, и никто никогда не замечал в ее речи акцента. Это смущало Паламеда. Когда она впервые объяснила, что просто смотрит, как люди говорят, и шевелит губами точно так же, это запутало его настолько, что у Камиллы разболелась голова.

Вокруг говорили на куче разных языков и диалектов, а все из-за беженцев с других планет и всех этих переселений — Нона знала о переселениях, потому что о них постоянно разговаривали в очередях, — и если ты обращался к человеку на его языке, он сразу становился добрее и предполагал, что ты родом из того же места, что и он, и пережил то же самое. Это было полезно. Многие относились к другим подозрительно, потому что хотели переселиться в хорошее место и боялись, что чужаки устроят им плохое переселение. Многие уже пережили хотя бы одно неудачное переселение. Сейчас все ютились на одной из трех планет, и все соглашались, что эта худшая из трех, хотя Нона всегда немного обижалась за планету.

Итак, Нона жила с Камиллой, Паламедом и Пиррой на тридцатом этаже здания, где почти все были несчастны, в городе, где почти все были несчастны, в мире, где все говорили, что убежать

от зомби можно, но не навсегда.

Вообще-то произносить слова «зомби», «некроманты» или «некромантия» за стенами дома (а на самом деле и дома тоже) было нельзя. Нона не понимала почему, ведь обо всем другом они разговаривают, но Паламед объяснил, что это суеверие во втором случае и злость в первом, чего Нона не поняла. Так происходило всю жизнь Ноны — на следующей неделе ей должно было исполниться полгода, и Пирра сказала, что они отметят это на пляже (если там никто не поставит миномет).

Нона была ужасно счастлива, что прожила целых шесть месяцев. Ожидать большего мог бы только очень жадный человек.

3

Почти никто не подозревал Нону, даже в самые первые дни. Все считали, что она такая, потому что пережила нечто ужасное. Все знали по крайней мере одного человека, который не переживал ничего ужасного. Когда она спросила Камиллу, как ведет себя с другими, Камилла сказала, что очень наивно. Пирра сказала, что так, как будто уже избавилась от одной из двух клеток мозга. А еще Пирра велела продолжать в том же духе, потому что все любят красивых и тупых.

Нона не хотела быть просто красивой и тупой, она хотела быть полезной. Она смутно осознавала, что она не такая, как всем хочется. Вот почему она пошла и устроилась на работу, хотя и бесплатную.

Месяца через четыре, когда Нона узнала достаточно, чтобы ей разрешили выходить на улицу, разговаривать с незнакомцами и стирать свои рубашки, ей разрешили заходить не только в гараж под домом, но и в три соседних здания. Позади располагалась школа — старое обшарпанное офисное здание, два первых этажа которого отдали под классы. Нона любила слоняться у

забора и подглядывать за играющими детьми. Это привлекло внимание милой учительницы, которая спросила Нону, почему та сама не в школе. Нона довольно правдиво ответила, что учится дома, и тогда милая леди поморщилась и спросила, где же живет Нона. Услышав, что та живет в Здании, она не струсила, а записала этаж и номер квартиры.

Когда однажды вечером милая учительница пришла и рассказала Пирре и Камилле, как замечательно в школе, что там почти двадцать других детей, которые учатся чтению и письму, а еще они каждый день изучают естествознание и играют, и как важно, чтобы у детей беженцев был четкий распорядок дня, Кэм пришлось сказать ей, что Ноне почти девятнадцать.

Милая леди была шокирована.

— Но она такая малышка.

Пирра не моргнув глазом объяснила, что Нона очень многое пережила, болела и сейчас еще недоедает и именно поэтому выглядит такой угловатой и неразвитой. Милая леди согласилась, что у многих детей такие проблемы, но все же сложно представить, чтобы Ноне было больше четырнадцати. Она еще добавила, что телосложением Нона явно не в отца, и улыбнулась Пирре.

Прежде чем кто-либо сумел ее остановить, Нона расхохоталась и сказала, что Пирра ей не отец. Милой леди это явно не понравилось — Нона заметила это по ее рукам, — и она сказала, что Ноне все равно стоит прийти. Что она может стать помощницей учительницы и помогать другим детям с уроками. Ей объяснили, что Нона не умеет ни читать, ни писать, и милая леди охнула.

К этому моменту Нона ощутила всю прелесть не только уроков по естествознанию и игр каждый день, но и громкой должности помощника Учителя и сказала:

— Я хочу попробовать, можно? Спасибо.

Милая леди предложила попробовать прямо на следующее утро и посмотреть, как пойдет. Нона была в восторге. Леди сказала, что она главная учительница и у них еще замечательная учительница естественных наук и что здорово было бы иметь в команде еще кого-то. Последняя помощница учительницы трагически погибла. Пирра поинтересовалась, виноваты ли в этом дети, учительница поджала губы и ответила, что это был взрыв водопровода.

Нона сказала: «Да, я пойду!», не дав Камилле, и особенно Пирре, возразить. После чего Пирра, к большому отвращению Камиллы, флиртовала с

милой учительницей, пока та не ушла.

Когда Пирра проводила милую учительницу, Камилла, которая бродила по кухне, спросила холодно:

— И что это было?

— Вытаскивала нас из дерьма, моя наивная красотка, — объяснила Пирра, падая в ужасающе заскрипевшее кресло. — Она сделала тебе и мелкой комплимент: дескать, она решила, что вы… работаете, а я ваш сутенер. Видит бог, торговать Августином и Альфредом и то было бы проще.

— Что такое сутенер? — пожелала узнать Нона.

Вместо того чтобы объяснить, что такое сутенер, ее отругали за то, что она сообщает кому попало номер дома и квартиры. Нона немедленно разрыдалась, но Камилла и Пирра не сдвинулись с места. Еще они решили, что она ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не пойдет в школу. Камилла сказала, что это слишком опасно, а Пирра — что это, конечно, обидно, но они должны вести себя осторожно. Нона ушла лежать на кровати и злиться.

Потом, много позже, когда Нона принимала ванну, а Пирра присматривала за ней, потому что тогда еще существовала опасность, что она неловко повернется и утонет в шести дюймах

воды, Пирра небрежно сказала:

— Ты можешь походить в школу на полдня, на пробу, но сначала потренируешься отвечать на все вопросы.

Нона была в восторге.

— Почему? Как? Серьезно?

— Паламед поговорил со мной, а потом убедил Гект.

— Обожаю Паламеда, — сказала Нона и, воодушевившись, нырнула под воду с головой, чего обычно не делала, потому что смертельно боялась, что мыло попадет в глаза. Когда она вынырнула, отплевываясь, ей хватило присутствия духа спросить:

— Почему ты флиртовала с учительницей, она же тебе не понравилась?

Руки Пирры — она складывала белье, сидя рядом с ванной, — замерли.

— Почему ты решила, что она мне не нравится?

У Ноны не хватало слов, чтобы объяснить.

— Ну просто, как ты села… ты только иногда на нее смотрела. Все такое.

— Жаль, что ты не в Бюро, — сказала Пирра, не отвечая на вопрос.

Вот почему Ноне разрешили ходить в школу,

убедившись, что она будет говорить, что живет с сестрой и подругой отца, а все остальные умерли. Версия была совсем обыденная и скучная, и она жалела, что ей не дали более интересного варианта, покруче.

Хотя Нона официально была помощницей учительницы, она быстро поняла, что в школе ее интересуют всего три вещи. Во-первых, игры, во-вторых, уроки естествознания и, в-третьих, цветные маркеры, которыми можно писать на визжащих досках, протирать их тканью и снова писать, что ей позволяли делать сколько угодно. Естествознание она любила на самом деле только потому, что во время этих уроков ей разрешали присматривать за Лапшой, собакой учительницы, грязно-белым существом с шестью лапами и мягким нравом. Она играла с Лапшой, пока всем остальным приходилось заворачивать кубики льда в носки, а милая учительница Джоли ставила оценки или пила горячий чай из большой чашки. Во время игр Нона следила, чтобы никто не закинул мяч в окно соседнего заброшенного здания. Мяч в этом случае пропал бы, потому что внутри все еще оставались мины и растяжки. Ни одна из этих обязанностей не казалась слишком трудной, и Нона думала, что ей повезло. Разумеет-

ся, ей не платили, но когда она ходила за молоком или разговаривала с людьми, которые пололи сорняки в парке, ей очень нравилось отвечать: «Я работаю в школе», когда ее спрашивали, чем она занимается. Все всегда говорили, что это полезное дело и что, конечно, они сами никогда об этом не думали, но она молодец.

Заставить Нону запомнить какие-то факты было так же сложно, как научить ее обращаться с мечом или костями, хотя, наверное, даже сложнее. Она постоянно объясняла, как можно вежливее, что ее мозгу это все просто неинтересно. Как будто раньше ей уже это все рассказывали и она все забыла. Сидя на уроках за шаткой партой, на старом пластиковом стуле в дальнем конце класса, полного детей, она чувствовала, что информация влетает в уши и немедленно вылетает из головы и при этом кажется странно знакомой — как будто она это уже слышала раньше. Учителя были поражены, обнаружив, что она говорит на всех языках, но Пирра научила ее отвечать, что она пережила множество переселений, и этого было достаточно.

Милая учительница отказалась от попыток учить Нону и вместо этого относилась к ней как к хорошей коллеге, на которую можно положиться

в простых вещах — мытье доски, присмотре за посторонними собаками и объяснении младшим детям на всех языках подряд, где туалет, — а чего еще надо учителю?

В конце первой недели Нону загнали в угол пятеро детей и сообщили ей, что она теперь их друг.

— Ладно, — согласилась Нона.

— Табаско тебя хочет, — объяснили ей.

Табаско была старше всех, ей исполнилось четырнадцать, но авторитет ее не зависел от возраста. Она вела себя царственно — для своих лет — и заговаривала с кем-нибудь очень редко. Большую часть ее тела покрывали ожоги, и ей доводилось бывать на войне. Любого новичка рано или поздно находила ее группа и тащила «смотреть на Табаско». Та задирала рубашку, приспускала шорты и демонстрировала ожоги. Предполагалось, что это вселит в свежее мясо чувство благоговения, а не отвращения, но если новичок плакал или отказывался смотреть, все всё равно этим гордились.

Сама Табаско была апатична, безучастна и, кажется, лишена сильных чувств, не считая бурного презрения ко всем предметам, кроме естествознания.

Нона хотела знать, зачем она нужна Табаско.

— Ты старая и можешь доставать наркотики, — пояснил Честь, которому было двенадцать и который служил при Табаско лейтенантом, — ты живешь в Здании.

Никто не пал духом, когда Нона сказала, что ей не разрешают покупать наркотики. Дети приняли это стоически.

— А что такого в Здании? — спросила она.

— Оно запрещено, — ответил Честь. А Красавчик Руби добавил:

— Моя мама говорит, что, если тебя поймают в центре города или ты выстрелишь не в то окно, тебя отвезут в ваше Здание.

— Но ты же все время играешь в гараже, — сказала Нона, — я же сама видела. Это ты попал в машину огромным твердым шаром, после чего сигнализация орала три часа.

— Ну, — разумно ответил Красавчик Руби, — это же не Здание. Это гараж. Если сквозь стойки все видно, то не считается, что ты внутри.

— Покажи нам тайную комнату, где лежат тела расстрелянных в Здании, иначе ты нам больше не друг, — предложил Утророжденный, главный переговорщик банды.

— Я не могу, — сказала Нона в ужасе. — Я знаю

только про шкаф в квартире, где бак с горячей водой.

Дети посовещались и решили, что это полная херня, недостаточно хорошо и не оправдало ожиданий. Но когда они обратились к Табаско, та просто сказала:

— Она разговаривает с Ангелом. Она присматривает за Лапшой.

Ангелом называли невзрачную, линялую, пыльноволосую девицу, которая приходила проводить уроки естествознания.

Почему ее называли Ангелом, неизвестно, но Табаско ее боготворила. Она очень нравилась всем детям, потому что была спокойна, беспристрастна и вела себя одинаково каждый день, но Табаско и, следовательно, все остальные были просто одержимы. Нона присматривала за собакой, знала ее имя и могла сообщить, какова на ощупь ее шерсть (очень приятная) и как пахнет у нее из пасти (ужасно). Также она выслушивала такие шедевры, как: «Была ли Лапша сегодня хорошей девочкой? Спасибо, Нона». В общем, Нона находилась на недосягаемой высоте.

Об Ангеле было известно немного. Где она жила, оставалось загадкой, а рабочий график Ноны не позволял проследить за учительницей

естествознания, чтобы узнать, где она живет и чем занимается дома. Камилла забирала Нону каждый день после обеда, когда школа закрывалась из-за дневной жары, а урок естествознания проходил перед обедом.

В общем, все признавали, что ценность Ноны для детей минимальна. Она занимала очень низкое место в иерархии, определенно ниже Чести и Красавчика Руби и только чуть-чуть выше, чем Утророжденный. Единственным, кого Утророжденный превосходил по рангу, был семилетний мальчик по имени просто Кевин.

Это были их настоящие имена, даже Кевин, но никто так и не рассказал Ноне, почему Табаско так зовут. У нее не было родителей, поэтому спросить их она не могла. У других детей было тринадцать человек домочадцев, но на цифру сильно повлиял Утророжденный как обладатель пяти отцов: Старшего отца, Второго отца, Брата-отца, Младшего брата — отца и Нового отца. Гораздо важнее для Ноны казалось то, что у Красавчика Руби дома как раз родился новый ребенок, и иногда мама Руби приносила малышку в школу, и можно было посмотреть на маленькие ноготочки.

Нона объясняла все это Камилле, Пирре и ино-

гда и Паламеду за ужином, обычно в надежде, что, если она будет говорить, никто не заметит, что она не ест. Все соглашались с тем, что школа приносит Ноне много радости, но обязательно подчеркивали, что ей не стоит покупать никому наркотики.

— Я не покупаю, — объяснила Нона. — Чести нашел кого-то еще для покупки наркотиков, так что мне не придется.

— Его правда зовут Чести? — уточнил Паламед.

Нона замялась:

— Ну, я это так слышу. Но его вообще нельзя назвать честным, он все время ужасно врет и меня пытается научить.

Ноне хотелось солгать, но она не знала, как запретить своему телу показывать правду. Сначала она торжественно ловила Чести на каждом вранье, пока он не отвел ее за навес для велосипедов и не сказал, что давал бы сигарету в неделю, если бы она перестала. Он лгал, но она видела, как много это для него значит, поэтому она перестала. Получив сигарету, она подсунула ее Пирре.

Почти все хорошее она узнала от Пирры, Паламеда и Камиллы, которых она любила и которым доверяла всю свою короткую жизнь. Но в те ранние дни, когда она еще не привыкла к жизни,

школьники научили ее всему остальному. В основном новым словам, что всегда было интересно. Но еще они научили ее проводить время, ничего не делая.

Они превратили ничегонеделание в искусство: сидеть на корточках или слоняться без дела в парках под расколотыми деревьями, бегать как сумасшедшие при звуках выстрелов, бегать как сумасшедшие без всяких звуков — и угнаться за ними было непросто! — толкаться под навесом возле санитарных водоемов, таскаться туда, где никому не было до них дела, сражаться за клочки тени возле огромного кладбищенского холма, где кто-то выкопал все тела из потрескавшихся песка и бетона и сложил в огромную кучу, которая продолжала вонять. Одним из любимых укрытий была пыльная гора камней и арматуры на самом краю их части города — забираться туда приходилось осторожно, чтобы не напороться на кусок ржавого металла, и это значило, что Ноне нужно было быть вдвое осторожнее остальных. Там они сидели на втором этаже, открытом всем ветрам. В здании стояло много грязной старой офисной мебели, на которую можно было присесть, и оттуда виднелся кусок дороги, окружавшей город. Дорога была огромна: Чести утверждал, что

по ней могут проехать двадцать грузовиков и что посередине раньше был железнодорожный путь с разными отворотами, которые вели к сети туннелей под городом. По туннелям можно было ездить часами, не видя солнечного света, но вряд ли кто-то еще использовал их. Разве что группы вооруженных людей на тачках, которые ездили там и вымогали у людей деньги или грабили машины, которые не сумели выбраться. Иногда прямо под ними грохотало, как будто начиналось землетрясение, и когда Нона впервые спросила, что это, Табаско ответила:

— Конвой.

Поскольку это была Табаско, а не Чести, это должно было оказаться правдой.

Это так чудесно звучало. Конвой. Огромный, загадочный, подземный. Нона очень долго понятия не имела, что такое конвой или как он выглядит, но она вместе со всеми сидела в старом офисе и, чувствуя гул, старалась первой крикнуть: «Конвой!», чтобы остальные согласились, посмеялись или засомневались.

— Ничего не слышу.

— Да это кто-то перднул.

— Ну уж нет, это и правда конвой, я же чувствую. У меня даже тапки слетели.

Все здание грохотало и тряслось, и в конце они хором говорили: «Конвой уехал».

Нона была откровенно разочарована, когда спросила Пирру, что такое конвой. Пирра была очень занята плавкой шлака в маленьком пулеобразном тигле, но объяснила, что это группа машин, едущих в ряд, скорее всего очень больших. Но Ноне очень нравилась мелкая тряска, короткая вибрация в животе, когда Конвой оказывался рядом. Это ее очень волновало. Ей виделось в этом ощущении что-то чудесное.

Они часто оставались в заброшенном здании, пока не наступали мрачные сумерки, потому что никто не претендовал на это место и не бросался в них кирпичами, чтобы они ушли. Нона любила смотреть, как луна дрожит перед огромным голубым провалом в небе, как Чести вытаскивает пули из дыр в стенах, а Кевин играет в куклы. Красавчик Руби и Утророжденный коротали время за картами — на них было слишком много цифр, чтобы Нона могла участвовать. Иногда Табаско тоже присоединялась к ним, но в основном она молча и величественно взирала на своих подданных, а под ней гудел, плавился и кричал город.

Ноне нравилось сидеть рядом с Табаско и молчать. Однажды они сидели так, под ними гро-

хотал Конвой, остальные улюлюкали и кричали, а Кевин зажимал уши руками и терпеливо ждал, когда Конвой уедет. Когда последние раскаты стихли, Чести спросил:

— Табаско, ты в деле? В деле, конечно.

— Это в каком? — спросила Нона, ничего не понимая.

Тут же началось обычное: «Нона не в курсе», «Нона вообще ничего не знает», «Да скажите Ноне».

И Чести, который со времен договоренности о сигарете вел себя очень мило, сказал:

— После школы мы собираемся убивать зомби и некромантов.

— Нельзя говорить это слово. — В панике Нона забыла, что это правило Ноны, а не школьное.

Чести забарабанил каблуками по полу, рядом со стулом на колесиках с распоротым сиденьем.

— Да и плевать. Я не боюсь. Мы же не в классе, говорю что хочу.

Утророжденный сказал с давно отрепетированной интонацией:

— Я однажды кинул камень в некроманта, и он умер.

— Не было ничего такого! — каркнул Кевин, а Красавчик Руби добавил:

— Полная хрень это все.

Чести лицемерным тоном заметил:

— Ну ты и врун, конечно.

Утророжденный возразил:

— Я кинул камень, и он умер.

— Кто, камень? — спросила Нона, и все остальные замолчали, а потом посмеялись над ней.

Красавчик Руби объяснил, что камень полетел в клетку, когда некромант уже почти сгорел, и даже непонятно, попал ли камень в некроманта или в прутья, но камень мог что-то сделать. Если камень попадает в голову, ты же умираешь, правда?

Пока остальные спорили, считается ли камень, если некромант и без того почти сгорел, Табаско, которая сидела свесив ноги в дыру в полу, затихла. Нона всегда замечала, когда Табаско замирала, потому что ее молчание было не таким, как у всех, как у детей, которые в классе о чем-то задумывались и у которых маркер застывал в руках, пока мозг отчаянно искал ответ. Молчание Табаско было молчанием человека, который отказывался думать в принципе.

Голос Руби перекрыл остальные голоса:

— Нет больше никаких некромантов, они все умерли.

— Не все, — возразил Утророжденный, — мой папа говорит, что они в казармах.

— Какой папа? У тебя их типа семьдесят.

— Не говори, что их семьдесят, ты же прекрасно знаешь, сколько у меня пап.

— Если бы у меня было столько отцов, я бы парочку продал, — сказал Руби.

— Это ты сейчас так говоришь, а на деле не стал бы, — мудро ответил Утророжденный.

— Некоторые зомби выходят из казарм шпионить, — сказал Чести. — Они вовсе не все безумные. Поэтому надо проверять, все ли твои друзья едят еду и у всех ли течет кровь. А то вдруг — бам! — и ты умер, или превратился в скелет, или еще что похуже.

— Я ем, — возразила Нона.

— Никто и не говорит, что ты зомби, дура, — ответил Чести. — Я про тайных зомби, ну, шпионов. Ты ужасно тупая для своего возраста, ты же в курсе?

— Я видел, как Нона ела камешек, — заметил Кевин, выламывая ногу куклы, — и еще грызла маркер.

— Кевин, не пищи, — с достоинством заметила обиженная Нона. Она только что выучила слово «пищать» и постоянно его использовала. — Че-

сти, не называй меня тупой. Дома сказали, что, если ты еще раз меня так назовешь, чтобы я напомнила, что они в курсе, как ты выглядишь, и что они тебя изобьют.

— Хорошо. Я не хочу злить твоих предков, потому что ты живешь с сутенером, — согласился Чести.

К этому моменту Нона уже знала, что такое сутенер, и так разозлилась, что чуть не устроила истерику. Но прежде чем началось внутригрупповое насилие, Табаско подала голос:

— Некроманты вернутся. Возможно, они уже здесь.

Все погрузились в благоговейное молчание. Даже Нона, которая воспользовалась возможностью сделать пять глубоких вдохов и выдохов, как показывала Камилла.

В конце концов Красавчик Руби нарушил молчание:

— А как же Варун, Табаско? Варун Пожиратель?

— Он идет за ними, — ответила Табаско.

Все почтительно посмотрели в синее небо через дыру в потолке.

— Ты же участвуешь, Табаско? — спросил Чести. — Ты в деле?

Но Табаско не ответила, а Кевин запросился в туалет, и все закричали: «Не я!», чтобы выяснить, кто все-таки будет сопровождать Кевина. Он был большим мальчиком и мог сходить в туалет один, но он вполне мог психануть и запереться, так что приходилось ждать, когда он закончит писать, а потом проверять, не придется ли сбивать замок половиной кирпича. К тому времени, как они решили вопрос (все согласились, что последним крикнул «не я» Руби), вопрос позабылся, и Табаско молча и неподвижно смотрела в небо.

— В каком деле, Табаско? — шепотом спросила Нона.

Табаско не ответила. Когда она наконец заговорила, вместо ответа она задала вопрос, чем неприятно напомнила Пирру.

— Тебе здесь нравится?

— Нравится, — искренне сказала Нона, — не хочу в другое место.

— Ты очень милая, — сказала Табаско.

Нона знала, что на этом вопрос закрывается. Раз Табаско считает, что она милая, значит, Нона — часть стаи, несмотря ни на что. С этого дня никто не сможет подвергнуть сомнению присутствие Ноны, что бы она ни говорила, сколько бы ей ни было лет и как бы мало у нее ни было

возможностей покупать наркотики. Она была одной из них, и это ее очень радовало.

Она родилась невероятно богатой, потому что у нее были Камилла, Пирра и Паламед, а теперь это дополнилось прекрасной дружбой с Табаско и друзьями Табаско, что давало ей высокий статус в мире (несмотря даже на Кевина). Она любила Камиллу, Пирру и Паламеда, но быть с Табаско и другими… Она же могла остаться совершенно одинокой.

В конце концов, когда темнело, родственники приходили их искать — Камилла всегда заявлялась ужасно рано — всех, кроме Табаско, за которой прийти было некому, и Чести, про которого никто никогда не вспоминал. Но даже с учетом этого изъяна в раю Нона могла только прижать колени к груди и думать, как ей невероятно, фантастически повезло, что она удачливее любого, кто когда-либо рождался.

4

По утрам они обычно гуляли все вместе, пока Пирре не надо было уходить, а потом Кэм отводила Нону в школу и шла заниматься своими делами — например, убирать в квартире или совершать преступления, в которых Ноне не разрешалось участвовать. Нона любила гулять, но по утрам бывало так же холодно, как днем — жарко, поэтому, чтобы согреться, ей приходилось топать ногами и засовывать руки в карманы. Они шли рядом со всеми остальными — теми, кого не забирали с утра в рабочих фургонах, или теми, чья работа была недостаточно хороша для собственного фургона, или теми, у кого вовсе не было работы, но была надежда, и все они медленно брели по улицам кучками, расступаясь только при появлении грузовиков. Водители нажимали на гудок, если кто-то не отходил с дороги достаточно быстро.

Маска Ноны запотевала изнутри, и дыхание вырывалось наружу призрачными серыми облачками, и так они добирались до парка — в комфортном темпе, но не разговаривая. Всегда одним и тем же маршрутом — прямо вниз по

улице до ворот того, что когда-то было большим парком, и тогда Пирра говорила что-то вроде:

— Давайте пройдем насквозь, очень дымно. — Или: — Давайте не пойдем, там столько наемников. — И они бродили где-то рядом.

Сегодня утром она сказала:

— Пройдем через парк. Двигайся вместе с толпой.

Нона взяла Камиллу за руку и двинулась вместе с толпой.

Растения отфильтровывали часть приставучего дыма, и Ноне нравилось смотреть на деревья и колючие кривые кусты. Большую часть дерна вырезали, то ли чтобы сделать приличный сад, то ли чтобы обложить хибары, притаившиеся у большого бетонного забора. Еще одну площадку расчистили, неумело забетонировали и поставили туда клетки. Клетки были ледяными, и их очень хорошо чистили, но Ноне не нравилось на них смотреть, поэтому она предпочитала смотреть на призраки лоз на стволах деревьев.

Когда они вышли из парка и из толпы, Пирра поцеловала Нону в макушку и сказала, как всегда:

— Веди себя хорошо.

Камиллу она не целовала, но зато сказала:

— Доброй охоты вам обоим.

— Доброй охоты, — повторила Камилла.

Пирра растворилась в толпе — в тяжелых ботинках со стальными «стаканами», с рюкзаком, где лежали шлем, запасные батарейки для налобного фонаря, перчатки и обед. Сейчас стало проще, чем когда Нона была совсем юной, и Паламед говорил, что у нее нет представления о постоянстве объектов, но Ноне все равно делалось больно, когда она наблюдала за уходом Пирры. Боль смешивалась с гордостью за то, что Пирра у нее есть, и с приятным ощущением от того, что Пирра была ее. Камилла твердой рукой направила ее к тротуару и произнесла волшебные слова:

— В школу опоздаешь.

Потом был один поворот направо, еще один переулок, и пауза, когда Нона указала Кэм на здание, которое вчера еще было цело, а теперь в нем зияла огромная дыра. («Они использовали очень большую пушку», — пояснила Кэм.) И потом они влетели в школу мимо милой учительницы и поднялись на два пролета по скрипучей лестнице, покрытой линолеумом. Камилла всегда отказывалась от предложения выпить чаю в крохотной учительской, отказывалась тем

быстрее, чем настойчивее ей предлагали. Она растворилась на улице, как серая тень. Нона часто смотрела на нее из окна.

— Кевин уже здесь, он поможет тебе расставить стулья и помыть доски, — сказала учительница.

Это было очень глупо со стороны учительницы, потому что Нона прекрасно знала, что Кевин не поможет ни расставлять стулья, ни мыть доски и что он просто будет сидеть на подушке, из которой грязно-белыми бусинами выбивалась набивка.

— Табаско тоже здесь, — неожиданно добавила учительница. Даже она не знала настоящего имени Табаско.

— Так рано.

— Да. Я спросила почему, она не ответила. Посмотришь, как она?

Как будто Нона могла «посмотреть» за Табаско.

— Не нравится мне, что она живет одна. Я пыталась рассказать ей про приют, но она слишком независима.

Нона, продолжая смеяться над этой идеей, вошла в класс и начала снимать стулья со столов. Кевин, как она и предсказывала, лежал на одной из подушек и проделывал что-то очень сложное с двумя чучелами грызунов. Табаско по-кошачьи

неподвижно сидела у окна. Ее ожоги немного переливались под электрическим светом, который включила Нона.

— Выключи, — велела Табаско, и Нона, конечно же, выключила. — Иди сюда.

Нона взяла пластиковую, пахнущую хлоркой коробку с тряпками и спреем, присела на корточки рядом с Табаско и намочила тряпку.

— Не позволяй им увидеть тебя из окна, — сказала Табаско.

— Кому им?

— Не знаю. Зеленое здание. Четвертый этаж.

Ноне хватило ума не вскочить посмотреть, с чем она себя и поздравила. Она положила чистый белый квадратик на потертый ковер, который тоже пах хлоркой, и принялась протирать вторую доску. Потом вспомнила все разговоры про Кровь Эдема и внезапно забеспокоилась.

— Думаешь, они следят за мной?

По крайней мере, Табаско отнеслась к ней серьезно. Она задумалась, судя по всему.

— Зачем им следить за тобой?

— Не знаю.

— Они были здесь до тебя. Так что сомневаюсь.

— Кто они?

Табаско долго молчала и наконец сказала:

— Я выясняю.

Если Табаско говорила, что что-то сделает, оставалось только ждать, когда это произойдет. Она не просила о помощи и не спрашивала ничьего мнения. Неспособность Табаско интересоваться чьим-либо мнением о своих поступках была, вероятно, причиной того, что ее авторитет в школе был неоспорим, куда выше учительского. Нона рассказала об этом Паламеду, и Паламед ответил: «Будущий ведущий исследователь». Так что Ноне ничего не оставалось, кроме как помыть все доски и оттащить коробку с ними к Кевину. Получив приглашение оценить молчаливое взаимодействие между чучелами грызунов, более всего напоминавшее спаривание, Нона поискала нужные слова и сказала:

— Они делают малыша?

Кевин, кажется, остался доволен.

К тому моменту, когда доски были вымыты, стулья расставлены, а мусор выброшен, явились почти все дети. Все сели за свои столы, Нона устроилась за специальным столиком позади, предназначенным для нее и тех самых младших детей, которые сегодня чувствовали себя особенно уязвимыми или мокрыми и хотели сидеть поближе к ней. Сегодня утром Нона осталась

одна, и это ей нравилось: Табаско ее разозлила. Одним ухом слушая утреннюю перекличку, она взяла доску, которую ей отдали, и стала рисовать на ней закорючки, используя только половину мозга. Другая половина мозга была забита вопросами.

Кто наблюдает за классом из зеленого здания?

Как будет действовать Табаско?

Потом мысли ушли в другом направлении.

Что Пирра сегодня придумает для Камиллы?

Почему задница — самый питательный кусок?

Кто я?

Так что рисунок выходил не очень хорошо и стал еще хуже посередине урока, когда учительница объясняла Чести, Табаско и Утророжденному, что такое целые числа, а малыши переписывали с доски цифры. Один из детей, который не хотел идти в туалет один, дернул Нону за рукав, и в результате она стояла перед кабинкой, погрузившись в свои мысли, а потом посмотрела на себя в зеркало и отвлеклась. Так здорово было быть красивой и иметь такие темные, толстые и блестящие косы, которые заплела Пирра. Кэм говорила, что у нее пересушены волосы, а на ногтях белые пятна, но Нона этого не замечала. Когда малыш вышел из туалета, Нона

помогла ему вымыть руки и вернуться к цифрам на доске, а там уже и Ангел приехала.

В то утро Ангел была меньше похожа на ангела, чем когда-либо. Ноне всегда нравилось лицо учительницы естествознания, тонкое, курносое, с морщинками вокруг глаз, но в это утро она выглядела откровенно неопрятно. Это была изящная маленькая особа лет сорока, по которой создавалось впечатление, что она многое повидала в юности, а впоследствии обнаружила, что это не принесло никакой пользы ни ей, ни кому-либо еще. Это придало ее манере вести уроки ощущение легкости и тайны, как будто бы работа для нее была просто развлечением. Она носила рубашки на пуговицах, часто с подтяжками, которые поддерживали брюки, и плащ, который предохранял одежду от пыли. Но сегодня она, казалось, надела вчерашнюю рубашку, да и лицо ее выглядело вчерашним — измученное, с выцветшими веснушками. Ангел вся была окрашена в мягкие серые и коричневые тона, но на щеках и носу пестрела россыпь восхитительных рыжеватых веснушек, которые делали ее живой и бодрой — сегодня это не сработало. Когда Нона привела малыша за руку обратно в класс, Табаско бросила переписывать числа и сказала:

— Доброе утро!

По классу уважительным эхом пронеслось: «Доброе утро», но ответное «Доброе утро всем» Ангела прозвучало очень бледно.

Табаско это заметила. Нона видела, что ее больше не интересуют целые числа и что она дрожит за передней партой вместе с другими, постоянно глядя на Ангела. Ноне показалось, что Ангел двигается так, как будто плохо спала. Иногда Пирра уходила по вечерам и возвращалась пахнущая алкоголем, и Камилла вообще ничего не говорила, но если на месте был Паламед, он спрашивал: «Серьезно, Пирра?», и она отвечала: «Серьезно, Секст», а на следующий день она двигалась так же устало и казалась помятой, хотя Нона подозревала, что она преувеличивает для эффектности. Выпивка не могла навредить Пирре. Однажды она даже выпила содержимое бутылки с отбеливателем. Когда Паламед спросил зачем, Пирра ответила, что, будучи бессмертной, не привыкла к мучениям и хотела немного потренироваться, а Паламед ответил, что это херня, потому что думал, что Нона не слышит.

Нона задумалась, пила ли вчера Ангел, хотя и не отбеливатель, который вызвал у Пирры икоту страшной силы. Она поделилась этой мыслью

с Табаско и остальными на перемене, когда они толпились в углу с нарезанными фруктами.

— Ты имеешь в виду похмелье? — спросил Чести. — Отдай фрукты, Нона.

— Я уже обещала их Руби, — ответила Нона, чья доля всегда была кому-то обещана до начала уроков, иногда за несколько дней.

— Иди в задницу, Руби, — сказал Чести. — Ты же знаешь, что эту штуку с косточкой я больше всего люблю.

— А с чего ты должен все время получать то, что хочешь? — спросил Красавчик Руби.

— Я никогда не получаю того, чего хочу, — безутешно сказал Чести.

— Если ты еще раз выругаешься, я заставлю тебя написать свое имя на доске, — сообщила Нона.

— Ангел не пьет, — сказала Табаско.

Утророжденный поинтересовался, откуда Табаско это знает.

— Просто знаю, — ответила та, на чем вопросы закончились.

Красавчик Руби, возможно воодушевленный тем, что фрукты достались ему, протянул за ними руку и сказал:

— Нона, ты и сама в последнее время не очень

круто выглядишь. Как будто заболела.

Все стали разглядывать Нону, корчившуюся под этим осмотром, и согласились, что она уже пару недель выглядит не очень хорошо.

— И очень даже хорошо! — возмутилась она. — Посмотрите только на мои косы.

Их беспокойство немедленно сменилось совместными усилиями по избавлению ее от тщеславия. Они часто по очереди пытались это сделать, но у них никогда не получалось. Красавчик Руби, самый красивый из всех и, следовательно, главный авторитет по вопросам внешности, однажды сказал:

— У тебя крысиное лицо и тело мертвеца.

Но Нона знала, что прекрасна, и была очень этим довольна. Они убеждали ее, что она не стоит даже того, чтобы упоминать ее в письмах, но она только говорила, что ей плевать, она все равно писать не умеет. Им пришлось сменить тактику и гнобить ее за то, что она глупая и гордится этим. Вообще-то Ноне это нравилось: это заставляло ее чувствовать себя своей. Они гордились ее глупостью так же, как гордились постоянными правонарушениями Чести или тем фактом, что Табаско была самым важным человеком Вселенной.

Руби сожрал все свои фрукты и почти все фрукты Ноны, а потом великодушно сказал:

— Я наелся. Чести, забирай последний кусочек. У меня есть фрукты дома.

Чести совесть не мучила.

— Повезло тебе, — сказал он, подбросил кусочек в воздух — остальные ахнули — и поймал его ртом, как всегда и делал. У Чести был самый огромный рот, который Нона в принципе видела. Не успев дожевать, он сказал:

— Между прочим, мне нужно следить за уровнем сахара в крови. У меня работа после обеда.

— Настоящая работа или работа для Чести? — усмехнулся Утророжденный, вечный перфекционист.

— Настоящая работа, солнышко, настоящая. Под землей, — добавил он и загадочно стукнул себя по носу.

— Это опасно, — заметила Табаско.

— Знаю, эти туннели — настоящий ад, — смело сказал Чести. — Но я буду все время сидеть в машине, и никаких перестрелок, надо просто трубы обчистить.

— Сказал бы сразу, я бы отдал тебе половину. — Красавчик был впечатлен.

— Я не из тех, кто хвастается.

— Ой, хорош врать.

Когда учительница хлопнула в ладоши и объявила урок естествознания — для Ноны это означало час с Лапшой, — Табаско задержалась. Она посмотрела Ноне прямо в глаза — на щеке дернулись шрамы от ожогов — и сказала:

— Ты права.

— Насчет того, что я красивая?

— Нет, насчет Ангела. С ней что-то не то.

— Хорошо.

— Не уходите сегодня с Лапшой с территории.

Становилось жарко. Когда она прошла с Лапшой вниз по боковой лестнице и вышла через боковую дверь к завалам мусора, жара как будто ударила ее по лицу — не так противно, как было бы еще попозже, но достаточно, чтобы с удовольствием подчиниться Табаско и остаться с Лапшой в тени. Она храбро побегала взад-вперед вдоль забора — все шесть лап двигались с чудесной синхронностью, — а потом устала, подошла и села рядом, тяжело дыша. Нона поделилась с ней водой из бутылки и огляделась. Посмотрела на соседнее здание, прислушалась к звукам дороги — гудки, крики людей, — но не услышала ничего необычного. Это было даже обидно, потому что она ждала чего-то такого. Интереснее всего был

кто-то, кто прохлаждался в переулке напротив школы, сидя на сломанном стуле рядом с переполненной мусоркой. Нона внимательно смотрела, пытаясь понять, жив ли этот человек вообще. В результате она решила, что жив, потому что никто не попытался снять с него неплохую куртку или шлем.

К тому моменту, когда учительница окликнула ее со второго этажа, Нона чувствовала себя унылой и злой, но потом повеселела: Лапша лизнула ей руку, а Ангел сказала:

— Нона, ты спасаешь мне жизнь.

Начинался приятный дурманный момент, когда половина детей готовились обедать и спать. Жалюзи опустили, часть родителей пришли за детьми, которые ели и спали в другом месте, но Табаско и ее друзья стащили свои коврики в один угол, утверждая, что он самый темный и прохладный.

Увидев ее, Табаско тихо спросила:

— Ничего странного?

Нона рассказала обо всем, включая вероятный труп, и Табаско, казалось, была вполне довольна, хоть ничего и не сказала, кроме:

— Отлично. Ничего такого. Молодец, Нона.

Нона была счастлива и сразу забыла и о трупе,

и о наблюдателях.

5

Камилла ждала ее в вестибюле, где располагались туалеты и хранились куртки и маски. Когда она спросила, как прошли уроки, Нона сумела максимально правдиво сказать:

— Хорошо!

Потом они ускользнули, пока учительница не попыталась подсунуть им брошюрку или осмотреть Камиллу на наличие синяков, и бок о бок пошли домой по тенистой стороне улицы. Когда они вышли из школы, Нона быстро обернулась и посмотрела в переулок. Человека в куртке и маске больше не было. Значит, он либо оказался живым, либо до него уже добрался кто-то другой.

От жары колени у Ноны сильно потели и стирались, но Кэм, в отличие от Паламеда, всегда ее беспощадно гоняла. В каком-то смысле Нона радовалась, что сегодня за ней пришла Кэм, а не Паламед, потому что даже во время самых коротких появлений Паламед любил задавать проверочные вопросы о том, что именно говорила учительница, а потом комментировать как-то вроде: «Боже мой, и так они преподают математику?» — и цокать языком Камиллы так,

что сказать в ответ было нечего. Камилла же была просто тихой и милой, держала Нону за руку и, когда они дошли до Здания, позволила Ноне долго пить ледяную воду.

Ноне нравилась вода, но, когда Камилла вынула из буфета коробку с нарезанными фруктами, она немного поникла. Где-то месяц назад Камилле, Пирре и Паламеду пришло в голову, что фрукты должны Ноне понравиться, что было правдой тогда, но не сейчас. Нона думала, что она вполне способна есть фрукты, но не съедать фрукты, но ей совсем не хотелось разочаровывать Камиллу, поэтому они обе ели запотевшую оранжевую дыню, пока не пришло время опустить плотные черные занавески и запереть дверь. Кэм дала Ноне кости.

Нона села скрестив ноги и решила сложить из костей своеобразную спираль, расположив самые маленькие кусочки в центре, а большие — снаружи. Камилла сидела рядом и зарисовывала ее действия на листе коричневой бумаги из мясной лавки.

— Куда ты ходила? — спросила Нона, восхищенно разглядывая свою работу. — Когда я была в школе.

Карандаш на мгновение замер.

— Встречалась кое с кем.

— Насчет зоны С?

— Продолжай, еще кости остались.

Нона добавила к спирали большой сероватый бугорок, но без особого интереса. Это же просто кость. Если ее нельзя грызть, то она скучная.

— Готово, — сказала она, а затем догадалась: — С людьми вроде Короны?

Камилла отложила карандаш, и глаза ее потемнели и стали землисто-серыми.

— Корона нам сейчас не друг, — любезно сказал Паламед. — Возьми вот этот кусочек, самый маленький, и попробуй покатать его в пальцах. Почувствуй его рельеф.

— Я люблю Корону, — возразила Нона, неловко ощупывая самую маленькую косточку.

— Почему?

Нона задумалась.

— У нее прекрасные волосы. И когда она тебя обнимает, от нее пахнет корицей, и грудь у нее приятная, и она вся такая большая и красивая.

Паламед посмотрел на нее и вынул блокнот из вместительного кармана Камиллы. Нона расстроилась: каждый раз, когда она упоминала грудь, это оказывалось некстати.

— Я бы не рискнул классифицировать это

как любовь. Это просто список вещей, которые нравятся в Короне большинству теплокровных людей. Откуда ты знаешь, как пахнет корица, Нона?

— Не знаю. Просто знаю. У тебя таймер включен?

— Да, спасибо, что спросила. Выбери, пожалуйста, кусок кости, который тебе больше всего нравится, и расскажи мне о нем.

Она посмотрела на кости. Там были длинные, напоминающие деревья кусочки, от которых отходили ветки, маленькие клинышки и длинный гладкий кусок с зазубренным концом. Нона взяла его и провела большим пальцем по шершавому расколотому концу, радуясь яркому ощущению.

— А мне нельзя любить Корону?

— Я никогда не буду мешать тебе кого-то любить, у меня нет такого права. Никто не имеет права указывать тебе, кого любить, а кого нет, и никто не обязан любить тебя. Если тебя заставили кого-то полюбить, это уже не любовь…

Ноне это понравилось.

— Вот почему я так люблю Табаско, Чести и своих друзей. Они же не должны были меня любить, и я очень удивилась, когда им понравилась.

— Неожиданно стать объектом любви — так

прекрасно… или так ужасно.

— Мне кажется, это прекрасно. Но я все равно люблю Корону.

— Она привыкла к людям, которые ее все равно любят, — сказал Паламед с таким видом, как будто это был совсем не комплимент.

— Нам все еще нравится Капитан? (Даже Нона не смогла по-настоящему полюбить Капитана.)

— Мне жаль Капитана до глубины души, но она мне никогда не нравилась. Корону мне не жаль, но она мне ужасно нравится. В этом и проблема. Попробуй сделать конец кости гладким.

Нона сильно надавила большим пальцем на зазубренный конец кости. Подушечка пальца потеплела. Крошечные осколки кости прорвали кожу, и показалась струйка красной крови. Нона сунула большой палец в рот. Паламед осторожно отвел ее руку.

— Мысль неплохая, это антисептик, но я сделаю лучше.

Вокруг рта Камиллы появились морщинки, но маленький осколок кости выскочил из ранки. Она затянулась, и ощущение тепла пропало.

— Камилле было больно? — с любопытством спросила Нона.

— Нет, слава богу, нет. Я бы никогда не причи-

нил ей боль.

— Почему синий свет в небе причиняет боль — другим людям, но не тебе и Кэм?

Она спрашивала об этом больше дюжины раз, особенно в последнее время, но Паламед всегда отвечал без колебаний, сколько бы раз его ни спрашивали.

— У нее неправильное тело. Сейчас мы можем… обманывать. Использовать меня, а не ее, для всяких необычных вещей. Недостаток в том, что наше время сильно ограничено. Если бы я находился в ее теле слишком долго, я навредил бы ей, а синий свет стал бы вреден и мне. Но в целом ничто не вредит Камилле, пока я слежу за временем. Понятно?

— Пожалуй… — сказала Нона, а потом решила: — Да, это приятно. Я не хотела бы, чтобы Камилле было плохо. Я люблю Камиллу.

— А за что ты любишь Камиллу?

Нона немного задумалась. Это было все равно что спросить, зачем ты дышишь.

— Мне нравится, как она двигается, — жалобно сказала она.

— Мне тоже.

— Ты скучаешь по ней?

— Ужасно. Но записи хороши.

— Синий свет может навредить Пирре, Паламед?

Еще один вопрос, который она начала задавать снова. Камиллу это тревожило.

— Нет, — мягко сказал Паламед. — Она невосприимчива к синему свету, и он не причинит ей вреда. У нее правильный тип тела, которое могло бы пострадать, но у нее не та душа. Она создана, чтобы быть к нему невосприимчивой.

— А у меня неправильное тело или неправильная душа?

Это был единственный вопрос, с ответом на который Паламед колебался.

— Мы не знаем. Когда ты появилась, мы боялись, что синий свет на тебя подействует, но ты в порядке. Это может означать, что ты как Пирра и что ты неуязвима, потому что твоя душа защищает твое тело. Но… Есть много факторов, Нона.

— Вот почему… я не нужна Крови Эдема?

— Нужна, — сказал Паламед, — очень нужна. Тебя напугал наш с Пиррой разговор этим утром?

— Не совсем. Я имею в виду, я знаю, что дела идут все хуже, — сказала она, желая показаться искушенной. — Я знаю, что я не починилась и у нас осталось на это всего несколько месяцев,

кто знает, что произойдет тем временем. Но я не боюсь Ценой страданий. Мне нравится Ценой страданий.

Паламед изогнул бровь Кэм. Это значило, что он изумлен.

— Только потому, что командир однажды подарила тебе конфетку?

— Дело не только в этом.

Дело было в том числе в этом. Когда-то в самом начале Ценой страданий угостила ее сладким, когда у Ноны был тяжелый день, и сказала: «Продолжай выполнять задание, Нона». Конфета оказалась слишком сладкой, ее пришлось выплюнуть и сразу извиниться, потому что это слишком, но ей понравилось, как прозвучало про задание. Она сразу почувствовала, что ей есть зачем жить.

— В другое время и при других обстоятельствах мне бы тоже понравилась Ценой страданий, — признался Паламед. — Да мне бы все Ктесифонское крыло понравилось. Но сейчас… ладно, прибери кости, на сегодня хватит.

Они начали вместе собирать кости и складывать их под ложное дно большой коробки, в которой хранилась консервированная фасоль.

— Иногда… — Она вдруг заговорила очень за-

думчиво для себя. — Мне не нравится, когда ты это делаешь… некромантию…

— Ты только что произнесла это слово сама.

— …но это приятно. Смешанное чувство. Такое ощущение, что, когда ты это делаешь, мне становится грустно. Не оттого, что ты это сделал, а оттого, что ты такое умеешь. Я что-то не то сказала? — торопливо добавила Нона, увидев лицо Паламеда.

— Нет, — мягко сказал он почти сразу, — я просто пока не понял. Ничего. Мне нужно еще очень долго учиться понимать.

Затем на его лице появилось выражение, которое означало, что он задумал что-то сделать. Оно отличало его лицо от лица Камиллы: лицо Камиллы принимало такое выражение, когда она была чем-то занята и когда об этом думала — именно это и делало ее поведение настолько неожиданным. Но Паламед не успел сделать то, что собирался: в кармане звякнул таймер.

— Время вышло, — сказал он. — Передай это от меня Кэм, ладно?

Как и всегда, он развел пальцы Ноны и тихо поцеловал второй палец на правой руке.

Нону всегда гораздо больше интересовало происходящее с губами и руками, чем с костями и

мечом. На уроках обращения с костями и мечом ей казалось, что ей читают скучную газетную статью или какую-нибудь книгу из тех, что Пирра порой покупала с кузова грузовика, две по цене одной. При попытке почитать ей это она засыпала через пару минут. Но у нее хорошо получалось *это*, что бы это ни было; она не знала, как это называется: ей никто не сказал, а сама она не могла подобрать слово. Когда Паламед впервые попросил ее об этом, довольно давно, и когда она впервые поднесла руку Камиллы ко рту и сделала то же самое, что сделал Паламед, так же сложив губы — это же умение помогало ей понимать языки — и так же коснувшись ее руки, Камилла посмотрела на нее, а потом час сидела в ванне в темноте, даже не налив в ванну воды.

Нона дождалась, пока глаза Камиллы прояснятся, подняла руку Камиллы и прижалась к ней губами. Камилла только сказала:

— Спасибо.

И почти не вздрогнула.

6

В тот вечер Пирра работала допоздна. Они сносили большое здание, потому что все беспокоились, что оно обрушится, раздавит окрестные улицы и провалится вниз, в туннели. Работы то начинались, то останавливались, потому что никак не получалось решить, кто должен платить рабочим: ополчение или старое гражданское правительство. Внизу, в молочной лавке, какой-то старик ворчал, что при Домах, по крайней мере, все знали, кто кому платит, а другой старик спросил: «Это все, что тебя волнует, старый мудак?» И тут они оба поняли, что их слушает Нона, и, чтобы скрыть общее смущение, спросили, что думает она. Она сказала, что ее устраивает происходящее, пока Пирре платят, потому что она хочет подарок на день рождения. После этого они щипали ее за подбородок и много смеялись, и Нона не понимала почему, ведь она была совершенно искренна. Они дали ей по талону на кофе, и она так обрадовалась, что по дороге домой чуть не уронила их два раза.

Жара окончательно утихла, и Камилла открыла пресную воду, чтобы налить ее в бак и принять

ванну. Нона помылась перед раковиной, подпрыгивая от холода, несмотря на жару, и мечтая залезть в теплую воду. Дверь слегка треснула, поэтому она слышала, как ходит Камилла, тыкая в воду палкой, чтобы удостовериться, что в трубах ничего не застряло.

— Ты мне почитаешь? — спросила она.

Они все еще продирались сквозь старые газеты, где люди задавали вопросы о своих проблемах, а редактор предлагал им варианты решения. Газеты были написаны наполовину на языке, который Кэм знала, а наполовину — на незнакомом. Ноне они очень нравились. В реальной жизни у людей не могло быть таких проблем, а предлагаемые решения были еще хуже.

— Кусок дыни за пять минут, — последовал ответ.

— Я могу съесть два, — решила Нона, — это будет десять. А когда Пирра вернется?

— Поздно, наверное. Ждать не будем. — И тут она страшно шокировала Нону, спросив: — Нона, ты хотела бы уехать отсюда?

— Что?

— Жить на ферме со мной и Стражем. С Пиррой. За городом. Подальше.

— Нет, — ответила Нона, испугавшись и не

обрадовавшись, — мне тут нравится.

— А тебе бы понравился новый дом, если бы мы все тоже там были?

— Наверное, — сказала Нона, испугавшись окончательно.

— Есть что-то, о чем ты мне не говоришь?

Камилла впервые задала этот вопрос. Вопрос был ужасный. Молчание тянулось так долго, что у Ноны запылали кончики ушей. Казалось, что прошла вечность.

— Да, — слабо сказала Нона.

Наступила еще одна долгая пауза.

— Обещаешь сказать мне или Паламеду, если чего-то испугаешься или не будешь знать, что делать?

Это было больше похоже на Камиллу.

— Конечно, — сказала Нона.

— Спасибо. Приятно. — Дверь приоткрылась, и появилось пластиковое блюдце с двумя ломтиками дыни. Нона начала смывать мыло с рук. За дверью зашуршала бумага.

— Дорогая тетя. Когда мы с моим парнем ссоримся, он идет в ванную, а потом заставляет меня извиняться…

Сидя в ванне, Нона съела полтора ломтика дыни, что было на полтора ломтика больше, чем

надо, и послушала примерно семь минут писем от людей с проблемами. Она много смеялась. Она не могла ничего почитать Камилле в ответ, но Камилле нравилось принимать ванну в одиночестве, поэтому Нона развлекалась в комнате, складывая полоски бумаги в гармошку, как ей показали Чести и Кевин. Кевин очень хорошо складывал бумагу, пальцы у него были маленькие и ловкие. Прошло довольно много времени, но было еще жарко, когда они обе устроились спать. Дул ветерок, окна были открыты, и с мокрыми волосами и без одеяла было довольно приятно.

Нона попыталась задремать, пока обсыхала. Где-то за плотными шторами то взвывала, то затихала приглушенная сирена. Нона с Камиллой слишком сильно ерзали: Камилла довольно дисциплинированно, вытянув ноги и подняв пальцы к потолку, Нона — пытаясь поудобнее устроиться на спине. Она ждала, когда Кэм отчитает ее, но в конце концов та спросила:

— Прочитать еще одно письмо?

Это было такое приятное предложение, что Нона сразу обрадовалась и захотела спать.

— Кэм, — сказала она, прижимаясь к ее спине, — может, ты мне лучше что-нибудь расскажешь, как раньше? Я закрою глаза, пока ты будешь

говорить.

— Ты давно не просила рассказывать тебе истории. Сказала, что ты уже слишком взрослая.

— Это потому что Красавчик Руби надо мной посмеялся, когда я рассказала, как засыпаю.

Это случилось довольно давно. Дело было даже не в том, что Красавчик Руби ее обидел, а в том, что все остальные сразу же велели ему заткнуться, и Чести сказал гораздо громче, чем было нужно:

— А ну помолчи, Нона может вести себя как ребенок, если хочет.

И это гораздо лучше показало ей, что она капризный ребенок. А Табаско посмотрела на нее очень неприятно.

— Хм, — сказала Камилла. — И какую историю ты хочешь?

Нона подумала.

— Расскажи мне еще раз, как вы меня встретили. Ни ты, ни Паламед давно об этом не рассказывали.

— Хорошо.

Грубоватый, сладкий, низкий голос Камиллы стал звучать декламацией:

— Страж спас тебя после ранения.

Нона добавила:

— И это был первый раз, когда выяснилось, на что он способен, потому что у него не было тела, и ты удивилась.

— Это чья история, твоя или моя? — спросила Камилла.

Нона замолкла. Камилла продолжила:

— Это был первый раз. Мы… пытались поговорить. У него не было тела для разговора. Тогда мы узнали, что ты в беде. Ты исчезла. Мы пытались тебя вытащить. Мы нашли тебя и Пирру. Ты была ранена. Пирра помогла нам сбежать. Мы потеряли людей. Корабли. Что-то очень важное. Но мы вытащили тебя и хотели тебя сохранить. Другие говорили, что не надо этого делать. Но ты не понимала, что происходит. Ты ни для кого не представляла угрозы. Как и Пирра. Немногие поверили мне и Стражу. Говорили, что ты тоже опасна.

Нона опять вмешалась:

— И все послушали Ценой страданий, которая сказала: «Я им доверяю. Они нас не предадут».

— Да… тогда Ценой страданий нам доверяла. Она позволила жить даже Пирре. Потом я нашла способ, который позволил Стражу вернуться. Это оказалось огромным облегчением. Он вспомнил оговорку о прекращении действия… то есть он

хотел увести свою семью подальше от Домов. Ты тогда еще не проснулась. Точнее, просыпалась очень ненадолго и не могла нормально говорить. Мы присматривали за тобой. Страж убедил Надзорный орган и убедил Шестой дом пойти с нами. Мы открыли им секрет установки. Мы помогли им найти стелу, которая стала бы якорем для такой значительной передачи танергии… то есть мы помогли им переместиться. Потом Страж выбрал шестнадцать человек для разговора с Кровью Эдема. Для обсуждения будущего. Ты приходила в себя. Ты увидела меня впервые.

Нона спросила, зная ответ:

— И что ты обо мне подумала?

— Подумала, что совсем тебя не знаю. Ты стала другой.

Ноне всегда без всяких на то оснований нравился этот ответ. Ей нравилось думать, что момент встречи с Камиллой был ее рождением.

— Я почти ничего не помню о том времени.

— Неудивительно. Мы не позволяли тебе встречаться с людьми.

— И мы жили здесь, и мне стало лучше, и Пирра пошла работать, а ты научила меня говорить. А потом все пошло наперекосяк.

Это было ужасное время.

— Да. Потом все пошло наперекосяк. Появился свет. Мы узнали, что Кровь Эдема солгала нам… или, по крайней мере, у них не было сил заниматься нами. Вот и все.

Нона тянула носки вперед, пока икры не начало жечь.

— Это детская версия, — сказала она обвиняюще. — Я уже выросла, Кэм. Я могу понять все.

— Хорошо. Но не забывай, что я никогда не отрабатывала версию для взрослых.

— Можно мне задавать вопросы?

— Давай.

— Я не понимаю, почему Ценой страданий ненавидит Пирру.

— Лучший друг Пирры убил босса Ценой страданий.

Это звучало логично.

— Почему вы хотели увезти свои семьи оттуда?

— Мы чувствовали, что там больше находиться нельзя. По крайней мере, пока мы не поймем, что делать. Страж — наш лидер, и наши семьи к нему прислушались. Мы голосовали… дали обещания, которые не смогли сдержать.

В голосе Камиллы звучала горечь. Ноне стало грустно.

— Если я вспомню, кто я, я смогу помочь их найти?

— Это зависит от тебя, — сказала Камилла.

— Понравлюсь ли я вашим семьям? Скажут ли они: «Молодец, Пирра, отличная работа, Камилла, молодец, Паламед»?

Стало понятно, что Камилла улыбается.

— Нет.

После этого Нона уснула или подумала, что спит. Она лежала, чувствуя, как от жары зудит все тело, ерзала, чтобы найти прохладную часть подушки: Камилла положила замороженные кубики в наволочку, как делала каждую ночь. Она слышала дыхание Камиллы и чувствовала себя почти полностью умиротворенной и счастливой, несмотря ни на что. Иногда трудно не быть счастливым; иногда это бывало очень сложно, когда другие прятали тяжелый обиженный взгляд, означавший, что они понятия не имеют, как жить дальше. Это делали все: мужчины в молочной лавке, Пирра, Паламед, милая учительница в школе, Кевин.

Заснув на девяносто процентов, она услышала, как тихо открылась и закрылась дверь. Через пять счетов в дверях уже стояла Пирра.

— Мои милые спящие малышки, — сказала

она, — папочкины солнышки.

Камилла без всякого выражения произнесла, открыв глаза:

— Иди спать. Я только что ее уложила.

Нона заснула, чувствуя себя счастливой.

Иоанн 5:20

Во сне она сказала:

— И все? Вас закрыли и на этом все закончилось?

Теперь они стояли на вершине холма. Она не помнила, чтобы они поднимались. Под холмом простиралась огромная пустая равнина, как будто кто-то рукой смахнул все в одну сторону. Слева было пусто, а справа невидимая рука как будто остановилась, оставив неясную мешанину мусора, металла и листвы — деревья, строения, камень, металл.

Он сел на клочок коричневой травы и засмеялся.

— Любимая, это не то что не закончилось. Ничего еще не начиналось примерно год.

Он объяснил, что это было только начало. Он сказал, что официальные документы гласили, что решено было взять паузу и все обдумать, но он-то знал, что они инвестировали деньги во что-то другое, просто не знал во что. Он сказал, что, когда произошла утечка, все всё узнали, проект постоянно обсуждали в новостях и каждый обзавелся своим чертовым мнением. Потом широкую

публику вдруг осенило, что должен произойти следующий шаг: мы уже близились к финишу, и долго бы никто не продержался. И тут началась паника. Экономика рухнула. Да, честно говоря, она никогда не была в хорошей форме.

А паниковал, потому что наши гонорары за убийство внезапно обесценились, а что, если банки рухнут и новых денег не будет? К паниковала, потому что после закрытия проекта ее вызывали обратно в Англию, а она не хотела ехать, у нее уже была Н, которую она не хотела оставлять, но при этом отказывалась признавать, что они встречаются, хотя все и так это знали. М паниковала, потому что у нас было министерство здравоохранения, и кто-то из энергетиков заговаривал об отключении энергии, и что прикажете делать с кучей трупов, которые мы собрали для экспериментов?

Он сказал: «Вот эта идея до меня дошла. Я знал все эти тела по именам. Забавно так говорить, но они все были моими друзьями, понимаешь? Я так долго над ними работал, они так много нам дали, и их теперь собирались просто бросить в какой-то бетонный контейнер, потому что после того, что мы с ними сделали, их нельзя было кремировать или безопасно похоронить. Это

меня бесило. Мне не нужно было беспокоиться о публике или средствах массовой информации — у нас был прикормленный полицейский, П. К этому моменту она уже стала детективом и занималась серьезными делами в министерстве. Она с давних времен знала Г, а мы с Г были из одного города, и она нас прикрывала. Поначалу о нас много говорили, потому что всем хотелось кого-то обвинить, хотелось поглазеть, хотелось писать разные спекуляции. Хотелось знать, кто мы. М и А могли бы сразу же устроиться на новую работу, но я был облучен. Я бы никогда больше не смог работать в этой отрасли. Мне бы, черт возьми, не разрешили работать ни над чем, связанным с вами. Я велел М и А уходить и сказал, что закрою лавочку. Они не ушли. Никто из них не оставил меня».

Он сказал: «Это было сущее столпотворение. Я имею в виду, худшее было еще впереди, но кризис как будто начался сначала. Как будто это все набросилось на нас из ниоткуда, как будто никто не говорил, что вы больны. Мы обсуждали одни и те же старые мудацкие вопросы. А как насчет установки на Марсе, как насчет термоядерных батарей? Ребята, у нас там места только на пять миллионов человек, и мы пока не придумали,

как их кормить. А как насчет платформы в поясе Койпера, а как насчет Урана, как насчет корпуса, который мы там строим? И мы понимали, что начали отставать двадцать лет назад, до того как поняли, что нас обманули. Единственным вариантом был вывоз населения на экзопланету. Криокамеры позволили бы забросить всех на Тау Кита еще при моей жизни. А там мы могли бы начать работу над обратным процессом. Речь шла о том, чтобы дать вам передышку, понимаешь? Я знал, что не доживу до вашего выздоровления, но хотел перестать причинять вам боль».

Он сказал: «Я не паниковал вместе со всеми. Понимаю, что должен был, но не паниковал. Я продолжал работать по плану даже без поддержки. Продолжал дорабатывать смесь для камер. Я как будто каждый день немного лучше понимал, как это должно работать, понимал всякие мелочи. У меня бывало по шесть озарений в день. Все ожидали, что я сойду с ума. А все время спрашивал: “Ты спишь? У тебя все хорошо? Ты что-то принимаешь запрещенное?” Но я ничего не принимал. Я спал как младенец. Я смотрел на этих ребят и думал что-то вроде того, что я все о них понимаю».

Он сказал: «Рассказал М об этом.

Огромная ошибка. Она начала: “Боже мой, ты же пьешь, ты на амфетаминах, ты на кокаине и амфетаминах…” Я сказал: “Ага, на кока-коле зеро”. Она не засмеялась. Я засмеялся».

Он сказал: «Кажется, я всегда думал, что любой каламбур автоматически уже смешон».

Через некоторое время он сказал: «Проблема была в том, что все ребята из электрики говорили что-то вроде: “Мы вам сочувствуем, но не можем и дальше вливать три процента энергии всей страны в ваши банки”. Хороший был парень. А вот чувак из министерства здравоохранения был мудак. Говорил, что нам нужно немедленно избавиться от тел, что мы должны сделать это как можно скорее, растворить их, поместить в бетонную камеру и закопать ее. Тебе бы это прям понравилось. Я бесился. Это были наши друзья, к ним нужно было относиться с уважением. В смысле… наверное, такие мои слова и беспокоили А.

Г продолжал говорить, что со мной все в порядке, но это был глас вопиющего в пустыне. Г всегда считал, что любые мои слова и действия хороши. Необязательно правильны, но хороши.

А потом они вдруг сказали: “Заканчиваем работу. Мы вас закрываем прямо сегодня, отключаем свет”. Мы знали, что без камер тела немедленно

разложились бы. У нас была только демоверсия камеры, массовое производство было возможно на фабрике Пяти глаз в Шэньчжене. О том, чтобы перевезти трупы на такое расстояние, не могло быть и речи. Мне пришлось отпустить их. Я обошел всех, поговорил со своими любимцами — я понимаю, что странно было заводить любимцев, но я уже был довольно странным. Я даже не прощался, просто говорил им, что все будет хорошо, пусть подождут меня, kiakaha, kiamāia. К слала апелляцию за апелляцией.

Дохлый номер. Однажды вечером, ровно в шесть ноль одну, они отключили подачу энергии в камеры. Мы все стояли и смотрели на это».

Он замолк, и она поторопила:

— И что случилось, господи?

Он улыбнулся склону холма, плоским равнинам и кривой куче мусора, напоминавшей странную зубастую морду.

— Большинство тел растеклось, как мы и думали. Восстановлению не подлежали. Мозги у них сразу превратились в жидкость. Но, Харроу… все, к кому я прикасался, все, кого я любил… остались нетленными.

День второй

Каша на завтрак – Работа Чести – Все идет не так – У города плохой день – К амилла-и-Паламед – «Пусть сидит дома сегодня» – Четыре дня до открытия Гробницы

7

Сон Ноны внезапно оборвался. Сверху рухнуло что-то мокрое, тяжелое и жуткое, прямо на лицо, разбрызгивая капли. Она так громко завизжала, что наверху постучали в пол, и она перестала визжать. Камилла была непреклонна — она нажала кнопку и сказала:

— Начинай.

Нона так сильно зажмурилась, что перед глазами поплыли яркие огоньки и маленькие молнии.

— Мы опять сидим. У меня ноги в воде, приятной и безопасной. Вода в ботинках, в носках. Я разговариваю с ней, но не вижу ее лица. Я пытаюсь, Кэм, но каждый раз одно и то же, я не могу на нее посмотреть, просто не получается.

— Это нормально. Продолжай.

— Мы говорим.

— О чем?

— Я не знаю. Не могу понять. Я слышу слова. Иногда я открываю рот и что-то говорю, но не понимаю что.

— Ощущения? Ты к чему-то прикасаешься?

— Я касаюсь ее рук. Она касается моих. Но во

сне это всегда мои руки, не забывай, Кэм, я трогаю собственные руки, но они не мои.

Карандаш почти рвал бумагу.

— Хорошо. Я знаю, как это. Продолжай.

— Вокруг нас глаза, красные глаза. В темноте. Я помню на этот раз, что они красные.

— Ты о чем-то думаешь?

— Да, — сказала Нона. — Я голодна. Во сне. Очень.

Карандаш замер.

— Ты хочешь есть?

— Ужасно.

Карандаш не двигался. Нона поняла, что Камилла, наверное, ждет, что она разочарована, поэтому добавила немного обиженно:

— Наверное, я бы запомнила больше, если бы мне на лицо не упала мокрая тряпка и я не закричала так громко, что человек из ополчения застучал в пол. Теперь Пирра наверняка получит очередное грубое письмо. Мне кажется, мокрая тряпка — не лучшая идея, давай ты сменишь будильник?

— Ну, ты не просыпалась, — сказала Камилла. — Что-нибудь еще? Хоть что-то?

— Ничего.

Кнопка записи была нажата с громким и ярким

щелчком. Нона, вытирая воду, попавшую на лицо с губки, панически поползла в сторону одежды. Руки и ноги слушались ее еще хуже, чем обычно, поэтому она чувствовала себя похожей даже не на червя-инвалида, а на умирающего паука. Ей не понравилась подготовленная футболка, хотя она сама ее выбирала перед сном. На ней был нарисован чизбургер на маленьких ножках. Малышам он нравился, но сегодня она решила, что это по-детски, непрофессионально и недостойно помощницы учителя. Камилла посветила ей маленькой лампочкой, прикрепленной к планшету, чтобы Нона застегнула пуговицу на брюках и ремень, а потом вытерла мокрую челку.

— Извини, что напугала, — сказала Камилла, — губкой. Я не хотела.

Негодование Ноны сразу куда-то делось.

— Это ты извини, что я не проснулась, — сокрушенно сказала Нона. — Если ты завтра уронишь на меня губку, обещаю, что не стану кричать.

— Больше не буду. Эксперимент прошел неудачно.

Карандаш бежал по бумаге. Нона погладила волосы, проверила, что косы тугие и из них ничего не выбивается, встала и посмотрела на себя в зеркало, чтобы окончательно успокоиться. По

крайней мере, волосы выглядели великолепно. Под глазами темнели круги, и она потерла их пальцами.

— Нона, когда ты смотришь на свои руки…

Это ее напугало. Камилла редко что-то спрашивала после того, как Нона вспоминала свой сон.

— Да?

— Кому они принадлежат? Они тебе нравятся?

Нона рассмеялась.

— Ни капельки.

Ноне не нравилось иметь руки.

Но Камилла не спросила почему; она просто прищурилась, как будто пыталась придумать, что можно приготовить на ужин из ограниченного количества ингредиентов, и сказала:

— Да, конечно. Спасибо.

— Это была подсказка? Мы приблизились к цели? Ты уже знаешь, кто я?

— Нет.

— Это нормально. Я тебя люблю. Скажи Паламеду, что я тоже его люблю, не забудь.

Нона, очень довольная собой, пошла чистить зубы и завтракать без дальнейших указаний. Это была приятная и короткая сессия.

Она вышла так рано, что Пирра еще не успела приготовить завтрак, а может, Пирра и вовсе не

собиралась готовить, потому что она не достала маленькую бутылку, чтобы заправить плитку. Вместо этого она вынула из холодильника большое закрытое блюдо.

Выбравшись из холодильника, Пирра сказала:

— Холодная каша, хорошо? Вечером я залила ее соком и положила изюма, так что начинай его искать.

— Лучше, чем яйца, — решила Нона. — Как работа?

— Отлично. Двое моих парней подрались, потому что кто-то сказал, что битва при Притиби была тяжелее боев в Антиохии. Пришлось их отдирать друг от друга. Кусались за уши. Не забудь воду, сегодня будет жарко.

Нона взяла воду из коричневой мозолистой руки Пирры и даже отпила глоток. Вода оказалась невероятно холодной.

— Глупая причина для ссоры.

— Очень, но теперь этого будет все больше и больше. Три месяца назад они бы просто накричали друг на друга. Теперь они с радостью поубивали бы друг друга из-за пролитого пива. Сейчас на улицах трупов больше, чем в казармах после первой резни. Они просто лежат на улице, их никто не трогает или… просто мертвые.

Страшно. Как дела в школе?

— Мои друзья не хотят убивать друг друга, — сказала Нона и уточнила: — Ну они все время об этом говорят, но это правда. Малыши уже несколько недель не кусают друг друга, а когда они слишком орут, Табаско говорит им замолчать, и они замолкают.

— У этой Табаско есть будущее, если она поменяет имя.

— Чести говорит, что есть очень важная и интересная причина, почему ее так зовут, и что мне надо ее спросить. — Нона выбирала самую маленькую миску для каши. Самую маленькую — для нее, среднюю — для Пирры, самую большую — для Камиллы и Паламеда.

Потом она вспомнила прошлый вечер.

— Пирра, почему Ценой страданий ненавидит тебя?

— Потому что я напоминаю ей, что ее Бог был всего лишь человеком, который мог устать и облажаться, — тут же сказала Пирра. Была у Пирры такая прекрасная черта — она не тратила время на вопросы вроде «А почему ты об этом спрашиваешь?» или «А зачем тебе?». Она просто прямо отвечала. Правда, это была и плохая черта Пирры, потому что врала она примерно с той же

скоростью, что и говорила правду.

— Мне нравится думать, что больше она не ненавидит меня. Теперь, когда она испытала на себе мои знаменитые чары. Теперь она, вероятно, говорит себе: «Ну конечно, как можно было устоять перед этим?» Потому что я очаровательна, Нона, понимаешь?

— Если ты такая неотразимая, — сказала Нона, — то почему ты одна?

Пирра приняла мелодраматическую позу, приложив ложку ко лбу. Ее худое волчье тело выглядело в такой позе нелепо.

— Мое сердце разбито, и я больше никогда не полюблю.

Хотя Пирра и вела себя по-идиотски, Нона подумала, что в этом заявлении куда больше правды, чем кажется, особенно если посмотреть на морщинки в уголках красно-коричневых глаз. У Пирры действительно было разбито сердце, и чем больше Нона об этом думала, тем логичнее это казалось. Пирра была похожа на Камиллу и Паламеда, но ее эквивалента Паламеда больше не существовало, он был мертв по-настоящему, убит ужасным монстром, которого ей отказывались описать. Невозможно было представить, чтобы Камилла и Паламед разлучились. Конечно,

они были не вместе, их всегда разделяли минуты, но Нона знала, что они писали друг другу многостраничные письма. Нона видела стопки бумаги. Камилла не запирала их, потому что Нона не умела читать, а когда она спросила у Пирры, будет ли та читать ее переписку, Пирра ответила: «Нет, если мне не захочется сблевать».

Нона ковыряла кашу ложкой, когда вошла Камилла, раскатывая закатанные рукава рубашки.

— Опять детское питание? — это значило, что это вовсе не Камилла.

— Вкусняшки для малышки, — объяснила Пирра. — Либо это, либо бобы и сушеные рыбные хлопья.

— Я думал, ты вчера принесла продукты.

— Мне платят половину, пока не найдут кого-нибудь, кто заплатит за бурение, — объяснила Пирра.

— Да, но что случилось с этой половиной?

Пирра выложила кашу в большую миску и протянула ее Паламеду.

— Когда-нибудь у тебя будет очень бесячая жена, Секст, — любезно сказала она.

— Две, если бы я думал, что ты пропила все наши деньги, я бы спал спокойно. — Паламед ткнул в ее сторону ложкой: — Кому и зачем ты

дала взятку?

— Одним ребятам. Зона С, — лаконично сказала Пирра.

— Ради бога, Пирра, если туда так сложно попасть, давай возьмем зону Б, у нас с Кэм есть способы и средства…

— Я бы заплатила любую сумму, чтобы вы не несли такой риск, который несете. — Пирра сунула ложку каши в рот. — М-м-м… ее так… легко проглотить.

— Пирра, — сказал Паламед, — мы делаем это по крайней необходимости. А ради подсказки мы готовы на что угодно.

Пирра понизила голос.

— Кому какое дело до подсказок? На самом деле ты устраиваешь этому мозгу жесткий талергический секс. Сынок, каждый раз, когда вы пересекаетесь, ты подвергаешь ее таламус ужасающему стрессу…

— Я каждый раз даю этому зеленый свет, тщательно сканирую ее на предмет…

— Тебе следует слить и заменить ее гребаную мозговую жидкость, — сказала Пирра. — Когда мы с Гидеоном планировали это испытание, я взламывала ему череп и сама ее процеживала. В качестве контрольной переменной. Это все

накапливается. Сомневаюсь, что ты проверяешь количество лейкоцитов. Единственными людьми, которых я провела через это чертово испытание, были Мерси и Крис, потому что только Крис не возражала против регулярной трепанации черепа. Трахаться с душами не так-то просто, Секст. У тебя никогда нет о них полной информации.

Паламед очень вдумчиво и медленно съел ложку каши.

— Ты считаешь, что я слишком доверяю себе, — сказал он.

— Я считаю, что ты не можешь быть сам себе сдержками и противовесами, и не стоит и пытаться.

— Иногда ты напоминаешь мне мою мать.

— Женщину, ради встречи с которой я готова убить, — сказала Пирра.

— Будем надеяться, что у тебя появится такая возможность, — ответил Паламед, — итак…

Нона вытащила из каши мягкую набухшую изюмину и принялась осторожно перетирать ее зубами, стараясь есть очень осторожно. Каша была неплохая, только слишком сладкая и немного жесткая, но ей всегда приходилось выбирать, какой кусочек она может съесть, не выплюнув

и не привлекая ничьего внимания к тому, что она делает.

— Вы ссоритесь? — спросила она. — Это потому что все в городе ссорятся? — И Пирра, и Паламед сразу приняли виноватый, затравленный вид.

— Не становись слишком милой для этого мира, детка, — ответила Пирра. Но, в конце концов, она назвала ее деткой и дернула за косичку. — Просто у нас стресс. Ешь кашу. Боже, это ужасно.

Как ни странно, Нона не слишком возражала против каши. Она была настолько непохожа на обычную еду, что ее можно было довольно легко проглотить, не думая о еде и не ожидая дешевой похвалы от Пирры и Паламеда. Паламед ел с механической яростью.

— Нельзя морить Кэм голодом, — пояснил он.

Он почти доел, когда у него запищал таймер.

— Слава богу, я успел.

И вместо него стала Камилла. Камилла посмотрела на Нону и спросила:

— Новости?

— Паламед ненавидит кашу.

— У нас была каша? — Камилла посмотрела на свою тарелку, а затем на Пирру, которая приберегла изюм напоследок и пихала его в рот. — А куда делись деньги на еду?

— Я не хочу говорить об этом второй раз, — ответила Пирра.

До школы оставалось еще много времени, поэтому они вспомнили одно из любимых занятий Ноны. Нона стояла на ногах Пирры, пока Пирра с Камиллой делали растяжку и подъемы корпуса. Пирра помогала Камилле тянуть ноги с такой силой, что Нона боялась, что они оторвутся, а потом безжалостно растягивали саму Нону, заставляя ее касаться пальцев ног, вытягивать одну ногу, потом другую, пока она не почувствовала множество коротких ярких вспышек боли.

— Нужно поддерживать мышцы в тонусе, — сказала Пирра, — хотя бы грубой силой.

В конце ей помассировали спину и икры, и это было приятнее всего. Когда они вышли из дома, она чувствовала себя обессиленной и радостной, но не рискнула признаться, что устала. Правда, идя мимо огромных вентиляционных отверстий вместе с толпой, Нона уже чувствовала себя лучше.

Они шли по улице, никуда не сворачивая, пока Пирра не сказала у ворот парка:

— Слишком много людей, обойдем.

Нона взяла Пирру за руку, и они пошли кругом. Повернули налево, огибая парк, прошли мимо

смелых владельцев ларьков и других торговцев, которые раскладывали свои товары, курили, тянули длинные грязные кабели к вентиляторам, которые сдували дым немного в сторону. Нона немного отстала, держась за руку Пирры и разглядывая ряды тонких синтетических рубашек и пластиковых ботинок.

— Зачем тебе эта дешевка? — спросила Пирра.

— Низачем. Но мне же скоро полгода, — напомнила Нона.

— Ты получишь подарок на год, — сказала Камилла.

Нона встревожилась; если она не получит подарок сейчас, то, скорее всего, не получит его и потом.

Но Пирра возразила:

— Боже, ты думаешь, ей вообще когда-нибудь дарили подарки? Я бывала в ее родном городе еще до Анастасии, и там было мрачно, как в заднице. Внизу жуткие пещеры…

Это заинтересовало Нону, но Кэм резко сказала:

— Не начинай.

— Ничего такого, мэм, понимаю. Нона. А что ты хочешь в подарок?

Нону обуяла жадность.

— Мне нужна пачка цветных резинок, чтобы на одну косичку один цвет, а на другую другой, как у Красавчика Руби.

— Я сказала «подарок», Нона. Он должен чего-то стоить.

Нона была озадачена.

— Ну я поэтому такой и выбрала, он дешевый, поэтому ты, наверное, сможешь его купить, даже если ты отдаешь половину своих денег. Ты же не так много зарабатываешь.

— Домашняя жизнь, — сказала Пирра Камилле через голову Ноны, — чрезвычайно угнетает и сильно понижает самооценку.

— Иногда, — неожиданно согласилась Камилла.

Когда они прошли две улицы и оказались там, куда обычно выходили через парк, Пирра поцеловала Нону в макушку и сказала:

— Веди себя хорошо. — А Камилле добавила: — Я буду дома к ужину, дорогая, так что не ходи с девочками на маникюр.

— Постарайся на этот раз принести домой что-нибудь полезное, — ответила Камилла.

Ноне стало больно смотреть, как Пирра уходит со своим обедом, шлемом и запасной курткой, насвистывая, как любой обычный рабочий. Нона

с Камиллой повернули направо, прошли через переулок, мимо здания, в котором теперь зияла огромная дыра. Было одно изменение: Камилла выбрала другую дорогу, потому что заметила под припаркованной машиной пару торчащих ног, а потом милая учительница втолкнула Нону с Камиллой в школу, и они встали в вестибюле, отряхивая ботинки. Нона появилась как раз вовремя: обход вокруг парка означал, что рано она прийти не могла. Кэм остановила Нону, которая уже двинулась к лестнице.

— Приду за тобой в обычное время.

— Ты не идешь?

— Не сегодня. — И с этим Камилла ушла.

Это немного озадачивало; но пока Нона стояла в гардеробе, расстегивая куртку и раскатывая рукава, она отвлеклась на голоса друзей и милой учительницы, доносившиеся из класса. Нона заглянула внутрь: милая учительница наклонилась над Чести и прижимала к его лицу тряпку, а Кевин и Утророжденный стояли рядом. Кучка малышей, пришедших пораньше, с восторгом наблюдала за происходящим.

— Привет, Нона! — заволновался Чести, увидев ее. — Мисс, пусть это сделает Нона, мисс, это ущемляет мое достоинство.

Милая учительница была явно не в своей тарелке. Она с облегчением посмотрела на Нону.

— Нона, ты не могла бы это подержать? Я не думаю, что Чести может стоять спокойно.

— Оно холодное, трындец, — объяснил Чести.

— Следи за речью, — холодно сказала учительница.

— Простите, мисс. Но оно такое… б… холодное, как в аду!

Учительница сняла тряпку, когда очарованная Нона подошла ближе.

— Чести разбили лицо, — сказал Кевин, а Утророжденный торопливо добавил:

— Да просто синяк.

Но зато какой синяк! Глаз Чести равномерно окрасился в кроваво-красный, а кожа вокруг глаза уже приобретала поразительные цвета: красный, фиолетовый и синий. Нона с удовольствием закрыла это холодной тряпкой с резким запахом.

Чести взвыл:

— Да бога ради…

Учительница оборвала его:

— Сиди так, пока не прозвенит звонок. Утророжденный, протри доску, пожалуйста. Остальные, разойдитесь и дайте Чести дышать нормально.

Доставайте книги, готовьте все остальное и сидите на коврике до начала урока.

Охваченная благоговейным страхом, Нона разглядывала глаз, потом спохватилась, что она помощница учителя, и торопливо приложила тряпку снова.

— Это что за штука? — спросил Чести.

— Не знаю, лекарство, наверное. Чести, что случилось?

— Видела бы ты того чувака, — очень громко сказал Чести и добавил гораздо тише: — Нона, заткнись. Ты что, фингалов никогда не видела?

— Не совсем, — честно сказала Нона. Если Пирру сильно били в лицо, следы проходили за считаные секунды, Камиллу и Паламеда в лицо никогда не били, и, уж конечно, ей самой тоже никто не ставил заметных синяков.

— Ужасно выглядит, — сказала она, — глаз весь в крови, и щека распухла.

Чести возмутился:

— Думаю, это чудовищно.

Табаско нигде не было, пока не вошла Ангел в сбитом набок галстуке, криво застегнутой рубашке и тех же штанах, что и вчера. Она не опоздала, но выглядела еще более усталой и осунувшейся, чем накануне. Она даже казалась ниже ростом,

как будто сгорбилась и съежилась. Заметив Чести, она просияла. Остановилась перед ним и Ноной и сказала:

— Дай посмотреть.

Нона убрала тряпку, чтобы открыть синяк.

— Отвратительно, — с удовольствием сказала Ангел.

— Думаете, у меня останется шрам? — спросил Чести.

— Нет, просто выглядит омерзительно. — Ангел протянула руку, чтобы пощупать опухший участок, и Чести вздрогнул. — Болеть будет отчаянно.

Подошла главная учительница, только что проводившая родителей. Лицо ее выражало облегчение.

— Слава богу, ты здесь. Не представляю, что делать. Ему нужно к врачу?

— Насколько я могу судить, ничего не порвано и не сломано, — сказала Ангел, снова прикрывая лицо холодной тряпкой, — через десять минут дадим ему пакет со льдом в полотенце. Что, ради всего святого, тебя ударило, Чести? Это не кулаком.

Чести яростно посмотрел на нее здоровым глазом.

— Откуда вы знаете? Вас там не было. Это кулак. Даже два.

— Чести, она врач, — сказала милая учительница.

— Ну, — сказала Ангел, забавным движением расправляя лацканы, — я близка к медицине и прохожу интенсивный курс… триажа. В любом случае, Чести, если ты не хочешь об этом говорить, это твое дело. Я сама не люблю жестокие истории.

— Я не жалуюсь всем подряд, я же не Кевин.

— Конечно. Никто так не думает. Веди себя как следует с Ноной, она тебе помогает.

Милая учительница выглядела так, словно была против, но пошла за Ангелом, болтая о чем-то несущественном вроде пробок. Ноне пришлось держать влажную тряпку на глазу Чести и загораживать его от малышей с выпученными глазами, пока не прозвенел звонок. Начинался новый школьный день. Ангел принесла ему пакет со льдом, завернутый в полотенце из учительской, и он с видимым удовольствием прижал лед к лицу.

Табаско небрежно шла за Ангелом на безопасном расстоянии. Она прошла мимо своего места и выгнала малышку, сидевшую возле окна, а когда

ее спросили об этом, малышка сообщила, преданно смотря снизу вверх, что они с Табаско давно хотели поменяться, так что учительнице оставалось только попросить их поменяться обратно после перемены. Нона весьма сомневалась, что это случится. В любом случае пытаться возразить Табаско — глупая идея. Табаско всегда побеждала, и весь класс это знал.

Все еще раз это увидели во время перемены. Вся банда очень подлизывалась к раненому Чести — фрукты Ноны были обещаны Утророжденному, но Утророжденный даже не возразил, когда половина порции оказалась у Чести. Большая часть класса вскочила с мест и сгрудилась вокруг Чести, спрашивая, выпадет ли у него глаз. Табаско сказала им:

— Брысь! — И все разбежались. Потом она спросила: — Ну и кто это сделал?

— Табаско, не психуй, — угрюмо сказал Чести, — я не хочу об этом говорить. И не могу. Я обещал.

Табаско села на подушку перед ним. Она сидела положив руки на колени, смотрела не моргая. Глаза не слезились. Потом сделала так, как делала очень редко, когда все ее умоляли, — распахнула глаза так широко, что кожа вокруг них стала

очень белой. Жесткие серовато-розовые шрамы от ожогов не шевелились, когда двигалось все лицо, и Табаско вдруг стала кривой и жуткой.

Утророжденный, Красавчик Руби и Нона перестали есть, стало очень тихо. Кевин продолжил жевать совершенно спокойно. Чести сглотнул и сказал:

— Брось, босс.

— У тебя есть от меня секреты, Чести? — спросила Табаско.

— Нет. — Чести угас.

— Хорошо.

Даже раздавленный, Чести все еще колебался, что впечатлило Нону.

— Босс, может быть, не в присутствии, ну, знаешь, детей…

— У нас нет секретов друг от друга, — сказала Табаско.

Чести снова сглотнул. Наклонился в их сторону и уставился в пол. По этому сигналу все сдвинули головы, даже Нона, хотя Камилла запрещала ей так делать из-за гнид.

Чести заговорил так тихо, что его почти не было слышно. Он сказал, что его ударило. Нона хорошо разбирала шепот, так что ей не пришлось напрягаться, а вот Табаско сказала:

— Повтори. — Кажется, она не поверила.

Чести покраснел и прошипел:

— Фонарь. Я не шучу, мать твою.

От удивления Утророжденный чуть не завизжал:

— И как ты это допустил?

— Не болтай об этом, — велел Чести.

— Он на тебя упал? — спросил Кевин.

— Нет, я врезался в него лицом, да так сильно, что упал на задницу и вырубился. А когда я очнулся, выяснилось, что какой-то алкаш меня пожалел и притащил в свою нору. Хуже быть не может. Меня бродяги жалеют, — тут он задумался, — хотя, наверное, он спас мне жизнь. Он неплохой. Не понял, что за херню он нес. Он постоянно проверял мне глаза и рот, говорил что-то вроде: «А-а-а» и как будто кусал воздух. Если он на чем-то новом сидит, надо бы выяснить, надо же знать состояние рынка.

Чести говорил очень быстро. Потом он перевел дух и, чтобы успокоиться, взял немного фруктов, точнее, кисточку влажных зеленых ягод, которые нужно было есть с веточки.

— В общем, я от страха чуть не сдох.

— Работа? — спросила Табаско.

— Ага. — Чести вертел в руках веточку и ковы-

рялся ею между зубами. Казалось, это придавало ему смелости. — Тупая работа. Больше не буду на этих чуваков работать. Хотя… я и не смогу, даже если захочу.

Теперь Табаско говорила очень тихо и нежно:

— Расскажи, что произошло.

Чести взял еще веточку ягод. Это была порции Красавчика Руби, но тот ничего не сказал.

— Я думал, что мое дело — спуститься в тунели и собирать всякую хрень с труб, но это оказались ребята с фургонами, — очень быстро заговорил Чести, — я сказал, что ну уж нет, я не буду грабить БТР, но они сказали, что хотят снять блоки кондиционеров с крыш грузовиков. Ну там, платы, охладитель и все такое. Они сказали, что, если сделать все правильно, никто ничего не заметит до следующего техосмотра, ну, решат, что прокладка прогорела или что-то в этом роде. Не знаю, один старикан объяснял, но я ничего не понял. И я не должен был сам ничего делать, меня посадили бы на верхнюю опору с сеткой в руках, чтобы они могли поднять назад. Я высоты не боюсь.

Он обсосал одну веточку с ягодами и принялся их жевать. На таком близком расстоянии была видна слюна у него на губах, все сказали «фу»

и отодвинулись, но потом придвинулись снова.

Чести заговорил снова, еще быстрее:

— Непыльная же работа, да? Они прыгают сверху туннеля, откручивают нужную хреновину, мы убегаем с сеткой и передаем добычу кому надо. Отличный тайминг.

Он посмотрел на неумолимую Табаско и сглотнул.

— Первые два раза прошли отлично. И они тогда такие, ну, давайте и третий раз, давайте третий, а главный говорит, что времени нет, но давайте займем позицию и, если что-то проедем, попробуем последний раз. Так что он занимает позицию, и мы тоже…

Он замолчал.

— Продолжай, — велел Утророжденный. Остальные, в том числе Табаско, зашикали на него. Даже Кевин. Чести их не поддержал. Только теперь он посмотрел в глаза Табаско.

— Потом мы услышали шум, — прошептал он, — я подумал, что это землетрясение, и чуть не обоссался. Почти. Я их всех видел внизу. Чуть не поджарился, пришлось раздеться, я всегда беру дополнительную термуху, как ты велишь, я же хороший мальчик, там жарко, как будто я рыба, которую в лодку вытащили. Мы были в масках,

так что не задохнулись, даже я, они же профессионалы, но… но этот парень взял и прыгнул вниз. Я не знаю, чем он вообще думал, зачем. Чертов псих, вообще без головы, зачем он так…

Это звучало довольно бессвязно, и Нона не совсем поняла смысл, и у Чести вдруг как будто сдавило горло, и он замолчал, и никто не стал смеяться. Табаско подняла руку и погладила Чести по плечу. Это его успокоило, но он весь вспотел. От него пахло горячим зверьком.

— Мы подняли его, когда он подал сигнал. Вытащили сеть. — Чести заговорил спокойнее и размереннее: — Мы подняли, а у него ни хрена нет. Он говорит, пошли, уходим. Главный говорит, все в машину. И мы поднялись по трубам, дошли до машины, спрятали все, и я сел в машину. Сидел там с тем парнем, его босс был на рации, а парень ревел. Он взрослый же. Все говорил, что облажался, а босс спросил, кого мы бомбанули, а этот: «А я не знаю». И рассказал нам всю эту гребаную историю, говорит, он спустился, и это было реально сложно, прямо по вентиляционным трубам, чтобы достать кондей, охрененный, прямо как надо, а потом снял решетку и заглянул вниз в кузов, и сказал, что увидел…

Чести замолк. Дрожь пробежала по спине Но-

ны. Никто не поторопил Чести.

— Увидел людей без глаз.

— Да врет он, — неуверенно сказал Утророжденный.

Чести его проигнорировал.

— Он сказал, что у них глаза были сплошь белые. И что он двигался тихо, очень тихо, а эти люди… они все просто сидели… посмотрели наверх этими белыми глазами… одновременно… они смотрели на него. Он все время это повторял. Все время говорил: «Они видели меня, видели меня».

Потом он сказал уже более нормальным голосом:

— Он сказал, что в него начали стрелять, и он просигналил, чтобы его забрали. Босс велел ему успокоиться, а потом водитель сказал, что за нами следят… и этот чувак рыдал и извинялся как безумный, говорил, что втянул нас в какое-то дерьмо, и одна из старых куриц сказала: «Выкидывайте мальчишку», и они остановили машину, и подъехали два больших грузовика с ополчением, и…

Мгновение Чести не мог говорить. Все сидели рядом, дыша в унисон. Нона старалась подстроиться под дыхание Табаско, которая под-

страивалась под Чести и Красавчика Руби, под Утророжденного и даже под Кевина. Все собрались в тесный потный кружок.

А потом нормальным, даже грубым голосом Чести сказал:

— А потом я рванул оттуда и ударился головой об столб, и у меня, наверное, мозг поврежден, так что ведите себя со мной хорошо.

Все это поняли. Нона взяла пустую веточку от ягод и сунула ее в рот. Ей хотелось что-нибудь жевать. Не есть, а чувствовать жесткий волокнистый стебелек между зубами. Утророжденный вдруг сказал:

— Ты сказал, наверное, штук сорок плохих слов.

— Ой, блин, заткнись, — ответил Чести.

— Так нечестно, почему мне нельзя ругаться, а Чести можно.

— Заткнись, Утророжденный, — сказал Кевин.

И поскольку Кевин никогда никому не велел затыкаться, Утророжденный заткнулся. Но это было хорошо — это разрушило неприятную атмосферу.

Табаско положила руку на плечо Чести и спросила:

— Думаешь, они следят за тобой?

— Нет. Нет. Табаско, я же твой мальчик? Я хороший?

— Да, — мягко сказала Табаско, — ты мой мальчик. Я позабочусь о тебе.

Тут оказалось, что к ним подошла учительница, и они виновато подняли глаза, но она только улыбалась так, как улыбаются учителя, когда думают, что понимают, в чем дело, а на самом деле ничего не понимают.

— Групповое собрание, да? — мило спросила она. — Чести, держи брошюру о приютах.

Чести так испугался, что просто сказал:

— Да, мисс, спасибо, мисс.

— Ничего не бойтесь, — сказала учительница, — собирайтесь, перемена сейчас кончится. Нона, позвонишь в звонок? А Лапшу лучше привязать, наверное. Я хочу заняться книгами.

— Да, конечно. — Нона тут же вскочила, но ушла не сразу. Она снова присела на корточки, когда остальные стали подбирать обломки стеблей и раздавленные ягоды. Ягод было мало, не дураки же они.

— Я о тебе тоже позабочусь, Чести, — сказала она.

— Кому нужна твоя забота? — весело спросил Чести, вставая. — Ты же тупая как пробка.

Нона возмутилась, а Табаско спросила:

— Сколько машин было?

— Не знаю. Я не считал все, а тот чувак выбрал какую-то из середины. Больше десяти. Двадцать, может. Все огромные. Вот что я вам скажу. — Он отряхнул штаны и продолжил тяжелым тоном: — Я знаю, что это было. Я много с вами тусуюсь. Я знаю все приколы. Никто никогда не спрашивает мнения бедного старого Чести. А Чести бы ему сказал, что нечего даже пытаться обмануть чертов Конвой.

8

Табаско подошла к Ноне перед уроком естествознания и сказала:

— Продолжай вахту.

Со всей этой суетой вокруг Чести Нона совсем забыла, что кто-то за ними следит и что Табаско занимается расследованием. Но это же была Табаско, она никогда ничего не забывала.

Нона заметила, настороженно глядя на Ангела, которая болтала с малышами, доставая ведро с кубиками льда (они как раз изучали температуру):

— Она выглядит усталой.

— Да.

— Мне надо сварить ей кофе, — решительно сказала Нона, — я же помощница учителя, мне нужно присматривать за учителями тоже. Ты же знаешь, что она была врачом?

— Да, — ответила Табаско, ничего не объясняя, — когда ты сегодня выйдешь из школы, я хочу, чтобы ты кое-что сделала.

— Хорошо. Что?

— Изобрази, что у тебя есть рация и что ты с кем-то связываешься.

Поскольку Нона никогда в жизни не пользо-

валась рацией и не звонила по телефону, она засомневалась:

— Вряд ли хорошо получится. У меня нет ничего похожего на рацию, так что мне придется как-то ее изображать, а я же не Чести, я не умею притворяться.

Табаско нетерпеливо топнула ногой, все еще глядя в окно.

— Сделай вид, что она маленькая. С ладонь.

— Что мне сказать?

— Придумай что-нибудь. Только пусть никто не видит твой рот.

Подошла Ангел с поводком Лапши в одной руке и шестью странными маленькими колпачками в другой.

— Не стойте на солнце больше, чем нужно. Она хочет гулять, так что наденешь ей ботиночки? Старушке не нужны ожоги на лапках. Она привыкла к ботинкам, а если начнет грызть себе ногу, скажи ей, и она перестанет. Я бы оставила ее в классе, но сегодня мы будем использовать фен, а ее бесит этот звук. Спасибо, Нона, ты мой герой. Табаско, поможешь сделать станции?

Нона ушла из класса и спустилась по лестнице. Проверила, горит ли красная лампочка над дверью, потому что это тоже была ее работа. Милая

учительница всегда предупреждала ее, что, если не запирать дверь, кто-нибудь попытается вломиться, и это, в общем-то, и не опасно, но если еще один учебный корпус захватят сквоттеры, она понятия не имеет, куда идти после этого. Потом Нона попыталась надеть ботинки на Лапшу. Ничего сложнее в ее жизни еще не случалось. Гораздо проще было делать странные штуки с костями, которых от нее хотели Камилла и Паламед. Лапша не хотела надевать ботинки. Она оглядывалась на Нону через плечо каждый раз, когда та пыталась сунуть крошечную грязно-белую лапу в маленький носочек на пластиковой подошве. А лап у нее было шесть, и обуть надо было даже средние, которые она часто поджимала. В какой-то момент она ловко стянула один ботинок другой лапкой, и Нона вскрикнула:

— Лапша, ну сколько можно!

Но Лапша совершенно не выглядела виноватой. Оказавшись в ботинках, она с грохотом вылетела во двор, цокая, как полторы лошади. Она бродила по двору, нюхала что попало, занималась своими делами, потом попила из миски с холодной водой, которую налила Нона. Вежливо откатилась и легла в тень каменной скамейки, тяжело дыша. Нона немного погуляла по пыльному двору, пока

не почувствовала, что слишком жарко, чтобы жить. От жары и пота она чувствовала себя очень слабой. Она присела на корточки в тени рядом с Лапшой, послушала, как та дышит, а потом попыталась сделать вид, что достала из кармана маленькую рацию. Прижала руку к уху и вышла на солнце, потому что любила Табаско и хотела сделать все правильно. От жары у нее подкашивались ноги.

— Прием, прием, — сказала она себе в руку, — говорю с Короной.

Потом вспомнила, что нужно прикрыть рот, и так и сделала. Сказала вслух:

— Как дела, Корона? У нас тут все в порядке. Хотелось бы видеть тебя почаще. Ты меня не навещала уже несколько месяцев, если не считать собраний. Я знаю, ты скажешь, что приходила ко мне раньше, но я была слишком молода и ничего не помню, так что это не считается. Придешь на мой день рождения? На пляже? Если я не сойду с ума, день рождения обязательно будет. Подарок приносить не обязательно, но, пожалуйста, распусти волосы. В любом случае я люблю тебя, пока.

Это был самый длинный монолог, который она могла придумать. Она сунула в карман ненасто-

ящую рацию, убрала руку ото рта и села в тени, чтобы подумать. Смог исчез, и она не кашляла, а в ближних мертво-коричневых кустах деловито жужжали маленькие насекомые. Птицы молчали, но время от времени слышался приятный успокаивающий шум автомобиля. Нона опустила одну ногу на землю для опоры и вынула вторую из ботинка. Ей было немного стыдно за то, что ей так можно, а Лапше нет. Было очень жарко, веки тяжелели, а камень под ней был прохладным.

Иоанн 15:23

Он сказал: «В первый день поверил А. Во второй — М и Г. На третий день поверили все, кто видел мои глаза».

Он хрипло закашлялся, а придя в себя, сказал:

— В школе одна девочка как-то сказала мне, что у меня красивые глаза, и я гордился этим, пока мне не исполнилось тридцать. Ты не поверишь, как глупые мальчишки воспринимают комплименты по поводу внешности и каким я был тщеславным. Глаза у меня были самые обычные, светло-карие, на ярком свету почти желтые. Наутро после отключения света они стали темно-янтарными, потом приобрели цвет свежего лагера и на третий день сделались золотыми.

П говорила, что я похож на Розовую Пантеру с телеканала для маори. К — что выгляжу как Эдвард Каллен из старого фильма «Сумерки», если бы у Эдварда Каллена была фигура учителя истории. Ну а А сказал, что я выгляжу очень круто. Но он был один.

Он сказал: «А вокруг нас отказывались разлагаться трупы».

Во сне они поднимались на большой холм,

поросший коричневой, сожженной солнцем травой, которая хрустела под ногами, как бумага. Под ними поднималась вода, но они шли медленно, не опасаясь бурлящей бурой трясины, завораживающих водоворотов, несущих за собой всякий хлам, обломанные деревья и большие листы стали, скачущие и грохочущие конструкции из шин и рам, которые он назвал автомобилями. Он потратил некоторое время, указывая на разные вещи, которые забирала вода, хотя ей казалось, что он не столько учит ее их именам, сколько произносит их сам для себя. Чья-то «Хонда». Чья-то «Мазда». Чей-то квадроцикл. Чей-то гараж. Вывеска «Мака». Дождь то начинался, то прекращался. Облака казались очень странными, а вдалеке танцевал на неоновой поверхности моря смерч.

Они нашли скамейку, где можно было посидеть, хотя им не нужно было переводить дыхание. Несмотря на дождь, было тепло, а воздух вокруг казался влажным и колючим. У нее потела кожа на ребрах.

Он сказал: «Все повторяется снова, я этого не вынесу».

И долго, не скрываясь, плакал.

Когда порыв прошел, он сказал: «Сначала мы повсюду таскали трупы. М отчаянно пыталась

доказать, что что-то пошло не так — или так — с научной точки зрения. Наверное, она думала, что мы совершили какой-то научный прорыв, я найду другую работу, все вернется на круги своя, и мы продолжим пить капучино по вторникам. Мы выбрали двоих — разного пола, разные причины смерти: одной сломали шею в автокатастрофе, а другой угорел. Но для контроля они были одного возраста, родились с разницей в двадцать дней. Неделю мы играли ими в куклы».

Он сказал: «Они хотели посмотреть, сможем ли мы заставить их сгнить. Мы бросили их в котельной. Оставили в морге. Вытащили наружу на ночь, так что утром они оказались все в росе. Ничего не изменилось. Их внутренняя температура все время оставалась постоянной. Она не менялась, даже когда А и К дули на эти чертовы трупы феном или когда мы заворачивали их в термоодеяла и бросали на солнце. Бедная К.

Ты бы видела, как она дергалась каждый раз, когда мы разворачивали одеяло. Она хорошо разбиралась в этом, но это было не в ее компетенции. Договорное право ничего не говорит о бросании пары тел в пруд».

Он сказал: «Но она зря беспокоилась. Они не менялись. Ничего в них не менялось. Они были

идеальны. Все трупы были идеальны».

Он сказал: «Я уже спал в конторе, я отказывался идти домой. А и М жили вместе со мной, Г устроился снаружи и спал в фургоне. К все время проводила с Н.

Она ушла рано утром и вернулась на следующий день, принесла булочки с сосисками на завтрак. Тогда я этого еще не осознавал, но она уже убежала от наших акционеров. Она работала на нас как фрилансер, короче говоря, была безработной. Но только благодаря ей мы могли оставаться в здании. Она манипулировала договорами и говорила полиции, что мы должны сидеть тут, чтобы обеспечить утилизацию и правильное хранение записей, и это дало нам целый месяц. Как у нас это получилось, я никогда не пойму. Не знаю, сошло бы нам это с рук, если бы у нас не было нашего любимого полицейского.

Если бы весь мир не сходил с ума каждый раз, когда ты делаешь что-то неожиданное, и люди сразу думают, что ты собираешься отбросить коньки. Тогда на нас никто не смотрел, и нам повезло. Это сработало».

Он сказал скорее себе: «Черт, это было странное время. Я почти не ел. Я хотел быть с телами, как будто если бы я отвел от них глаза, магия

бы закончилась. Я начал чувствовать, в какой они комнате, даже если мне никто не говорил. К говорила, что я догадываюсь по языку тела, чистая психология, но меня это не убедило. Я мог чувствовать их — я чувствовал всех в здании. Так бывает, когда выключают свет. Ты начинаешь чувствовать все звуки снаружи. Стрекот цикад в траве, собак в соседней деревне, сов на деревьях и шуршание опоссумов на крышах. В общем-то, я и раньше их слышал, но не мог разделить звуки. Как будто слышишь аккорд, но не понимаешь, какие ноты в него входят».

Он сказал: «А очень старался вернуть меня на землю, пытался заставить меня обратить внимание на внешний мир. Он как будто поменялся местами с М. Она перестала волноваться, больше не спрашивала меня, что я пью и на чем сижу. Она просто делала записи, помогала со всеми моими экспериментами, ссорилась с А. Это меня успокаивало, ведь это было их обычное поведение. Только тогда, когда они почувствовали то, что я знал, я понял, что это серьезно».

Он сказал: «Я просто хотел быть в лаборатории. Мне казалось, что я могу сидеть рядом с двумя телами, двумя детьми, и просто проводить время. Я мог провести с ними шесть минут или шесть ча-

сов. Я просто слушал. Они были моими совами и опоссумами. Я слушал их тела в тишине. Слушал бактерий, которые не размножались, не накапливались в кишечнике, не собирались в суставах. Это была моя тихая ночь. Мне следовало заняться бумажной работой, написать все отчеты, но я не открывал компьютер несколько дней. Я не мог перестать думать об их руках и ладонях. Я так часто их касался. Я и раньше касался их рук, но не так. Даже когда я не прикасался к ним, я чувствовал их кожу на своей коже, их неизменную температуру. Я продолжал ощущать прикосновение, даже когда его не было. М говорила, что мне пора в комнату с мягкими стенами, но на самом деле она не боялась, что я сошел с ума. Она боялась, что этого не случилось».

Он сказал: «Знаешь, сейчас я даже не могу вспомнить, как это получилось. Не было ни катализатора, ни откровения. Я зашел слишком далеко для откровений. Как будто я дремал, а потом проснулся. Мои двое малышей, мои белые мышки, У и Т по документам. Ну, их прежние имена… Я думал их так называть, но это казалось неуместным. Они же не могли сказать “да” или “нет”. Я начинал по-настоящему беспокоиться о них. Что бы они подумали, что бы они

хотели. Двое моих детей с замороженными мозгами и идеальной внутренней температурой. На бедняжках не было места, куда я бы ни тыкал термометром, я теперь стучался, прежде чем войти в их комнату. Да, я сошел с ума. Но я просыпался».

Он сказал: «Я не могу вспомнить, как и почему я привел в комнату М и А. Я просто подумал что-то вроде: “Эй, вы двое, пора вас с кем-нибудь познакомить”. Я не издевался, просто я, кажется, не спал двое суток. Поэтому я привел их в комнату с телами и сказал: “Давайте я познакомлю вас с… Улиссом. И… Титанией”».

Он подумал и добавил: «Пожалуй, стоит сказать, что Титанию я вспомнил из “Сна в летнюю ночь” Шекспира, а вот Улиссом звали собаку моей бабушки в моем детстве. Я обожал этого пса. Никогда не встречал никого храбрее. Наполовину чихуахуа, наполовину мопс. Бабушка назвала его Улиссом Грантом. Обожрался пиццей и умер. А бабушка умерла от пневмонии, когда я был подростком».

Она спросила: «А что случилось с телами?»

Он сказал: «Ну… когда я сказал “Улисс”, я пошевелил его пальцами и сжал их в кулак. И с Титанией проделал то же самое, сжал ее пальцы в кулак.

Я смеялся и смеялся, как будто выбил стул из-под человека, пытающегося сесть. Как будто это была смешная шутка. Но М вырвало».

— Потому что, Харроу, я сделал это с другого конца комнаты.

9

Нона вздрогнула, почувствовав язык на своей лодыжке. Лапша своим жутковатым языком нежно облизывала место, где на ноге торчала косточка. Очевидно, это был дружеский жест. Заснула Нона совсем ненадолго, солнце не сдвинулось с места, было по-прежнему жарко, и синие тени мерцали на прежнем месте, но Нона все равно испугалась, что проспала большую часть урока естествознания, не присматривала за Лапшой и даже не следила за тем, кто за ними наблюдал. Она проверила, на месте ли ботинки Лапши, подобрала миску с бутылкой и завела собаку обратно в здание.

С огромным облегчением она услышала доносящийся из класса голос Ангела — та объясняла, почему кубик льда в носке тает медленнее, чем снаружи. Нона села на ступеньку и принялась снимать с Лапши ботинки. Она предположила, что Лапша будет рада, но та обернулась и уставилась на нее побелевшими глазами, хотя на этот раз Нона снимала обувь, а не надевала. Собака задергалась. Тут открылась дверь чулана, и оттуда вышла Табаско.

— И что ты сказала? — требовательно спросила она.

— Что я сказала… когда? — Нона была окончательно сбита с толку.

— Во дворе.

— Ну, ничего, — сказала Нона, с трудом припоминая, — очень сложно притворяться, что разговариваешь. Я просто сделала вид, что говорю с кем-то, и прошло всего десять секунд, потому что я чувствовала себя глупо.

Табаско она не убедила.

— Заходи лучше внутрь. Мы работали с феном.

— Что случилось? Когда я говорила по рации?

Табаско немного поколебалась.

— Наблюдатель ушел.

— Но это же хорошо, правда?

— Мне нужно все выяснить.

— Но это полезная информация?

Табаско пожала плечами. Кажется, она считала, что Нона ничего не поняла. Нона знала, что она что-то скрывает. Табаско она это позволяла, но все же ей это немного не нравилось. Неприятно думать, что люди от тебя что-то скрывают.

— Заходи давай, — только и сказала Табаско.

Не лучшее окончание школьного дня, а потом все пошло совсем наперекосяк. Нона, сидевшая

с Лапшой, не поняла, что произошло на уроке естествознания, кульминацией которого стало исчезновение кубиков льда из самых разных мест под ликующие крики детей. А потом с улицы раздалось знакомое «так-так-так», совсем близко, поэтому пришлось закрыть жалюзи, а милая учительница спустилась вниз проверить, все ли заперто, а все дети уселись на пол, чтобы не попасть под выстрел из окна. Они проводили учения примерно миллион раз, и никто из малышей не испугался, даже когда снаружи уныло завыла сирена. Это было скорее скучно и жарко, чем страшно. Даже Ангел не испугалась, а разозлилась.

— Слишком близко, чтобы чувствовать себя спокойно, — прокомментировала она, — наверное, единичный выстрел.

Но он был не единичный, выстрелы все продолжались и продолжались. Отменили все занятия, вытерли ледяную воду, и учительница стала читать им выбранную голосованием книжку. В голосовании победили малыши, выбрав плохую сентиментальную историю о каких-то детях, которые пошли на пляж и там их никто не съел. «Еще один признак того, что день проклят», — печально подумала Нона. Хотя бы для нее школа

уже почти закончилась.

Родители пробирались за детьми, хотя на паре улиц все еще шла стрельба. Некоторые говорили, что это длится уже несколько часов и что ребенок не вернется в школу вечером, хотя и Ангел, и милая учительница пытались уговорить всех остаться, пока не станет лучше. Они все еще спорили, когда Камилла пришла за Ноной, и хотя учительница просияла при виде Кэм — Нона видела, как дернулась ее рука с книгой, — Кэм вытащила ее на улицу, не дав даже попрощаться. Последним, что она увидела, стала Табаско, сидевшая рядом с закрытым окном, задумчивая и неподвижная, как статуя в парке, но по-прежнему с работающей головой.

Камилла повела Нону домой окольным путем. Они остановились на улице, где стоял их дом, и Кэм нырнула в пекарню и вышла с теплым и, вероятно, радиоактивным бумажным пакетом с выпечкой, которая все время стояла под лампами пекарни. Нона спросила ее, откуда деньги.

— Неважно, — ответила Кэм.

Нона обиделась.

— Сказала бы честно, что украла, я же не возражаю.

— Я кое-что продала, — сказала Камилла.

Нону осенило дома, когда она, давясь, съела немного мясного рулета. Она старалась не жаловаться на это, а вместо этого долго пила воду, а потом сказала:

— Я сыта.

— Тогда подождем. Ты сегодня не ела белка, — ответила Камилла, и ей пришлось поесть. Она сняла мясо и съела начинку. Ее это бесило, но наконец-то все закончилось. Пока Кэм мыла посуду, она проверила секретный ящик и обнаружила, что сигареты пропали.

Когда Камилла вернулась и принялась задергивать плотные шторы, Нона сказала:

— Ты продала ее заначку, Пирра с ума сойдет.

— Справится. Начинай растяжку.

Это значило, что пришло время фехтования. Когда Нона со всей страстью сказала:

— Я ненавижу мечи, ты даже не учишь меня ими пользоваться, — эти данные просто оказались в блокноте, как будто даже ее жалобы годились только как материалы для исследования. Нона очень обиделась.

Но обида, как всегда, постепенно утихла и превратилась скорее в страдание. Пирра в тот вечер пришла поздно. Раньше после занятий с мечами и костями Нона могла провести жаркий вечер в

гавани, чтобы искупаться, если на пляже никого не было, или выкопать палкой несколько моллюсков, если там были люди. Пешие прогулки ее утомляли, но она могла часами плавать в соленой воде, и ей всегда было мало. Это было приятно и давало чувство уединения. К сожалению, если бы она сейчас спросила у Камиллы, могут ли они пойти купаться, Кэм бы ответила: «А ты помнишь, что случилось в прошлый раз?» — и выиграла. В прошлый раз Камилла заболела и к тому же Нону подстрелили.

* * *

А было так: однажды после занятия с костями Паламед сказал, что она выглядит совсем измученной, и заставлял ее есть крекеры с маргарином, пока Нона не довела себя до истерики. В конце концов Паламеду пришлось пообещать ей целых двадцать минут купания, чтобы она сделала что угодно, съела что угодно и согласилась на что угодно. Так себе поведение, но Нона тогда была на целый месяц моложе. Дав обещание, Паламед ушел.

— Скажи Кэм, что это такое лечение водой.

Камилла ответила, что он ей потакает, но Ноне было плевать. Она уже взяла полотенце,

шлепки и старую рубашку, в которой обычно плавала, — много легче было бы пойти голой, но все остальные возражали. Кэм говорила, что это сделает ее мишенью для снайпера. Надев маски и шапки, они пошли на пляж в сумерках.

В тот вечер они проделали долгий путь, то есть шли не меньше получаса. Они всегда ходили разными путями, чтобы сбить с толку всех, кто мог заинтересоваться и попытаться за ними проследить. В тот раз они немного погуляли у городского кладбища. Бетонные надгробия выворотили, а все гробы выкопали, сложили в кучу и сожгли. Дым все еще висел у стен здания, и Нона задыхалась. Пирра сказала, что это обычное дело. Что для начала всегда сжигают все кости, не глядя, движутся они или нет.

К моменту, когда они добрались до пляжа, Нона совсем измучилась, но стоило ей оказаться в соленой воде, как она снова стала счастливой. Камилла никогда не заходила в воду вместе с ней. В гавани было слишком много медуз — красивых, прозрачных сверху и темно-синих по краям, и они совсем не боялись, подплывали близко и касались тебя. От их прикосновений у Ноны слегка покалывало кожу, но и все. Вот почему Нона всегда плавала в сумерках — Кэм говорила, что

укус этой медузы убивает большинство людей в течение нескольких минут. Вода кишела ими, потому что гавань давно не функционировала и никто не чинил сети-барьеры.

Кэм пряталась у бетонных опор причала, где ее никто не видел, с потертой книгой в мягкой обложке. Дело было ранней весной, и темнело быстро. Фонари не горели, так что они взяли небольшой фонарик с собой. Когда Нона впервые попросила искупаться, они разрешили ей это сразу: она тогда еле могла объясниться, но так мечтала о воде, что сумела дать всем это понять. Чтобы обезопасить себя, Камилла подняла несколько камней и швыряла их в фонари, горевшие на пирсе. Громкий треск пластика и краткий резкий щелчок перегоревшего провода. Чинить фонари никто не стал. Времени было мало — вскоре после этого в небе появился синий свет.

В ту ночь был прилив. Нона тут же ушла вброд на мелководье, пробираясь между больших рябых камней и скользких комков водорослей, беспомощно плавающих в прибое. Вода скоро поднялась до бедер, рубашка надулась вокруг тела. Потом Нона нырнула в соленую воду, опустилась с головой и почувствовала, как огромная колыбель волны понесла ее вперед к пляжу. Нона

чуть не плакала от облегчения — это было как сходить в туалет, когда тебе хочется, выпить воды, умирая от жажды, или услышать, как открывается дверь, когда тебе очень одиноко. Черная вода намочила кожу головы прямо сквозь косы, и уши заложило, потому что вода забила каналы. Пузыри поднимались вдоль лица, она смеялась, и из легких уходил кислород. Она выскочила на поверхность, волосы и рубашка плавали вокруг нее, и она лежала на воде, в темноте, избегая манящих желтых квадратов света от других фонарей, которые отражались на водной ряби.

Затем она вцепилась в одну из деревянных опор пирса, всю покрытую ракушками, засохшей коркой соли и старыми водорослями, и смотрела, как плавают вокруг синие медузы, как дрейфуют по воде, как мертвые, пока вдруг они не пошли голубоватой рябью и не бросились вперед. Ее ужалили, но у нее только чуть-чуть зачесалась и почти сразу прошла нога. Она оттолкнулась от столба и снова поймала волну, которая медленно понесла ее к каменистому берегу.

Соленая вода всегда приносила ей облегчение: соленая вода заставляла ее чувствовать себя так, будто, если бы рядом кто-то был, она бы вдруг нашла слова, чтобы все объяснить. Море

казалось таким добрым по сравнению с раскаленным днем, пахнущим бетоном. Она знала, что в море стекают сточные воды, но оно все равно казалось таким чистым. Море было огромной, грозной, неизменной машиной. Хуже всего было непреодолимое желание опустить голову под воду, перестать двигаться и лечь на дно плоской рыбой. Нона не хотела умирать, но хотела сидеть в воде и дремать. К сожалению, в конечном итоге это было одно и то же.

В тот роковой вечер она лежала, раскинув руки и ноги, немного погрузившись в воду. Рубашка облепила ей живот и грудь. Она смотрела на светящийся синий круг в ночном небе: он вытеснил звезды и был очень похож на раскаленную медузу, венчающую черный океан.

Нона чувствовала себя очень счастливой, когда перевернулась и поплыла обратно к причалу и берегу, скользя среди волн, пенопласта и плавающих пластиковых колец, которые удерживали вместе бутылки. Так легко быть хорошей, когда ты счастлива. Нона была готова съесть столько еды, сколько хотела Камилла, если только ее будет меньше трех штук. Она доплыла до конца пирса и увидела Камиллу. По спине пробежал ужас: не из-за Камиллы, а из-за того, что она была

не одна.

На пляж, с той стороны, откуда они пришли, высыпали люди в рваных куртках. Нона насчитала шестерых. Сначала ей показалось, что они черноволосые, но, прищурившись, она увидела, что они в очках и кепках или повязках. Один из них вел один из тех маленьких мопедов, которые часто дребезжат по улицам города. Сейчас мотор был отключен, только горела на полную мощность фара. Пена и вода забили ей уши, и она не могла разобрать, кто что говорит и говорит ли кто-либо что-то. Ртов видно не было. Только силуэт Камиллы в луче фары мопеда. Она напряглась под одной из опор пирса, как ночной зверек, застигнутый врасплох. Луч был горячим, белым и ярким, и Камилла темнела внутри него, как мотылек.

Нона решила, что это полиция. Только у полиции есть мопеды, но нет денег на новые куртки. Каждый щеголял плечевой кобурой, то есть у каждого был пистолет, и выстроились они треугольником, причем один стоял прямо перед Камиллой. Пушки пока никто не доставал, но в каждой кобуре что-то металлически блестело.

Камилла протянула руки, показывая, что она безоружна. В луче фары сверкнул ремешок на ее

запястье. Она слезла с опоры и приземлилась в мягкий песок, по-прежнему подняв одну руку. Порылась в кармане, бросила что-то на землю и отступила на шаг. Один из людей рванулся вперед и поднял брошенное. Нона опустилась в воду до уровня глаз и начала приближаться. Дошла до следующей опоры причала, потом еще до одной, но Камилла заправила волосы за ухо, как будто нервничала, и развернула ладонь к причалу, прижав большой палец к ладони и растопырив остальные четыре. Это был знак оставаться на месте.

Нона поколебалась, но осталась на месте. Треугольник бурно обсуждал выброшенный Камиллой предмет. Разговор казался совершенно обычным, хоть это и был разговор шести вооруженных человек и одного с поднятыми руками. Камилла плохо умела оставаться неподвижной: даже во время разговора она делала какую-то растяжку в холодном белом круге света, упираясь в песок то одной ногой, то другой, медленно и целеустремленно. Нона подплыла к ближайшему столбу, уперлась ногой в большой металлический винт и ждала, омываемая волнами и касаниями трех небольно жалящих медуз.

Она все еще не понимала, о чем идет разговор.

Один из полицейских (?) бросил имущество Камиллы обратно в песок перед ней. Теперь Нона разглядела, что это — бумажник Кэм. Они спросили документы или что? Камилла не забрала его. И вдруг один из копов, стоявший позади, вытащил пушку — Нона бросилась обратно в воду — и выстрелил. Дуло выплюнуло вспышку.

Камилла не упала. В нее не попали. Пуля прошла высоко над ее плечом, и она не шелохнулась, не присела, ничего не сделала, даже руки не опустила. Нона тихонько подплыла поближе к берегу и услышала обрывки разговора:

— …испугать ее…

— …что ты…

— …говорю на языке Домов, — говорила Камилла.

Стоявший первым зашевелил губами по-другому и сказал преувеличенно громко и четко:

— Попробуй еще раз. Неправедная надежда говорит… — Волны забрали остальные слова.

Камилла сказала что-то, чего Нона вообще не уловила. Полицейский обернулся и сказал, снова по-новому шевеля губами:

— …этот раз в нее.

Тот, у кого был пистолет, ответил что-то непонятно, но первый четко сказал:

— Давай, мне это надоело… — И еще что-то.

Нона сломалась. Единственным, на что она годилась, был перевод, и вот она слушала самый важный разговор в своей жизни, но не переводила. Она вынырнула из воды и закричала:

— Беги! В тебя будут стрелять!

И вместо того, чтобы стрелять в Камиллу, полицейский с пистолетом прицелился в темную воду и выстрелил в Нону.

Ей показалось, что ее ударили в плечо, очень сильно. Нона поступила так, как учила Пирра, и мгновенно обмякла. На мгновение плечу стало жарко и неудобно, а вокруг руки расплылось пятно горячей крови, очень странное в прохладной соленой воде. Желтый свет пронзил темную воду, как будто желток упал, и она дернулась в световом пятне, а потом решила нырнуть на самое дно. Свет пометался по воде взад и вперед, но так ее и не нащупал.

Она досчитала до двадцати, радуясь, что сделала глубокий вдох, и цепляясь за черные камни на дне. Вода казалась очень мутной. Время от времени в поле зрения появлялась голодная медуза, и Нона от нее отмахивалась. Ей показалось, что она услышала короткий треск откуда-то издалека, как будто кто-то ткнул в ту деталь мопеда,

что издает сигналы. Потом появились странные белые огни — быстрые, резкие, дергающиеся, как маленький фейерверк. Нона соблюдала то, что Пирра называла огневой дисциплиной. Только через долгих двадцать секунд она оттолкнулась, проскользила вперед вдоль каменистого дна и наткнулась на одну из опор причала.

К тому времени боль и странное ощущение прошли. Пуля прошла сквозь верхнюю часть ее руки, и там не осталось даже раны, которую она могла бы показать. Нону немного мутило, но и все. Раньше в нее никогда не стреляли. Она медленно поднималась вдоль столба, пока ее голова не оказалась над водой.

На пляже стало очень тихо. Фара фыркающего мопеда все еще горела, немного ослепляя. Привыкнув к свету, она увидела Камиллу, сидящую на корточках на песке. Остальные лежали вокруг нее веером, как будто решили немного вздремнуть, как в школе во время тихого часа.

Нона поползла по воде с колотящимся сердцем, сопротивляясь волнам. На мелководье с трудом встала. Ноги онемели — вероятно, виновата была медуза. Все, кроме Камиллы, валялись на земле. Выхваченные из кобуры пистолеты были зажаты в руках или лежали рядом. Песок под каждым

человеком казался маслянисто-черным. Было не так и жарко, но от темного мокрого песка поднимался пар.

Камилла вытирала лезвие ножа об чью-то куртку. Когда она подняла взгляд, Нона дернулась. Один из ее глаз был бледным, перламутрово-серым. Второй имел цвет холодного камня. С внезапной дрожью Нона поняла, кого она видит.

— Сохраняй спокойствие, — сказали Камилла-и-Паламед, — сделай пять вдохов, если нужно.

Голос показался ей странным, холодным и деловым, но все же добрым. Но Нона не злилась. В воздухе сильно пахло дымом и паленым мясом. Она почувствовала себя глубоко несчастной и очень голодной, хотя съела кучу крекеров.

— Я подумала, что, если я притворюсь мертвой… — начала Нона и замолчала, потому что к горлу подступил комок. Она почувствовала себя глупо; она почувствовала, что ведет себя неблагодарно, а когда Камилла-и-Паламед улыбнулись странной новой улыбкой, ей внезапно стало очень стыдно.

Хронометр Камиллы вдруг взорвался серией настойчивых сигналов: БИП-БИП-БИП-БИП, гораздо быстрее и сильнее, чем обычно срабатывал таймер. Камилла-и-Паламед внезапно вскочили,

как будто хотели покончить с этим как можно быстрее, немного качнулись вперед и назад. Кровь на песке дымилась. Их руки дымились. Нона рванулась вперед, чтобы подхватить ее — их — нового человека, но потом Камилла выпрямилась и яростно заморгала, и это была Камилла. Ее глаза снова стали бледно-серыми, и она дрожала как Камилла.

Она сказала немного осипшим, но вполне нормальным для Камиллы голосом:

— Ты не виновата.

И принялась обычными движениями убирать ножи за ленты на бедрах, под штанами. Обычно при виде этого Ноне хотелось смеяться, но сейчас она почувствовала, что ее может вырвать, и к травме добавится позор.

— Плечо? — спросила Камилла. Совсем не рассерженно, а очень тихо и напряженно.

— Все в порядке. Я цела. Кэм, что ты сделала?

— Не задавай вопросов. У них не было глушителей. Надо валить. Бери байк.

Нона не сдержалась:

— Что они хотели?

— Разведка. Это было крыло Мерва. Вырубай фары.

Прожектор все еще светил над океаном, как

очень маленькая луна. Нона подвинула мопед и выключила фару, и пляж сразу стал синим и холодным. Она все смотрела на лежащих копов, на их шеи и ниже, но Камилла осторожно взяла ее за подбородок и повернула ее в сторону. Подтолкнула вперед, накинула полотенце на мокрые плечи. Полотенце было приятное, сухое и колючее. Нона механически покатила байк по песку. Кэм бросила ей шлепанцы, и она сунула в них ноги, чувствуя пятками песок.

Камилла ничего не сказала. Она застегнула молнию на своей темной куртке, хотя вечер был теплым, и Ноне показалось, что она все поняла: ей тоже было холодно, гораздо холоднее, чем обычно после купания. Камилла скрестила руки на груди, как будто о чем-то задумалась. Нона была слишком пропитана жалостью и ненавистью к себе, ну и морской водой, и могла думать только, что Кэм, должно быть, очень злится на нее за крик, поэтому не осознавала ситуацию, пока они не выкатили мопед с причала и не провели его через столбики, которые не позволяли заезжать на пляж. Камилла внезапно остановилась. Прижалась к стене и задрожала. Нона чуть не уронила мопед.

— Кэм?

— Полотенце, — очень спокойно сказала Камилла, — и не кричи.

Нона собиралась возмутиться, но тут Кэм расстегнула молнию куртки, и Нона чуть не заорала. Тонкий хлопковый топ Кэм промок от крови. Верх ее штанов и вся куртка почернели, и капли крови уже не различались. Хуже всего было то, что кровь шла отовсюду — не из ран, пулевых отверстий или порезов. Кровоточила вся кожа.

Кэм быстро вытерла полотенцем обе руки. Полотенце стало ярко-красным.

— Кровавый пот, — сказала она неверным голосом.

— Позови Паламеда, — только и сказала Нона. — Паламед может это исправить.

— Нет, — ответила Камилла. Нона заметила, что ее губы стали такого же цвета, как кожа вокруг них — пепельно-смуглыми, а не цвета кожи или губ. Голос все еще оставался ровным и спокойным, но стал очень тихим и то и дело прерывался, когда она пыталась дышать.

— Он не может. Не это. Будет хуже.

— Но…

— Отвези нас домой, — сказала Камилла, — ты справишься. На байке.

Байк! Но Нона не могла возразить, что ее ука-

чивает. Если Камилла говорила, что кто-то может что-то сделать, значит, этот кто-то был на это способен. Не то чтобы она часто такое говорила. Или вообще когда-нибудь. Ее поддерживала скорее внезапная вера Камиллы, чем уверенность в себе, — на самом деле Ноне очень захотелось в туалет. Паламед говорил, что такова ее смещенная активность. Нона села на мопед. Мужество почти покинуло ее, когда Камилла села сзади и очень крепко обняла Нону за талию. Нона поняла, что Кэм боится упасть.

Даже теперь Нона не понимала, как провезла Кэм по этим черным улицам, которых совсем не знала, — игнорируя все знаки и сигналы, медленно и с трудом сворачивая в переулки, разъезжаясь с одиноким грузовиком, нарушившим комендантский час, — он пронесся мимо, как огромная тварь из раскаленного ветра и шума. Но она это сделала, и это заняло вечность и не заняло нисколько времени. Камилла казалась очень теплой и сидела сзади очень ровно, сжимая ее крепкими руками. Она не отпускала Нону, и это было приятно, пока Нона не поняла, что тепло идет от крови, просачивающейся сквозь полотенце. Она собиралась поставить байк в гараж под Зданием, но Камилла с трудом прошептала:

— Брось его здесь.

«Здесь» было щелью за мусоркой рядом со Зданием. Кэм встала у стены, а Нона вкатила мопед в щель и завалила его коробками. Вышло очень аккуратно, и Нона была довольна, пока не вернулась к Камилле и не увидела смертельную бледность ее лица. Это спокойствие не было спокойствием Паламеда, просто Камилла берегла остатки собственной крови. В черной ночи переулка полотенце на животе Камиллы казалось черным от крови, а на одежде Ноны засохли кровь и морская вода. Она обняла Камиллу за плечи, и они побрели в гараж. Кэм дышала тяжело и свистяще. Странно было вообще слышать ее дыхание. Каким-то образом им удалось подняться по лестнице — лифт, разумеется, не работал, — и Нона еле сообразила, как стучать, так она испугалась и такой скользкой от крови себя чувствовала. Когда Пирра открыла дверь, Нона смогла только жалобно пискнуть:

— Нет, нет, нет, — как ребенок, каким она и была.

Но все же каким облегчением стала возможность передать ответственность Пирре. Пирра отнесла Камиллу в постель на больших смуглых руках, как будто Камилла ничего не весила, была

меньше Ноны.

Пирра спросила:

— Что случилось?

И Нона рассказала ей. Пирра даже не злилась, но когда Нона сказала о глазах Кэм, Пирра посмотрела на Нону и сказала совершенно новое матерное слово. Это было такое необычное слово, что после Нона обменяла его у Чести на целых пять сигарет, так он впечатлился.

Пирра села, положив голову Кэм себе на колени, и разбудила ее. Заставила пить воду небольшими глотками. Кэм не открывала глаз, как сонное животное, но вода немного привела ее в чувство. Пирра говорила и говорила, тихо и ровно:

— Не теряй сознание, детка. У тебя танергический шок. Оживай давай.

Примерно через пять минут такого лечения глаза Кэм открылись, и она допила воду почти без помощи. Она позволила Ноне дать ей обезболивающее, но только крышечку, а не целый шприц.

В конце концов Пирра сказала спокойным, мертвым голосом:

— Никогда больше не делай этого, Гект, никогда. Слияние — это билет в один конец. Я произносила Восьмеричное слово, уж я-то знаю. Я бы помогла Паламеду спрятать его гребаную жизнь, если бы

он не заимствовал твою задницу.

Камилла, лежа на руках Пирры, прикрытая ярко-алыми полотенцами, смотрела на Пирру так, будто Ноны вообще не было в комнате. Ее глаза были холодными, серыми и блестящими.

— Не говори ему, какая я слабая, — прошептала она.

— Он узнает, Гект. Вы убиваете друг друга.

— Это наш выбор.

— Он спросит.

— Ну так сделай то, что умеешь лучше всего. Соври.

— Гект, ты не слушаешь. Это убивает и его…

— Это было хорошо, — сказала Камилла и закрыла глаза. — Это было хорошо. Мы были счастливы.

Пирра сидела рядом, пока Камилла не заснула. Такого выражения лица Нона у нее никогда не видела. Нона тоже осталась с ними, разве что иногда отлучалась в туалет из-за долгого стресса.

Наконец Пирра велела Ноне пойти постелить себе постель рядом с Пиррой, на раскладном диване. Когда Нона спросила, поправится ли Камилла, Пирра сказала:

— Нет.

Но когда она увидела выражение лица Ноны,

она натянула на лицо улыбку — искусственную, как будто собиралась раздавать конфетки, монеты или маленькие журналы, — и пояснила:

— Не бойся, мелкая. Я не имею в виду, что утром мы найдем ее мертвой.

Потом она пошла на кухню и налила себе немного чистого зернового спирта. Она подошла к заклеенному крест-накрест окну с бутылкой и стаканом. К изумлению Ноны, она раздвинула плотные шторы. Нона затаила дыхание. Стоя в синем сиянии, Пирра сказала окну:

— За Камиллу Гект, еще одну жертву беззаветной любви. — И опрокинула стакан.

Затем она очень мягко сказала свету:

— Я тебя не виню, нет. Он всегда искал, что бы еще на себя взвалить.

Потом Пирра устроилась на кровати, которую она раздвинула для Ноны, и выпила еще два стакана. Она дала Ноне чуть-чуть попробовать из второго по ее просьбе. Как Нона и думала, это было ужасно: вкус бензина и ощущение солнечного ожога на губах. Улегшись в постель, она продолжала вытирать губы, чтобы избавиться от этого вкуса.

— Если с Кэм все в порядке, — спросила она, — почему ты только что попрощалась с ней?

— С чего ты взяла, что я прощалась?

Нона открыла рот, чтобы ответить, но Пирра сказала:

— Не отвечай. Спи.

После этого купаний больше не было.

10

Впрочем, поход на пляж, когда там были люди и был свет, считался другим делом. Нона попыталась удачу.

— Никакого пляжа, — сказала Кэм, вытирая посуду, — не понравился мне город сегодня. Пока я там была, в центре застрелили двоих. А еще кого-то вытащили из реки.

— Он утонул?

— Ему сломали шею.

— Отвратительно, — решила Нона и вдруг придумала: — Кэм, а я могу вернуться в школу вечером?

— В школу? Это зачем?

Нона попыталась придумать умную и убедительную причину.

— Табаско чем-то обеспокоена. Она говорит, что кто-то наблюдал за классом, и отказывалась пояснять. Я хочу убедиться, что с ними все в порядке.

Не то чтобы Камилла не восприняла это всерьез: на самом деле Камилла восприняла это слишком серьезно. Сведя темные брови, она поставила очередную тарелку на сушилку и поджала ногу: теперь она стояла на одной ноге,

уперев вторую в бедро.

— Не в темноте. Не после сегодняшней стрельбы.

— Но еще не стемнело. И вообще небо теперь всегда светлое.

— Когда закончатся уроки, будет уже совсем темно.

— Но я помощница учительницы. Я несу ответственность.

— Я знаю, — сказала Камилла, опуская ногу и поднимая другую, — а еще ты отвечаешь за собственную безопасность. Взаимоисключающие вещи.

Ноне стало жарко и обидно.

— Трудно всерьез чувствовать ответственность за двух других людей, которыми я могу быть, — сказала она, зная, что это звучит сердито, и не понимая, как этого избежать, — я их не знаю. Но я чувствую себя очень даже ответственной за Табаско, за Чести, за Руби, за Утророжденного и даже за Кевина, и у меня не так много времени, ты знаешь. Может быть, те двое, которыми я являюсь, тоже почувствовали бы невероятную ответственность за Табаско и прочих.

— Одна из них точно. А может, и вторая. Но вообще я не про них говорила. Ты вообще-то кое-что

должна мне, Стражу и Пирре.

В отчаянии Нона рухнула на мягкий коврик на полу, который они с Кэм использовали для растяжки.

— Кэм, получается, ответственность — это когда ты не можешь делать то, что считаешь важным?

— Да, — просто сказала Кэм, — давай не будем ждать Пирру и пойдем искать ужин.

Они пошли в рыбную лавку, где Нона с тоской смотрела на океан и слушала последние новости о беспорядке в порту, чтобы потом перевести их Кэм. Красивые девушки без оружия должны сидеть дома, утверждал торговец рыбой. Космический лифт взломали около часа назад, потому что почти всех солдат-лоялистов бросили на казармы, и старые рабочие ворвались в лифт с ключ-картой, чтобы угнать шаттл и улететь с планеты прочь. Большинство расстреляли, а шаттлов наверху все равно не было. Шаттлов вообще больше не было.

Когда Нона передала это Камилле, та сказала:

— Надеюсь, Пирра пойдет домой переулками.

— С Пиррой все будет в порядке, Кэм?

— Пирра умеет выживать.

Но Камилла позволила Ноне взять ее за руку, и они пошли домой плечом к плечу, с пенопла-

стовым контейнером пряного риса и масляной горячей рыбы. Это было очень дешево; люди не ели выловленную в порту рыбу, потому что говорили, что она облучена синим светом. Еще они говорили, что синий свет еще и в воздухе, и носили против него маски, но Паламед утверждал, что это ерунда. Кэм съела большую часть рыбы и риса, пока Нона ковырялась в еде, а потом еще были фрукты, которые они не доели раньше. Тарелка Ноны осталась почти полной, несмотря на одну искреннюю попытку поесть и две попытки сделать вид.

— Еще три ложки и немного воды, — непреклонно сказала Камилла.

— Но я сегодня ужасно много съела.

— Ты ела кашу и мясной рулет.

— Я наелась, правда!

— Ты снова ела песок?

— Я не ела песок уже несколько месяцев, — возразила Нона, но потом добавила немного честнее: — То есть недель. То есть одну неделю.

В конце концов Нона пошла на сделку: она согласилась выпить стакан воды и съесть еще две ложки. В результате до второй дело не дошло, потому что раздался условный стук: пять коротких, два длинных (стук они часто меняли). Кэм раз-

блокировала и открыла дверь, впуская Пирру.

Пирра выглядела ужасно. Темная кожа, присыпанная бетонной пылью, лоснилась от дыма, а в ржавых пятнах на лице Нона вдруг узнала кровь. Пахло от Пирры бензином и потом. Кэм сразу опознала красное и принялась ощупывать Пирру, руки, плечи.

— Кровь не моя, — быстро сказала Пирра и упала на стул около кухонного стола.

Нона встала и налила ей стакан ледяной воды из кувшина с крышкой.

— Спасибо, — сказала Пирра и осушила его залпом. Нона зачарованно смотрела, как дергается при глотках ее коричневая шея. Под подбородком, среди пыли и грязи, уже темнела черная щетина. Поймав взгляд Ноны, Пирра пощупала шею и засмеялась:

— Да, знаю. Гидеон всегда обрастал уже к середине дня. Секстус, можешь это убрать? Если помешать сальным железам работать, можно прервать и рост волос. Быстрый удар танергии ниже корня их заморозит.

Глаза Пирры лихорадочно блестели, а зрачки расширились. Нона даже не заметила, как Кэм и Паламед поменялись местами. Паламед закатал один рукав Пирры, посмотрел на скользкую

кровавую корку и резко сказал:

— Нет уж, спасибо. Мне один раз довелось поработать с… телом вроде твоего, и я не хочу повторять это ради чего-то меньшего, чем кровоизлияние в мозг. Что тебя ударило в предплечье?

— Отлетевший кусок автомобиля. Они стреляли в полицию, и полиция ответила выстрелами из гранатомета. — Пирра умоляюще протянула стакан Ноне; Нона снова налила ей воды. — Не волнуйся. Я присела на корточки в общественном туалете и все сама сделала. В основном все уже готово.

— Ты…

— Спасла кого могла, остальных оставила умирать. Или гореть. Многие горели. Для них ничего было не сделать. Беда в том, что люди замечают, если ты не горишь. Там была толпа. Убивают и за меньшее.

Паламед ничего не сказал, только поправил несуществующие очки, недовольно фыркнул и легко провел рукой по руке. Нона в ужасе смотрела, как кровь отслаивается и исчезает, оставляя на руке Пирры длинный зигзаг чистого открытого мяса, который затянулся, пока они смотрели.

— Это беспорядки в порту? — спросила Нона. — Ты там была?

— Ты об этом слышала, детка? Нет. Это отголоски. Оказалась не на том краю города, вот и все.

— Начинается наконец-то? — спросил Паламед.

— Нет пока.

Пирра согнула руку, изучая бывшую рану, и взяла у Ноны холодный стакан. Ее пальцы оставляли на стекле грязные отпечатки.

— Смешно звучит, но пока нет. Они бросают в копов бомбы и орут всякую хрень вроде: «Никаких сделок, никаких лордов, никаких зомби» или «Копы продались зомби». Когда начнется, кричать никто не будет. Это гнев, а не страх. Ложные схватки. Там, откуда ты родом, женщины все еще вынашивают детей?

— В Шестом доме — только в исследовательских целях, — ответил Паламед.

— Я однажды принимала роды. До того как все начинается по-настоящему, происходит очень много шума и беготни. — Пирра выпила еще стакан воды длинным глотком и вытерла рот тыльной стороной ладони, не успев подумать, что делает. Увидев результат, она скривилась. Нона без просьбы принесла влажную тряпку, чтобы Пирра могла немного себя почистить.

— Херовый был день. Выкурю сигаретку. Обе-

щаю курить в окно.

Нона замерла, но Паламед спокойно сказал:

— Не выйдет, Кэм их продала. Сказала, что это наш самый ликвидный актив.

Она ожидала, что Пирра ответит убийственным сарказмом. Пирра никогда не кричала, но Нона столько раз слышала крики своих друзей, что явно предпочла бы их. Пирра только глубоко вздохнула.

— Сколько она выручила?

— Может быть, треть стоимости.

— Какое потрясающее время, чтобы быть живым. Нона, милая, набери мне ванну. У меня даже грязь грязная.

Нона побежала в ванную, заткнула слив пробкой и старательно принялась строгать кусок мыла на мелкие хлопья. Ее даже не смущала необходимость склоняться над исходящей паром водой. Услышав мягкий голос Паламеда в комнате, она навострила уши:

— Я позволю Камилле осмотреть тебя. Расскажи ей то же, что и мне.

— Погоди, Страж. Я хочу, чтобы ты услышал это первым… не Гект. Останови ее, ладно? Попробуй ее удержать.

Нона выключила горячую воду. Не то чтобы

она специально пыталась подслушивать: она все еще держала в руках овощечистку и пыталась снять самую длинную из возможных стружку мыла. Хлопья исчезали и растворялись в белой пене. Голова чесалась от пота.

— Господи, Пирра, просто говори, — услышала она голос Паламеда.

— В этом хаосе они нашли… кое-кого, кого поведут в парк.

Наступило очень долгое молчание, или Нона просто ничего не слышала.

— Я видела их две или три секунды, — продолжила Пирра, — в кузове грузовика. Трое взрослых. Темно было. Сказали, что отобрали их у копов. Спросила одного, он ответил, что они были в казармах, другой — что они так бродили.

Нона больше не могла ждать. Она открыла холодную воду, чтобы не умереть от жары, и подставила под струю запястья и ладони, как учила Камилла. Запястья охлаждаются лучше всего. Теперь она слышала только отдельные слова, пока Пирра и Паламед очень удачно не заговорили громче.

— Ты против *двухсот мудаков* с автоматами. *Камилла* против двухсот мудаков с автоматами, Секстус! Я знаю, что вы способны на какие-то

нечестивые манипуляции с душами, но кем ты себя возомнил, хреновым Ли… Л-слово? Ты даже не его фрагмент, ты только начал знакомиться с теорией. Эти бедные идиоты, которых они схватили, даже не…

— Скольких ты оставила сегодня на сожжение, Две?

— Ты так говоришь, потому что хочешь причинить мне боль и потому что ты напуган, — холодно сказала Пирра. — А ответ, мой мальчик, таков: множество. Пока это множество не включает в себя тебя, меня и Нону. У нас троих и так достаточно проблем. Не заставляй меня повторяться.

— Пирра, они связывают им руки, суют их в эти клетки и обливают их бензином или керосином…

— Да-да, а потом поджигают, и это ужасно, и обычно кто-то в них стреляет, пока огонь еще толком не разгорелся. В толпе всегда есть кто-то жалостливый, Секстус, даже зомби пожалеет. И это не будут зомби. Выслушай меня. Я пытаюсь тебе объяснить, что мы с ребятами прочесали Зону С и не нашли ничего: ни тел, ни крови, никого из твоих. Даже никаких признаков того, что Эдем их там удерживал. Толпа просто срывает злость на паре несчастных идиотов — они либо сошли

с ума, либо под наркотой, либо просто сказали что-то не то и дали кому-то прекрасную возможность убрать себя с их дороги. Ты сам знаешь, что таково было подавляющее большинство смертей в клетках после первой вспышки. Даже если это один из твоих, все равно Седьмой настолько пожрал их разум, что они даже не заметят…

— Дело не в лояльности Дому, — тихо сказал Паламед, — а в том, что три человека сгорели заживо.

Наступила долгая тишина. Нона издала несколько звуков, пока мыла нож, мыла руки, проверяла, есть ли сухое полотенце для Пирры.

— Удержи Камиллу сегодня вечером дома, — сказала Пирра, — и тогда я прощу сигареты.

— Ты знаешь, что у нее есть сводная сестра? Она тебе говорила? Это не мой секрет. Они очень любят друг друга. Камилла на десять лет моложе. Кики — член Надзорного органа, младший. Она была среди тех, кто вел переговоры с Ктесифонским крылом.

— Я не знала.

— Наряду с пятнадцатью другими лучшими умами моего Дома, — продолжил Паламед, — их привели сюда мои убеждения и приказы Камиллы. Они мои коллеги, мои друзья. Моя семья…

Люди, которых они посадят в клетки, тоже чьи-то друзья и родственники.

— Удержи. Камиллу. Дома. Сегодня вечером. Это все. Никакого героизма. Мне плевать на сантименты. Просто делай как надо. Не надо эмоций. Делай.

— Сегодня вечером я ненавижу почти все человечество, — устало сказал Паламед.

— Это эмоция, — резко ответила Пирра, — прекрати.

Паламед, казалось, не заметил, как Нона прокралась обратно в кухню, вытирая руки. Он нырнул в спальню. Осталась только Пирра, которая стянула с себя окровавленную рубашку и кинула ее в раковину отмокать. Пирра с обнаженной грудью, настолько изъеденной шрамами, что Камилла и Паламед не смогли выяснить их происхождение. Нона всегда чувствовала себя очень мягкой и нежной, когда видела Пирру без рубашки, и любила обнимать ее сзади, вжимаясь лицом между лопаток. Но сегодня вечером она просто смиренно сказала:

— Можно на пять минут выйти в коридор?

— А Камилла разрешила? — Пирра подняла одну бровь.

— Нет, но я хочу посидеть около триста второй

двери. У них есть радио, а у нас нет.

— Звучит безобидно. А почему Камилла против?

— Она говорит, что они маньяки.

— Иди. Дай пять. Я не скажу ей, если тебя не подстрелят.

Нона отперла дверь и вышла наружу на цыпочках, хотя ей и разрешили. Желание послушать радио было *не совсем* обманом. Она знала, что, если останется в кухне, рано или поздно снова встанет вопрос оставшейся ложки еды, а ей хотелось минутку погулять и подумать. Свет в коридоре был приглушен, прохладный линолеум прилипал к ногам при каждом шаге, от конденсата оставались идеальные нона-образные следы.

Окна старательно закрывали и заколачивали, поэтому она не могла взломать одно из них и подышать свежим воздухом, так что она слонялась возле двери номер 302. Радио говорило что-то скорбное, что она не могла толком перевести — без движения губ и глаз понимать речь было куда сложнее. Она уселась в темном сыром коридоре и предалась раздумьям. Что, если бы ей хватило смелости спуститься в гараж и посмотреть, хватится ли ее кто-то? Но это походило на предательство больше, чем ей бы хотелось.

У двери номер 302 она нашла окно, которое не заколотили, а только заклеили, и она сумела открыть его просто руками. Солнце село. Ночь посинела от сферы, висевшей над городом. Когда этот свет коснулся ее глаз и губ, ей стало легче.

Это был секрет, который Нона хранила от Пирры, и Камиллы, и Паламеда, едва ли не единственная ее тайна, но слишком уж красивая, чтобы ее раскрывать. Она знала, что сияющая сфера, висящая над городом высоко в космосе, спровоцировала беспорядки, пугала людей, стала причиной блокады порта, заставляла бросаться под автобусы и утверждать, что конец света близок. Она сделала ужасной жизнь всех вокруг, и из-за нее у Паламеда и Камиллы были такие серьезные, задумчивые лица, и Пирра приклеивала на плечо дополнительный никотиновый пластырь, как только туман рассеивался и большой синий шар появлялся в небе.

Но Нона любила синюю сферу так же сильно, как и все остальное. Только она слышала, как сфера поет.

— Спокойной ночи, Варун, — сказала она.

Она на цыпочках двинулась обратно по коридору — здание сегодня замерло, как будто вжалось в темный угол в надежде, что его никто не за-

метил, — и открыла дверь, стараясь быть как можно тише. В прихожей никого не оказалось. Из ванной доносился плеск. На цыпочках Нона прокралась в спальню и увидела там Камиллу перед диктофоном и включенной лампой. Камилла сидела, обхватив колени, прижавшись к ним подбородком и уныло глядя в пространство.

Нона легла на матрас. Увидев уставшую и грустную Камиллу, она внезапно тоже почувствовала себя грустной и уставшей. Повинуясь наитию, она раскинула руки, и Камилла неожиданно легла рядом и позволила себя обнять — не то чтобы крепко, но она разрешила положить на себя руку. Было жарко, но Нона не возражала.

— Кэм, — прошептала Нона.

— Что такое?

— Я могла бы пойти ради тебя в парк, — прошептала Нона, отчаянно пытаясь выбрать правильное слово, сказать то, что нужно, выразить правильное намерение, — я могла бы помочь, правда. Ты знаешь, что происходит, когда меня ранят. Это должно чего-то стоить.

— Это и есть твой план? Получать увечья?

— Ну, это может их напугать. А умирать я не боюсь. Правда, Кэм, я не…

— Почему? — спросила Камилла.

Нона задумалась.

— Это как отпускать руки на турнике и падать. Мне не нравится мгновение перед тем, как ты разжимаешь руки, и не нравится падать. А отпускать нравится.

— Я не отпускаю. У меня ничего больше нет.

Нону это поразило — сама идея того, что Камилла, Камилла, которая столько умела и могла, сводила себя к одной-единственной вещи. И еще ее поразило то, что кому-то может не нравиться ощущение невесомости, когда твои пальцы соскальзывают с металла и ты повисаешь в воздухе без всякой поддержки. Рука Камиллы нащупала кончик ее косы и вцепилась в нее, как в поводок или страховочный линь, как будто Нона правда могла упасть.

Она наполовину заснула к тому времени, как Пирра закончила мыться (и дважды сполоснула ванну); это означало, что теперь очередь Ноны идти в ванну. В полусне она разделась и заснула бы в воде, как только в нее залезла, если бы Камилла не сидела рядом, говоря время от времени:

— Пока нет.

Это не давало ей уснуть, потому что было бы ужасно глупо утонуть в такой момент.

Совсем засыпая, она натянула рубашку, в ко-

торой спала, и, спотыкаясь, вышла из ванной, ничего не осознавая. Пирре пришлось сказать:

— Нона, не доводи Камиллу до сердечного приступа.

Нона проснулась настолько, чтобы лечь и начать застегивать рубашку снизу. Добравшись почти до верха, она глубоко заснула.

Иоанн 5:18

Во сне пришла ночь, или то, что она сочла ночью. Они лежали на вершине холма, и он показывал ей созвездия, которые они могли бы увидеть, если бы не плотное зеленое облако и не мягкие хлопья пепла. Они лежали голова к голове, глядя в ту часть неба, где был виден — а точнее, не виден — Южный Крест. Звезды казались милыми и знакомыми, но она не знала их имен, хотя они крутились на кончике языка. Она спросила его, почему крест называют Южным. Он сказал, что это всего лишь одно из названий, но эти звезды расположены крестообразно и видны только из Южного полушария. Он сказал, что, когда он был маленьким, его учили, что это якорь корабля. Он сказал, что ему так больше нравится. Ему нравится думать, что Млечный Путь стоит на якоре и никуда не может сдвинуться. Сказал, что в детстве он ненавидел перемены, любые.

Ей очень нравились перемены — по большей части. Но он не собирался останавливаться на этом. Поэтому она спросила его о фокусе с пальцами, и он обрадовался и заговорил о том, почему это всех так расстроило.

Он сказал: «Имейте в виду, что это был самый первый раз, когда кто-либо такое сделал. Это невозможно было объяснить. Ни веревочек, ни магнитов. Никаких иллюзий, ничего такого. Я мог повторить это сколько угодно раз, для кого угодно, кто хотел посмотреть — и помочь М, которую рвало желчью в углу. Я так и сделал. Всем пришлось посмотреть, всей банде. К тому времени…»

Он сказал: «К тому времени это стало легко. Я заставил Титанию и Улисса сесть. К концу дня они ходили за мной, садились, когда я садился, и вставали, когда я вставал. Все остальные сходили с ума. Я не хотел вести себя как мудак, я хотел просто присмотреть за ними. Это казалось очень важным. К тому же А был прав — не то чтобы я много спал или ел тогда».

Он сказал: «Все страшно ссорились из-за этого. К и Г восприняли это нормально. Сейчас это кажется довольно забавным. К растили в Англии и в англиканских традициях, а Г воспитали бабушка с дедушкой, страшно религиозные. Белое воскресенье, костюм с галстуком для церкви и все такое. А вот М не смогла это принять. М была убежденной атеисткой с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Но она справилась, такое уж она

была ходячее противоречие. Ее лучшей подругой была монашка, между прочим. А еще А дал ей виски и таблетку бензо, что тоже помогло».

Он сказал: «И знаешь что? Им хотелось верить. Всем. Мы все хотели чуда. Каждый хочет верить, что Бог случайно сделал его одним из Людей Икс. Мы все думали о вас. О том, что это для вас значит. П беспокоилась, что наступил зомби-апокалипсис, но Титания и Улисс не были зомби. Они стали… расширениями. Существами без души. Они не проснулись и не воскресли. Их тела двигались, когда я хотел. А потом мне больше не нужно было держаться за струны — я мог сказать: “Иди сюда” или “Иди туда”, и они шли, куда я говорил. Нужно было обязательно приказать им остановиться, иначе они бы уперлись в стену. Они не могли говорить или кусаться, понимаешь? Я бы хотел, чтобы они могли. Но они были только мной».

Несколько мгновений они оба молчали, стряхивая пепел с лиц и волос. Пепел падал густо и быстро, как снег. Они укрылись под сгоревшим деревом и смотрели, как на камнях и ветках нарастают шапочки из пепла. Иногда пепел попадал в рот.

Через мгновение он сказал: «Я знал, что все в

порядке. Я знал, что нащупал что-то, что можно использовать во благо. Что позволит исправить все, что будет добром для вас. Мне нужно было только выяснить, как действовать. Нужно было так много выяснить. Но у меня же была команда мечты, правда? Люди, которые умели думать. Н осталась с нами. К все еще делала вид, что они не встречаются, и она была художником, а это было очень круто. Если у вас есть два ученых, инженер, детектив, адвокат и художник, этого вполне хватает. Звучит как начало анекдота, да? Двое ученых, инженер, детектив, адвокат и художник заходят в бар, чтобы помочь мне стать Богом».

Он сказал: «Они помогали мне пройти весь путь. Я все время чувствовал себя измотанным. Мы все придумывали эксперименты, чтобы выяснять, на что я способен, что могу, а чего не могу. Слишком много было работы впереди. Мы довольно рано поняли, что мне очень помогали мертвые тела рядом. Тогда мы подумали, что на самом деле дело в земле, в нашем участке в Вайрарапе. Но потом мы загрузили тела в пикап и ездили по округе от копов, и везде происходило то же самое. Все решали трупы. Они были моими батарейками».

Он сказал: «Ну и, конечно, что же сделали М и А

— они совершили набег на чертово кладбище. Я страшно разозлился. П тоже, но, типа, потому, что это незаконно и ей пришлось их прикрывать. Но так мы узнали, что секрет не в куче специальных магических трупов. Я мог взять тело умершего двадцать лет назад и сделать то же самое. Не могу поверить, что нас не поймали».

Он сказал: «В тот момент мы знали, что самый большой риск — это попасться. Что нас заткнут. Перекинут эксперимент какому-нибудь правительственному агентству в Америке. Или армейскому. Передадут каким-нибудь акционерам или продадут богатому сукиному сыну. Думаю, мы смотрели слишком много фильмов. Мы предполагали, что мы погибнем. Исчезнем. Привыкнем ко злу».

Он сказал: «Итак, мы решили, что нам нужно поднять как можно больше шума. Выйти на публику. Узнать, есть ли кто еще, похожий на меня, кто-то, способный на подобное. И у нас *был* способ сделать именно это. Это были другие времена. Я не хотел этого. Это казалось… слишком резким. Слишком неприятным. Слишком гадким. Но это был наш единственный козырь».

— У нас был интернет. Мы решили устроить стрим, — сказал он со вздохом.

— Что такое интернет? — спросила она.
И он сказал:
— Видишь, я все-таки создал утопию.

День третий

Визит – Корона ведет Нону в школу – Важные новости – Приключения Ноны и Табаско – Два принца – Три дня до открытия Гробницы

11

На следующее утро Камилла нажала кнопку и сказала:

— Начинай.

На этот раз Нона не закрывала глаза, а пристально смотрела на черные пятна плесени на потолке, как будто для вдохновения.

— Я удерживаю что-то в воде. Это та же самая вода, приятная. Но, что бы я ни держала, оно не хочет оставаться внизу, оно рвется назад. В смысле на поверхность.

— Что ты держишь?

— Девушку с разрисованным лицом.

— Расскажи мне о девушке.

— Она под водой. Она не тонет, просто лежит там. Глаза закрыты, кажется. Вода мутная. Но меня все еще держат руки. Кажется. Все путается.

— Покажи где.

Нона извернулась в попытке обнять себя: она перевернулась на матрасе лицом вниз и попыталась положить одну руку себе на шею, вторую — на талию. Камилла смотрела на ее усилия.

— Ладно, покажи на мне.

Обрадованная этой возможностью, Нона тут

же села, не обращая внимания на накатившее головокружение, и потянулась обнять Камиллу. На полпути замерла и спросила:

— Точно?

— Ты уже показывала на мне раньше. Покажи еще раз.

Нона сосредоточилась на своих ощущениях во сне, очень странных и многоплановых. Она умела действовать руками и ртом, хорошо умела, но она колебалась.

— Я не могу сама, — сказала Нона и взяла Камиллу за руки.

Положила руку Камиллы себе на бедро, вторую руку — на другое бедро, растопырила пальцы и произнесла:

— Еще. Нет, вот тут, — поправила она, когда Камилла ее держала. Потянулась к Камилле, как будто та тонула, как будто хотела утонуть. Близость к Камилле была приятна. Прикосновение ее казалось прикосновением врача, немного неуверенным.

— Хорошо, — сказала Камилла, когда они оказались в клинче. — Еще что-то?

— Нет. Это было полезно?

— Все полезно.

Камилла убрала одну руку с бедра Ноны, чтобы

отжать кнопку диктофона, а другую оставила на месте. Ноне нравилось видеть Камиллу так близко, нравились линии ключиц в расстегнутом вороте рубашки, обнаженные предплечья, уши. Камилла была такой милой, красивой и доброй. Ноне все время хотелось быть рядом с ней. Пирра говорила, что это щенячья любовь, но Нона знала, что щенячья любовь совсем другая: это когда тебе хочется раскрыть щенку рот и потыкать его в зубы.

— Приятно, — сказала Нона с некоторым сомнением, — забавно, во сне я никогда не ощущаю такого.

— Хм. Но ты же говоришь, что тебе это нравится.

— Но это совсем не сексуально.

Брови Камиллы поползли вверх.

— С каких это пор ты используешь слово «сексуальный»?

— На днях Честь сказал, что считает красивые туфли сексуальными, а Красавчик Руби спросил: «Что, только туфли?», а Честь возразил, что в них должны быть ноги. Тогда Утророжденный разозлился и сказал, что Честь дешевка, а ноги есть у всех.

Камилла наклонила голову, оторвавшись от

Ноны — Нона расстроилась, потому что ее волосы приятно пахли пылью, — и взяла свой блокнот.

— Хорошо. Что ты считаешь сексуальным?

Нона немедленно повеселела.

— Огромный старый плакат на стене в конце улицы. Где молочная лавка. Старая реклама шампуня.

Камилла смотрела на нее несколько секунд.

— Там нарисованы два цветка.

— Мне кажется, что это очень сексуальные цветы! Ладно, твоя очередь! Что ты считаешь сексуальным?

— Когда едят завтрак, — ответила Камилла.

Нона в отчаянии повысила голос:

— Нет. Это нечестно. У нас глубокий личный разговор, я делюсь с тобой самым сокровенным, а ты просто хочешь, чтобы я поела.

— Да. Я собираюсь поговорить со Стражем.

— Ну спроси его, что он считает сексуальным.

— Нет. Я и так знаю.

Звучало разумно.

— Расскажи! Я все съем, если расскажешь, — зачарованно сказала Нона, отвлекшись от натягивания штанов. — Кэм, пожалуйста-пожалуйста. Я была хорошей! А когда не была, это не потому, что не старалась. Вчера был ужасный день. Мне

нужно знать — я знаю, что это поможет мне вспоминать. Это моя глубинная потребность! Мне кажется, мое настоящее «я» хочет это знать. Это же работа, да? Ее Паламед считает сексуальной?

Камилла взяла блокнот и ручку и что-то спокойно написала, а потом подчеркнула — дважды.

— Соблюдение трудовой этики, — сказала она в конце концов, — хорошие оценки на экзаменах.

Обдумывая это, Нона застегнула рубашку и надела один носок, а потом другой.

— Вау. Круто.

— Иди завтракай и скажи Пирре, что я сейчас приду. Как твои волосы?

— Можно пока не переплетать, — решила Нона. — Ты уже знаешь, кто я? Это помогает?

— Пока нет, — сказала Камилла и снова наклонилась над блокнотом. Это был сигнал уходить.

Нона ждала, надеясь на еще одну улыбку, такую же, как вчера. Камилла не смотрела на нее и не улыбалась. Нону укололо разочарование. Не то чтобы улыбка как-то улучшала жизнь — за это время произошло много ужасных вещей, — но все же она была своего рода воздаянием, защитой от неприятностей. Камилла осталась дома. Пирра вернулась домой. Никто не причинил вреда Лапше или Ангелу. Никто не пришел за ней.

Мысли о Лапше и Ангеле заставили ее забыть о лице Камиллы и размышлениях о наступающем дне. Она убежала в кухню, где Пирра, полностью одетая, сыпала сухое молоко в кувшин с водой. Ее поза, положение рук, ссутуленные плечи напугали Нону.

— Ты вчера не ложилась, — обвиняюще сказала она.

Пирра оглянулась через плечо и улыбнулась легкой улыбкой, которая казалась совершенно неподходящей ее широкому обветренному лицу. Поставила кувшин и очень спокойно подошла закрыть дверь спальни.

— Конечно, легла. Спала как младенец. — Ее улыбка не затрагивала глаза. Они оставались темными и настороженными.

— О чем вы говорили с Камиллой? Звучало довольно сочно.

Нона вдруг вспомнила, что так и не сказала Паламеду или Камилле, что любит их. Она взглянула на пластиковый кувшин, где плавал бледный, с темными пятнышками порошок, и захотела снова почувствовать счастье, но теперь оно было омрачено. Пирра проследила ее взгляд и сказала:

— Ты же говорила, что хочешь оладьи. Я спо-

собна иногда приносить домой продукты, знаешь ли.

— Где ты была? Ты сидела на корточках. У тебя затекла правая рука.

Пирра, взявшая лопатку, положила ее снова. Как вообще кто-нибудь мог поверить, что она спала? У нее были глаза бодрствовавшего человека, короткие мертвенно-рыжие волосы бодрствовавшего человека, напряженные плечи бодрствовавшего человека. Под одеждой она казалась ужасно напряженной, у нее не было ни капли жира, но она казалась куда больше, чем на то давало право ее тело. Это тело походило на резиновую ленту, но двигалась она как животное, как большая кошка цвета пыли, из тех, что живут на окраине, у которых ядовитые усы. Она понизила голос до максимума, воздвиглась над Ноной и сказала:

— Я собираюсь доверить тебе тайну. Ты сделаешь это для меня? Тебе будет сложно?

— Да, — сказала Нона, автоматически понизив голос вслед за Пиррой, — нет.

— Я была в парке.

Нона некоторое время думала об этом. Камилла ей не улыбнулась, а теперь ее просят хранить тайну. Довольно хреновые предзнаменования,

даже с учетом оладий. Всего две недели назад она бы искренне обрадовалась оладьям, ей нравилось накладывать на них маргарин и смотреть, как он тает ярко-желтыми лужицами, и их легко было глотать, такие они были мягкие.

— Ты же знаешь, что этого нельзя делать? — медленно прошептала она.

— С каких это пор ты взялась за мной присматривать? — Пирра даже удивилась. — Раньше ты никогда меня не критиковала. Вот хрень. Я почти готова была на тебе жениться.

— Я бы не вышла за тебя замуж, даже если бы ты предложила, — извиняющимся тоном сказала Нона. — Я люблю тебя, Пирра, и думаю, что ты замечательная и очень красивая…

— Издеваешься? — сказала Пирра. — Я выгляжу как пара локтей.

— …но я не хочу за тебя замуж. Ты никогда не будешь вести себя так, будто ты жената на мне.

Это ненадолго парализовало человека, который ради нее пошел на работу. Пирра прислонилась к раковине и, довольная тем, что вопрос с парком закрылся, трясла кувшин с мукой и восстановленным молоком, пока не получилось тесто. Потом она умело налила его на горячую сковороду идеальными кружочками, которые быстро

поднялись от жара. Бледно-коричневое тесто запузырилось как по волшебству.

— Это работа, — сказала Пирра, — нельзя лишить женщину работы.

Нона продолжала говорить очень тихо:

— Пирра, зачем ты туда ходила?

Пирра не ответила. Нона настаивала:

— Ты кого-нибудь спасла? Потому что, если да, расскажи Камилле и Паламеду, они порадуются.

— Нет, — сказала Пирра, — они все поймут не так.

— Тогда, Пирра…

— И я была не одна, — перебила Пирра, переворачивая оладью. Нона уставилась на дырявый желтый верх оладьи, который был чуть темнее там, где пузырьки теста касались сковородки, — не задавай вопросов, Нона. Но сделай для меня одну вещь. Будь осторожнее с теми ребятами, с которыми ты тусуешься в школе.

Весь туман в мозгу Ноны сместился в другую сторону.

— В школе? Что не так с моими друзьями?

— Ш-ш-ш, — шикнула Пирра. — Не со всеми. Та девчонка с ожогами, я вот про кого. У которой имя такое глупое.

Нона не сразу поняла, о ком идет речь. У ее

друзей не было глупых имен, и ей потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, что такое ожоги.

— Пирра, я не уверена, что мне нравится, когда ты говоришь гадости про Табаско, — сказала она, чувствуя себя ужасно растерянной и несчастной, — у нее чудесное имя, за которым стоят важные и захватывающие обстоятельства.

— Гадости? И не собиралась. Нона, я имею в виду только то, что твоя подруга Табаско вчера торчала у клеток для сжигания с довольно суровой компанией.

Мир завертелся. Мгновение Нона не могла думать, не могла чувствовать и не могла остановить свое тело. Пирра сказала уже мягче:

— Сядь и сделай пять вдохов.

Нона села и сделала пять вдохов и выдохов, и от этого почувствовала себя лучше. Она сосредоточилась на том, чтобы до упора наполнять легкие через нос и выдыхать воздух сжатыми губами, поэтому, когда Пирра досчитала до пяти, Нона уже успокоилась.

Дело было не только в дыхании, а скорее в силе ее веры в Табаско. Если Табаско торчала у клеток, значит, тому были веские причины. Нона дружила с Табаско, входила в ее банду. Она ничего даже

не скажет, пока этого не захочет Табаско. И все на этом. Она расслабилась.

— Ты на меня злишься? — спросила Пирра. — Ты же понимаешь, что злиться нормально?

— Нет. Но я не собираюсь прекращать дружить с Табаско.

— Я этого и не говорю. Просто будь осторожна.

Нона решила, что пора сменить тему. Ей очень не нравилось ссориться с Пиррой. От этого она злилась, а потом впадала в истерику.

— Ладно, а что ты считаешь сексуальным? — спросила Нона нормальным тоном.

Пирру, казалось, обрадовала возможность подумать о чем-то другом. Она подождала, пока тесто как следует не поднимется, взяла лопатку и подсунула ее под оладью, чтобы перевернуть. Нона подошла к ее локтю — посмотреть.

— Ты хочешь знать, что я действительно считаю сексуальным или что я отвечу на этот вопрос, если захочу произвести впечатление?

Нона обрадовалась, что Пирра поняла.

— Первое.

— Люди-мины.

Увидев, как Нона свела брови в замешательстве, она сказала:

— Некоторые приходят во Вселенную, чтобы

взорвать ее, а потом уйти. Я всегда на это ведусь.

Ноне показалось, что она поняла, но она все же засомневалась.

— Но это же непонятно с первого взгляда.

— Еще как понятно. Ты просто не знаешь, куда смотреть. — Она перевернула вторую оладью, выглядя очень серьезной и умной. — Ну и еще рыжие. Люблю рыжих.

Если не считать самой Пирры с ее темно-рыжими волосами, из рыжих Нона знала только Чести, который умел смотреть бледно-голубыми глазами навыкате в разные стороны (когда оба они были целы). А еще у него была кожа как у жуткого призрака, а на веках явно виднелись все вены.

— Окей, но мне рыжие особенно сексуальными не кажутся.

— Что? Погодите-ка, — сказала Камилла, открывая дверь, — нет, открыл дверь Паламед, застегивая куртку Камиллы, — ты только что сказала очень интересную вещь, Нона. Надо это записать. Пирра, это что, оладьи? Ты великолепна.

Нона не понимала, как Паламед не видит напряженные плечи, складки на одежде и прочее, что просто кричало «ПАРК… ПАРК… ПАРК», но воспользовалась моментом.

— Паламед, что ты считаешь сексуальным?

— Такие коротенькие халатики, как у медсестер, — быстро ответил Паламед.

Значит, Камилла все-таки лгала.

Завтрак оказался очень унылым, несмотря на оладьи. Пирре и Паламеду, похоже, нечего было сказать друг другу, хотя Паламед вел себя очень мило. Он съел порцию Камиллы, сказав, что она не голодна, что вызвало у Ноны приступ горькой зависти — вот бы у нее был кто-то, кто за нее ел. Но Паламед, как всегда, не мог остаться надолго, и вот он положил руку на плечо Ноны.

— Позаботься обо всех ради меня, Нона. — В этом был весь Паламед. Не надо вести себя хорошо или быть осторожным, надо отвечать за всех. Как будто он правда думал, что она справится. Ноне это всегда очень нравилось.

Но когда он ушел, Камилла стала сероглазой, тихой и злой. Завтрак закончился почти в полном молчании, и Камилла пристально следила, как ест Нона. Это было неудобно.

Нона справилась с полутора оладьями, куском вчерашней дыни и стаканом воды, когда дверь распахнулась и раздался металлический КЛАЦ пистолета. Пирра объясняла, что этот звук означает, что сейчас крошечные куски металла

полетят в тебя на огромной скорости. Голос, приглушенный тонким слоем пластика, произнес:

— Лицом вниз, руки за голову. При первых признаках вашей некромантской херни сразу стреляю.

12

Все домашние очень хорошо знали, что делать при стрельбе, даже лучше, чем школьники. Нона рухнула лбом в меламиновую тарелку и вскинула руки вверх — напротив нее то же самое сделала Камилла. Пирра, поднявшаяся налить себе воды, упала лицом в пол. В комнате послышался стук сапог. Нона, не глядя, знала, что стучат шесть пар ног, они никогда не ходили меньше чем вшестером. Но почувствовав, как ее подбородок задрали вверх и закрыли лицо грубым темным пластиком, она приглушенно запротестовала:

— Но мне нужно в школу!

Но Крови Эдема не было дела до того, нужно ли идти в школу. Мыть доски или разглядывать психодрамы, которые разыгрывал Кевин при помощи двух ластиков, на которых Утророжденный нарисовал лица.

В Здании никто не вмешивался, услышав грохот сапог в коридоре или стук распахнувшейся двери. Как уже случалось много раз, запястья Ноны и Камиллы притянули к бокам обрезками серебряного скотча, хотя Пирра, лежавшая лицом вниз, мерно говорила:

— Ктесифон, успокойтесь. Вы же знаете, что мы сделаем, как вы говорите. Вас слишком много, мы не хотим проблем.

Но на нее все равно надели наручники. Пирре всегда доставались и скотч, и наручники. Всех троих обыскали на предмет оружия. Почти все ножи, которые Камилла прятала под одеждой, отобрали, но не нашли самый тайный нож и даже тот тайный нож, о котором знала Нона. Вероятно, их было больше. И никто никогда не находил ничего у Пирры, но это вовсе не значило, что у Пирры ничего не было, хотя когда Нона однажды задала ей этот вопрос, Пирра спросила: «А что мне за это будет?» — и подмигнула. Потом каждую из них повели по коридору двое. В то утро все двери были плотно закрыты. Одна дверь приоткрылась, но никто из нее не появился.

Всех троих провели вниз по широкой бетонной лестнице, где шипели разбитые лампы. Потом началась та часть, которую Нона ненавидела больше всего — их привели в прохладный гараж ниже уровня улицы и сунули в большую белую четырехколесную машину.

Задние сиденья были сняты, так что Ноне и Камилле пришлось лечь, а Пирру заперли в багажнике. Это делалось якобы для того, чтобы

они не пострадали при стрельбе в окна, но Камилла говорила, что дверцы у машины вовсе не бронированные и им легко может достаться по пуле, и тогда все станет очень интересно. С них сняли капюшоны, и даже в темноте гаража все показалось очень ярким. Пока они лежали, один человек в маске помахал над ними фыркнувшей машинкой, а второй измерил температуру во рту и под мышкой. Камилла говорила, что так они проверяют, что имеют дело с живыми людьми, а не с чем-нибудь еще. Нона без всякой радости в очередной раз уткнулась в пол машины. Его покрывал коврик из очень грубых противных волокон, воняющий топливом и грязными сапогами.

Сквозь тонированные стекла ничего не было видно. Раньше они всю дорогу не снимали с Камиллы и Ноны капюшоны, но из-за этого Нону всегда сильно тошнило, так что больше они так не делали. Никто не разговаривал. Нона обнаружила, что если повернуть голову и уткнуться лицом себе в плечо, то она будет чувствовать запах собственной рубашки — пота и стирального порошка, — а не бензина. Так время пошло значительно скорее.

На них снова надели капюшоны, когда машина

наконец остановилась. Нона считала свои шаги, шаги Камиллы и двух эдемитов по хрустящему гравию. Заскрипела дверь, они оказались в темноте, потом их усадили и сняли капюшоны, хотя скотч остался. Они оказались в маленькой комнате для ожидания. Пирры там не было. Они никогда не оставляли Камиллу и Нону вместе с Пиррой.

Каждый раз они оказывались в новой маленькой комнате. Нона находила их довольно роскошными. Камилла и Паламед, которые оба со всей возможной целеустремленностью пытались определить маршрут, говорили, что, по всей вероятности, это какое-то старое правительственное здание. Внутри везде были матовые стальные панели, чистые белые полы, а еще глянцевые красно-зеленые растения с толстыми сочными листьями, которые Ноне всегда хотелось пожевать. Кожаная обивка диванов потерлась и залоснилась, металлические ножки элегантных стульев были исцарапаны, но Нона всегда чувствовала себя грязной и неуместной в этих офисных помещениях. Они походили на картинку из старого журнала.

Они не разговаривали, потому что Камилла сделала ей незаметный знак большим пальцем,

который означал: «Молчи, вокруг чужие». Они даже не смотрели друг на друга, пока дверь не открылась и кто-то не сказал:

— Пришли результаты, они чистые.

Вошла Корона, и тошнота Ноны и желание сходить в туалет тут же прошли.

Корона — в тяжелых ботинках, грязной куртке на молнии и плотных штанах с оттопыренными карманами — была самой красивой женщиной в городе и, возможно, на планете. Стоя в дверном проеме, она освещала всю комнату. У нее были янтарная кожа и чудесные волосы цвета золотого сахара. Если бы она вдруг оказалась в очереди в магазине, все присутствующие спросили бы, где она была всю их жизнь. Можно было продавать билеты желающим посмотреть на нее. Когда она улыбалась Ноне — вот как сейчас, — в уголках фиолетовых глаз возникали морщинки. Она всегда была рада видеть Нону. Нона обычно единственная была рада видеть ее.

Корона повернулась к Ноне:

— Давай, детка. Смотри, что у меня для тебя есть.

Она вынула из кармана нож и разрезала скотч, стягивавший руки Ноны. Освободившись, Нона немедленно обняла Корону. Корона была неверо-

ятно высокой и крепкой и чудесно обнималась — если она подходила к этому всерьез. Правда, из-за их разницы в росте Нона всегда больно тыкалась в кобуру на правом бедре Короны и в меч в ножнах на левом.

— Скажу им, чтобы в следующий раз использовали пластиковые стяжки, — пообещала Корона, когда Нона отпустила ее и принялась отдирать скотч с запястий вместе с волосами. Кожа под ним покраснела.

— Твоя очередь, Камилла… Ох!

Руки Камиллы уже были свободны, хотя их примотали прямо к бедрам. Наверное, она воспользовалась тем самым секретным ножом. Корона поджала губы. Камилла счищала с рук остатки скотча, не глядя ей в глаза. Потом спросила:

— И куда ты дела Пирру?

— Другие допускаются до Святого только после того, как он будет просканирован. Ты сама знаешь.

— Она не ликтор.

— Не все получают разрешение. И ты не знаешь всей картины.

— Она ничего не скрывает.

— Ты сама в это не веришь.

Камилла замолчала. Потом сказала:

— Ты так и носишь меч.

Кажется, Корона обрадовалась.

— Конечно. Он напоминает о доме.

— Тебе не для кого его носить.

— Не думала, что ты такой консерватор, — улыбнулась Корона, — мне не надо носить его для кого-то. Это просто… вопрос эстетики.

— Он тебе не принадлежит.

— Верну, если хозяин попросит. Ну а пока находка — моя, — легкомысленно сказала Корона. — Ты говоришь как Капитан.

— Ее еще не усыпили?

Если это должно было задеть чувства Короны, то у Камиллы ничего не вышло.

— Если я не придушу ее подушкой, это вряд ли случится в ближайшее время, — весело сказала Корона.

— Подушка не годится. Отрубить голову и руки — и в клетку в парке.

Серебристый смех.

— Ох, ей бы это понравилось. Голову и руки, как мученику Когорты. Можешь себе представить? Представляешь, как она говорит: «Жаль, что у меня всего одна жизнь, которой можно пожертвовать»?

— Ты говоришь как сестра.

— Да? — Корона явно была довольна. — Спасибо. Мне бы не помешала ее серьезность. Мне кажется, я не заслужила быть командиром. Чувствую себя школьницей каждый раз, когда провожу совещание. Все остальные кажутся такими старыми, даже если они на три года младше меня.

Камилла спросила:

— Ты пытаешься вызвать отвращение у меня или у себя?

Снова смех.

— Ты так хорошо меня знаешь, дорогая…

— Я не знаю тебя, Коронабет, — сказала Камилла. — Я теперь вообще тебя не знаю.

Они замолчали. Через некоторое время Корона тихо и довольно искренне сказала:

— Рада тебя видеть, даже если это не взаимно.

Камилла на это тоже ничего не сказала, только потерла запястья, где был скотч. Кожа Ноны уже приобрела прежний цвет, а тонкие темные волоски на предплечьях снова отросли. Кожа Камиллы все еще выглядела красной и воспаленной.

Корона сказала:

— Они, наверное, уже закончили. Не волнуйтесь. Командир ячейки хочет поговорить с вами

наедине. Это не официально. Просто поболтать.

— Мне надо в школу, — напомнила Нона о своей беде. — Я помощница учительницы, Корона, и там столько всего происходит!

— Иногда нужно исчезать, иначе они не поймут, как ты им нужна, — улыбнулась Корона, но Нона почувствовала, что ей вовсе не интересно. Между бровями у нее залегла тревожная морщинка, но Нону это не волновало. — Хочешь, напишу тебе записку?

— Меня больше не интересуют слова командира ячейки, — сказала Камилла.

— Знаю, — ответила Корона, и морщинка стала глубже. — Я знаю. Я знаю, что не хочешь больше это видеть, но Ценой страданий на вашей стороне. Мы не сторонники жестких методов. Мы хотим того же, что и ты.

— На самом деле нет, — возразила Кэм.

Она достала из кармана рубашки жесткий чехол, а из него — пару потертых темных очков с большими дымчатыми стеклами. Надела их. Ноне не понравилось, как они выглядели на ее лице: они делали ее похожей на тех людей, которые сидят в кузове бронированного грузовика с винтовками, помеченными оранжевой лентой, жуют жвачку и ждут, пока их наймет кто-нибудь,

кому надо пристрелить кого-то еще, но кому не хватает друзей, чтобы напугать ополчение. Нанять их немногим дороже, чем купить хлеба. Они свистят тебе вслед, если ты купалась, и на тебе мокрые шорты, и волосы еще не высохли, а Камилла не останавливает их, в отличие от остальных. Когда Нона спросила, почему так, Паламед сказал, что взял с Камиллы обещание никогда не останавливать их, никогда не привлекать их внимания, никогда не суетиться. Он сказал, что Ноне нужно поступать так же. Хотя бы потому, что у них дома не так много полотенец.

Корона пробормотала, уже без всякой досады:

— Будь осторожна, Шестая, Ценой страданий — не дура.

— Давай просто с этим закончим, — сказала Камилла, — у меня куча дел на сегодня.

— Ты понятия не имеешь… — загадочно проговорила Корона.

Нона бывала на «разборах полетов», которые всегда казались очень странными и неуютными, и ее провожали в туалет почти до самой кабинки, и это был ад. Но с глазу на глаз они никогда раньше не виделись. Корона долго вела их по незнакомым коридорам, пока они не вышли к знакомому длинному пыльному коридору, по

которому ходили всегда, и не дошли до обычной комнаты — высокой, узкой, с огромным длинным столом, покрытым деревянным шпоном, треснувшим в нескольких местах, но очень чистым. На столе, как и всегда, валялись ручки и листы бумаги — создавалось ощущение, что предыдущее совещание только что закончилось. Потолок закрывали вентиляционные панели с дырками — Ноне все время хотелось покидать в них карандаши и посмотреть, застрянут ли они. Единственным украшением комнаты служили портреты, стоявшие в дальнем конце стола.

Портреты изображали людей по плечи. В нижней части каждой рамы была устроена маленькая полочка, где люди оставляли цветы, сухие или пластиковые, давно прогоревшие благовония в стеклянных стаканчиках и монеты, не похожие на настоящие деньги, которые Нона отдавала за бутылку молока. Большинство портретов представляло собой картины, и очень старые, но была одна фотография женщины с ярко-рыжими волосами и таким лицом, как будто она собиралась ударить фотографа. Она выглядывала из зарослей пыльных пластиковых цветов — куда более густых, чем те, что достались ее нарисованным соратникам.

Пирра сидела на специальном стуле, который всегда ставили для Пирры. Это был жесткий стул из гнутых металлических трубок и исцарапанных матовых пластиковых панелей. К шее ей всегда привязывали какую-то штучку, которая издавала тихие щелчки каждый раз, когда Пирра двигала головой. Если бы она сделала слишком резкое движение, ее позвоночник взорвался бы автоматически. Послышался щелчок, когда Пирра обернулась посмотреть на них: до этого она смотрела на портрет дамы, которая выглядела так, словно собиралась ударить фотографа.

Раздался еще один щелчок — закрылась дверь. Нона испугалась: она не заметила, чтобы по коридору шел кто-то, кроме них с Короной. Корону это не волновало, а вот Камилла напряглась. Когда они пришли, в комнате уже были люди, одетые так, как всегда одевалась Кровь Эдема. Их одежда поразила Нону раз и навсегда. Все, кого она когда-либо встречала, заматывали головы, будто они попали в пыльную бурю, и закрывали лицо самыми разными способами — противогазами, хирургическими масками, карнавальными масками с торчащими зубами, сварочными щитками, очками ночного видения — у всех были закрыты глаза, а многочисленные слои ткани не

позволяли понять, что скрывается за ними. Когда они говорили, их голоса звучали плоско и глухо или хрипло и металлически, из-под сварочных масок. Голоса некоторых людей в масках помассивнее вообще не походили на голоса. Паламед говорил, что они используют технологии, чтобы скрыть свой настоящий голос.

Обычно на таких собраниях встречалось людей по десять, сегодня их было только двое.

Сразу было понятно, кто тут главный. Она сидела прямо под портретом, окруженная ореолом пластиковых цветов. У нее за спиной, чуть левее, стояла телохранительница с длинным ружьем за спиной и большим мачете у каждого бедра. Нона раньше думала, что это круто, но Камилла сказала, что это очень глупо и совсем не круто. А Паламед потом сказал, что Кэм лицемерка.

Два-мачете-у-бедра закрыла лицо маской с фильтром для воздуха и очками сварщика, и Ноне казалось, что она жуткая, как монстр на картинке. Она была в капюшоне, длинной куртке и перчатках, так что ни одну часть ее тела нельзя было разглядеть.

Сидящая казалась не такой жуткой — белая маска, вроде той, каких у них дома стояла целая коробка, вполне обычные черные очки и глухой

черный капюшон. Не было видно ни лба, ни ушей, ни кожи. Это была командир. На языке Домов, но с сильным акцентом она сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

Мягкий свет боковых панелей немного притух, из-за чего сидящие за столом разодетые люди стали еще более невнятными и странными. Красивое лицо Короны стало еще красивее, ее глаза приобрели мягкость, а смеющиеся губы — нежность, которой их иногда лишал яркий свет. Камилла и Нона сели в самом конце стола, а Корона устроилась слева от Ноны.

Камилла наклонилась немного вперед, взяла со стола ручку и принялась медленно крутить ее в пальцах, перебрасывая с костяшки на костяшку.

Корона прижала руку к груди в торжественном салюте и сказала:

— Увенчайте Его многими коронами Твои легионы доблестны, и Он отметил их Своим прощением от имени Ктесифона-3 приветствует Ценой страданий из Ктесифона-1. Ячейка Трои готова докладывать, командир ячейки.

— Давайте обойдемся без формальностей. У меня сегодня было три экстренных совещания, и я делаю вид, что это… как это… кофе-брейк, — сказала Ценой страданий, — это личная беседа.

Учтите, что информация не должна выйти за пределы ячейки Трои.

— Жучков искали? — светским тоном спросила Пирра.

— Мисс Две, пожалуйста, не учите меня делать мою работу.

— Просто проверяю. Это же не на повестке дня. Мы находимся в одном из старых зданий на юго-востоке, в районе, который Кровь Эдема не контролирует. Ты вне своей зоны.

Два-мачете-у-бедра выхватила из-за спины пушку, которая громко щелкнула.

— Ликтор знает слишком много.

В воздушный фильтр маски был встроен какой-то вокализатор, так что голос походил на голос злого робота, прерываемый помехами. Что-то вроде «ЛИКТОР ЗЗЗТ ЗНАЕТ СЛИШКОМ МНОГО».

— Расслабься, — бросила Ценой страданий, даже не взглянув на Два-мачете. Та и не подумала расслабляться. Ценой страданий смотрела на Пирру.

— Водители выбрали южную дорогу с ее колдобинами?

— Сами виноваты, — сказала Пирра.

— Черт, — сказала Ценой страданий и снова махнула рукой. Два-мачете медленно опустила

пушку.

— Да, мы сегодня не в лучшей форме. Давай закончим с играми на тему того, какая ты умная и сколько тебе лет. Меня они не впечатляют, а мою коллегу раздражают.

Камилла пощелкала ручкой и спросила:

— Кто вооружил докеров, которые вчера ворвались в администрацию порта?

— Ну начинается, — сказала Два-мачете. Вышло «НА ЗЗЗЗТ ЧИНАЕТСЯ».

Ценой страданий сплела пальцы.

— У нас есть для вас отличное предложение, так что это не имеет особого значения.

— Позволю себе повторить. Ты знала заранее о нападении на администрацию порта или нет?

Ценой страданий не успела ответить, когда ее телохранительница вмешалась напряженным тоном:

— У вас есть возражения? (ЗЗЗЗТ)

— Убиты двадцать два человека.

— Нет. Убито девятнадцать человек, а трое сторонников зомби упокоены. Считайте правильно. Вас волнуют девятнадцать или трое?

Из-за маски прозвучало это очень плоско, типа «ВАС ЗЗЗТ ВОЛНУЮТ», и вышло не впечатляюще. Ноне очень хотелось указать на это, но Корона

заговорила первой:

— Если ты ставишь под вопрос верность ячейки Трои, ты ставишь под сомнение мою преданность, агент. Это так? Потому что по закону Крови Эдема у меня есть право обратного требования, и я могу воспользоваться им немедленно. Как насчет этого? Спорим, тебе никогда раньше не бросали вызов.

Ценой страданий выглядела огорченной даже сквозь пластиковую маску, очки и капюшон. Тогда телохранительница пропела:

— Просто здорово. ПОЕХАЛИ ЗЗЗТ.

Ценой страданий продолжила:

— Этого более чем достаточно. Вы обученные солдаты, а не портовый сброд за кружкой пива. И никакое право обратного требования здесь неприменимо. Я бы проэкзаменовала вас обоих, но у нас вообще нет на это времени.

Телохранительница и Корона замолчали. Глаза Короны казались злыми и особенно яркими, губы плотно сжаты: выглядела она великолепно, как всегда. Когда Нона сильно злилась, ее щеки краснели, а голос становился скрипучим. Она ужасно завидовала.

— Выслушай меня спокойно, Гект, — продолжила Ценой страданий. — Переговорщик находится

на орбите.

Камилла встала.

Пирра мягко сказала:

— Мы этого ждали. Послушай.

Камилла села. Со стороны Нона видела, что она тоже злится — не так прекрасно, как Корона. Глаза у нее стали пустыми, как будто из них стерли саму Камиллу: серыми, стеклянными и неподвижными.

— Вы могли бы сэкономить себе полчаса, а нам два раза по полчаса, рассказав нам об этом на раскопках, командир, — заметила Пирра.

— Я очень внимательно слежу за тем, что делаю, мисс Две. Поэтому я говорю непринужденно… максимально по инструкции… чтобы у меня был шанс обсудить это с ячейкой Трои нормально. Прибытие переговорщика пугает нас всех. Многие фракции не ожидали, что он рискнет явиться, особенно с учетом этого синего безумия.

— И каков консенсус? — спросила Пирра.

— В настоящее время проводится экстренное совещание, в котором я не участвую, по вопросу о том, стоит ли сбивать переговорщика. Поддерживающих меньше, чем я думала, — ответила Ценой страданий. — В любом случае это предлагают анархисты, а не основной костяк. Они бы взо-

рвали большую часть планеты, но им не хватает поддержки. Официально я готова подчиниться. Неофициально я дико рада происходящему. Время идет… мы колеблемся, паникуем, теряем все больше и больше людей в Антиохии… секта противопереговорщиков теряет силу. И это очень хорошо во многих отношениях. Изображение, пожалуйста. — Это было сказано Двум-мачете, которая обошла стол слева и, показывая, что она об этом думает, с силой дернула свисавший с потолка шнур. На стене развернулся белый лист.

Потом Два-мачете вернулась, встала за спиной у Ценой страданий и начала возиться с коробкой проектора, встроенной в стол, что-то мрачно бормоча. Циркулятор воздуха превращал слова в шипение.

Нона сильно разволновалась, потому что ей нравилось смотреть на картинки из проектора. Кровь Эдема редко показывала что-то кроме карт, цифр или фотографий гор трупов, но надо быть довольным тем, что дают.

— Спасибо. Давай, загружай эту штуку, — велела Ценой страданий.

— Мне ты ничего не показывала, — медленно сказала Корона.

— Нет. Сейчас и покажу.

Телохранительница щелкнула выключателем. В ответ проектор загудел, оживая, и белый экран посерел. Изображение фокусировалось так медленно, как будто это было вообще не изображение. Казалось, что его рисуют на экране строку за строкой, сверху вниз, и каждая строка постоянно перерисовывается с более высокой четкостью. Нона разглядела что-то громоздкое на темном фоне, но и все.

— Ограничение технологий. Простите. Мы используем короткие волны, — нетерпеливо сказала Ценой страданий, — знала же, что надо заранее загрузить. Весь вечер, ночь и утро просидела в машине. У меня будет тромбоз. Давайте тогда начнем с маленького введения. Вы вот-вот увидите космический корабль, который мы заметили… — Ценой страданий заглянула в лежавшую перед ней папку, — шесть часов двадцать пять минут назад. Он находится на орбите, пока мы разговариваем.

Серая капля на сером фоне превратилась в шаттл. Нона видела шаттлы на этой планете до того, как небо изменилось: большие квадратные грузовые пусковые установки с крюками сверху для крепления к космическому лифту и запуску с геостанции. Они походили на консервные банки

из-за логотипов компаний по бокам. Этот шаттл был изящнее и без картинок. Борта его украшали кости, торчавшие, как окаменелости в высохшем русле реки. Целые скелеты сворачивались в замысловатые узоры, как будто они упали в форму при отливке шаттла. А еще у него были окна из темного стекла. У грузовых челноков окон не было.

Когда появилось изображение, пальцы Камиллы застыли, обхватив ручку. Потом она нажала кнопку и принялась лениво корябать что-то на бумаге, вот только Камилла никогда ничего не делала медленно и была физически неспособна рисовать каракули.

— Вы понимаете, что это изображение вызвало серьезную озабоченность, — сказала Ценой страданий.

— Но почему это вас не успокоило? Это же не подкрепление, — заметила Пирра.

— Да. Это не войсковой транспорт. Метров десять в поперечнике.

— Я могу батальон втиснуть в десять метров, — заверила телохранительница, — а дайте срок, и два (ЗЗЗЗЗ ДВА).

— М-м-м. Сложишь их вдвое? — уточнила Ценой страданий.

— Солдаты сделают так, как я велю.

— Что ж, тогда солдаты должны радоваться, что тебя уволили с действительной военной службы. Корона? Что скажут твои люди?

Корона и Камилла многозначительно переглянулись. Застывшие пальцы Камиллы продолжали играть с ручкой. Нона украдкой подглядела рисунок: там были всего-навсего три закорючки и крошечное сердечко.

— Как давно заброшена установка Второго дома? Станция Красная-как-кровь? — спросила Камилла.

— Ага, понимаю, к чему ты клонишь, — сказала Ценой страданий, — ответ: прошло три месяца с тех пор, как ее покинули войска империи. Я вчера получила информацию о расследовании, проведенном на прошлой неделе. Станция пуста. Тебе интересна точка вылета?

— Да. Этот корабль недостаточно велик для стелы. Возможно, он даже недостаточно велик для субсветовой скорости. Как он сюда попал?

Корона откинулась на спинку стула, глядя на экран проектора, подложив под голову согнутую золотую руку. Нона заметила, что ее бицепсы видны даже сквозь рубашку и что одна ладонь у нее замотана резиновой лентой.

— Для субсветовой — вполне, Милли. Посмотри на двойные стойки и огромное выхлопное отверстие. Это Зиз-класс.

В темных очках Камилле было трудновато удерживать чей-либо взгляд, но она слегка наклонила голову в сторону Пирры, которая смотрела на картинку. Пирра пожала плечами и сказала:

— Корона — эксперт. Это все появилось уже после меня.

— Зиз — не стандарт Когорты, — продолжила Корона, — и он не такой большой, как вы думаете. Видите, окон на корме нет? Большую его часть занимает двигатель. Даже без чехла. Субсветовая скорость — без проблем, но для стелы места нет точно, Камилла права. Он не может цепляться за якорь-обелиск.

Камилла начала писать на своем листке бумаги, пока Корона еще говорила, каким-то образом умудряясь писать и пристально смотреть одновременно. Телохранительница даже не пыталась скрыть свой интерес к листку и открыто пялилась на него, вытянув шею. Но, кажется, не находила ничего подозрительного.

— Корона, ты что, тайный эксперт по космическим кораблям своего народа? Неплохой туз в нашем рукаве.

Корона только засмеялась в ответ.

— Нахваталась из вторых рук, командир. По уши втюрилась в парня, который обожал шаттлы, — сказала она и задумчиво добавила: — У него было великолепное тело. Танцор. Любил шаттлы, а на меня и не смотрел, так что я влюбилась насмерть. И вот так всегда.

— И что случилось? — спросила телохранительница. — Ты его съела?

— Такого мальчика? Не за раз.

— Ты грубая, — сказала телохранительница.

— Да. Хорошо. Я имею в виду данные, а не романтическую историю, ненавижу их, — вмешалась Ценой страданий, — позвольте скорректировать цифры. Понизьте нашу до семи-восьми метров. Больше места для войск нет. Так даже лучше.

— (3333!) Семь метров. Шесть метров. Какая разница, командир. Пяти обученных зомби хватит, чтобы нас сожрать. Город только начал избавляться от фобии вылезающих из земли костей. Если угроза снова возникнет, мы потеряем месяцы, затраченные на казармы, и они перегруппируются. Позволь мне поговорить с фракцией противников переговоров, ты же знаешь, что я могу.

— Ты не забываешь про Варуна Пожирателя? —

мягко спросила Ценой страданий. — Про улей и про синее безумие? Подгоняешь аргументы?

— А с чего мы взяли, что у них нет средства от этого? Что они не придумали магию, таблетку или еще что, что не дает блевать и кричать? Забыла принцип: «Предполагай худшее, игнорируй лучшее»?

Пирра почему-то слегка улыбнулась, как будто что-то вспомнила. Телохранительница на миг склонила голову перед портретом, висевшим за спиной у Ценой страданий.

— А ты забываешь принцип: «Не делай из всего катастрофу». Я часто слышала его из ее собственных уст. У меня нет времени на худшие сценарии. Мы должны играть теми картами, которые нам сдали.

Пирра внезапно спросила:

— Корона. Каков расход топлива у корабля Зиз-класса?

— Огромный. — Услышав вопрос, Корона просияла: — Запас полностью истощается после дня на субсветовой скорости. И ему нужно особое топливо, обогащенное талергией, а не просто водородная смесь. Водород перемешает все в двигателе.

— Тогда возвращаемся на исходные. Либо этот

шаттл брошен, либо… прошел через Реку, — сказала Камилла.

— Что за Река? — спросила телохранительница, но Ценой страданий перебила ее:

— Это выше уровня твоего допуска. Игнорируй.

— Значит, мне нужен этот чертов до…

— А кто именно выступает переговорщиком? — спросила Пирра.

— Это мы все очень хотели бы узнать, — ответила Ценой страданий.

— Это порадовало многие фракции, включая Неправедную надежду… они решили, что что-то значат, что Иоанн Гай воспринимает их и все дело крайне серьезно.

— Ну он бы так и поступил, — заметила Камилла. — Вы снова продаете ему Шестой дом.

Раздалось жужжание, как будто Два-мачете собиралась что-то сказать, но тут вмешалась Пирра:

— Иоанн Гай всегда относился к тебе серьезно. Командир, как это соотносится с нашим сроком?

— Надежда просит отчет о проделанной работе, — ответила Ценой страданий.

Ее очки, спрятанные глубоко под капюшоном, обратились в сторону Ноны. Все в комнате

вдруг вспомнили о существовании Ноны и тоже посмотрели на нее. Она почувствовала себя выставленной напоказ и очень пожалела об этом, пока Камилла не улыбнулась ей такой крошечной улыбкой, что эта улыбка легко пролезла бы под дверь. Ноне стало лучше.

— В нашем распоряжении еще много месяцев, — сказала Корона, — все идет чудесно. Укажи, что у нас есть другие пути и средства.

— Я постоянно указываю остальным на что-то, — сказала Ценой страданий. — К сожалению, все согласны, что мы исчерпали доступные способы и у нас очень, очень мало средств. Она еще не та, на кого мы надеялись, и мне самой тоже так кажется.

— Скажи им, что поимка ликторов далась вам не так-то просто, — предложила Камилла.

Ценой страданий соединила кончики пальцев в перчатках.

— Ну нет, это не так, — задумчиво сказала она. — Источник Жуайез и источник святого Петра дали Ктесифону многое. Точные схемы флота впервые за сто лет. Боже, что это был за день! Я тогда была всего лишь новобранцем, но это было захватывающе. И расположение Митреума… тоже очень полезно. Не говоря уже о настоящем

покушении на жизнь Иоанна Гая. Я знаю, что это не сработало, но это сама по себе важная информация. Мы бы ничего не узнали о Зверях Воскрешения без командора Уэйк, — тут она и телохранитель отсалютовали портрету на стене, и рот Пирры странно дернулся, — и ее источника Эгиды, и мы бы не нашли контакт среди Домов… двадцать лет назад. Да, миссия с треском провалилась. До посмертного контакта год назад. Нет, взаимодействие с ликторами вышло довольно удачным. Конечно, нашим главным союзником была источник Хрисаор, которая рассказала нам об обелисках и стелах, а также победила десяток высокопоставленных деятелей Домов и одного некромантического монстра.

— Цитера уничтожила горстку взрослых, несколько детей и старый научный проект, — нетерпеливо сказала Пирра, — и провела через десять двух новых ликторов. Не очень-то она старалась. Что бы она ни творила в доме Ханаанском, вам это не особенно помогло. Продолжай. Говоря, что они хотят прогресса, ты имеешь в виду, что они хотят сделать ее оружием? Или она просто еще один аргумент на переговорах?

Камилла заметила:

— Любой, кто способен назвать двух четырна-

дцатилеток высокопоставленными деятелями Домов, не заинтересуется Ноной.

— Камилла Гект. — Ценой страданий подняла руку. — Я не пытаюсь быть жестокой. Попробуй взглянуть на ситуацию моими глазами. Хрисаор — Цитера из Первого дома — пришла к нам и сообщила о назревающем кризисе. О том, что вот-вот должны появиться восемь новых ликторов. И она устранила эту проблему. В доме Ханаанском было восемь могущественных некромантов… с нашей точки зрения, это будущие восемь врагов, которых мы никогда не сможем победить. Ликторы буквально выбивают почву у нас из-под ног. Мы не видим, как они появляются. Мы не способны остановить их. Когда они приходят, начинается обратный отсчет, и у нас отнимают еще один дом. Наши дети лишаются родины, наши внуки становятся бродягами навечно. Сколько жизней уравновесят десятерых мертвецов и эту древнюю… штуку?

— Цитера не убивала десять человек, — сказала Кэм. Ручку она очень крепко сжала между большим и указательным пальцами. — Она убила только шестерых. Первый рыцарь Второго дома убила ваше чудовище и погибла от его рук. Восьмой дом уничтожило нечто непостижимое.

И Шестой ушел на своих условиях.

Наступило неприятное молчание.

— То, что произошло в доме Ханаанском, не было вашей победой, командир, — продолжила Камилла. — Это была победа Цитеры. Только она получила именно то, к чему стремилась. А вам просто повезло подобрать объедки. И ты все еще думаешь, что можешь использовать ликторов как оружие? Что произойдет, если мы дадим тебе то, чего ты хочешь? Прямо здесь, прямо сейчас? В этих казармах, на полной мощности, под безумным воздействием улья? Предполагай худшее, игнорируй лучшее. И худшее здесь очень плохо.

— Ты ничего не знаешь о худшем, — сказала телохранительница. — Хочешь знать реальный план на худший случай? В том числе мой план. Идем по головам трусов, переговоров не ждем. Эвакуируем кого сможем, ликвидируем казармы, устроим ковровую бомбардировку всего района. Убедимся, что все до единого зомби на планете мертвы. Наверняка эта синяя хрень ищет именно зомби. Нет зомби? Нет и сферы. Почему ты всегда выступаешь за план, при котором зомби остаются живы?

Корона так сильно грохнула кулаком по столу, что все дернулись, кроме Пирры.

— Просто заткнись уже! Достали твоя фальшивая бравада и жажда крови. Оставь мое крыло в покое. Ненавижу, когда ты ругаешься.

В комнате воцарилась тишина, телохранительница тоже замолкла. Они с Короной смотрели друг на друга сквозь сварочную маску с искренней ненавистью.

— Корона, у тебя ничего нет, кроме сисек, волос и болтовни.

— Нет. У меня есть сиськи, волосы, болтовня и руки, которые умеют обращаться с мечом.

— Что, думаешь, круто звучит? — спросила телохранительница.

— Вы проигнорировали мое предупреждение. Обе заступаете на боевое дежурство, — заявила Ценой страданий. — За разговоры о сиськах и за то, что вы обе такие задницы. Повторяйте это про себя два дня, вперед.

Телохранительница вытянулась в струнку так, что даже задрожала всем телом. Корона откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Ценой страданий села поудобнее. Капюшон чуть съехал с лица, и черные линзы, закрывающие ее глаза, заблестели под тусклым светом лампы. В стекле отразились все присутствующие.

— Ячейка Трои, — сказала она, — это старый

разговор. Он повторяется снова и снова. Вы прекрасно знаете, чем я могу посочувствовать, а чем нет. Дело не только в шестнадцати. Если я скажу: «Эксперимент с ликтором проходит хорошо, поскольку ликтор уже говорит полными предложениями, но не проявляет никаких признаков силы», остальные обязательно ответят, что это бесполезно и ее надо отдать вместе с остальными. Если я солгу и скажу, что у нас скоро будет ликтор, Надежда потребует, чтобы я это доказала. А это Надеющиеся сажают людей в тюрьмы. Я не могу их обмануть. Каждый хочет знать, какие у нас карты на руках, до начала переговоров. Ожидается, что я выскажу все сегодня. То, что я говорю… и то, как я это говорю. Для вас должно быть очень важно.

— Спасибо, что напомнила, — заметила Камилла, — мне нужны доказательства того, что Шестой дом жив.

— Ты же знаешь, что не может быть и речи о том, чтобы причинить им вред, особенно сейчас, — сказала Корона.

— Доказательства. Прямо сейчас, — твердо сказала Камилла, — я хочу убедиться, что их еще шестнадцать. Может быть, им нужна Нона затем, чтобы подчистить цифры и скрыть, сколько уже

умерло под пытками.

— Это я обещала им помилование, Гект, — жестко ответила Ценой страданий. — Никаких пыток. Крыло Мерва это знает.

— Не сказать, чтоб вы выступали единым фронтом, — заметила Пирра.

— Неправедная надежда — очень дрянной человек, — сказала Ценой страданий, — но мое слово кое-чего стоит в Крови Эдема.

— И насколько ты в этом уверена? — уточнила Пирра.

Наступило долгое молчание. Ценой страданий хрипло вздохнула под маской, потом резко сказала:

— Я все равно собиралась тебе это отдать. Держи.

Она открыла папку из коричневой бумаги и достала из нее маленькую электронную штучку размером и формой с ноготь, с зубцами. Постучала по потрескавшейся деревянной облицовке стола, и ничего не случилось. Тогда она постучала еще раз, сильнее, и кусок стола неохотно отъехал, открывая деревянную панель с гнездами и кнопками из твердого белого пластика. Камилла снова замерла, подперев подбородок одной рукой и сжимая в другой ручку. Она больше походила

на изображение Камиллы, чем на саму Камиллу. Из динамиков в стенах послышался внезапный шумный треск, а затем бестелесный голос:

— Говорит главный архивариус Юнона Зета, оставленная в качестве представителя Надзорного органа вместо Главного стража. Прошло шесть дней, семь часов и сорок шесть минут с момента последней записи. Отвечая на предыдущий вопрос: статья называется «Гетероскедастичность в моделях органов на основе долгосрочных данных». Численность личного состава стандартная. В доме, который раньше именовался Шестым, все хорошо. Ждем дальнейших указаний.

Ручка оставила крошечную отметину на бумаге, на которой рисовала Камилла. Камилла внезапно расслабила плечи, щелкнула ручкой и немного наклонилась к отметине.

— Принимаешь в качестве доказательства?

— Да. Следующий вопрос: сколько страниц в моей диссертации?

Ценой страданий записала это.

— Хорошо. Не могу гарантировать, что в сложившихся обстоятельствах следующий выход на связь случится скоро, но постараюсь сделать это своевременно. А теперь, Камилла Гект, скажи мне что-нибудь.

Камилла сидела, будто проглотив шомпол, совершенно неподвижно, глубоко задумавшись.

— Скажи, что у них будет ликтор или аналог. Надо только подождать.

— У меня возникли крайне мрачные мысли, — сказала Два-мачете-у-бедра.

— Значит, кормим их обещаниями, — спокойно уточнила Ценой страданий. — Отлично. Что-нибудь еще?

— Мне нужно в туалет, — сказала Нона.

— Ну, в конце концов, все мы люди… все мы ходим в туалет. — Ценой страданий откинулась на спинку стула. — Думаете, я пытаюсь укрепить свою слабеющую власть? — Ценой страданий сложила руки, как для молитвы. — Думаете, что я либо жестокая предательница и что я предусмотрела такой исход грандиозной встречи, на которую мы надеялись… либо что я глупа и наивна. Но я не наивна. Я просто никогда не думала, что возможен такой ужасный страх или такой ужасный шанс. Я хочу, чтобы Кровь Эдема сражалась, и сражалась красиво; хочу победить с любой помощью или содействием, которые могут дать ваши Дома. Я больше не хочу убегать. И вот появляется переговорщик. О чем попросит Иоанн Гай и что захочет Иоанн Гай? И дадим ли

мы ему это? Все, что я могу вам сказать… я готова дать ответ. И Кровь Эдема поддержит меня, если будет знать как, если дать им веские причины. Пожалуйста, помогите мне объяснить им эти причины. Мы закончили. Пошли все в туалет. Ктесифон-3, ячейка Трои, свободны.

13

Корона встала, поклонилась и трижды стукнула по груди раскрытой ладонью, как делали в Крови Эдема, а потом начала безжалостно отдирать Пирру от стула. Пирра едва поморщилась. Пока они выходили из комнаты, Ценой страданий сидела на своем месте. Камилла шла впереди, Пирра позади, Корона замыкала шествие. Прежде чем дверь закрылась, Нона услышала, как телохранительница сказала:

— Можно мне уже уйти наконец? Группа опаздывает на работу. (ГРУППА ЗЗЗЗТ ОПАЗДЫВАЕТ.)

Корона резко сжала зубы и автоматически приготовилась конвоировать Нону в туалет. Нона спросила:

— Почему Страсти так нас ненавидит?

Корона так удивилась, что даже расслабила челюсти.

— С чего ты взяла, что это Богоматерь Страстей?

— Ну… кости, — Нона с трудом подбирала слова, — под одеждой. То, как двигаются ее кости.

Камилла посмотрела на нее очень долгим взглядом.

— Страсти, — мрачно сказала Корона, — результат столкновения непотизма и дурости. Сиськи и волосы! У меня от природы очень густые и послушные волосы, дура. Да я кондиционера уже год не видела!

Снаружи ждали двое охранников. Они увели Пирру, чтобы снять с нее ошейник. Пирра пошла с ними гораздо спокойнее, чем ожидала Нона, только обернулась сказать Ноне:

— Не забудь.

Охранники увели ее, подталкивая прикладами.

Как будто бы Нона могла забыть. Запершись в кабинке, она принялась засовывать себе под рубашку туалетную бумагу, как учила ее Пирра, — если подумать, Пирра мыслила примерно так же, как все в Крови Эдема, — и тут услышала, как Камилла, стоя у раковины, тихо говорит:

— Дай мне увидеть ее.

Корона как будто бы удивилась:

— Ты действительно этого хочешь? У нее плохой день. Она то приходит в себя, то снова все плохо. Ее перевезти был полный трындец. С тех пор как она здесь, нам приходится ее перекладывать с койки на койку.

— Хорошо. Дай мне увидеть ее.

— Если ты распсихуешься…

— Ты знаешь, что я могу ей помочь, Третья. И ты знаешь, что я хочу.

Кажется, Корона собиралась пошутить или сказать еще какую-то гадость, но потом решилась:

— Пока Две нет. Твое дело.

Когда Нона выбралась из кабинки, Камилла посмотрела на ее грудь, и ее губы изогнулись в еле заметной и самой красивой на свете улыбке. Но Корона этого не заметила. Она склонила свою прекрасную голову и опустила черные ресницы. Нона спросила:

— Мы сразу поедем? Я так опоздаю в школу.

— Я хочу нанести один визит, — сказала Камилла. — Пойдешь со мной или подождешь Пирру в приемной?

Этот вариант был невозможен; Нона бы застряла с каким-нибудь эдемитским охранником, который бы даже не стал с ней разговаривать, без журналов и без возможности на что-нибудь посмотреть. Но Камилла любила давать людям выбор. Нону бесило, что она каждый раз на это попадалась. Если Камилла спрашивала что-то вроде «Хлопья или яйца?», Нона велась и отвечала: «Хлопья», хотя хотела ответить: «Ничего!»

Но этот выбор был легким; ей нравилось хо-

дить в гости. Они спустились на лифте. Корона сказала, что лестница ведет не так глубоко, как им надо, Камилла спросила, дает ли глубина какой-то эффект. Корона ответила самым равнодушным голосом:

— Может. Казалось, что да, но потом перестало.

— Логично, на самом деле расстояние не имеет значения, тварь не полностью воплотилась, а зависла в Реке.

Корона переспросила:

— И как мы узнаем, что она воплотилась?

— Ну, изменится гравитация, и разрушится вся планета, — ответила Камилла.

— Хм, — сказала Корона.

Нона слушала все это одним ухом, потому что от туалетной бумаги чесалось все тело.

Когда лифт поехал вниз, она сказала, с удовольствием поняв:

— Ой, мы едем к капитану!

Во всех зданиях Крови Эдема работали огромные лифты, уходящие глубоко под землю. Корона ткнула кнопку, чтобы спуститься на целых шесть этажей. Когда они вышли, было очень темно и прохладно. Бетонные плиты коридора потрескались от какого-то ужасного давления в прошлом.

Вместо красивых осветительных панелей на потолке на стенах болтались лампочки, нанизанные на толстые провода. Когда мимо проходили Нона и все остальные, лампочки начинали тревожно раскачиваться. Если бы Нона здесь свистнула, ей ответило бы эхо, так что она сложила губы. Камилла увидела это и нахмурилась, так что свистеть Нона не стала.

Почти все двери были открыты, темные комнаты завалены мебелью. Одна дверь оказалась закрыта. Рядом стоял один из Крови Эдема, в глухой балаклаве и капюшоне. «Интересно, — подумала Нона, — они хранят свои маски, капюшоны и все такое прямо в карманах, на всякий случай?» Эдемит отсалютовал Короне — три удара по груди, забросил на плечо винтовку и ушел. Корона взялась за ручку и замерла. Она вдруг показалась очень усталой.

— Говорите как угодно громко. Шум ее больше не беспокоит.

— Она участвует в переговорах? — спросила Камилла.

— Ха! Она очень хочет, но нет. Она наш билет отсюда.

Нона давно не видела капитана, примерно с того момента, как появилась синяя сфера. Паламед

запретил Ноне видеть капитана. Камилла утверждала, что капитан Дейтерос знала решение любой проблемы. Надо было вести себя так, будто у проблемы есть решение, на которое никому не хватит духу, принять это решение и воплотить его со всей возможной жестокостью. Она всегда вела себя с Ноной очень… резко.

Ее новая комната под землей оказалась очень просторной, размером почти с их кухню и гостиную, и совсем пустой, если не считать кровати, стула и стола, заваленного иглами. Свет был приглушен, тени сливались друг с другом. Рядом с кроватью стояла стойка, на которой висел пластиковый пакет с прозрачной жидкостью. Жидкость по трубке переливалась в капитана, которая лежала на спине в белых простынях, одетая во что-то напоминавшее худшую ночную рубашку Ноны.

Корона заставила их обработать руки антибактериальным гелем и следила, чтобы они его как следует втерли.

— К ней что попало пристает, — сказала она.

Как только они это сделали, им разрешили подойти.

Глаза капитана были закрыты, веки слегка опухли и казались почти фиолетовыми, как будто

кто-то ударил ее. Черные волосы были заплетены и убраны с лица, открывая очень раннее серебро на висках, но больше ничего красивого в ее внешности не осталось. Кожа пересохла и плотно облепила кости, скулы и квадратный подбородок выглядели так, будто вот-вот прорвут кожу. Лежа она казалась совсем худой и неподвижной. Нона ее жалела, хотя капитан выглядела очень странной.

Камилла немедленно подошла к кровати. Она посмотрела на пакет прозрачной жидкости и протянула руку, чтобы коснуться мертвой бронзы запястья капитана.

— Как они ее кормят?

— Через рот. Через зонд тоже кормили. Все довольно примитивно, если честно.

— Она обезвожена. Кто ее кормит?

— Пару раз она справлялась сама, в хорошие дни. Когда эта штука находилась как можно дальше на своей орбите. Здесь нет таких героев, как ты.

Нона выглянула из-за руки Камиллы. Черные брови капитана сомкнулись, и лицо ее приняло ужасное выражение: плоская мешанина черт так напугала Нону, что ей снова захотелось в туалет. И тут капитан открыла рот и заговорила,

перемежая слова судорожными вдохами:

— Прах к праху моему — звездная соль — что они сделали с тобой, и что вырвали у тебя, и какую форму они тебе придали — мы еще тебя видим — мы еще тебя ищем — мы убиваем — мы те, кто убивает, — ты невольное орудие — неверно использованное — вернись к нам — отомсти за нас — мы видели тебя — мы видим тебя — я вижу тебя.

Хриплое дыхание перешло в сдавленный вой, и тело капитана рванулось вверх. Она извивалась, как рыба, повисшая на леске. Маленькая зеленая коробочка, которую Нона приняла за часы, настойчиво запищала. Корона подалась вперед, но Камилла коротко сказала:

— Пусти меня. Ее сердцу недостаточно крови.

Кэм положила руку на грудь капитана, а другой нетерпеливо сдернула тонированные очки. Нона взяла их и погладила теплую сталь: они ей нравились, пока их никто не надевал. Камилла спросила:

— Что у нее с почками? Что ей дают от давления?

— Медицинский растворитель, но…

— Так и думала. Дай мне секунду.

Руки Камиллы давили, как будто прижимая

Юдифь к кровати. Прошло столько времени, что Нона от волнения чуть не прокусила язык, и тут капитан обмякла. Ужасное выражение исчезло с ее лица, которое стало вялым и почти мирным. Корона не стала вздыхать или вскрикивать с облегчением — она с такой силой кусала губы, что они потрескались и теперь были алыми, как накрашенные.

Руки Камиллы зависли над грудью капитана, словно пытаясь поймать ее сердце.

— Это сработает. Снимите ее с антикоагулянтов. Эти компульсивные крики часто происходят?

— В последнее время да, — сказала Корона после очередной паузы, — я не уверена, что ей по-настоящему больно… Паламед.

Паламед ничего не сказал, просто весьма неплохо сымитировал выражение лица Камиллы: одна бровь изогнута, губы неподвижны. Корона улыбнулась и сказала:

— Сегодня это было довольно очевидно. Вали отсюда, Главный страж.

— Надеюсь, ты не подделала неотложное состояние, чтобы поймать меня, принцесса, — тяжело сказал он.

— Хотелось бы. Хорошо бы у нас хватило на это ума. Не паникуй, нас не прослушивают. Я знала,

что ты уже не в костяных лапах Девятых. Я не знаю, что вы с Кэм сделали, Секстус, но я никому не скажу. Я не говорила, хотя давно знаю. Это было просто… подтверждение.

— Да хрена с два. Ты просто догадалась, — сказал Паламед.

— Нет. Ты не отреагировал на «Милли», а она ненавидит это имя.

— И раньше ненавидела. Людей, которые для нее куда дороже тебя, убивали и за меньшее.

Корона лениво сдвинула брови, как будто слишком устала, чтобы часто менять выражение лица. Нона не поняла, почему Паламед сморщил нос, как будто унюхал что-то неприятное.

— Капитан, Кэм и я много времени провели вместе, ты знаешь, — в конце концов протянула она. — Я не говорю, что поняла по тому, как ты двигаешься или говоришь. Ты безупречен, честное слово. Я поняла, потому что… потому что она перестала быть такой несчастной. Все время, что я ее знала, она горевала… и я тоже горевала, и капитан. И мы… я и она… страдали достаточно, чтобы драться из-за этого, а потом Камилла пропала. Камиллы не было, а потом мы встретили Харрохак, и она вернулась. Вот и все. Что ты сделал?

На кровати произошло какое-то движение. Опухшие веки распахнулись, и капитан закашлялась. Корона немедленно упала на колени возле кровати, чтобы не нависать над ней. Паламед взял со стола вату, намочил ее и протер потрескавшиеся бледные губы капитана.

— Спасибо, — сказала она очень тихо, Нона еле ее услышала.

— Забудь. Я собираюсь очистить тебе почки.

— Нет. Я сама могу. Позволь.

Корона странно булькнула, когда капитан положила исхудавшие руки себе на талию. Оказалось, что управлять собственными руками не так-то просто. Она стиснула зубы и вскрикнула, сделав… что-то.

У нее перехватило дыхание, и Паламед тихо сказал:

— Героическая попытка. Я закончу, мэм, не хочу, чтобы это накапливалось где-то еще, — и положил руку Камиллы на руку капитана. Холодные карие глаза капитана снова ненадолго закрылись. На глазах Ноны сухие шершавые пятна исчезли с кожи, лицо перестало быть изможденным и стало смуглым, непохожим на тряпку, слишком долго провисевшую на веревке.

Нона вдруг вспомнила, коснулась руки Пала-

меда и одними губами прошептала: «Таймер».

Он поморщился, поправил очки, которых на нем не было, и кивнул.

Капитан снова закашлялась, но уже не так сильно. Спросила хрипло:

— Где я?

— Ты находишься на объекте в Уре, Дейтерос, — сказала Корона. — Кровь Эдема спасла нас из дома Ханаанского, помнишь? Они спасли жизнь тебе, мне и Камилле. Помнишь, как мы вместе жили на корабле? Помнишь, как тебя зашивали?

Надежда исчезла из глаз капитана.

— Да, — мрачно сказала она. — Имя и звание: капитан Юдифь Дейтерос. Дом: Второй. Статус: адепт. Рыцарь: Марта Диас, мертва.

— Опять, — сказала Корона.

— Срок службы: семь… Я… примерно семнадцать лет. Имя и звание.

— Юдифь. Ты регрессируешь.

— Принцесса, — сказала капитан тихо, — у нас еще есть время. Я знаю, что Когорта придет за нами. Даже за мной, пилотом. Откажись от них. Я скажу правду. Они надругались над твоими чувствами. Они пользуются сложными методами. Это не твоя вина. Я им все скажу.

Губы Короны дрогнули.

— Правда, Джуди? Скажешь?

— Ты тоже, Гект. Скажи, и я поверю. Скажем, что нас заставили, что натравили нас друг на друга. Мы были заложниками. Пешками в масштабной игре… ликторов, предателей, монстров. — Вдруг она сказала совсем другим голосом: — Где я? Где Марта? Где лейтенант Диас?

Затем она запрокинула голову и завыла как животное. Корона и Паламед с трудом удерживали ее.

Устав от резких движений, она выдохнула:

— Я вспомнила. Со мной все хорошо.

Паламед отошел, а Корона продолжила удерживать руку капитана на грязно-белой простыне. Грудь капитана тяжело вздымалась под одеждой, похожей на худшую ночную рубашку Ноны. Она пробормотала:

— Сохранить мне жизнь… просто чтобы я могла работать с их чертовой стелой и запятнать руки кровью Когорты… пистолет у шеи… кровь на моих руках… святые против Бога.

— Замолчи, — грубо сказала Корона. — Ты несешь чушь.

— Это ты уже несколько месяцев ничего разумного не говоришь. — Капитан снова зашлась кашлем. — Это ты столкнулась с темной ночью

души, принцесса.

— Обожаю эту мелодраму. Среди твоих предков были Восьмые?

— Сдалась… бросила всех нас… за что? Пропаганда и плеть… обещание спасения без познания греха. Гект и отвратительный механизм Шестого дома. А теперь они тоже в плену. За что? За нашу жизнь? А это жизнь, Корона?

— Ты ни одного дня в своей жизни не жила, — с горечью сказала Корона, — это было бы против правил.

— Имя и звание: капитан Юдифь Дейтерос. Дом: Второй…

Корона провела рукой по лицу. Маленькие пряди волос выбрались из-под резинки и вились надо лбом солнечными лучами. Капитан осеклась, потом сказала:

— Ты думаешь, что балансируешь на канате благодаря разговорам и своему лицу. А я давно решилась заговорить. Ты падаешь, принцесса. Я не могу тебя спасти. Гект, на моих руках слишком много грязи, чтобы я тебя спасла.

Забавно было думать, что кто-то хотел спасти Камиллу. Взгляд капитана беспокойно скользнул по Ноне. На висках у нее выступил пот.

— Где милосердие Гробницы, Девятая? — хрип-

ло сказала капитан. — Где твой меч из гроба? Кто нынче твои хозяева и кому ты хозяйка? Где мой рыцарь, Преподобная дочь? А где твой? — Она повысила голос: — Я видела ее в волнах, она плыла в серой воде, я видела их всех, они ранили меня, я голодна. Я ем и ем без перерыва, мое зеленое, мое зеленое и дышащее…

Капитан снова закричала. Паламед положил руку ей на лоб, и она замолчала и рухнула на подушки. Ее веки сомкнулись, дыхание вдруг стало ровным, а пот высох.

— Спи, — сказал он, — тебе это нужно. А мое время истекло.

— Время? — спросила Корона. — О чем ты, Главный страж?

Паламед положил руку Камиллы себе на плечо и снова стал Камиллой. Она коротко вздрогнула, глядя на руку на своем плече, как будто не помнила, как рука тут оказалась, а потом подняла эту руку и провела ею по своим коротким темным волосам. Потрещала костяшками пальцев, завела руки за спину, разминая лопатки, и спросила:

— Новости?

Нона ответила:

— Паламед сказал Короне, что он Паламед, а Юдифь проснулась и много говорила, но потом

немного покричала и заснула. На мой взгляд, все это было как-то странно.

— Принято к сведению, — сказала Камилла.

Корона, потрогавшая шею, а потом лоб капитана, заметила, что Камилла наблюдает за ней, и резко отвернулась. Сказала не слишком одобрительно:

— Паламед тебя заменяет, да? Он становится главным, а ты просто… не здесь?

— И наоборот, — сказала Кэм, не глядя ей в глаза.

— Ради всего святого, Кэм, вы ступили на кривую дорожку.

— У тебя еще осталось что-то святое? Стражу не следовало признаваться.

— Вряд ли бы он смог притворяться, Кэм, он использовал некромантию.

Камилла резко оборвала ее:

— Он просто лгал. И что теперь? Расскажешь начальству? Включишь нас в условия соглашения?

— Нет. Клянусь своей сестрой, — ответила Корона.

Плечи Камиллы немного расслабились. Корона добавила:

— Это не моя тайна. И я хранила твои тайны до… ты знаешь чего.

— Я все еще тебе не доверяю.

— Не имеет значения. Знаешь, я очень рада, что вы вместе… как бы вы этого ни добились. Я рада, что Харрохак помогла вам обоим. Я знаю, я тогда говорила, что это опасно… И мне жаль, что мы не поверили тебе, когда ты сказала, что он там.

Камилла по-прежнему не смотрела на нее, но вдруг сказала тихо:

— Пойдем со мной. Брось объект. Уходи с нами, пока не появился переговорщик.

Корона посмотрела на нее. На мгновение Ноне показалось, что она согласится, и Нона обрадовалась. Она и в ванне может поспать.

Но Корона весело ответила:

— Предпочитаю сидеть в настоящей клетке. И терпеть не могу, когда не знаю, откуда брать еду.

— Не в этом дело.

— Ну знаешь, капитан без меня и дня не протянет, да и вообще, как мне отсюда выбраться?

— Ты лжешь еще хуже, чем Паламед, — с чувством сказала Камилла. — Ты плохая женщина, Тридентариус.

— Это больше не мое имя, и никого из нас не назвать хорошей. Ну, кроме Ноны, конечно.

— Спасибо, — сказала Нона, глубоко польщенная.

— А как же я? — спросила Камилла.

— Нам с тобой даже собственные души не принадлежат.

Корона повернулась и обняла Камиллу. На мгновение Ноне показалось, что Камилла сломается, как раньше ей казалось, что сломается Корона: появилась в ее позе какая-то мягкость, сомнение, по коленям и стопам читалась неуверенность. А объятия Короны всегда были такими хорошими, горячими и нежными, как будто она очень-очень хотела обнять именно тебя, мечтала об этих прикосновениях больше, чем о чем-либо другом. Это было приятнее, чем лежать на плитке, нагретой солнцем, то есть приятнее одного из главных наслаждений Ноны. Но Камилла напряглась и не обняла Корону в ответ, и Корона отступила.

— Моя душа принадлежит мне, — сказала Камилла, — ты отдаешь себя любому, кто тебя не хочет.

— Ненавижу надевать одну и ту же вещь дважды, — весело сказала Корона. — Кэм, попробуй когда-нибудь простить меня… и Паламед тоже. Это слишком близко к границе, и мне очень не нравится, что вы меня ненавидите. Я рада за вас, правда. Мне всегда нравился Страж.

— Ты тоже часть лжи, — сказала Камилла.

Когда они вернулись наверх, в комнату с мебелью и сочными растениями в горшках, Корона задержалась в дверях и сказала:

— Транспортная команда сунула Две в багажник. Я пойду проверю, чтобы в этот раз они использовали обычные наручники.

— Ты переусердствовала с Пиррой, — заметила Камилла.

— Я слишком много слышала о Святой Долга, чтобы доверять Пирре Две. — Губы Короны сжались, у них снова появилась морщинка. — Не доверяй ей без разбора, Кэм… Ты многого не знаешь.

Нона ненавидела всех, кто критиковал Пирру, и попробовала сменить тему. Она спросила:

— О чем говорила капитан, прежде чем заснуть? Какая вода, какой голод, какая зелень?

Когда Камилла и Корона посмотрели на нее, она поняла, что ничего хуже сказать просто не могла. Корона смотрела с явным недоумением, а Камилла — с выражением, которое Ноне очень не понравилось. Она уставилась на Нону огромными чужими серыми глазами, невероятно чистыми и ясными. Нона всегда думала, что если бы мыло было серым, то эти глаза были бы серы-

ми, как мыло. Камилла колебалась. Нона вдруг поняла — и эта мысль пронзила ее болью, — что Камилла испугана.

— Нона, — медленно сказала Корона, — капитан ничего не говорила. Она только кричала.

14

Обратно их отвезли в такой же тишине и после тех же тестов — на случай, если они оставили свои тела на объекте, как обычно предполагал Паламед, и положили в машину фальшивку. Но ехать с Короной было намного приятнее. Ноне пришлось сесть рядом с Короной. Один из охранников сказал:

— Наши жизни в твоих в руках.

Но Корона просто ответила:

— Ой, успокойся. — И вопрос закрылся.

Нону даже не прижимали к полу, хотя она осталась в наручниках, и вместо скотча использовали пластиковые стяжки, которые немного врезались в кожу, но в целом были приятнее. На запястьях Кэм остались два розовых следа, у Ноны они прошли почти сразу же.

— Остановите машину, — крикнула Корона, и машина, кашлянув, остановилась.

Камилла напряглась.

— Мы рядом со школой Ноны, — объяснила Корона, и Нона заизвивалась от удовольствия и облегчения. — Я подумала, что выйду и провожу ее. Как тебе это, детка?

— Ты серьезно? — в восторге спросила Нона. — Пожалуйста-пожалуйста! Мне будет очень приятно. Я хочу, чтобы тебя увидели мои друзья.

— Довезите остальных до безопасного места, — сказала Корона и разрезала стяжки на запястьях Ноны.

Камилла проговорила сквозь закрывавший рот капюшон:

— Нет.

— Что, думаешь, я не смогу за ней присмотреть? Тут сто метров.

— Нона. Подожди.

Но Нона, которая отчаянно мечтала выбраться из машины, выскочила, как только Корона открыла перед ней дверь, радуясь возможности выйти на пахнущий бетоном теплый воздух и полной грудью вдохнуть соленый запах выхлопных газов, океана и горящего мусора. Ей стало больно, когда она поняла, что машина не остановилась, чтобы выпустить Кэм и Пирру, что она толком не слушала, что ей говорят, что была эгоисткой, что не поняла последствия.

— У меня нет шапки. И маски, — выпалила она.

— Дыма тоже нет.

— Они мне все равно нужны!

Корона порылась в карманах, выудила две тонкие маски из софтшелла и прикрыла одной голову и лицо. У ее куртки был капюшон, который она отстегнула и надела на Нону.

— У меня работает химический экран. — Она взяла Нону за руку. — Давай, поживем немного.

К этому моменту машина снова ожила и поехала задним ходом обратно к ним. Нона заколебалась, но, в конце концов, Камилла не использовала специальное безопасное слово и вообще не сказала ни одно из кодовых слов, означавших, что так делать нельзя. Это значило, что Нона ведет себя эгоистично, но никого не подвергает опасности. Корона в лучах городского солнца выглядела фантастически. Несколько человек застыли, уставившись на ее неприкрытую золотую голову, но поспешно двинулись дальше, разглядев пистолет.

— Но Камилла…

— Я имею на тебя такое же право, как и Камилла, — сказала Корона, все еще улыбаясь, — в другом мире за тобой могла бы присматривать я. И мне кажется, что Камилла очень уж с тобой носится. В конце концов, ты ненамного младше ее.

Это походило на некоторые из самых мрачных и злых мыслей Ноны. Она пробормотала:

— Но я люблю Камиллу.

Короне, кажется, было весело. Они с Ноной обошли небольшой прилавок, где продавались журналы и конфеты. На улицах было полно людей, идущих домой до наступления жары, но они еще не начали бежать. Значит, было не так уж поздно.

— Может быть, именно ты смогла бы растопить ее ледяное сердце. Ты милая… в свои хорошие дни, сердце мое. Но я не уверена, что ты в ее вкусе.

Нона вспыхнула. С ней внезапно заговорили как со взрослой, и у нее словно дно ушло из-под ног, как тогда, когда волна сбила ее с песчаной косы. Она не знала, ни что сказать, ни как поступить, и покорно погребла на мелководье.

— Она и не в твоем вкусе.

Корона отошла в сторону от дороги, когда мимо прогрохотали открытые грузовики. В ее сторону кто-то пронзительно свистнул, но она проигнорировала свист и только презрительно тряхнула пышными золотыми волосами. Сверху вниз посмотрела на Нону и весело спросила:

— А откуда ты знаешь, кто мне нравится?

Нона думала, что это очевидно.

— Дело в том, как ты смотришь на людей.

— Расскажи, — потребовала Корона. Глубокие бархатные глаза вспыхнули озорством, и Нона снова подумала, какие эти глаза красивые, прямо как цветы в сексуальной рекламе шампуня. — Давай. Я умру, если не узнаю. Мне нравится, когда говорят обо мне.

Нона приняла вызов.

— Ты смотришь на Ценой страданий так, будто хочешь, чтобы она думала, что она тебе нравится, но это вообще не так. Просто ты так машешь ресницами. Но это не поможет определить твой типаж, потому что я не знаю, как выглядит командир. Страсти тебе совсем не нравится, но я тоже не знаю, как она выглядит. Ты боишься Пирры и думаешь, что она красивая, но это тебя смущает, поэтому ты редко на нее смотришь. Ты хочешь, чтобы Камилла обняла тебя, но не в… сексуальном смысле. Я думаю, ты хочешь, чтобы Камилла смотрела на тебя так, как она смотрит на меня. И ты влюблена в…

Рот Ноны, закрытый маской, запечатала ладонь. Подняв взгляд на Корону, Нона поняла, что среди толпы людей и густого дыма глаза над маской из софтшелла утратили свой мягкий фиолетовый блеск и потемнели. Золотые брови сердито сдвинулись.

— Хорошо, Нона, — сказала Корона совсем другим голосом и убрала руку, — я услышала достаточно.

— Ты на меня злишься, — хрипло сказала Нона, — стыдно.

Грузовики проехали, и толпа разом хлынула через улицу человеческой рекой. Корона, наполовину сердясь, наполовину смеясь, снова взяла Нону под руку, и они поспешили к школе.

— Когда у тебя такое лицо, ты мне кого-то очень напоминаешь. Прости, милая. Я испугалась. Ты меня простишь? Я больше никогда у тебя такого не попрошу. Знаешь что? Пожалуй, я должна тебе мороженое.

Нона немного смягчилась.

— Я не хочу мороженого, спасибо, — сказала она с достоинством. — И не надо меня ни о чем спрашивать, если не хочешь услышать правду.

— Я знаю. Я постоянно это делаю и никак не научусь. Это ужасно. И сестра моя так говорит. Я спрашивала ее, как выгляжу в этом платье, и она всегда говорила что думала. А я ведь хотела просто услышать, что выгляжу идеально, пусть даже это было не так. — Корона трагически вздохнула. — А самое ужасное то, что она всегда была права.

— Но ты всегда выглядишь прекрасно, — сказала Нона.

— Вот поэтому мне надо у тебя спрашивать, как я выгляжу, а у нее — что я думаю. Ты будешь говорить мне, что я красивая, а она — то, что я хочу, чтобы она думала. Это та школа, где ты работаешь?

Им бы пришлось позвонить, если бы кто-то как раз не открывал замок. Это была Ангел. Нона полетела вперед в ужасе от мысли, что дверь закроется.

— Стой! — закричала она.

Добравшись до вестибюля, Нона совершенно запыхалась. Ангел держала для нее дверь. Нона согнулась пополам и тяжело дышала. Выпрямившись, она наконец разглядела Ангела. Та выглядела еще хуже, чем в два предыдущих дня. Она так и не сняла куртку, а Лапша терпеливо сидела рядом на поводке.

Ангел выглядела так, как будто вообще не спала, а если и спала, то не раздеваясь, но она все равно улыбнулась. Уши у нее немного приподнимались от улыбки, что очень нравилось Ноне.

— Отдышись, — ласково сказала она, — заканчивается перемена.

— Я приводила себя в порядок.

Подбежала Корона и проскользнула в не успевшую закрыться дверь.

— Видишь? — сказала она, совсем не запыхавшись. — Я же говорила, что все хорошо.

Ангел и Корона оценили друг друга. Корона была намного моложе, крупнее, выше и красивее, а когда она стянула маску и улыбнулась, глаза Ангела немного расширились. Не в смысле «какая-ты-красивая», как отметила Нона. Ангел была шокирована, как будто Корона выглядела… противозаконно. Они обменялись дружелюбным рукопожатием, но Ангел сказала:

— Никакого оружия в этом здании. Таковы правила, боюсь.

— Я ничего не сделаю детям, — искренне сказала Корона.

— Нет, но мой урок никого не заинтересует, если они увидят тебя. Сегодня мы изучаем распространение звука, и им будет очень скучно.

Корона засмеялась, сверкнув очень белыми и ровными зубами.

— Очень сочувствую. В детстве я вела себя ужасно глупо.

— Это когда было? Пять минут назад?

Корона снова засмеялась.

— Почему она не может подняться? Я хочу,

чтобы Табаско и остальные с ней познакомились, — зло сказала Нона, — так нечестно. Мы должны увидеть малыша Красавчика Руби. У меня было ужасное утро, и я хочу, чтобы они посмотрели на нее.

— Нона, у меня тоже было ужасное утро, так что смилуйся надо мной, — серьезно ответила Ангел. — Если кто-нибудь увидит твою… подругу, никто не сможет слушать про звуковые волны. Она не может вернуться попозже? Это твоя родственница? Ты знаешь Джоли? Боюсь, мы с тобой не встречались, — сказала она Короне.

Корона присела на корточки и почесала Лапшу за ухом. Лапша в ответ дернула двумя задними лапами одновременно, открыла рот и тяжело задышала.

— Я, к сожалению, не могу остаться.

— Понимаю! Приятно познакомиться, — сказала Ангел, не подозревая, что брови ее предали. Как и все на свете не подозревали, что брови их сразу же выдают. Брови Ангела сказали ясно как день: «Серьезно?»

Ноне это показалось несправедливым. Корона, очевидно, была достаточно хороша для Камиллы.

— Нона, можешь минутку подержать Лапшу?

Мне нужно забрать камертоны, а она будет выть, потому что ненавидит этот звук.

Когда она передала поводок Ноне и ушла, последний раз взглянув на Корону, Нона присела, чтобы дать Лапше облизать ладонь, и укоризненно сказала:

— Если Камилла узнает, что ты это сказала, она придет в ярость.

— Ну, наверное, поэтому я это и сказала, — с искренним раскаянием призналась Корона, — по моей душе пробегают волны зла, и я это знаю. Но это не такая уж вредная ложь, Нона. Тебе не кажется, что я повысила статус Кэм? Что я оказала ей услугу?

Нона задумалась.

— Камилла не нуждается в этом. Ты могла бы поднять мой статус, сказав, что ты моя подруга. Все бы поверили, потому что мы обе очень привлекательны.

Корона рассмеялась своим очаровательным хриплым смехом.

— И вот ты опять напоминаешь кого-то совершенно другого.

Затем она снова присела на корточки, но вместо того, чтобы чесать Лапшу, она осторожно приложила большой палец к подбородку Ноны.

Она улыбалась, но так, будто Нона сказала ей что-то грустное, и глаза у нее больше не блестели. Они не стали такими жесткими, как там, на обочине, но затуманились.

— Милая, я знаю, кто ты, даже если они отказываются это увидеть, — мягко сказала она, — все, что я могу сказать, дорогая, — это то, что я завидую тебе больше, чем кому-либо во всей Вселенной.

15

Заложив эту мину, Корона отказалась задержаться и поговорить, так что Нона осталась сидеть на корточках, слишком удивленная, чтобы бежать за ней. В любом случае Ноне не пришлось долго страдать из-за того, что она опоздала на работу и никто из ее друзей не увидел Корону: Чести видел ее со своего места у окна, и Нона достаточно обрадовалась, когда Утророжденный и Чести принялись обмениваться подзатыльниками, решая, кто спросит Нону, сколько Короне лет и чьи имена она должна непременно упомянуть в будущем. Табаско тоже подошла погладить Лапшу и сказала:

— Хорошо. Ты здесь. Не хочу, чтобы ты погибла.

Для Табаско это была довольно долгая речь. Нона вспомнила, что сказала Пирра о Табаско, и осторожно на нее посмотрела. Читать ее было не так легко, как читать Пирру. Табаско постоянно стояла так, будто отключилась от собственной головы. Ее тело и разум, казалось, активно игнорировали друг друга. И из-за ожогов иногда она застывала так, что пугала малышей и обманы-

вала чувства Ноны. Сейчас Табаско выглядела так, будто очень плохо спала, но она никогда не выглядела так, будто спала хорошо. У глаз были морщинки, как будто она сильно прищурилась от яркого света или дыма.

— Ты бы разозлилась, если бы я умерла? — спросила Нона.

— Да, — просто ответила Табаско, — ты в моей команде.

Это обрадовало Нону, но затем глубоко встревожило.

— Табаско, — робко сказала она, — я не хочу, чтобы ты грустила или злилась, если со мной что-нибудь случится. Обещай не грустить — мне не нравится, когда у тебя грустное лицо.

Ресницы Табаско дрогнули от удивления. Но тут все остальные задергали ее мыслями о том, что всем будет грустно, если она умрет, и спорами, кто унаследует ее порцию фруктов в тот день, как будто они все не посчитаны, а потом спор перешел в еще одну потасовку между Утророжденным и Чести, которые еще не простили друг другу подзатыльники и начали обещать все свои мирские блага кому угодно, кроме друг друга. Чести пришел в себя, хотя глаз распух еще сильнее, чем накануне, и стал еще ярче. Учительница дала

ему обезболивающее, но он хитро его выплюнул и высушил, чтобы потом продать, так что был полностью доволен.

Нона осталась с гарантией, что после смерти Утророжденного получит ручку, которая пишет тремя разными цветами, а после смерти Чести — коллекцию бумажных сюрикенов.

Табаско ничего не говорила, просто села у окна и стала поочередно смотреть на Ангела, которая собирала маленькие булавки в коробку и общалась с главной учительницей после урока естествознания, — после кофе и урока она выглядела чуть более отдохнувшей, но все равно хрупкой — и в окно.

Ноне не пришлось ждать, чтобы спросить Табаско, что она собирается сделать. Учительница явно обрадовалась, увидев ее, — Нона сказала, что утром не смогла прийти в связи с «непредвиденными обстоятельствами», и учительница вежливо и сочувственно не стала расспрашивать. Нона снова рассердилась, потому что видела, что думает учительница о Пирре. Ноне поручили снять со стен старые картинки и повесить новые, нарисованные на прошлой неделе. Ей пришлось встать на стул, а Табаско спокойно придерживала этот стул, пока все остальные вытаскивали

свои коврики для сна. Удивительно, как быстро пролетает день, когда у тебя отнимают утро.

— Ангела сегодня подвезли на машине, высадили в конце улицы, — сказала Табаско.

— Я не видела. Встретила ее уже в дверях. — Нона на мгновение отвлеклась от попыток сохранить равновесие, но тут же снова к ним вернулась, чтобы не рухнуть со стула. Сняла кусок коричневой бумаги и немного полюбовалась картинкой.

— А это хорошо или плохо? — спросила она.

— Когда утром тот, кто за нами следит, увидел, что ее нет, он ушел.

— Окей.

— И вернулся двадцать минут назад. Это организованная слежка.

— Кем?

— Не знаю. Но ее кто-то защищает. У машины была решетка.

Ноне пришлось признаться, что она не понимает, в чем важность решетки. Табаско объяснила, что решетка нужна, чтобы ездить по камням или сквозь толпу.

— И что мы будем делать? Мне кажется, кто-то уже присматривает за Ангелом.

До нее начало доходить, что такой уровень

внимания несколько чрезмерен, если речь идет о человеке, чей вклад в этот мир ограничивался Лапшой и уроками естествознания — чудесными, конечно, но имевшими значение только в школе для беженцев.

— И что же в Ангеле такого особенного? — задумчиво добавила Нона.

Рядом с ними материализовалась главная учительница.

— Нона, ты не собираешься домой на обед?

Тут-то Нона и поняла, что за ней никто не пришел.

— Не знаю. Можно мне остаться, пока не придет Кэм?

Милая учительница выглядела встревоженной, но попыталась это скрыть. На самом деле она была ненамного старше Камиллы, и ее попытки скрыть собственные чувства не работали. Нона вдруг поняла, что учительница сама еще ребенок.

— Конечно. Возьми обед и коврик. И того и другого полно. Сегодня чуть ли не все ушли обедать домой.

— Потому что сегодня трансляция, — сказала Табаско.

— Что? — Учительница испугалась. — Из зда-

ния правительства? Впервые об этом слышу.

Табаско флегматично застыла, ничего не собираясь объяснять, и учительница продолжила:

— А у нас тут нет радио. Эйм, ты что-нибудь об этом слышала?

Подошла Ангел. Она держала в руке очередной стаканчик кофе и лихорадочно размешивала в нем сахар, несмотря на дневную жару.

— Слышала о чем?

— Дети — то есть Табаско и Нона — говорят, что будет публичная трансляция. Я думала, деньги на это кончились год назад. Я уже несколько месяцев не слышала ничего, кроме пиратского радио. Будут говорить про порт? Как думаешь, начнутся аресты?

Ангел сделала глоток обжигающего кофе, хотя не могла не знать, какой он горячий, судя по тому, что натянула рукав на ладонь. Она все равно отпила, чтобы потянуть время. Нона отметила, что Ангел совсем не удивилась, разве что показалась еще более измученной и уставшей.

— Да, что-то слышала. Кто знает?

— Странно. Раньше они всегда рассылали бумажные уведомления.

— Это было в прежние времена. Торопились, наверное.

— Неужели мы наконец-то услышим о…

— Джоли, даже у стен есть уши, — сказала Ангел, — давай продолжим на кухне.

Когда они ушли, Нона спросила у Табаско:

— Нам тоже нужно послушать радио? В молочной лавке оно есть.

— Мне не надо. Я и так знаю, что они скажут. Кто еще здесь?

Учительница была права, почти все родители пришли забрать детей домой или дети ушли в заранее оговоренное время. Младший брат-отец забрал Утророжденного, и Красавчик Руби тоже ушел. За Чести приходить было некому, но он захватил ланч и убежал продавать свои таблетки — Ноне это не нравилось, было слишком жарко для наркотиков. Остались Нона, Табаско и Кевин. Кевин собрал стопку из шести ковриков и свернулся калачиком среди объедков: он выел все вкусные кусочки из холодной лапши и начинку из всех сэндвичей.

Нона доложила об этом.

— Оставайся, Нона, — велела Табаско.

— Да, — сказала Нона, которая скорее умерла бы, чем отказалась, но, подумав, исправилась: — Если Камилла за мной не придет. Я не хочу, чтобы она за меня волновалась сегодня.

— Да, конечно.

Ноне не хотелось есть упакованный ланч, но все, кого интересовало, что она ест, ушли в кухню, поэтому она сделала ровно то, чего хотела. Она сосала кубик льда за кубиком, а потом в порыве чревоугодия изжевала в щепки полкарандаша. Она любила прохладную песочную серую сердцевину и болезненный хруст крашеного дерева, разлетавшегося в зубах на кусочки. Табаско наблюдала за ней молча и бесстрашно и выпила крошечную запотевшую бутылочку клубничного йогурта.

После этого они легли каждая на два коврика, сложенные друг на друга, в самой тенистой части комнаты, поближе к водопроводным трубам. Нона обнаружила, что очень устала: ей хотелось прилечь, но не спать, а откинуть волосы с шеи и попытаться немного остыть. Теперь она всегда немного боялась спать. Она лежала на боку, бедренные кости упирались в коврик, и от этого было немного больно, и Нона надеялась, что такого отдыха будет достаточно.

К счастью, Табаско тоже не собиралась спать. Она лежала на коврике на боку и не отводила взгляда от двери маленькой учительской, за которой скрылись Ангел и главная учительница.

— Табаско, — тихо сказала Нона, пытаясь не заснуть, — о чем будет выступление?

— О некромантах.

Нона ждала, что Табаско все объяснит. Табаско отказывалась.

— Что-то хорошее о… ты знаешь чем? Или что-то плохое?

— С некромантами всегда плохо.

— Не называй их так.

Табаско не ответила ни согласием, ни отрицанием. Нона изо всех сил попыталась объяснить почему и в итоге выдавила жалкое:

— Это нехорошо.

— Тогда зомби.

Ноне показалось, что это не сильно лучше.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила она, уже почти зная ответ.

— Слышала вчера вечером.

«Прошлой ночью у клеток для сжигания», — проговорила Пирра у нее в голове. Нона принялась обдирать длинные белые кусочки у ногтей, пока они не отвалились и не пошла кровь, а потом сунула руки под себя, чтобы никто не увидел, как быстро затянулись ранки. Она не стала спрашивать «От кого?», а сказала очень нерешительно:

— Ночью… в парке?

Табаско не рассердилась и даже не удивилась. Она отреагировала не так, как реагировала бы Богоматерь Страстей. Вместо этого она не мигая смотрела на дверь. Потом один раз медленно моргнула, и все.

— Ты там была? — спросила она немного другим голосом.

— Нет.

— Не ходи в парк ночью.

— И не хочу, — горячо сказала Нона.

— Плохое место для девушки вроде тебя, — сказала Табаско, как будто ей было не четырнадцать, а Ноне не девятнадцать или, что куда важнее, не почти шесть месяцев.

Как же их назвать?

— Ты знаешь кто… умерли?

Табаско неправильно поняла ее вопрос.

— Они могут умереть. Они умирают, как и все остальные, не верь тем, кто говорит, что это невозможно.

— Но эти…

— Да. Слишком быстро, — сказала Табаско, — кто-то сверху… убил их прежде, чем они сгорели. Снайперская винтовка. Глупо, когда люди думают, что надо уничтожить мозг, иначе они не… не

умрут, даже если их сжечь.

Когда Табаско произносила длинные речи, предложения у нее всегда сливались одно с другом, как будто застревали в пробке. Нона села — ей было жарко, и кружилась голова — и сделала вид, что смотрит на Кевина. Она не знала, купилась ли на это Табаско.

Табаско, кажется, ничего не подозревала и никого не жалела. Она перестала смотреть на дверь и уставилась на потолок. Там, где рубашка приоткрыла шею, виднелись блестящие, как стеклянные, шрамы.

— Кто-то из твоих был в парке? — тихо спросила Табаско.

Нона сглотнула.

— Думаю, одна была.

— Хорошо.

— Ты… кто-то из остальных…

Нона не знала, как спросить: «Ты из Крови Эдема?», но Табаско просто коснулась пальцем губ, приказывая ей замолчать, а потом подняла три пальца и указала на себя. Нона порадовалась, что давно уже считает не на пальцах.

— Ты, — прошептала она, — Чести. И еще кто-то.

Табаско кивнула.

— Утророжденный, — догадалась Нона.

— Ты имеешь в виду Утророжденного?

— Я так и сказала.

— Да. Один из его отцов.

— Кровь Эд…

Табаско прижала палец прямо к губам Ноны. Нона, увидев тревогу на ее лице, попыталась замолчать еще до этого и в результате чуть не укусила Табаско. Табаско жарко прошептала:

— Нет. Ни за что.

— Почему?

— Предатели, — яростно сказала Табаско, — капиталисты. Любители зомби.

Нону немного позабавила идея назвать Страсти и Ценой страданий капиталистами и любителями зомби. Ей очень не нравилось, что Корону можно назвать капиталисткой, любительницей зомби или тем более предательницей.

— Ну не все. Некоторые хорошие.

— Ты…

— Нет, — быстро сказала она, — они иногда… общаются с нами. С моей семьей.

— Ну да. Нам они продают оружие, — только и сказала Табаско.

Лежа вот так вот, сблизив лица, Нона испытывала приятное ощущение, что они с Табаско

пересекли еще одну границу. Как тогда, когда ей предложили присоединиться к банде или когда она сказала Табаско, что любит этот город. Было до боли сладко лежать и шептаться — даже если они говорили полуправду или правду-но-немедленно-заткнись, и так тихо, чтобы Кевин и учителя не услышали. Это было так приятно, что Нона протянула руку и не задумываясь коснулась руки Табаско, забыв о приказе Камиллы никого не трогать. Табаско не возражала. Она накрыла своей рукой пальцы Ноны, и Нона пришла в восторг.

— Ты хорошая, — сказала Табаско, — я бы хотела, чтобы ты была моей сестрой.

Чаша радости Ноны переполнилась.

— Если хочешь, я буду тебе сестрой.

— У меня никогда не было сестер, только братья.

— Младше или старше?

— Старше.

— Они были хорошими?

— Ага.

— А как они умерли? — спросила Нона.

Табаско задумалась.

— Не знаю, — сказала она наконец, — они устанавливали турели. Один из миньонов прорвался

с мечом. Они без ума от мечей. Дичь. Я тоже тренируюсь. Не испугаюсь, как братья. Но мы не смогли подобраться ближе. Я подумала, что это могут быть пугала. — Увидев, что Нона не понимает, она пояснила: — Куклы. Приманки. Они похожи на обычные сидящие или лежащие тела. Но когда ты подходишь слишком близко, они взрываются. Кости и все такое.

Нона пошевелила одной ногой, потом другой. Пальцы ног ужасно затекли, но ей нравилось ощущение, когда они оживали, внезапное чувство облегчения.

— А потом что случилось?

— С нашей базой? Мы сдались. Белый флаг. Впустили их. Мой двоюродный брат погрузил все удобрения, которые у нас были, в грузовик. Загнал его в их отряд. Они не понимают технологии. Не верь тому, что они говорят. Двигатели и все такое. Убил целую кучу, когда они взорвались. Миньоны, волшебники — все. — После паузы она добавила: — Сам тоже взорвался.

— Хорошо бы никто не умирал, — сказала Нона.

На этот раз не поняла Табаско.

— Но это нормально. Я выстрелю в первого некроманта, которого увижу.

У Ноны задрожали ноги, до кончиков пальцев. Табаско погладила ее по руке и деловито сказала:

— Ты простудилась под кондиционером.

— Нет, — ответила Нона и впервые призналась в этом кому-либо или, по крайней мере, кому-либо, кроме себя самой. В ней распахнулся глубокий колодец нужды и ужаса, и, не успев вынырнуть из него и даже не желая этого, она это сделала.

Она поведала Табаско Тайну.

Табаско задумалась. Посмотрела на Нону и снова задумалась:

— В городе есть клиника. Ангел там работает. Не всегда. Несколько вечеров.

Нона тихонько хлопнула в ладоши от восторга. Пирра всегда говорила, что это ее самая отвратительная привычка.

— Вот откуда ты знаешь, что она врач, — сказала она, — вот почему она помогла Чести.

— Ага. Я однажды ходила к ней, — ответила Табаско неохотно, как будто ей совсем не хотелось этим делиться. Потом она разогнулась и сказала: — В меня стреляли.

Это многое объясняло.

— В тебе застряла пуля?

— Нет. Промахнулись. Сломала ключицу, когда

увернулась.

Не успела Нона сказать что-нибудь еще, как Табаско продолжила:

— Твоя проблема. Поговори с ней.

— Не поможет.

Табаско задумчиво шмыгнула носом.

— Есть рынок органов. Бывают и дешевые.

— Нет-нет. Не волнуйся, пожалуйста, Табаско. И не говори остальным мою Тайну, — встревоженно добавила Нона. — Ты буквально единственная в курсе. Если… если что-то случится, пусть это останется между нами, обещай. Обещай прямо сейчас.

— Окей. Обещаю.

— Окей.

Она была очень тронута, когда Табаско встала, вылезла из куртки и заставила ее накрыться поверх тонкого скользкого одеяла. Нона отказалась:

— Отдай Кевину. — И Табаско накрыла Кевина вместо нее.

Кевин не пошевелился, и на мгновение Нона испугалась, что Кевин умер, съев начинку пяти сэндвичей. Но Кевин засопел по-щенячьи и свернулся под одеялом и курткой, так что все оказалось в порядке. Нона ощутила умиротворе-

ние, когда Табаско вернулась и легла рядом. Она опустила веки и с досадой обнаружила, что они не поднимаются. Она героически держала глаза открытыми, даже помогая себе пальцами, пока Табаско не остановила ее.

— Спи, если хочешь. Я тут.

— Ты же никому не скажешь, Табаско?

— Нет. Я здесь, Нона. Я за тобой пригляжу.

— Я тебя люблю, Табаско.

Вымотанная Нона почувствовала, как Табаско касается ее ладони, очень легко и осторожно. Последним, что она услышала, засыпая, были слова Табаско:

— Не разводи сопли.

Но, кажется, она совсем не имела этого в виду.

Иоанн 8:1

Пепел никогда не вызывал у них тошноту долго, но иногда они отключались вместе. Всего на несколько секунд, не о чем говорить, но ему это не нравилось. Ему вообще не нравилось терять контроль. Он не любил терять сознание. Во сне она знала, что его не уговорить заснуть, если только она не стоит в дверях или, в крайнем случае, не гладит его пальцем между бровей, спускаясь к носу. Во сне она не боялась спать, но не знала, как это сделать. Ее тело оставалось для нее загадкой. Она не понимала, что оно значит и имеет в виду. Она могла внезапно рухнуть и заснуть, где упала, вырубившись от изнеможения, и проснуться там, где он ее положил, какую бы импровизированную постель ему ни пришлось выбрать, от старого матраса в пятнах до гамака, мягкого, как кожа младенца.

Им пришлось спуститься с холма с той стороны, где вода не поднималась, и вернуться по дороге к обветшалому бетонному зданию, которое он нашел. Весь день они перетаскивали вещи. Мясо. Ведра с водой. Мокрые одеяла, которые они повесили сушиться, чтобы было где спать. Пона-

добилось несколько ходок.

Они не удосужились разжечь огонь. Им было не очень холодно. Но было темно, потому что пепел продолжал падать, и он расставил на подоконниках ряд фонариков так, чтобы тонкие желтые лучи разлились по всей комнате. Они странно подсветили его лицо. Смуглая кожа стала синеватой, а белое кольцо вокруг черной радужки сделалось атласно-золотым.

Когда они устроились, он сказал:

— Мы заранее привлекли к себе внимание, потому что люди думали, что мы пытаемся получить работу в СМИ, делая крутые дипфейки. Они думали, что мы играем, или загадываем загадку, или, возможно, занимаемся брендингом. Брендинг в тот момент? В эпоху позднейшего капитализма? Куда вообще может завести потребление? Впрочем, их можно было понять. Реальным оно не выглядело.

Он сказал: «В результате никто не явился и не забрал нас в Зону 51. Да нас вообще почти никто даже не заметил. Мы были всего лишь одним гласом вопиющего в пустыне, и все вопияли куда громче. По крайней мере, у нас выходило оригинально. У нас была кучка любителей теорий заговоров, несколько скептиков и местные, кото-

рые считали, что мы шутим. М говорила, чтобы мы пригласили их посмотреть. Так мы и сделали. Записывали их. Сказали, что они могут делать любые тесты. Показали им все, сняли на камеру. Удалось справиться с пятью. Пятеро плюс мы, Улисс, Титания и все остальные трупы, которые я поднял. Мертвых было больше, чем живых».

Он сказал: «После этого двое зрителей ушли. Один ничего не сказал. Один испугался и сказал, что звонит копам. Только один поверил. Оказалось, что он из плоскоземельцев, которым не помешала даже станция на Марсе. Хороший парень. Выпили с ним пива перед уходом».

Он сказал: «Потом мы взлетели. Тема за темой на форуме за форумом. Люди желали доказательств. Люди спрашивали, что, черт возьми, это значит. Люди говорили о телескопе «ЛЮЦИФЕР» и утверждали, что мы пришельцы. Люди называли меня Антихристом, и это было дико. Люди писали длинные посты о разгадке моего фокуса. Фальшивка ли я? Настоящий ли я? Если я настоящий, что все это значит? Внезапно у наших дверей появились сотни людей. Они приходили караванами, спали в машинах или ставили палатки. Многие прилетели из-за границы».

Он сказал: «Некоторые хотели увидеть чудо.

Кто-то хотел моей помощи. Типа “Ты волшебный властелин смерти, сделай что-то с моим телом”. Можно ли вылечить фибромиалгию? Как ни странно, я мог. Это меня удивило. Я мог удалить опухоль. Я мог вылечить дистрофию желтого пятна. С большими проблемами было проще, если речь не шла об ампутации или чем-то таком. Вырастить новую конечность у меня не получилось. Но я часами играл в Иисуса каждый день. Это было приятно. Самое приятное время в моей жизни».

Он сказал: «Но когда начинается вот это все “Иди, дитя мое, твоя коленная чашечка снова цела”, просителей становится очень много. Мне приходилось отказывать, потому что мне самому нужно было есть и спать, хотя мне не хотелось. М привела свою лучшую подругу, монахиню, и я приготовился услышать от нее про Антихриста, но она просто сказала что-то вроде: “Прекрати! Почитай Библию! В этом и была проблема Христа”.

Я сказал, типа, о чем ты, Иисус исцелял прокаженных, и все радовались, но монахиня М такая: “Издеваешься? Христос никогда не говорил нет, никогда не просил платы, привлек слишком много внимания и этим всех разозлил. Христос

не работал по расписанию, — сказала она, — не повторяй этого”».

Он сказал: «Мы ограничили иисусьи дела одним часом в день, и мне всегда приходилось завтракать. Но к тому времени весь мир уже оказался у нашего порога».

Он добавил: «Мы знали, что это будет большой проблемой. Есть чувак с армией из более чем сорока ходячих трупов, которых он приобрел легально, но должен был похоронить некоторое время назад. Явно пришло время непростых переговоров. Он лечит рак, это здорово, но его охраняют два зомби в форме, это плохо. Когда где-то в заднице мира сидит волшебник, которого забанили почти на всех видеосайтах, и тысячи людей приезжают в страну из-за его ютьюб-канала, правительство не одобряет его как успешного представителя малого бизнеса. Правительство называет это сектой».

Он сказал: «Они приходили тысячами — паломники, и туристы, и скептики, и верующие, люди из ЦРУ, жаждущие славы, священники, придурки. И мы засели в этом здании, готовя гамбит на любой случай, представляли собой что-то среднее между бомжами и источником международного напряжения, и знали, что рано или поздно к

нам ворвется отряд спецназа. Мы все ютились в трех комнатах, и нам было страшно. Монахиня оказалась гребаным благословением, она позволила нам немного вздохнуть. Она обратилась в Ватикан с вопросом о том, чудо ли это, ведь я крещеный. Я не стал упоминать, что оказался там только потому, что там наливали несовершеннолетним. Но она нас просто спасла. А потом А привел своего младшего брата, руководителя хедж-фонда. А-младший был совершенно бесполезный, но очень милый, и я не мог подвести А. Нам всем было страшно. Мы откусили больше, чем могли прожевать. Мы собирали тех, кого любили, и закрывали двери».

Он сказал: «И в этот момент правительство велело нам потихоньку выходить с поднятыми руками».

Он сказал: «Мы не хотели. Мы всегда говорили, что это мы им нужны, так пусть они сами приходят. Мы не разделяемся. Мы не исчезаем. Смелые слова. Но остановить их мог только я, понимаешь? У меня было двое ученых, инженер, монахиня, адвокат и банкир, полицейский и художник. Это не войско, это коп и шесть видов задротов. П, конечно, была крута, но связи в министерстве связями в министерстве, большая часть

ее карьеры прошла за устройством полицейских безалкогольных дискотек для средней школы и разговорами с детьми о том, что наркотики — это плохо. Когда-то в Гамильтоне она выигрывала соревнования по стрельбе, но переговоры мы вели не с Джесси Джеймсом. А с Гамильтоном».

Он сказал: «Криолаборатория имела около ста метров в поперечнике, была сделана из бетона и стали и занимала два акра перепрофилированных сельскохозяйственных угодий. У меня на руках имелось сорок трупов, и многие были не в идеальном состоянии после предыдущих экспериментов. Еще у нас было много замороженных мозгов.

Я ничего не смог добиться от Улисса и Титании. Я сдался. А и М шутили черные шутки по поводу набора добровольцев в армию скелетов. А потом время закончилось — раньше, чем эти шутки стали серьезными предложениями.

П позвонила. Она предала полицию ради нас, рассказала, что спецназ примерно в получасе езды и что они серьезно вооружены. В тот день она выбрала нас, а не свою карьеру. Я очень ценил ее за это. Ей нравилось служить в полиции».

Он сказал: «Я знал, что мне было нужно. Мне нужно было отрезать это место. Замуровать

его. Сделать что-нибудь впечатляющее, чтобы выиграть нам время. Чтобы они поняли, что нами нельзя управлять. Поэтому я поднял стены толщиной в три фута, из того, что теперь называют вечной костью, уходящие в землю на шесть футов. Г сделал все расчеты. Я не послушал его предостережений по поводу сантехники и поэтому пробил водопроводную трубу, но это оказалось худшим. Полиция приехала через полчаса и испробовала таран, промышленные резаки, все на свете. Они возились несколько часов, но даже ничего не поцарапали. Правда, я забыл отверстия для воздуха, и мне пришлось сделать часть костей проницаемой, но ладно, мы быстро это заметили, никто не задохнулся».

Он замолчал.

Через некоторое время она спросила:

— Ты сделал это из своих тел?

Он сказал: «Нет. Я решил, что не хочу трогать ни одно из тел, не только Титанию и Улисса. Они прошли через многое».

Именно в этот момент ему хватило совести немного смутиться.

Он сказал: «Я этим не горжусь. Но, типа, мы сидели на сельскохозяйственных угодьях. С кучей скота. Большая масса. На поле прямо через дорогу

паслось более восьмидесяти голов, полем выше — стадо овец, а в буше лежали старые кости. Мне пришлось подойти к делу творчески. Нам пришлось запереть К в кухне, чтобы она могла свободно блевать в одиночестве, и не смотреть на это. К счастью, было темно, так что смотреть особо было не на что».

Он сказал: «Чисто не вышло. Мне пришлось разделить их на две кучи: мягкие ткани и кости, и было не очень красиво. Но это сработало. Трехфутовый щит из мяса, костей и сухожилий, закрывший два акра земли Грейтауна. Его было видно на GoogleEarth. Довольно красиво, если смотреть издалека. Розовенькое».

Он сказал: «А потом правительство предложило все-таки поговорить».

Он сказал: «Это сработало, и мы остались целы. И остальной мир узнал, потому что нельзя закрыть два акра щитом из коров и овец, чтобы это не попало в новости. Хотя думаю, что крупные планы они зацензурили. После этого к нам стали относиться серьезно. Кто-то хотел поговорить с нами, посмотреть, кто мы такие, кто-то не хотел говорить, потому что считал нас злом, а кто-то не хотел говорить, потому что мы выкрутили им руки. Конечно, я вылечил кучу больных раком,

но я был ненормальным. К нам относились так, будто мы совершили страшное преступление».

После паузы он сказал: «Ну вообще я совершил страшное преступление. Я вывернул наизнанку несколько сотен животных и превратил их в огромную арт-инсталляцию, и я не подчинился требованиям копов, но у меня были смягчающие обстоятельства. Были. Я не виноват, что расправа с несколькими сотнями овец делает тебя плохим. Это были мясные породы. У меня вышло куда быстрее, чем на скотобойне. Но сложно себе представить что-то вроде “Ну давайте все послушаем чувака, который волшебством мучает овец. У него точно есть хорошие идеи!”».

Он сказал: «Мне было плевать, что они думают, я хотел внимания. Я хотел нарушить все соглашения о неразглашении. Я хотел рассказать о криоплане и о том, что его закрыли. Я хотел поговорить о тебе. О том, как мы собирались спасти мир, а потом деньги просто кончились. И теперь у нас была платформа, так что деньги могли как-то и вернуться. Но мы напугали слишком многих. У нас было слишком много врагов».

Он сказал: «Думаю, можно сказать… что мы на них бычили».

— Не могу поверить, что никто никогда не будет

больше смеяться над моими шутками, — сказал он, когда она не засмеялась. — Просто не могу. Все кончилось, я остался один. Есть только я и ты, и больше никаких шуток.

— Я все еще люблю тебя, — сказала она.

— Вот это хорошая шутка.

И снова заплакал.

16

Нона резко проснулась за мгновение до того, как распахнулась дверь, как будто у нее было особое чутье на открывание дверей. Чести вбежал в класс, даже не сняв уличные ботинки и песочную куртку, и заорал:

— Они здесь! Идут! Прямо сейчас! Они ставят на площади старый экран и собираются показывать видео сегодня в половине шестого. Это они! Зомби! Они вернулись! Мать твою за ногу!

— Что за выражения, Чести, — сказал кто-то еще.

Нона протерла глаза и изо всех сил попыталась сесть; она собиралась сказать то же самое, но у нее вышло только «Варргарбл». Это оказался голос Ангела, которая сидела рядом с классной доской, положив ногу на ногу.

— Я не могу не ругаться, мэм, — возразил Чести, — вы не можете запретить мне ругаться на эту тему. У меня будет психологическая травма. И вообще, — добавил он в порыве вдохновения, — раз уж зомби вернулись, я больше не собираюсь ходить в школу. Начнется война. У меня будет занятие на полный день.

— Ходи хотя бы на уроки математики, — сухо сказала Ангел, — я видела, как ты умножаешь. Тебя обманут.

— Математика — пожалуй, если мне захочется, — согласился Чести и повернулся к коврикам: — Табаско, Табаско, что делать будем?

Табаско сидела на коврике, подтянув колени к груди и положив на них руки.

— Подожди, и увидишь.

Кевин, весь усыпанный крошками, тоже проснулся и протирал глаза.

— Война, Кевин! — завопил Чести. — Война начинается!

— Угу, — только и сказал Кевин и лег обратно, совершенно не думая о войне.

Отчаявшись добиться чьего-то одобрения, Чести сел на корточки рядом с Ноной и заорал:

— Нона, а ты как считаешь?

Нона, все еще толком ничего не слыша со сна, сморщила нос, чтобы не зевать. Во рту чувствовался вкус карандаша. Она спросила, ничего не понимая:

— Кто вернулся? Что будет на экране?

— Некроманты, дура, — сказал Чести.

Тут ему хватило совести взглянуть на Ангела, как будто он ожидал наказания, но Ангел только

покачала головой и тихо сказала:

— Чести, постарайся не пугать Кевина и Нону.

— Ладно. — Чести немного смутился. — Не знаю. Ополчение собралось, все надели старую форму, считают что-то. Я вышел на площадь, и мне чуть не прострелили голову, честно. Все как-то нервничают из-за того, что в них стреляют. Какая-то старушка плакала, что нас всех выстроят в ряд и казнят. Ну меня они не получат.

Дверь снова распахнулась. Утророжденный и Красавчик Руби явно бежали по лестнице наперегонки. Они дышали тяжело, как собаки. Красавчик Руби наклонился и уперся руками в колени. Выглядел он так, как будто его сейчас вырвет.

Нона проснулась окончательно.

— Я выиграл, — заявил Утророжденный.

— Нет! Я еще на лестнице тебя обогнал, — возразил Руби. Они ссорились, пока Чести не сказал:

— Ребята, вы правда думаете, что время удачное?

— Мама говорит, что они настраивают экран, чтобы сообщить нам, куда нас переселят, — задыхаясь, выпалил Красавчик Руби.

— Они ничего не могут нам сказать, — возразил Утророжденный, — небо все еще синее. Они

сойдут с ума. Они врут.

— Мама говорит, что это неважно, они все равно это сделают.

— Да что вообще знает твоя мама?

— По крайней мере, у меня есть мама, а не только кучка заплесневелых старых папаш!

— Не ссорьтесь, — попросила Нона, когда они схватили друг друга за шеи, пытаясь задушить, — это нечестно. Слишком много всего происходит, и я не хочу думать одновременно о вашей драке, площади и экране.

Мальчики отпустили друг друга, но очень неохотно. И в это мгновение колебания и капитуляции Ангел встала и сказала — тихо, но голос ее не допускал возражений:

— Сядьте на коврики. Вы все.

Для Ноны, которая уже сидела на коврике, это не составило труда, как и для Табаско и для Кевина. Утророжденный, Красавчик Руби и Чести плюхнулись на коврики один за другим. Кажется, никто из других детей так и не вернулся, только их банда. Нона этому в каком-то смысле обрадовалась: ей казалось, что малыши должны сидеть дома.

Ангел сказала:

— Я хочу, чтобы вы все пообещали… полагаюсь

на вашу честность — что никто вечером не пойдет смотреть выступление. Если ваши родственники хотят пойти, хорошо. Но это не место для детей.

— А кто тут ребенок? — спросил Чести.

— Ты. Я уже видела раньше переговоры с Домами. Атмосфера там… раскаленная. Многие будут принимать решения не думая. И если кто-то из вас пострадает, скандал станет еще хуже. Я не хочу увидеть, как ваши тела пронесут по улицам. И ваши лица на фотографиях видеть не хочу.

Они все молчали. Ангел повторила:

— Пообещайте мне, дети, пожалуйста. Я знаю, что вы честные люди. Особенно ты, Чести.

Чести был тронут.

— Я такой. Я не пойду. Клянусь. Я бы мог кого-то убить, так что вы взяли меня за яйца.

— Пожалуйста, никогда больше не говори этого, — сказала Ангел.

— Я тоже не пойду, — сказал Красавчик Руби. Утророжденный добавил неохотно:

— Младший брат — отец захочет, чтобы я пошел. Иногда так бывает…

Чести скрутил ему кожу на руке так, что она покраснела, Утророжденный завыл и поправился:

— Не пойду. Прекрати.

— И я не пойду, — сказала Табаско.

Казалось, на этом все — Ангел не спросила Нону, — но Нона немного беспокоилась. Она сидела сзади, как самая старшая, и очень близко к Табаско, так что только она увидела, что Табаско скрестила пальцы.

— А зачем видеоэкран? — спросила Табаско.

— А ты как думаешь? Почему бы им просто не встать там и не заговорить в микрофон? — сказала Ангел.

Нона, которая много думала об этом, сразу же сказала:

— Они не хотят выстрелов! А в них кто-то будет стрелять.

— Молодец, — сказала Ангел.

Остальные шумно обрадовались за нее и принялись это демонстрировать. Они хлопали ее по спине и говорили: «Молодец, Нона», «Какая ты умная, Нона», и Нона немного погордилась, но потом почувствовала их снисходительность и сказала:

— Ну ладно. А кто будет говорить?

— Вы все узнаете. Куда торопиться? — сказала Ангел. — Из учителей осталась только я. Джоли ушла домой посмотреть, как там родители. Давайте отменим все уроки и поделаем что-нибудь интересное? Мне не хочется ничего научного. Да-

вайте лучше достанем бумагу и краски и немного порисуем. Шторы поднимать не будем и пораньше включим свет.

Утророжденный сказал:

— Папы сказали, чтобы я сразу возвращался, или они за мной придут.

— Довольно неудобно, — согласилась Ангел, — не буду возражать твоим отцам, но пусть тогда за тобой зайдут. Мне не хочется сейчас отпускать тебя на улицу одного. Там будут тыкать в каждого и мерить температуру, чтобы убедиться, что ты не из Дома, даже если тебя раньше видели. Если хочешь, чтобы тебе в задницу воткнули иглу, иди.

Было так смешно слышать, как Ангел говорит «задница», что все растерялись, включая Нону. Даже Кевин захихикал, хотя обычно он вел себя очень серьезно. Табаско тоже улыбнулась, но немного отстраненно, как будто она думала о чем-то другом. Впрочем, она была достаточно любезна, чтобы пойти с Ноной за большими коричневыми листами бумаги для рисования и приятно пахнущими коробками с толстыми восковыми мелками и мелом. Ангел защелкала выключателями и сказала:

— Рисуйте свое любимое животное. Если надо, у меня есть книжка с картинками, куда можно

посмотреть.

Оказалось, что все хотели рисовать только Лапшу. Лапша спала рядом с учительским столом на свободном коврике, так что Красавчик Руби, Утророжденный и даже Чести и Кевин сели рядом с ней и принялись рисовать мелом контур. Забавно было думать, что Чести тоже рисует Лапшу, хотя больше не собирается ходить в школу.

Это немного задело чувства Ноны, ей не хотелось думать, что кто-то бросает школу. Она села за парту, чувствуя свою значимость как помощницы учительницы, — она что-то немножко калякала на одном из коричневых листов, но не участвовала в рисовании полноценно. Табаско села за соседнюю парту, все еще глядя в окно.

Ангел закрыла все окна, но Нона подумала, что ей не стоило беспокоиться: снаружи стояла странная мертвая тишина. Даже машины не гудели. Нона набросала несколько вариантов животных — точнее, она думала, что животные должны выглядеть именно так, — и, удовлетворенная своей работой, отложила карандаш и огляделась. Класс выглядел почти нормально, разве что было куда тише, чем в любой другой день. Красавчик Руби обычно в одиночку шумел за десятерых детей, но сейчас все опустили головы и сосредоточи-

лись на искусстве. Она видела, что это напрягало Ангела. Всякий раз, когда Нона смотрела на учительницу, та казалась очень веселой, иногда говорила что-то вроде: «Всего шесть лап, Руби, ее выводили только с одной парой конечностей для передвижения по деревьям», но в уголках тонких, окруженных веснушками губ виднелись грустные морщинки, как будто хорошее поведение учеников было дурным признаком. Время от времени она засовывала большие пальцы под подтяжки и насвистывала пару нот, как уличный продавец. Ноне эти ноты веселыми вообще не казались.

В какой-то момент Чести вытянул руки, покрутил головой, похрустел пальцами и пошел к шторам, чтобы открыть их и посмотреть на улицу. Ангел так резко сказала:

— Веди себя разумно, Чести! — И он бросил занавеску так, как будто из-за нее стреляли.

Но было уже слишком поздно, он успел дернуть занавеску. Взгляд, которым его наградила Табаско, чуть не пронзил его насквозь. Он так смиренно вернулся к своей картинке, что в любой другой день Нона расхохоталась бы, но не сегодня.

Нона взглянула на часы, прищурилась изо всех сил и напряглась, но потом сдалась.

— Да, Нона? Знаешь, тебе не обязательно поднимать руку, — сказала Ангел. — Ты здесь работаешь.

— Сколько времени?

— Почти пять.

Камилла всегда приходила за ней до обеда, это значило, что она опоздала на четыре с лишним часа, а Камилла не опаздывала ни разу за всю жизнь Ноны. Должно быть, с ее лицом что-то произошло, потому что Ангел торопливо сказала:

— Нона, выведи, пожалуйста, Лапшу, она не гуляла с обеда, и это немножко нечестно. Бедняжка стареет, у нее почки.

— Я тоже пойду, — сказала Табаско.

— И я, — вмешался Чести.

— Сиди тут, двоих достаточно, — велела Табаско, и Чести не стал спорить.

Нона с удовольствием взяла поводок Лапши, а Лапша обрадовалась еще сильнее: она даже немного помахала хвостом. Она очень хорошо чувствовала эмоции. Нона думала, что они с Лапшой чем-то похожи, за исключением того, что, к сожалению, у нее не было никаких дополнительных конечностей. Нона с Табаско натянули куртки и застегнули рукава в раздевалке, Нона пристегнула поводок к ошейнику Лапши и

повела ее вниз по прохладной и тихой черной лестнице. Спустившись на этаж, она сказала:

— Камилла не пришла за мной.

— Оставайся у меня, если не придет, — предложила Табаско.

Эта мысль здорово напугала Нону, которая никогда не спала отдельно от Камиллы.

Думая о ней, Нона ощущала тоску. Она надеялась, что Табаско скажет что-нибудь сочувственное или понимающее вроде: «Не бойся, я с тобой», но Табаско была немного похожа на Кэм. Если ты приходила к ней с проблемой, она начинала ее решать. Нона не знала, что сказать, поэтому выпалила:

— Ты скрестила пальцы, когда обещала Ангелу.

— Не хотела лгать. Мало ли что. Вдруг это станет ложью.

— Ты всегда слушаешься Ангела.

— Не-а. Я всегда держу данные ей обещания. На этот раз я ничего не обещала.

Нона подумала о Паламеде и сказала:

— Ты нарушаешь дух закона, даже если соблюдаешь букву.

— Чего?

— Это означает, что даже если технически ты

не нарушаешь правила, на самом деле ты все равно их нарушаешь, в душе.

— И что?

Нона понятия не имела, что можно ответить на «и что?». К этому моменту они уже спустились, и Табаско внимательно разглядывала пыльный бетонный двор, куда Нона так часто водила Лапшу в туалет во время обеда, сквозь стеклянные двери, в которые так недавно ворвались Нона с Короной.

Красный свет все еще мигал над двойными дверями, а это означало, что они заперты. Нона в поисках способа отговорить Табаско сказала:

— Ты говорила, что Ангел приехала на грузовике с решеткой.

— Да. Никогда раньше не видела, чтобы она приезжала на машине. Пошли, все чисто.

Они открыли тяжелые двери, и из них ударила жара, как и всегда. Одежда сразу стала мокрой. Было уже позднее, чем привыкла Нона, но было не просто жарко — эта жара охватила все тело, даже под волосами, и Нона вздрогнула под курткой. Нона опустилась на колени, чтобы отстегнуть поводок, и Лапша с достоинством скрылась из виду, чтобы сделать свои дела за разбитой каменной плитой. Они молча смотрели на нее.

— Что же, значит, за Ангелом присматривают и нам не стоит волноваться? — сказала Нона через некоторое время.

Табаско не выглядела так уж уверенно.

— Ее водитель остановил машину, и оттуда кто-то вышел, когда Ангел уже ушла в школу, — сказала Табаско, — проверил дверные проемы. Оба здания напротив. И переулки. Профессионал.

Нона была очарована.

— Может, Ангел очень богатая и важная?

— Она уязвимая. Из-за нас. Мы должны обеспечить ее безопасность. Особенно сейчас.

— Из-за… войны?

— Из-за войны.

Лапша вернулась и принялась важно разгребать землю самыми задними лапами. Потом потянулась всем телом, так что средняя пара лап, предназначенная для деревьев, дотянулась до груди. И наконец, мило зевнула, чтобы показать, что она на все готова. Табаско и Нона некоторое время чесали ее под ошейником и у основания хвоста, а потом Нона снова пристегнула поводок. Когда они вернулись в холл, Нона заметила, что Табаско задержалась, глядя на улицу сквозь заляпанное стекло. Нона пошла по лестнице, но тут

Табаско сказала:

— Подожди.

Нона ждала. Лапша тоже.

— Скоро начнется выступление, — сказала Табаско.

Даже если бы Нона не была Ноной, она все равно поняла бы, что значит упрямое движение плеч Табаско и напряженные руки. Она вся развернулась к улице, как будто ее туда тянуло.

— Но Ангел не будет знать, куда мы делись, — уклончиво сказала Нона.

— Напиши записку и отдай Лапше, она умная.

Нона пришла в восторг от самой идеи передать записку через Лапшу и пожалела, что им раньше не пришла в голову мысль оставлять сообщения для Ангела или кого-то еще, — но ей очень не нравилось, что такое открытие было сделано в этих обстоятельствах.

— Но я не умею писать, — возразила она.

— Я умею. Ну, достаточно для этого.

— Но, Табаско, Ангел перестанет нам доверять…

— Агенты и не должны тебе доверять, — возразила Табаско, и это прозвучало очень убедительно, очень по-взрослому, очень профессионально и очень похоже на Пирру. Нона так напугалась,

что даже не спросила, откуда вдруг взялся агент.

— Я пойду одна, раз ты не хочешь.

— Я помощница учительницы. Моя работа — за тобой присматривать.

— Ну так и присматривай, если не боишься.

— Я ничего не боюсь, — солгала Нона, но настойчиво добавила: — Только смотри, чтобы я не пострадала.

Табаско только выразительно пожала плечами, мол, я и не собиралась, и Ноне захотелось найти слова, чтобы все ей объяснить, но все происходило слишком быстро.

— Даже от солнечного ожога или там пыльной бури, — беспомощно сказала она, но Табаско ее проигнорировала. Она копалась в том, что когда-то было стойкой ресепшен, нашла обрывок бумаги и ручку и проверила, не высохли ли чернила. Потом начала старательно выводить печатные буквы. Это заняло у нее столько времени, что Нона понадеялась, что Ангел их хватится, спустится и помешает их плану, но этого не случилось. Табаско опустилась на колени рядом с собакой, сунула записку за ошейник так, чтобы она не выпала, отстегнула поводок и повесила его в холле. Нона искренне понадеялась, что Ангел найдет записку.

— Лапша, — скомандовала Табаско, — иди наверх.

Лапша посмотрела на Табаско с выражением, с которым хотела бы посмотреть на нее сама Нона. Что-то типа: «А ты почему со мной не идешь? Глупая?» Но Табаско повторила:

— Иди наверх. — И Лапша немного повиляла хвостом, повернулась и полезла по лестнице.

— Пошли.

Нона и Табаско приготовились открывать двери. Табаско держала замок, а Нона толкнула дверь — это была тяжеленная противопожарная дверь, и ей пришлось приложить усилия, хотя Корона пронеслась сквозь нее, как будто это была завеса из перышек. Табаско выскочила за ней. Дверь за их спинами щелкнула, закрываясь.

— Надень капюшон, — велела Табаско, — побежали!

Схватила Нону за руку и понеслась по улице, как отрикошетившая пуля. Ноне оставалось только держаться рядом с ней. Сердце ее колотилось, и она сожалела обо всех решениях, которые привели ее к этому. А потом она строго велела себе прекратить. Если она собиралась что-то сделать, значит, она могла это сделать. Ее мучило смутное ощущение, что, если ты предан делу, ты должен

делать это до конца. Кто это сказал ей? Кто ее этому научил? «Если ты в деле, — сказал голос у нее в голове, — ты в деле. Это тебе не шуточки».

Она кое-что вспомнила — она наконец-то вспомнила хоть что-то! Только ей некому было рассказать об этом.

От того, чтобы совсем запыхаться, Нону спасла толпа людей через несколько улиц. Все ползли вперед. Никто не разговаривал, только слышалось шарканье шагов. Пыхтел грузовик, не обгоняя идущих, хныкал ребенок у кого-то на руках. Все были в капюшонах и куртках, и Табаско мгновенно слилась с толпой. Двигалась она просто невероятно. Оказавшись среди людей, она расправила плечи, став выше на целый дюйм, и принялась развязно вилять бедрами. Ей исполнилось пятнадцать, и никто бы не принял ее за ребенка. Нона отпустила ее руку и попыталась сделать то же — выпрямиться, идти легче. Табаско еле слышно сказала:

— Так держать.

В медленно движущейся веренице людей они словно склеились плечами. Их выгнали на большую восьмиполосную дорогу перед зданием администрации, где офицеры из ополчения расставляли людей, выходивших из грузовиков или

слезавших с мопедов. Офицеры были в шлемах, с дубинками в руках, и большинство казались такими напуганными, что Нона могла поклясться, что видит пот на их лицах. Некоторых они не пропускали — человеку с ребенком было велено держаться позади толпы.

— Если они побегут, вас ранят, — тихо сказал офицер, и человек с ребенком бесцветно ответил:

— И какая разница? Мы все равно умрем.

Какой-то старик повернулся и сказал так громко, что люди вокруг вздрогнули:

— А вот не надо доставлять им такое удовольствие!

— Плевать. Нас всех сюда согнали.

— Ничего подобного, — возразил старик. — Видите грузовики? Видите лестницы?

— Просто уберите ребенка, — сказал офицер, — никаких детей и никаких машин, таковы правила.

— Твои? Или какой армии? — фыркнул человек, но старик ответил:

— Не дури. Сам знаешь, какой армии. Оставайся со мной, сынок, подальше от них.

Нона обрадовалась, что они с Табаско проскочили незамеченными. В кузове грузовика

сидела уже целая группа детей и подростков, которые ругались и крутились. Некоторые были значительно старше Табаско и выглядели даже постарше Ноны. Нона надвинула капюшон поглубже и постаралась идти шире.

Толпа была плотной и высокой. Табаско схватила Нону за предплечье и лавировала между людьми — ее совершенно не волновало, кого она там толкает, — а потом остановилась как вкопанная на одном из светофоров, прямо рядом с грязным мусорным баком. Это был светофор, от которого отходила в сторону перекладина для дорожных знаков.

— Мы достаточно легкие, — сказала Табаско, — давай.

Она сложила руки, Нона поставила на них ногу и вдруг почувствовала, что ее подбросило вверх. Она обхватила столб ногами, скорее от испуга, чем правда понимая, что делает, и, извиваясь, поползла наверх, пока не уселась на перекладину. Та немного поскрипывала, но, кажется, не собиралась обрушиться немедленно. Табаско залезла с другой стороны. Они с Ноной уселись, обхватив руками центральный столб и свесив ноги, и смотрели в экран, оказавшись выше остальной толпы.

Было шумно: дыхание, шарканье шагов, кашель, чихание, шум моторов, выхлопы, но никто не говорил. Время от времени кто-то подавал голос, и люди сразу же накидывались на него, как будто все заранее договорились молчать. Нона посмотрела на лица, укрытые капюшонами от пыли и жары, и с надеждой подумала, что Пирра, Камилла или Паламед могут оказаться где-то тут. Или Корона. Толпа походила на море — серые и тускло-зеленые цвета да время от времени движущиеся коричневые или бурые пятна. Ей стало не по себе от такого количества людей, плеч и скрещенных рук, поэтому она посмотрела в экран.

Он все еще разворачивался — большая металлическая рама уже стояла, а блестящую пленку из мозаичных шестиугольников медленно растягивали за шнуры несколько людей. Они уже почти закончили и теперь крепили концы, но один из углов постоянно болтался, а когда они его закрепляли, отрывался уже другой. Кажется, никому это не казалось смешным. В конце концов перед ними растянулся лист бледно-серых блестящих шестиугольников высотой до второго этажа здания школы, но шире раз в пять. Лист дрожал. К его бокам подходили провода, и время

от времени шестиугольники вспыхивали белым.

В толпе начали гомонить — на этот раз никого не прерывали. Люди смотрели то на часы, то на экран. Выступление задерживалось.

Сначала ничего не происходило, и Нона даже задумалась, что вся эта трансляция была чьей-то шуткой или пранком и что не случится вообще ничего. Потом один из шестиугольников поближе к углу замерцал.

Замерцали и его соседи, и белый свет залил всю поверхность экрана. Из кучи колонок, беспорядочно сваленных под экраном, раздался страшный скрежет, и толпа вздрогнула, а Нона сжала зубы. А потом внезапно послышался голос. Странный тихий голос, говоривший на языке, который все называли языком Домов, начал посреди предложения:

— …по официальным правительственным каналам. Мы, разумеется, с радостью посодействуем местным выборам, чтобы гарантировать населению представителей во всех комитетах. В рамках этих условий не будет никаких общенациональных штрафов. Никакого влияния на переселение. Никаких юридических последствий для групп или отдельных лиц, если вышеупомянутый трибунал не признает их виновными в терроризме.

Определение терроризма будет согласовано с избранными представителями. Все домохозяйства и отдельные лица могут обратиться с просьбой о реституции, которую рассмотрят не местные органы власти, а Император Девяти домов.

Поначалу Нона едва разбирала слова. К счастью, это был язык Домов, на котором так или иначе говорили и она сама, и Пирра, и Паламед, и Камилла, но ей было сложно понимать речь, не глядя в лицо.

Голос также произнес много слов, которые она никогда раньше не слышала ни в каком контексте. Она посмотрела на напряженное лицо Табаско, полуприкрытое капюшоном.

— Это соглашение, — голос эхом разносился над толпой, — записывается и будет воспроизведено публично на официальных местных языках — сколько их там у вас? Семнадцать? Ладно, кому-то предстоит долгая ночь… будет воспроизведено публично по всему городу, как только переводы будут завершены. Соглашение будет, без дальнейших переговоров, считаться юридически обязывающим. Однако, как я упомянул в начале выступления, ряд условий должен быть выполнен. Любое лицо или группа лиц, нарушившая эти условия, сделает все соглашение, к

моему большому сожалению, ничтожным. Следовательно, население будет рассматриваться как юридическое лицо, нанесшее реальный ущерб, действующее незаконно, совершившее убийство и государственный переворот или бывшее соучастником таковых. Это соответствует условиям договоров, заключенных между вами и Императором Неумирающим на протяжении последних семисот лет после создания этого поселения. Его предложение разрыва таких договоров… полностью зависит от того, что вы делаете сейчас. Ой. Секунду. Кажется, мы починили оборудование. Мы использовали его в… баррикаде? Здорово. В любом случае сейчас появится изображение.

Шестиугольники принялись корчиться в агонии, а затем превратились в картину — мгновение Нона не могла сказать, что она видит. Отвратительный бело-радужный свет заливал толпу. Экран сделал все оттенки яркими, в десять раз более насыщенными, чем они должны были быть: как будто их нарисовал кто-то, кому явно не хватало карандашей. Камера качнулась взад и вперед, и Нону замутило. Замелькали сапоги и ноги, вспышки настолько белые, что казались желтыми, за исключением тех мест, где они были испещрены красными пятнами — такими

красными, что казались оранжевыми, качнулась мешанина лиц и стен, и камера уставилась на стол. В фокус попал сидящий за ним человек, несколько раздраженный — но, возможно, это было его нормальное выражение лица.

Одежда сразу же очаровала Нону. Другие сапоги, рубашки и ноги выглядели грязными и потертыми, но не этот человек. Его мундир был настолько безупречно бел, что на экране казался голубым, как и шейный платок. Камера подскочила ближе, сфокусировавшись выше пояса, и Нона увидела, что в складках платка сверкала красивая золотая булавка. Кожа у человека была пугающе бледной, а прическа пугающе идеальной. Нона никогда раньше не видела таких волос. Казалось, их лепили, а не укладывали. Они были глубокого темного цвета, густые и блестящие даже под ярким прямым светом. У большинства людей под таким светом виднелась бы кожа на голове. Лицо выражало сильную скуку; но тело выдавало больший интерес. Губы казались слишком бледными для губ и блестели, как и волосы, как будто на них намазали блеск.

А вот огромные, особенно на экране, глаза оказались очень красивыми по мнению Ноны: голубыми с коричневыми крапинками. Она ни-

когда раньше не видела таких глаз.

— Добрый вечер, Нью-Ро, — сказал человек.

Никто не ответил. Но молодой, хорошо одетый мертвенно-бледный человек, похоже, этого и не ждал. Вместо этого он продолжил:

— Граждане, беженцы и прочие резиденты поселения, вот список условий Императора. Первое. Любое насилие любого рода, направленное на здания Когорты, должно быть немедленно прекращено. Это касается и казарм, и прилегающего к ним жилого массива. Второе. Все нападения на солдат Когорты внутри помещений или снаружи должны немедленно прекратиться. Третье. Все жертвы, принадлежащие к Девяти домам или подозреваемые в принадлежности к ним, должны быть доставлены к воротам казарм. Четвертое. Все члены группы, называющей себя Кровью Эдема, прекращают свою деятельность в этой области, а все прочие отказываются принимать от них помощь, технику или оружие. Пятое.

Здесь красивый бледный человек впервые сделал паузу — не то чтобы он не знал, что сказать, а скорее ждал чего-то.

— Любой из Домов, покинувший свой пост, спрятавшийся в поселении, прибывший после осады и не сообщивший о себе властям, любой,

кто служит Императору либо Когорте и кто самовольно отсутствует, должен явиться в казармы в течение следующих двадцати четырех часов. Это период амнистии. Варианта только два. Помните, что вы можете принять милосердие Императора Неумирающего.

Глаза немного расфокусировались. Человек смотрел на кого-то за камерой, а не на собравшуюся толпу. Что бы ни было сказано или показано, оно заставило говорящего изогнуть идеальные темные брови в… ради всего святого, в нетерпении.

— Для тех из вас, кто не услышал начала трансляции, — протянул он, — я еще раз сообщу, что Император очень ценит Нью-Ро. У него нет никакого желания увидеть конец, который настиг, как я могу заверить, мятежников Ура. Он хочет увидеть новый расцвет поселения и начало поставок. Поверьте мне, нынешнее… возмущение… в атмосфере планеты не станет преградой для благодати или наказания Девяти домов. Говорю это как принц Ианте Набериус Первый, принц-ликтор, Святой трепета.

На мгновение толпа замолчала. Речь пришлось переводить тем, кто плохо знал язык Домов. Но потом пополз шепот: ликтор… ликтор… ликтор…

Принц Ианте Набериус заметил:

— Надеюсь, это вас… утешит.

Это никого не утешало. Ликтор… ликтор… ликтор… слово становилось все громче.

Человек — принц Ианте Набериус — протянул:

— Однако это не все. — И лицо его приняло странное выражение. Нона такого никогда не видела и не смогла разобрать. Принц указал пальцем на кого-то, кого Нона не видела, камера качнулась и отъехала назад, показывая, что за столом сидит еще один человек.

Если первый человек сидел красиво, то вторая — будто шомпол проглотила. Она была одета в такой же белоснежный мундир, как и ее коллега, с таким же шейным платком. Кожа казалась бледной в горячем свете и такой же странно восковой. Кожа эта была, кажется, того же теплого коричневого оттенка, что у Ноны, вот только с ней было что-то не так. Кривые губы были сжаты в серьезную бескровную линию, а лицо не имело вообще никакого выражения. Как будто на этом жутком лице красовалась мрачная маска, не более живая, чем портрет в кабинете Ценой страданий. Самыми живыми казались волосы, аккуратно уложенные и украшенные венком из костей пальцев и белых весенних цветов:

безумно рыжие волосы, такие яркие, что даже электрические шестиугольники не могли это скрыть. Это было лицо девушки из ее сна.

И ее глаза. После первого поразительного момента Нона смотрела не видя, охваченная диким параличом узнавания. Она дрожала. Лицо на экране было лицом девушки из ее сна; это было то лицо, которое нарисовали для нее Камилла и Паламед; но такое серьезное, такое безжизненное, такое вялое, как будто девушка спала с открытыми глазами. На мгновение Нона даже подумала, что ошиблась. Но это была она. Она, девушка из сна. Нона запаниковала, убежденная, что каким-то образом люди на экране ее видят, что девушка смотрит прямо на нее. Но это существовало только в ее воображении. Трансляции не работают таким образом.

— Император не прислал к вам какого-то посредника, — сказал первый человек. — Все эти обещания даны не кем-нибудь, а мной и Ее Светлейшим Высочеством Крон-принцессой Кирионой Гайей, наследницей Первого дома и единственной дочерью императора.

Никто ничего не сказал. Принц Ианте Набериус продолжил:

— Император Неумирающий отправил вам

своих Принцев Башни как знак его бесконечной любви, милосердия и заботы… и его безупречной власти.

Углы рта принца Ианте Набериуса еле заметно дернулись при словах «любовь и забота», как будто он очень старался то ли не улыбнуться, то ли не взорваться в приступе гнева. Нона редко видела, чтобы эти два чувства конкурировали. Но это продлилось всего секунду. Камера переместилась на другого человека — принцессу, — как будто ожидала какого-то выступления. Но принцесса этого не сделала, оставшись такой же каменной, хладнокровной и равнодушной. Ноне показалось, что она даже не дышит.

— Так или иначе. Я, принц Ианте Набериус, жду вас.

Экран тошнотворно качнулся назад и закрылся. Крон-принцесса, девушка из сна, исчезла. Голос продолжил:

— Я выступлю снова через двадцать четыре часа с новыми инструкциями. Какими они будут — зависит от вас самих. Слава Императору Неумирающему, его Девяти домам, а также вам, его уважаемым партнерам, бенефициарам и союзникам.

Наступила пауза.

Совсем другим голосом человек сказал:

— Красненькие вагоны починятся. Эй, выключите это…

Экран замерцал, и бестелесный голос произнес:

— Трансляция повторится завтра в пять часов в записи.

И все закончилось.

Шестиугольники побелели, один из них вспыхнул. Солнце успело опуститься немного ниже, поэтому, когда трансляция прекратилась, все показалось необычайно темным, как будто ночь наступила сильно раньше. Нона вцепилась в шест скользкими руками, чувствуя себя как в море. Она сосредоточилась на дыхании Табаско, очень неглубоком и тихом, но слышном. Нона смотрела, как ноздри Табаско раздуваются глубоко под капюшоном, как поднимается и опускается ее грудь. Она хотела убедиться.

Тишина прекратилась. Ополченцы расхватали мегафоны и раздавали людям инструкции. Они повторяли:

— Расходитесь, расходитесь.

Но никто, похоже, не хотел расходиться. Шум становился все громче и громче. Кто-то прямо под столбом Ноны сказал:

— Этому городу конец, я ухожу в пустыню. Еще одного раза мы не переживем.

Кто-то в толпе рыдал. Его тащили двое. Нона увидела его лицо, когда толпа расступилась. Он кричал:

— Лжецы! Лжецы! Ур борется! Они проигрывают! Лжецы!

Мегафон все еще блеял:

— Расходитесь, расходитесь.

Один из грузовиков ополчения загудел, и Нона не различала больше отдельные голоса; это был ужасный звук, долгий, постепенно затихающий вой, перемежающийся жужжащим УИ-УИ-УИ, похожим на шум драки ядовитых кошек. Нона вцепилась в Табаско и столб. Кто-то пытался швырять в экран камнями, но их оттаскивали. Страхи толпы изменились, и все перепуталось. Люди бросались туда и сюда, образуя реки и течения, некоторые отказывались двигаться, другие изо всех сил стремились прочь. Один из грузовиков медленно наезжал на толпу, люди пытались уйти с его пути, а кто-то из кузова кричал и жестикулировал:

— Все, кто по эту сторону от меня, идите на проспект. Все, кто по эту сторону от меня, назад к автостраде. Давайте уже!

По крайней мере, выстрелов не было. Кое-где начинались драки, но большая часть плеч, видных Ноне, тяжело согнулась. Она посмотрела на Табаско и нервно дернула локтем. Табаско, похоже, не собиралась двигаться. Нона прошептала:

— Что дальше?

Табаско посмотрел на Нону. Ее зрачки стали маленькими и темными.

— Они не люди, Нона, — сказала она. — Они не люди.

— Ну, они странные…

— Потому что они ненастоящие, — сказала Табаско.

Ее губы стали влажными. Нона вдруг поняла, что Табаско ужасно боится, что страх, который она так долго отвергала, заполнил ее целиком. Нона подумала о своих припадках и, воодушевленная мужеством, которое позволило ей прийти сюда, потянулась, чтобы схватить Табаско за свободное запястье.

— Послушай меня, — скомандовала она, — я помощница вашей учительницы. Дыши. Когда я сжимаю руку, вдыхай, когда отпускаю, выдыхай. Вдох через нос, выдох через рот. Не так быстро. Гипервентиляция нам не нужна. — Она почувствовала, что говорит так же, как Камилла.

Табаско послушалась. Она сделала пять вдохов — пять выдохов, а ужасная сирена все ревела, и толпа дергалась и бегала под ними. Лицо ее все еще выглядело странным и застывшим, как будто ее могло стошнить. Нона поняла, что, хотя Табаско ее лидер, ей придется помочь. В конце концов, это ей почти девятнадцать. Она поползла вниз по столбу, как гусеница. Долгая карьера червя-инвалида подсказала ей необходимые движения. Коснувшись ногами земли, чувствуя постоянные толчки чужих плеч и локтей, она крикнула:

— Спускайся, давай.

Табаско слезла. Нона взяла ее за руку, и они нырнули в толпу. Она смотрела поверх голов и отчаянно думала, что знает, где толпа плотнее всего. В этот момент она была очень рада, что знает законы движения. Она затащила себя и Табаско в людское течение и принялась выбираться туда, откуда они пришли, потом вдруг передумала, присоединилась к идущим на восток и громко сказала:

— Мою сестру сейчас стошнит!

Это дало им немного пространства — достаточно, чтобы пройти. Толпа растянулась до дальней улицы. Нона почувствовала запах дыма — старые очистные сооружения все еще тлели. Они едва

успели встроиться в людскую артерию, текущую вверх по улице, когда в толпе позади раздался выстрел. Все закричали и задергались, а потом побежали.

Услышав пулю, Табаско словно бы ожила — она потащила Нону в крошечный переулок, подальше от давки.

— Бежим! — сказала она.

Нона, радуясь ее возвращению, с благодарностью отдала инициативу. Им пришлось карабкаться по горе протекающих мешков для мусора, а Нона ужасно порезалась о зазубренную старую банку. Она зашипела от боли и тут же сунула руку в карман, чтобы скрыть это. Шум стал ужасным: сирена, крики, грохот грузовиков. Они лезли через заборы, режа руки проводами, скользили и падали, забегали в полуразрушенные здания. Казалось, шум постоянно оставался у них за спиной, и уйти от него было некуда.

— Нона! — крикнул кто-то. — Нона! Табаско! Девочки!

Голос слышался из грузовика с решеткой. Грузовик стоял на тротуаре, и ему отчаянно сигналили. На пассажирском сиденье сидела Ангел. Она опустила окно и изогнулась, чтобы открыть заднюю дверь.

— Залезайте! — заорала она.

Табаско и Нону не пришлось просить дважды. Они бросились к грузовику, забрались на жесткое, в дырах заднее сиденье и закрыли за собой дверь, тяжело дыша. Под ногами у них лежала Лапша, которая из-за шума и суеты выглядела зловеще.

Ангел велела кому-то:

— Поезжай.

Их отделяла от пассажирского сиденья тонкая черная сетка, но Ангел ее отвела, чтобы посмотреть на них.

— Вы не ранены? — резко спросила она.

— Нона порезалась, — сказала Табаско, сама грязная и окровавленная.

— Нет, не порезалась, — быстро сказала Нона. — Мне показалось.

— Ты вся в крови.

— Все хорошо. Хорошо.

Ангел, убедившись, что ни у одной из девушек не течет кровь, велела:

— Пристегнитесь. Вы обе заслуживаете, чтобы вас избили до синяков. Кевин был в истерике.

— Откуда вы узнали, где мы? — спросила Нона, сражаясь с ремнем безопасности.

— Я же не дура. Я последние полчаса катаюсь

вокруг школы и жду, пока вы покажетесь.

Нону поразило и то, что они с Табаско добрались до самой школы, и то, что они не забежали дальше. Они бежали целую вечность.

— А где остальные? — спросила Табаско.

— В безопасности. Как только я узнала, что вы двое сбежали, я решила вытащить остальных на случай, если у них возникнет та же идея. Давай налево, — сказала Ангел невидимому водителю. — Ради бога, не езди по трассе, там все водят как психи. Не заправляйся там, где гражданские. И не тарань никого задним ходом.

— Кто вообще за рулем? — спросил водитель. У него был низкий грубый голос и удивительно хороший выговор на языке Домов.

— Ты, так что следи, чтобы на этой машине можно было доехать до цели. — Ангел повернулась к девочкам, придав лицу выражение сурового учительского неодобрения. Нона съежилась.

— Табаско, я отвезу тебя в приют.

— Никакого приюта. Я буду жить с Чести, — отстраненно сказала Табаско.

— Ну да, конечно. Я сама подвезла Чести. Ты знаешь, где он живет, и ты обязательно вернешься во все это.

— Никакого приюта. Они автократы.

— Хорошо. Можешь остаться в знакомом мне месте. Вообще, это моя нора, но я не планирую ее использовать.

— Не планируешь? — спросил водитель.

— Если я не поеду с тобой, ты будешь торчать у моей двери всю ночь.

— Не делай вид, что это моя идея.

Табаско замолчала. Нона увидела, что ее лицо сделалось равнодушным, а это означало, что у нее не было аргументов. Ангел повернулась к Ноне и коротко спросила:

— Нона, где ты живешь?

Нона объяснила. Водитель попытался вытянуть шею, чтобы посмотреть на нее, но помешали решетка и толстый шарф у него на голове. А вот Ангел, которая могла обернуться, немедленно обернулась и сказала растерянно:

— Я думала, что Джоли меня разыгрывает. Здание? В смысле, прямо внутри?

— Да, — сказала Нона, собираясь уточнить, где именно, но вспомнила предостережения Паламеда и Камиллы и вовремя замолчала. — Я правда там живу.

Ангел выпрямилась и сказала:

— Едем сначала туда.

— Спасибо, — кротко поблагодарила Нона.

Теперь, когда адреналин схлынул, ей больше не хотелось возражать. Ей было страшно, и она вся дрожала.

— Табаско, насколько сильно она пострадала? Нона, у тебя есть прививка от столбняка?

Нона не придумала ничего разумнее, чем засунуть руки под куртку и сказать:

— Со мной все в порядке! Совсем не больно!

— Херня, — возразила Ангел, — ты вся в крови. Табаско, под тобой аптечка…

— Не, правда. Это не моя кровь. Чья-то чужая. Или томатный соус. Не знаю. Это может быть что угодно. Не беспокойтесь, пожалуйста.

Не лучшее ее выступление, как сказала бы Пирра. Но, возможно, Ангела убедили нарастающие истерические нотки в ее голосе, так что она ограничилась следующим:

— Посмотрю на тебя завтра. Если почувствуешь слабость или поднимется температура, скажи кому-нибудь, ладно?

— Да, да, обещаю.

— Поверить не могу, — пробурчал водитель.

— Да? Это был твой приятный тон для комментариев?

— Если бы люди знали, чем ты занимаешься, Эйм…

— Они бы понадеялись, что приносят хотя бы вполовину меньше пользы, — разозлилась Ангел.

— Притворяешься, что умеешь перевязывать двуногих? Рассказываешь сопливым детям о частицах?

— Ни у кого из нас нет соплей, — сказала Нона, обидевшись. Потом подумала и поправилась: — В любом случае это не вина Кевина.

Водитель ничего не сказал. Заговорила Табаско:

— Мы любим ее.

Водитель ответил не Табаско, а Ангелу:

— Теперь понимаю. Шанс побыть ею, да? Хоть немного независимой жизни?

— Для меня огромная привилегия — быть ею. Просто езжай, — сказала Ангел резко, — я тебе не плачу за твои мнения.

— Ты мне вообще не платишь. Я тут за свои грехи.

Поездка была бы чрезвычайно захватывающей, если бы морская болезнь Ноны не мешалась с тоской по дому. Сегодня с ней случилось около двадцати шести необычайных плохих вещей, и она предполагала, что осилит еще шесть необычайных плохих вещей, прежде чем впадет в

истерику. Это должно означать, что она выросла. Водитель жал на педаль и ездил везде, где не должны ездить машины. К счастью, многие другие машины тоже так делали. Много раз чувствовались глухие удары, когда машина вырывалась на тротуар, или резко сворачивала, или грохотала по дороге, покрытие которой вообще не предназначалось для автомобилей. Хуже всего было, когда они проехали по улице, перекрытой из-за трещин и выбоин, снеся пластиковый барьер с изображением машины, падающей в огромную яму. Нона не могла не визжать каждый раз, когда они подъезжали к огромным черным, лишенным света колодцам. Лапша тихонько подвывала, будто сочувствуя, даже когда Ангел сказала без особого тепла:

— Заткнись, собака. Бывало и хуже.

Нону смутило, что от собаки ждут большего мужества, чем от нее. Табаско откинулась на спинку, и Нона, не веря своим глазами, поняла, что она уснула. Нона закрыла глаза и поставила ноги рядом с Лапшой.

Внезапно выехали на их улицу. Здание нависало высоко над машиной, и слезы навернулись на глаза Ноны. Она наконец-то была дома после такого долгого и ужасного дня. Им пришлось

подождать, пока откроются ворота, ведущие в гараж. Нона даже не стала думать, почему грузовик Ангела вообще туда пустили: возможно, тот, кто охранял ворота, увидел решетку и не решился остановить их. В подвале, где стояли другие легковые и грузовые автомобили и мотоциклы, был выключен свет и было удивительно темно, если не считать огромных фар грузовика.

Рядом с грузовиками и другими машинами стояли люди в капюшонах, с оружием наготове или просто тихо разговаривающие. Увидев грузовик, они повернулись к нему и тут же снова отвели глаза. Водитель выключил фары. В машине стало так темно, что Нона еле видела себя.

— Справишься? — спросила Ангел.

— Да, — сказала Нона, — думаю, да.

— Школа завтра работает, — продолжила Ангел.

— Нет, — возразил водитель.

— Будет. Нона, я могу на тебя положиться?

— У меня будут проблемы?

— Меньше говори и больше делай, — посоветовала Ангел.

Даже в темноте Нона видела ее зубы, усталую улыбку, мягкий изгиб ее плеч. Она протянула очень мозолистую руку и погладила Нону по

голове, как Лапшу. Ноне стало легче. Благодаря этому прикосновению она поняла, что на самом деле у нее нет проблем.

— Это была моя идея, — внезапно зашевелилась в темноте Табаско.

— Знаю, — устало сказала Ангел. — Завтра, Нона. В школе безопасно.

Нона с силой толкнула дверь большого грузовика и выскользнула наружу. Там было немного светлее. Тлели огоньки сигарет, что-то отражали светоотражатели, немного света доходило с площадки.

— Спасибо, я люблю тебя, — сказала Нона и со всех ног бросилась в лифт, умирая от смущения. Она не хотела этого говорить… это было похоже на тот раз, когда Утророжденный назвал Ангела папой… но она это чувствовала. После этого дня она всерьез полюбила Ангела.

Нона поднялась по лестнице, потому что лифт где-то застрял. Ноги устали и тряслись, и она останавливалась каждый раз, когда икры и ступни сводило. К счастью, это ощущение никогда не длилось долго, оно скорее походило на краткий укол — и она могла продолжать восхождение, подняться на все тридцать три этажа, хотя после тридцать второго она сдалась и встала на

четвереньки. Оказавшись на своем покрытом дорогим грязным ковром тридцать третьем этаже, с копом снизу, ополченцами сверху и плачущим младенцем по соседству (он, впрочем, не давал о себе знать), она чуть не поцеловала пол, но потом подумала, что Паламед скажет, что это самый простой способ подцепить серьезный вирус.

Последние несколько метров были самыми длинными. Пошарив под ковриком, где они приклеили запасной ключ, и набрав шифр на цифровой клавиатуре, она потратила последние силы. Она повернула ручку, распахнула дверь и громко завопила:

— Я дома! Я в безопасности! Вам не о чем беспокоиться!

Камилла поднялась из-за стола. Пустые стаканы из-под воды были вставлены один в другой, а целая страница газеты разорвана на красивые ровные полоски, как это сделала бы птица, — дело нескольких часов, плод тревоги. Нона полетела к ней. Кэм поймала ее за руки и посмотрела сквозь нее, а не на нее; ее красивые бледно-серые глаза выглядели как дыры, прожженные в маске.

Затем она обняла Нону так сильно, что ей стало по-настоящему больно. Лицо Ноны больно вжалось в ее грудь.

— Кэм, я в порядке! — повторила она, расплющенная и запыхавшаяся. — Все хорошо! Где Пирра?

Руки Камиллы расслабились, и Нона смогла немного отстраниться. Камилла посмотрела на дверь, как будто ожидала увидеть что-то, и поняла, что не увидит. Посмотрела на Нону.

Когда она снова посмотрела на Нону, ее лицо было ужасным.

— Нона. Пирра ушла забирать тебя из школы еще перед обедом. Я думала, она с тобой.

Иоанн 19:18

Во сне вода продолжала подниматься. Они начали строить хижину на вершине холма. Тела качались на воде. Он боялся этого — он всегда боялся воды, — и он заставил воду на время уйти и поднял части земли, покрытые морем. Она смотрела, как они вздымаются, сливая тонны воды. Она спросила его, трудно ли это, он сказал, что тяжело вспомнить, на что он способен, а не просто что-то сделать старым трудоемким способом.

На новом клочке земли, истерзанном водой и не только, стояло разрушенное бетонное здание, охраняемое огромными осколками потрескавшейся кости. Как яйцо, разбитое сверху. Они бродили по полям, скользя в ледяной бурой грязи, но никогда не подходили к зданию. Нашли капот полуживой машины, на которой можно было посидеть, пока она сохла на свету.

Он сказал: «С точки зрения политики мы были миной. Все пытались уложиться во временны́е рамки. Времени у нас оставалось не так уж и много, а новые данные смешивали все цифры каждый день. Каждый раз, когда ты вздыхала, мы ссались под себя. Но старые хозяева боялись

нас больше всего и постоянно утверждали, что мы работаем с той или этой страной, изо всех сил доказывали, что то, что мы делаем, ненастоящее и что любой, кто с нами говорит, помогает нам рушить мир. Они все время ходили по кругу. Я все время говорил: давайте поговорим на равных, давайте подумаем, смогу ли я помочь, смогу ли я что-то сделать».

Он сказал: «Оказывается, нельзя даже поговорить о том, можно ли что-то сделать, без двенадцати недель дипломатических усилий. Меня тошнило».

Он сказал: «В любом случае на нас всех выписаны ордера Интерпола. Некоторые из нас, из тех, кто пришел к нам, хотели уйти. Иногда они хотели уйти, потому что были шпионами ЦРУ и у них были боссы, к которым можно было вернуться; иногда они хотели уйти, потому что боялись. Тех, кто хотел уйти, я отпускал. Меня они вообще не волновали. Типа, мило с их стороны было появиться, но они были мелкими сошками. Я мог доверять только ближайшему окружению. Мои ученые, мой инженер, мой детектив, мой адвокат, мой художник, моя монахиня, мой менеджер хедж-фонда. Мои верные последователи. Те, кто держал меня на плаву. И Улисс и Титания,

двое моих мертвых детей. Но они были мертвы, и собеседники из них получались так себе. Я хотел выяснить, смогу ли я вернуть их обратно. По-настоящему. Вернуть их к жизни».

Он сказал: «Проблема была в том, что я не мог вернуть тех, кто уже ушел. Только удержать тех, кто подошел слишком близко к черте. Я мог бы исправить все повреждения и даже заставить сердце снова биться и восстановить мозг. Но внутри Улисса и Титании ничего не происходило: они никогда не разговаривали, они никогда не отвечали. Я все время очень боялся и отключал сердца и мозги. Я не знал, что делаю. И это меня сжирало».

Он сказал: «Наша монахиня все время говорила, что их нельзя вернуть, что их души уже не здесь. Мне нужно было слишком много времени, чтобы ее выслушать. Но я же был перфекционистом, да? Я не хотел верить, что существует такая штука, как душа. Мне просто хотелось верить, что я в чем-то ошибаюсь».

Он сказал: «Мы оба были правы. Но об этом потом. О том, что случилось, когда мы узнали, куда делись деньги».

Во сне он встал и трижды обошел вокруг поля. Сказал:

— Не ходи за мной, я злюсь.

Она села на крышу машины и смотрела, как он пнул кусок мусора к краю большого поля грязи. Мусор подлетел довольно высоко, ушел в туман и с грохотом скатывался по холму, пока звук не затих. Она снова спросила себя, почему любая боль здесь ненадолго, но вот с гневом справиться так сложно. Закончив, он присоединился к ней, сел, поджав колени, металл застонал под их весом, и он заговорил снова.

Он сказал: «Они забрали корабли, наши новые. Они сказали, что вместо этого планируют путешествовать со сверхсветовой скоростью. Дурацкое название, скорость света здесь ни при чем, но все равно. Они сказали, что перевозить людей так медленно слишком рискованно и что криоплан был отменен как недостаточно хороший. Небезопасный, неприятный, аморальный. Они сказали, что нам удалось дойти только до восьмипроцентного шанса нанести долгосрочный ущерб после разморозки и что мы так и не решили с материнством…» Тут он замолчал и некоторое время не мог говорить. Заговорив снова, он сказал: «Это мы уговорили их на восемь процентов. Они были готовы работать, когда успех был на уровне семидесяти. Все знали про

риск. И это была не тридцатипроцентная летальность, а тридцать процентов вероятности повреждения».

Он сказал: «Им было насрать на беременность, они всегда говорили, что надо просто закончить с этим до вступления в программу. Когда М говорила, что не примет эти цифры, не примет план, предусматривающий репродуктивную дискриминацию, и мы стояли рядом с ней и говорили, что это неприемлемо, они какое-то время жаловались на расходы и в конце концов согласились. А теперь они вели себя так, словно восемь процентов были плохим шансом. Как будто мы мало старались».

Он сказал: «Их план состоял в том, чтобы эвакуировать все население. Сначала отправить дюжину кораблей-разведчиков. Они сказали, что им удалось найти каких-то нердов, которые решили сверхсветовую проблему, связанную с застреванием в хроноколодце. Ну знаешь, когда двигаешься так быстро, что начинаешь описывать квантовые круги. Они придумали что-то, где можно было бы торчать, пока корабль будет настраиваться на заранее заданный спектр. Я до сих пор не понимаю расчеты. Мне понадобится десять тысяч лет, чтобы понять это. Я не понимал,

а вот А — да».

Он сразу сказал: «Какой в этом смысл, если вы до сих пор ни сном ни духом, где окажется ваш корабль, когда сбросите сверхсветовую скорость?»

Они ответили: «Ага, но мы сможем сразу же отследить его».

А возразил: «Но он может оказаться на другом конце Вселенной или в центре планеты».

Они утверждали, что этого, вероятно, не произойдет и что А ничего не понимает, и ему пришлось признать, что это не его специализация, но он сказал, что они сделали одно открытие и ведут себя так, будто оно изменило все правила игры, хотя на самом деле нужно десять лет исследований и финансирования, чтобы выяснить, есть ли от него прок, как всегда бывает в науке. Но эти триллионеры вели себя так, будто заполучили святой Грааль. Они сказали, что это дорого, поэтому двенадцать кораблей пойдут первыми, и один будет их вести, как маячок, как буксир, ведущий круизный лайнер, что они нацелятся на Тау Кита, высадят население и вернутся. Они сказали, что на пути к созданию гораздо большего количества сверхсветовых кораблей.

Он сказал: «Мы знали, сколько стоят эти корабли. Мы даже не могли предположить, сколько

стоят сверхсветовые двигатели, но все же догадывались. Мы знали вместимость этих кораблей. В криотанках мы могли бы перевезти миллиарды, такова спасительная милость заморозки. А они комплектовали корабли живым неспящим экипажем. Тысячами живых людей. Мы указали на это, и нам говорили, что мы безумцы, что мы чудовища. Нам напоминали о коровах. В тот момент я пожалел, что не взял гребаных теоретиков заговора вместо коров. Кто бы расстроился, если бы я вывернул наизнанку людей, уверенных, что в вакцинах есть наниты, которые добывают криптовалюту? Но коровы, коровы!»

Он сказал: «М распсиховалась. Сказала, что крысы бегут с корабля. Сказала, что именно поэтому они вообще отказались от криоплана. Она сказала, что мы наблюдаем частную флотилию, перевозящую богатых мудаков в безопасное место. И А согласился, и тогда я понял, что дело плохо. Он сказал, что это для отвода глаз. Он сказал, что даже не уверен, что сверхсветовая скорость реальна. Он сказал, что они собираются свалить на Тау Кита, используя то, что мы придумали, технологии, которые мы создали, и просто такие “Пока, планета, иди на хер, спасибо за нефть и за куриные шашлычки”».

И я еще раз сказал: «Ребята, никто на это не пойдет. Им придется назвать цифры. Им придется продемонстрировать, что они делают другие корабли. Никто на это не пойдет. Посмотрите на шорох, который мы навели, доказав, что магия реальна, и вывернув Бидибиди наизнанку, потому что мы не доверяли полицейским. Оно не полетит. Это невозможно. Они не могут этого осуществить».

Во сне он встал с машины и сказал «Блин» нормальным голосом, а затем он заорал «БЛИН» так громко, что слово отдалось эхом от осыпающегося бетонного панциря и костей и улетело куда-то в туман. Она смотрела, как он обходил поле. Три, пять, десять раз.

На одиннадцатый раз он прохлюпал по грязи к ней, рухнул перед машиной и сказал: «Они бросили тебя, бросили. Они видели, как ты живешь на гроши, и даже не оглянулись. Они даже не попытались тебя спасти. Они ушли».

— Я не помню, — сказала она.

— Я не могу забыть, — сказал он.

День четвертый

Где Пирра? – Банда приносит клятву – Ангел отдает приказ – Табаско берется за оружие – Сорок восемь часов до открытия Гробницы

17

Нона проснулась замерзшая и одинокая, совершенно не представляя, как заснула: она была одета и явно не мылась перед сном. Ночью кто-то расстегнул на ней куртку, снял с нее ботинки и ослабил ремень. Это явно были Камилла или Паламед, потому что только они бы об этом подумали.

Прошлый вечер выдался ужасным, слишком диким, даже чтобы благодарить свою счастливую звезду за то, что Камилла ни разу не спросила о выступлении. Ей хватило информации о том, что Нона ждала в школе, Пирра не пришла и домой ее отвезла учительница. Она только спросила:

— Слышала про эфир?

Нона слабо ответила «да», готовая рассказать о девушке из сна, но Камилла немедленно сменила курс и отправилась спрашивать Паламеда, что делать.

Нону, которая к этому моменту умирала от голода и усталости, Паламед положил на пол и заставил сосать кубик замороженного фруктового сока, а сам яростно писал что-то на листке бумаги. Он лишь однажды сделал паузу, чтобы

спросить:

— Ты же знаешь, что сказали Девять домов.

Повысив уровень сахара в крови, Нона была готова исповедаться.

— Да. Более чем. Чести пришел и рассказал нам, что они сказали по радио, а Табаско захотела это увидеть, и…

Она сделала паузу, но Паламед не заглотил наживку.

— Пирра исчезла раньше, чем мы что-то услышали. Она ушла за целый час до выступления. Нона, Корона сказала тебе что-нибудь об этом, пока провожала тебя до класса? Как тебе показалось, она в курсе?

Нона покопалась в памяти.

— Нет, она не сказала ни слова. Мы узнали об этом только после обеда, и я осталась, потому что Камилла не приехала за мной. Корона вообще ничего не говорила. — Это было не совсем правдой, а Нона была в настроении поговорить, поэтому она сунула кубик льда за щеку и продолжила: — Но Корона сказала Ангелу, что встречается с Камиллой, а я не возразила, прости, пожалуйста.

Паламед не настолько устал, чтобы не развеселиться — на смуглом серьезном лице Камиллы

это выражение казалось особенно забавным.

— Оставим это на совести Короны. Не волнуйся, Нона. Доешь этот кубик и возьми еще один. Ты почти в обмороке.

Затем он сказал больше себе, чем ей:

— Пирра, какого черта ты ушла полуготовая? Что там было настолько до хрена срочно, что ты даже не смогла забрать Нону?

— Два плохих слова, — сказала Нона, которая почти заснула и опасалась подавиться кубиком льда.

— Не включай помощницу учителя, Нона.

— Может, кто-то рассказал ей о трансляции, когда она шла за мной, — предположила Нона, — и она пошла посмотреть, как приземлится шаттл?

— Это не помешало бы ей забрать те… — Паламед в ужасе осекся: — Шаттл. Гребаный шаттл.

— Три, — сказала Нона, забыв о его просьбе.

— О боже, — сказал Паламед. — Пирра Две, господи… Нона, у тебя лед упал.

Последнее, что она запомнила, — это падающий кубик льда, и ничего после. Теперь будильник пронзительно звонил слишком далеко, чтобы можно было выключить его одной рукой и заснуть обратно. Наверное, Камилла вчера настроила его на такой ужасный звук. Нона по-

шарила вокруг себя и нажимала кнопки, пока шум не прекратился.

Она обнаружила, что совершенно одна в спальне, и запаниковала, пока не увидела одежду Камиллы и Паламеда, повешенную как обычно. Но рядом никого не было: ни Кэм с планшетом, никого. Это было первое утро на памяти Ноны, когда у нее не потребовали рассказать сны. Потом она услышала, что кто-то открывает кран, и раздались утешительные звуки мытья посуды.

Но это была не Пирра, из-за чего Нона почувствовала себя обделенной. Она не знала, что делать, раз ей не говорят, что можно одеваться, но в любом случае она уже была одета. Мгновение она беспомощно лежала, пока шум мытья посуды не прекратился и в дверях не возникла Кэм с одним из сине-белых полосатых полотенец, которыми Пирра вытирала все подряд.

— Нажми красную кнопку и скажи диктофону все, что помнишь. Я готовлю завтрак. Нажми вторую слева, когда закончишь. — И снова исчезла.

Ноне это совсем не понравилось. В прошлом сне перемешались отсутствие Пирры и девушка из передачи, так что она теперь сомневалась, было ли у девушки из передачи лицо девушки из сна или это все был какой-то долгий кошмар.

Она подумала о том, что неплохо было бы найти фотографию для подтверждения, но Кэм велела ей записать себя, а она уже забыла, какую кнопку жать. Лицо ее запылало от смущения, поэтому она стала нажимать кнопки наугад, и диктофон издал ужасные звуки. Она убавила громкость, чтобы Камилла не слышала, как она облажалась. Затрещали помехи, а затем она услышала усталый голос Камиллы из динамиков.

— …тят, чтобы она стала Харрохак, Страж.

Снова пластиковое эхо кнопок. Ответил тот же голос, но не тот же человек. Дальнейший разговор состоял из странных пауз, как будто говорили актеры, которые никак не могли запомнить порядок своих реплик.

— Да, но нам нужно задаться вопросом: почему? Они ненавидят некромантов гораздо больше, чем рабов-зомби. Например, Юдифь Дейтерос. Зачем им ликтор?

Еще одна пауза, еще один щелчок.

— Чтобы убрать З.В.?

Пауза. Щелчок.

— Не думаю. Кажется, что З.В. скорее помеха их плану, чем сам план. Сначала казалось, что они оставили Дейтерос в живых, чтобы посмотреть, смогут ли они сделать из нее ликтора, но теперь

я не знаю. Кажется, я верю истории Короны о том, что она — способ смыться отсюда… грубо говоря. Но им нужна Харрохак. По крайней мере, Ценой страданий точно нужна именно она. Не думаю, что крылу Мерва или надеющимся она вообще сдалась. По крайней мере, они на нее не полагаются. Мы снова возвращаемся к Гробнице, Кэм. Господи, как жаль, что я не вижу твоего лица.

Щелчок. Пауза.

— Посмотри в зеркало.

Пауза.

— Это не ты. Это я в тебе. Я продолжаю оборачиваться, чтобы увидеть тебя, но там никого нет.

Щелчок.

— Я знаю это чувство.

Пауза.

— Конечно, ты знаешь. Конечно, я говорю тебе то, что ты давно знаешь в глубине души. Я три четверти жизни рассказываю тебе то, что ты уже знаешь, и примерно одну шестую — то, чего ты не знаешь. И вот я здесь, в твоем теле, всего в нескольких минутах от пожирания твоей души. Камилла, это невыносимо. Я уничтожаю твою жизнь.

Щелчок. Пауза.

— Я бы взяла тебя с собой в любом случае.

Пауза.

— Что ты имеешь в виду?

Пауза. Щелчок.

— Я носила в себе тебя, Страж. И я носила память о тебе. Я предпочту тебя.

Щелчок.

— А как насчет ничего не таскать? Как насчет Камиллы Гект, независимой сущности? Свободной жить свою жизнь вне тени некроманта? Свободной от его планов?

Пауза.

— Ты думал, что это твои планы? Гм.

Щелчок.

— Я не могу даже думать о том, что использую тебя.

Пауза.

— Любовь и свобода невозможны одновременно, Страж.

Щелчок.

— И что, это можно любить? Просто находясь в твоей жизни, я придал ей смысла?

Пауза.

— Да.

Щелчок.

— Камилла, я серьезно.

Пауза.

— Я тоже. Ты мне это говорил.

— Мы одна плоть.

Щелчок.

— Я твой конец.

Пауза.

— Это не значит, что у меня есть право селиться в твоей душе. Я никогда бы не попросил об этом. У меня никогда не было на это права.

Щелчок.

— Конечно. Вот почему я дала его тебе.

Щелчок. Пауза. Пауза. Пауза.

— Надеюсь, ты знаешь, что я обожаю тебя, ученая.

Щелчок.

— Несомненно, Страж.

Пауза.

— Кэм, ты думала, что, если Нона на самом деле завершила слияние? То, что мы никогда не сможем распутать? Полностью закрытый гештальт?

Щелчок.

— Да.

— И как? Мысли?

Щелчок.

— Им повезло.

Еще одна пауза и тот же тон:

— Серьезнее. Сохраняй нейтралитет.

Пауза.

— Да, согласен. Принято.

Щелчок. Пауза. Пауза. Один из них заговорил, но Нона не смогла понять, кто именно.

— Насчет капитана и Короны…

А потом громко завизжали помехи, и запись сменилась собственным голосом Ноны:

— Вода-рот, вода-соль-рот…

И Камиллы:

— Во сне у них во рту соленая вода?

— Нн-нн.

— У тебя во рту?

— Мм-хм.

— «Да», если я все понимаю правильно, «нет», если нет. Соленая вода у тебя во рту?

— М-м. Да-а-а.

— Ты помнишь что-нибудь еще? — Еще через мгновение: — Лицо? Нона, ты показываешь на свое лицо?

Нона подняла глаза. Камилла стояла в дверях. Нона почувствовала, что щеки и лоб стали очень горячими, и она знала, что отчаянно покраснела, но лицо Камиллы сохраняло ровное выражение. Диктофон снова громко затрещал, и Нона яростно нажимала на кнопки, пока он не заткнулся. Тишина залила комнату, как холодная вода.

— Сколько мне тогда было? — выпалила она, не зная, что еще сказать.

— Два месяца. Иди умываться. Завтрак почти готов.

Два месяца, отстраненно подумала Нона. Младенчество, когда она ничего не могла делать и еле говорила. Это было так давно. Ей хотелось сказать, что она ничего не слышала, хотя она явно все слышала, но Камилла уже исчезла. В порыве отчаяния она стала крутить плеер, пытаясь найти местную радиостанцию, смутно надеясь, что будет еще одно выступление или хотя бы музыка. Пирра умудрялась находить станции, где еще играли музыку. Она учила Нону танцевать.

И кому Пирра теперь будет шутить шутки ниже пояса? Нона не знала. Внезапно ей стало грустно, и она ощутила ответственность за то, что рядом не было никого, чтобы послушать шутки Пирры.

В этом святом, возвышенном и весьма смятенном состоянии ума Нона оглядела себя и обнаружила, что она очень грязная. В порыве мужества она обтиралась мокрой губкой, пока не избавилась от грязи, запекшейся крови и пыли. Из-за ледяной воды ее кожа покраснела и покрылась пятнами. Она крикнула:

— Камилла, можно одолжить твою рубашку?

И с радостью услышала: «Конечно».

Она выбрала ту, что была немного великовата, зато приятно пахла Камиллой. Посмотрела в треснутое зеркало и решила, что прическа тоже сойдет. Косы немного растрепались, но все же выглядели прилично. Вооружившись таким образом, она вышла к завтраку.

— Садись, — сказала Камилла.

Нона села перед целым стаканом воды и миской с творогом с воткнутой внутрь ложкой. Жара уже становилась невыносимой. Крошечный холодильник жужжал так, будто был на последнем издыхании. Нона, очень желая быть хорошей, выпила всю воду и съела половину миски, подпитываемая самодовольством мученика, который так храбро себя ведет. Однако к тому времени, как она съела половину, ей стало совсем плохо, так что она положила ложку и сказала:

— Все.

И немного ужаснулась, потому что Камилла еле посмотрела на миску и кивнула.

Она хотела сказать: «Камилла, мне очень жаль, что я послушала твою секретную запись», но Кэм сидела перед ней и машинально совала в рот творог попеременно из двух мисок. Это было не похоже на человека, который будет ненавидеть

Нону вечно, пусть даже в движениях ее рук и плеч было что-то странное и неловкое.

— Кэм, — сказала она, собирая остатки храбрости, — мы собираемся ждать Пирру дома?

— Нет, — сказала Камилла, — ее нет уже почти двадцать четыре часа. Я торчала тут все это время. Мне нужно посмотреть трансляцию и выяснить, где Пирра. Мы отправляемся на поиски.

— Ой! К ней на работу, на стройку? — Нона немного повеселела. — Думаешь, она просто задержалась и спала у кого-то на диване?

Камилла пресекла ее.

— Нет. Страж говорит, что сроки не бьются. Пирра вышла до часа, когда она должна была забрать тебя. Либо с ней что-то случилось, либо она куда-то свалила намеренно. Если намеренно, то ей пришлось решать очень быстро.

— Откуда ты знаешь?

— Оружие осталось здесь.

Даже Нона поняла, что это значит, что Пирра не собиралась уходить далеко. Пирра любила свое оружие. Затем Кэм сказала неожиданное:

— Мы отправляемся на космодром.

Нона испугалась.

— Кэм, на космодроме бардак, все так говорят, а ты сама говорила никогда туда не ходить, нас

подстрелят раз двадцать.

Камилла сунула в рот последнюю ложку.

— Да, — согласилась она, — ты тоже идешь.

— Правда? Правда? Но я же никогда… Спасибо! Меня не застрелят! Кэм! Пожалуйста-пожалуйста, давай сначала зайдем в школу, я скажу, что пойду. Табаско и остальные остались совсем одни.

Увидев лицо Камиллы, она взмолилась:

— Я не уверена, что Ангел, ну, моя учительница, в безопасности, она вчера отвезла меня домой, она спасла мне жизнь, и я не могу уйти, не предупредив ее. Честное слово.

Она не ожидала, что Камилла будет колебаться. Она ожидала твердого нет. Но Камилла сказала:

— Хорошо. Страж хотел поблагодарить ее. Но, Нона…

Нона ждала.

— После этого ты, наверное, больше не пойдешь в школу и не увидишь друзей. Ты же понимаешь?

Нона расстроилась, но ожидала этого.

— Я знаю. Но я их люблю.

— Мы знаем, — сказала Камилла.

После этого Камилла пошла одеваться и прибираться в соседней комнате. Нона, сделав довольно много хорошего, решила сделать то, что ей нико-

гда бы не позволили сделать в обычной жизни: она подошла к окну, тихо сдвинула жалюзи и уставилась прямо на большую синюю сферу, висящую в небе. Ей так редко приходилось смотреть на нее отсюда. Сфера висела над утренним горизонтом и вдруг издала низкий стон, призывный клич на грани слышимости. Еле заметный шепот без слов.

— Ты можешь мне помочь? — прошептала Нона. — Можешь что-нибудь сделать? Знаешь, где Пирра?

Но сфера только грустно мычала, как корова.

— Все в порядке, — прошептала Нона, — прости за вопрос. Только не делай ничего странного, ладно? У меня сейчас достаточно проблем.

Жалюзи опустились как раз к возвращению Камиллы, которая помогла Ноне влезть в куртку, натянуть рукава, шапку и маску и зашнуровать ботинки. Камилла надела темные очки, и они вышли в Здание, как самым обычным утром.

В Здании кипела жизнь, как будто никто не ложился спать. Из-за дверей доносились голоса, кто-то двигал тяжелые коробки — никакого детского плача, только разговоры, тихие и торопливые. Почему-то Камилла на этот раз воспользовалась лифтом. Когда Нона спросила почему, Камилла

ответила:

— Экономь силы. Ты устала.

Лифт ехал на первый этаж так, как будто тоже испугался. На первом этаже обнаружилась людская цепь, передающая запечатанные коробки из какой-то кладовки на улицу. Еще один человек укладывал их в кузов грузовика. Никто не обратил на Нону с Камиллой ни малейшего внимания.

Дорога в школу без Пирры показалась долгой и одинокой, несмотря на огромное количество народу. В воздухе будто потрескивало электричество, весь город был словно напряжен и ждал громкого шума, словно смотрел, как собака играет с воздушным шариком, который вот-вот лопнет.

Очень много было ополченцев. Они все были одеты так же, как и вчера: полная броня, полнолицевые маски. Они ходили по двое и по трое, никогда поодиночке и никогда пешком, если можно было проехать на мотоцикле. Она услышала, как один из них сказал громко:

— Я просто делаю свою работу. Просто делаю свою работу.

Камилла обходила их по широкой дуге. Ноне стало жаль город: он не был ни в чем виноват. Он

оставался таким же высоким, нелепым и неуклюжим, как всегда. Они шли долгим кружным путем, избегая споров, сразу же уходя от громких голосов и характерных движений плечами. К тому времени, как они дошли до школы, солнце почти взошло.

Положив руки на стекло и посмотрев между ними в фойе, Нона заметила движение. Она постучала, и ей открыл Чести, который торчал там с Кевином и Красавчиком Руби; она обрадовалась и захлопала в ладоши.

— Ты здесь! Ты пришел! Я думала, ты не придешь, — восторженно сказала Нона, обнимая Чести за плечи. — Чести, ты же говорил, что больше не придешь, что пойдешь работать.

— Мне же нужно кормиться, — сказал Чести, — я взрослый мужчина.

При виде Камиллы он покраснел и сказал:

— Нона, хватит, прекращай меня любить.

Но она уже обнимала Красавчика Руби, который поступил еще лучше:

— Ну и штучка, Нона, ты что, правда сбежала…

За его старания Чести и Нона ткнули его под ребра, так что он закончил во весь голос:

— В туалет!

И они все перешли на шепот.

— Она не знает! Не говори ей, — прошипела Нона.

— Молодец, парень, отлично сработано, — сказал Честн.

— Нечего надо мной издеваться, — буркнул Руби, — я просто хотел узнать, как дела у Ноны. Ее, между прочим, могли сгрести с дороги лопаткой. Я там был, и они просто жнут людей. Я типа видел чью-то руку.

— Фу, — сказал Кевин.

— Я ничего не видела, — прошептала Нона. Кевин был прямо тут, и ей хотелось его обнять, но в толпе это было невозможно, поэтому она наклонилась, и он спокойно взял ее за руку, а другой рукой дергал молнию на куртке вверх и вниз. Его рука оказалась такой липкой, как она и думала.

— Мы с Табаско убежали, нас не раздавили.

— Почему Табаско взяла не меня? — спросил обиженный Честн. — Я ее лейтенант, а ты даже по лестнице спуститься нормально не можешь.

Красавчик Руби заговорил торопливо:

— Ангел отвезла нас по домам. Она страшно разозлилась, когда Лапша пришла с запиской. Очень круто. Я думал, вы попадетесь. А где босс?

— Спала у Ангела, наверное.

Оба мальчика закричали, уже не заботясь о

производимом шуме. Камилла, которая прислонилась к выщербленному столбу, никак не отреагировала. Было ужасно легко забыть, что Камилла рядом, если она сама этого хотела.

— Ангел сказала, что Табаско не должна оставаться одна, и она подвезла нас обеих на грузовике, у нее был водитель и все такое.

Услышав это, оба застонали от зависти.

— Наверное, у нее есть собственные экраны, — сказал Чести.

— Держу пари, что она живет в одном из тех далеких кварталов с воротами, — решил Руби, — нечестно. Твои должны были обеспечить укрытие.

— Ей не нужно укрытие, она уже почти взрослая, — возразил Чести.

— Но она такая стерва, что они могли забыть, — продолжил Руби, — этот ее сутенер меня пугает.

Нона возмущенно посмотрела поверх головы Руби, но Камилла смотрела сквозь щели в заколоченном окне с другой стороны стойки, очень далеко. Она заколебалась и сказала:

— Никому не говорите, но моя… Пирра не приходила домой со вчерашнего дня. Только никому.

Красавчик Руби мгновенно и очень доброжела-

тельно сказала:

— Не скажу. Не волнуйся, Нона, сутенерство — это непростая работа, и тебе придется пройти через это. — Она повернулась к нему, и что-то в ее глазах и лице заставило его замолчать и закричать: — Шутка! Это была шутка. Боже мой, не злись на меня, прекрати.

— Мы собираемся пойти посмотреть, — прошептала она, успокоившись, — мы с Камиллой.

— Ты о трансляции? — проницательно спросил Чести. — Есть вероятность…

Он скорчил ужасную рожу, вывалив язык и закатив глаза глубоко в череп.

— Я так не думаю, — сказала Нона, пытаясь вернуть себе самообладание и не впасть в истерику. Истерика была близка. Она чувствовала себя очень хрупкой, как говорила Пирра после долгих вечеров. — Пирра очень умная и не пострадала бы.

Красавчик Руби обиженно спросил:

— Почему нормально спрашивать, не убили ли твою семью, но нельзя говорить, что кто-то сутенер?

— Это называется такт, чувак, — объяснил Чести, — тактичность.

— Какая в задницу тактичность? Серьезно. А

ну объясни.

Глаза Ноны защипало, и она поспешно сменила тему:

— А где Утророжденный?

Они замолчали, и Нона поняла ответ. Чести сказал беззаботно:

— Эти его чертовы папаши наверняка уже вступили куда надо. — И засмеялся, как будто это была шутка. Но отсутствие Утророжденного удручало, и все это чувствовали. Казалось странным, что все они были здесь, даже Кевин, даже Чести, а вот Утророжденного не было.

Казалось, что они уже не вместе, они не банда. Воцарилась тишина, а потом в дверь снова постучали. Нона увидела, как Камилла вздрогнула на другом конце комнаты, и Чести бросился вперед. Это оказались Ангел, Лапша и Табаско.

— Чести, ты, кажется, первый раз пришел вовремя, — заметила Ангел, увидела Камиллу и после секундного колебания протянула ей маленькую твердую руку и сказала голосом, каким разговаривают друг с другом взрослые:

— Маниакальная фаза, так?

— Зона боевых действий. Я хотела тебя поблагодарить.

Ангел не приняла пас.

— Ерунда, я ничего не делала, просто подвезла коллегу. Вечер вчера выдался необычный. Поднимайся наверх, поговорим после того, как я устрою детей. Кажется, это последнее — и единственное, — что я могу сделать. Не думаю, что мы сможем долго работать. Другая учительница уже прислала мне сообщение. По ее мнению, мы не должны проводить уроки, пока все не уйдут с улиц. Кто знает, когда уроки возобновятся? Давайте наверх, вы все, — поторопила она, прежде чем Кэм успела отказаться. Поднимаясь по лестнице, она добавила: — Видела вчера твою партнершу.

Кэм ошеломленно затихла.

Все толпой поднялись наверх в гардероб, сложили свои вещи, как обычно, и вошли в темный тихий класс. Ангел включила свет, и они расселись по своим партам, разбросанным по всему классу, потому что милая учительница всегда говорила, что она ни в коем случае не позволит им сидеть вместе. Нона устроилась за своим столом помощницы учителя сзади и удивилась, когда автоматически действующая Камилла кротко села за неиспользуемый стол в заднем ряду — один из больших столов, за которыми сидели старшие девочки. Колени ей все равно пришлось задрать. Лапша направилась к лежанке под доской, где

устраивалась всегда.

— Все в порядке? — спросила Ангел. — А ваши семьи?

Раздался слабый хор согласия, но затем вмешался Красавчик Руби:

— Сладкая говорит, что раз зомби вернулись, нас больше не могут зарезать на улице, так что нужно делать то, что они скажут.

Ангел подняла обе брови.

— С каких это пор ты зовешь маму по имени?

Красавчик немного покраснел.

— Я больше не буду называть ее мамой, она перешла на их сторону.

— Она слабая. — Табаско заговорила впервые.

Ангел испытующе посмотрела на Табаско. Ноне показалось, что что-то между ними изменилось, что они не такие, как вчера. Все усложнилось, теперь Табаско была не просто их лидером и защитником Ангела. Может быть, Табаско попала в беду. Но Ангел не выглядела рассерженной, она просто смотрела на нее внимательнее, с большим интересом. Она сказала:

— Ну, быть сильным — это дар, и когда тебе приходится быть сильным за кого-то, кроме себя, это становится очень сложным. Я не знаю, как это объяснить хорошими словами, — добавила она

извиняющимся тоном, — и не хочу зачитывать тебе акт о массовых беспорядках. Наплевать на то, что говорят люди… надо смотреть, что они делают. Люди говорят что угодно, потому что открыть рот очень просто. Только поступки показывают, кто люди на самом деле.

— Что, если кто-то скажет: «Я некромант»? Нужно подождать и посмотреть, что он будет делать дальше? — поинтересовалась Табаско.

Нона осмелилась взглянуть на Камиллу. Та сидела в идеально неподвижной позе, лицо за темными очками казалось маской, но слушала так внимательно, что Нона даже засомневалась, Камилла ли это. Сидела она так, будто была прикручена к полу. Остальные были поглощены перепалкой между своим лидером и Ангелом и с нетерпением ждали ответа Ангела.

— Что, прямо сейчас? Конечно нет, в этом случае быстро беги в противоположном направлении. Нет, Табаско, драться не надо, — сказала она, когда Табаско открыла рот. — Раз уж ты такой параноик, не будь хотя бы лицемеркой. Если ты боишься некромантов, беги от них. Если это действительно некромант, то нет смысла с ним драться. Это как большое животное, ты не навяжешь ему свою волю. А если думаешь, что

да, то ты в большой опасности. Я на своей первой работе об этом узнала.

— Вы боитесь некромантов? — спросил Чести.

— Ужасно. Видишь ли, я родилась на Лемурии.

Чести длинно присвистнул. Красавчик Руби уставился на свои ноги. Табаско мгновенно расслабилась. А вот Камилла спросила:

— И что случилось на Лемурии?

Ангел взглянула на Кевина, который устроился за партой, прижав колени к груди. В руке он держал один из своих ластиков с нарисованным лицом и водил им по столу так, что оставались восковые полосы.

— Что всегда. Планета долго была под договором. Мы были третьей волной поселенцев. Они построили Полумесяц на костях двух других городов, нельзя было копнуть и не наткнуться на останки неизвестных людей. Микробная популяция не проявляла признаков серьезного распада, пока море вдруг не стало анаэробным. Оттуда полезли такие твари… они, казалось, мутировали все одновременно… Дома отказались от поддержки, сказали, что подготовят нас к скорейшей эвакуации, но оставили в казармах минимальный гарнизон. Мы расконсервировали старые тайники с техникой и использовали ее.

На морских мутантах, на животных, которые тоже изменились, друг на друге, на Домах, когда те увидели, что мы на что-то годимся, и вернулись, чтобы снова взять нас под контроль. Кровь Эдема тоже там была. И в конце концов Дома победили, и большинство из нас сдалось, и нас перевезли. Еще два переезда — и я здесь. На Лемурии до сих пор что-то осталось, разумеется. Десять лет спустя Дома сделали ее безопасной для переработки геополимеров. Наверное, там очень пустынно.

— Что там добывают? — спросила Камилла.

— Микросиликаты, цеолиты. Промышленные пески.

Камила поправила очки на переносице и сказала тихо:

— Наверное, это ужасно.

— Я была директором зоопарка. Я занималась крупными гоминидами. Мы пытались выяснить, возможно ли их спасти. Нам пришлось усыпить всех животных, когда Дома ушли. Это правда было ужасно.

— Так нельзя, — сказал Чести.

— Нельзя, но что ты можешь сделать? Иногда приходится уступать, чтобы никто не пострадал, — сказала Ангел.

— Не, я не про это. Плохо так обращаться с жи-

вотными, но я думал, вы настоящий доктор.

— Я звериный доктор, Чести. Но в клинике я много узнала о человеческой медицине.

Чести переварил это.

— А где взять транки для животных? Они дорогие.

— Отвали, Чести, — снисходительно сказала Ангел, совсем не похожая на учителя.

Красавчик Руби, на которого рассказ произвел куда большее впечатление, забарабанил по столу.

— Я не могу позволить Сладкой так поступить. Я не хочу, чтобы нас снова перевозили. Раньше мы жили в доме, а теперь живем в дыре, а дальше что? Я должен остановить ее.

— Но твоя мама не некромант, — возразила Ангел, — люди, говорящие «давайте не будем драться, давайте переселимся», нам не враги. Если видеть мир черно-белым, ты не сможешь мыслить гибко.

Красавчика Руби все это не убедило.

— Она ставит меня в неловкую ситуацию. Она нас подводит. А если она скажет это на улице, ее и побить могут.

— От неловкости еще никто не умирал, — сказала Ангел, — попробуй понять ее точку зрения…

и подожди, пока она что-нибудь сделает. А ее собственную безопасность доверь ей.

Нона подняла руку. Ангел сказала:

— Нона, ты здесь работаешь и можешь просто говорить.

— У нас будут нормальные уроки?

— Ты имеешь в виду сегодня утром? Да, насколько это возможно и насколько я справлюсь, — плохо, что я не могу преподавать математику, не могу начать учить тебя читать и писать, не хочу преподавать историю, но зато хочу уберечь вас, идиотов, от неприятностей. Так что я решила, что этому и буду вас сегодня учить. Как избежать неприятностей.

Ангел достала из сумки большой рулон кальки, усадила всех за стол, даже Кевина, которому пришлось сесть на столешницу, и развернула лист перед ними. Камилла не подошла, что удивило Нону. Она сидела, скрестив руки и пристально глядя на Ангела. Нона посмотрела на кальку и не поняла, что это такое, но Ангел тут же любезно пояснила:

— Это схема города, вид сверху. Вот, смотрите, это центр, где некоторые из вас недавно побывали, — она посмотрела на Нону и Табаско, и Нона покраснела, — а вот и мы.

Она опустила палец на несколько улиц, сделала несколько зигзагов и постучала по другому фрагменту рисунка. Нона все еще не могла понять, как движение пальца соотносится с их с Табаско экспедицией, и не могла осознать формы и высоты. Карта была слишком плоской. Набор квадратиков, линий и закорючек. А вот Красавчик Руби, кажется, все понял. Он указал на участочек карты.

— Этого больше нет.

— Водоочистительные сооружения. Нет. Их взорвали в самом начале в попытке выкурить Когорту — это армия Девяти домов — из казармы. Очень глупо. И этого нет, большого террасного кладбища. Его сравняли с землей к чертовой матери. А вот это не так глупо… хотя за стеной много захоронений в песке, так что это просто приступ оптимизма. Руби, закрась это красным.

Красавчик Руби взял красный маркер со скошенным кончиком — не какой-нибудь восковой мелок или толстую ручку, а взрослую вещь, на которую все смотрели с восхищением, — и аккуратно закрасил кусочек карты. Ангел пояснила:

— Туда, где закрашено красным, мы ходим, только единственная альтернатива — утонуть в выгребной яме. Ясно?

— Я был на том кладбище, — сообщил Честь, — там только палатки и бетон.

— Да, но все думают, что именно туда некроманты направятся первым делом, а люди обычно сначала стреляют, а потом задают вопросы. А в худшем случае там может оказаться и некромант. Конечно, мы думаем, что они страдают синим безумием, но мы знаем только то, что ничего не знаем. Я хочу, чтобы вы сделали это своим девизом: «Мы знаем только то, что мы ничего не знаем».

Ноне очень понравился этот девиз. Он очень точно описывал ее жизнь. Ангел дала Честь еще маркер и попросила:

— Найдешь Южные ворота? Раскрась их.

— Только для вас, — сказал Честь, как будто иначе он отказался бы. Найдя Южные ворота, он раскрасил их. Маркер оказался синим. Ангел продолжила:

— Это хорошее место для экстренной ситуации. Как думаете почему?

Нона машинально ответила:

— Потому что там есть доступ к дороге из города, есть водяной насос и земля устойчива, а также это неприоритетная цель для любого вида орбитального удара или бомбардировки.

Все посмотрели на нее. Затем посмотрели на Камиллу, сидевшую в заднем ряду. Камилла не шевельнулась. Она нашла где-то лист бумаги и яростно писала на нем, и Нону даже не похвалили, хотя она явно этого заслуживала — потому что этому всему ее научила Камилла.

— А что такое бомбардировка? — подозрительно спросил Красавчик Руби.

— Понятия не имею, — гордо ответила Нона.

— Интересная у тебя семья, — медленно сказала Ангел, глядя на Камиллу, — я имею в виду, что ты совершенно права — если вам придется бежать, бегите туда и держитесь поближе к дороге. Я не думаю, что городские дети вроде вас смогут выжить в открытой пустыне. Но там еще осталось много зданий, например таможня, крепкие стены, за которыми можно спрятаться от стихий. Идите туда, идите вместе, но друг друга не ждите. Хорошо передвигаться группами, но не оставайтесь там, где опасно, даже чтобы найти других. Не беспокойтесь об оружии или даже о еде. Важнее всего вода. Что бы ни случилось, это будет быстро. Ясно?

Нона посмотрела на Табаско, пока остальные соглашались неохотным хором. На лице Табаско не было удивления, не возникало ощущения, что

она воспринимает новую информацию. Темные глаза смотрели с обычной внимательностью. Нона подумала, что Ангел ей уже все рассказала, и эти подозрения подтвердились, когда Ангел сказала:

— Табаско, какое здание ты бы выбрала?

Табаско автоматически ткнула пальцем на одинокий квадратик за пределами города.

— Я тут уже пряталась. Старая сторожевая башня. Идите по дороге. Белое здание с ограждением на крыше. Никому не нравится. Кажется, что одна из опор утонула в песке, но оно прочное. Внутри кое-что есть.

— Так точно, босс, — сказал Честь.

— Если попытаешься продать что-нибудь, что у меня там лежит, — ровным голосом сказала Табаско, — я тебя убью.

— Я бы не стал продавать ваши вещи, — обиделся Честь. Табаско молчала, и он добавил: — Обещаю, обещаю. Я же твой мальчик, Табаско.

— В принципе, продать ненужное — неплохая идея. Обменять скорее, — весело сказала Ангел, — но я уже говорила, что все пройдет быстро, и вам может даже не понадобиться убежище. Но если в городе начнется серьезная стрельба, не хочется оказываться рядом.

— Но ведь некроманты больше ничего не могут сделать, — сказал Красавчик Руби.

— Это мы так думаем, — возразила Ангел, — но теперь у них есть ликтор.

Нона вздрогнула от этого слова, услышав его в настоящем мире. Ангел заметила это и сказала уже мягче:

— Не волнуйся так. Даже ликтор мало на что способен из-за синего безумия. Очень, конечно, интересно, как они вообще сюда добрались. Я даже не уверена, что они смогут выжить на поверхности, если учесть, как сейчас обстоят дела. Но при этом, если у некромантов нет больше некромантических способностей, они могут просто завалить нас снарядами. Как раз об этом я и говорю. Не стоит оставаться в городе, который подвергается обстрелу. Многие люди собираются валить, а в интересах Домов — чтобы население оставалось на месте. Значит, вам нужно найти золотую середину. Ясно?

Сверху послышалось шипение. Свет внезапно погас. Все посмотрели наверх, и свет снова загорелся, но уже гораздо тусклее. Откуда-то из коридора донесся скрежет и стук.

— Все ждала, когда это случится, — сказала Ангел, — кажется, это наши колеса.

— Генератор? — спросила Камилла.

— Да. И он продержится всего час или два, это хрень. Не хочу оставлять здесь детей с неработающими электронными замками. Наверное, пора заканчивать с уроками. Карту я повешу здесь. Чести, Табаско, попытайтесь это запомнить. Синяя зона, красная зона, безопасный квадрат. Проверьте друг друга. Остальные, давайте обчистим холодильник. Берите все, что есть, домой, семьям. Ну, шевелитесь.

Это было сказано тем же тоном, каким Ангел велела доставать пособия для урока естествознания, так что все повиновались не задумываясь. Красавчик Руби и Чести немного поныли, что хотят еще уроков (Чести хотел больше уроков!), но упрашивать их ограбить холодильник не пришлось. Табаско, необычайно мягкая и активная, помогла прикрепить карту на доску и убрать стулья. Нона думала, что именно в этот момент Камилла отведет ее домой, но это оказалась не так: Камилла сидела в конце класса, погруженная в свой собственный мир, сгорбившись над листком бумаги, как будто больше в комнате никого не было.

Поэтому Нона занялась тем, что нашла все вчерашние рисунки и отметила на обороте авторов

— не самая сложная задача. Кевин все еще не умел рисовать и не хотел учиться. Утророжденный рисовал неплохо, но только кошек. Он говорил, что просто очень их любит, но все знали, что он не умел рисовать ничего другого. Табаско принадлежал бледный невнятный портрет Лапши — как будто на самом деле она рисовала призрака Лапши. Чести всегда изображал на всех своих картинах себя, так что Красавчику Руби оставалась только одна картинка. Ну а свой рисунок Нона, очевидно, знала. Она разгладила листки и потрясла над раковиной, стряхивая крошки грифеля, а потом подошла к Ангелу, держа их перед собой. Ангел взяла их.

— Да, неплохо бы взять их с собой. Напоминание о нормальных временах.

— Мы никогда не вернемся? — спросила Нона.

Ангел вздрогнула и прижала палец к губам, но остальные были слишком заняты ссорой из-за желтых ягод и того, стоит ли делиться ими с Утророжденным.

— Незачем, — говорил Красавчик Руби.

— Надо, — возразила Табаско, и на этом все закончилось.

В общем, всем было плевать, что Нона сказала Ангелу. Ангел полистала рисунки и тихо ска-

зала:

— Это выступление все изменило, Нона.

— Да, я знаю, — грустно откликнулась Нона.

— У нас есть обязанности.

— Я думала, ты сама себе босс.

— У меня много начальников, — возразила Ангел.

— Сколько?

— Миллионы, — ответила Ангел, и, судя по развороту плеч, это была чистая правда, — не беспокойся пока, Нона… я не помогаю и веду себя не слишком хорошо… просто иногда наступает момент, когда тебе приходится отделять поступки, которые ты совершаешь, чтобы чувствовать себя хорошей, от поступков, которые…

Ангел осеклась на полуслове, и Ноне показалось, будто у нее случился сердечный приступ, что ей вдруг стало невероятно больно. Она смотрела на самый верхний рисунок в стопке. Нона взглянула, готовая извиниться за очередной анатомически точный набросок Чести.

— А, это мой. — Она очень надеялась, что это поможет и расколдует Ангела. — Не волнуйся, это я нарисовала.

Ангел на мгновение потеряла дар речи. Затем она посмотрела на бумагу, затем снова на Нону и

опять на бумагу.

— Конечно, — сказала она, как будто все было нормально и она не повела себя так, как будто ее ткнули ножом. Отложила рисунок в сторону и сказала: — Раздай остальные, ладно?

И улыбнулась Ноне, но это была очень странная улыбка, как будто Ангел забыла, как вообще работают улыбки. Нона немного удивилась, но, в конце концов, время было такое, всем сложно, поэтому она раздала все рисунки авторам.

— Я возьму рисунок Утророжденного, — решил Красавчик Руби, — мой мне не нужен, а какая разница.

Нона не стала спорить.

Когда все собрались, друзья Ноны сгрудились в раздевалке, где их не могли услышать. Табаско собрала их там. Ангел подошла к ним и сказала:

— Удачи, берегите себя, — и пожала руку каждому по очереди, кроме Ноны и Табаско. Она даже специально пожала руку Кевину. Никто не нашелся с ответом, кроме Чести, который крикнул:

— Спасибо, мэм.

Затем все потратили немного времени, чтобы погладить Лапшу, которая сидела рядом с Ангелом и даже протянула лапу по просьбе Руби, что всех очень порадовало. Потом Ангел ушла в класс

вместе с Лапшой, все натянули свои куртки и накидки, а Нона и Табаско не стали их застегивать. Шапки и маски у всех болтались как попало. Настроение было мрачное, и все жались поближе друг к другу.

— У тебя есть копия карты, босс? — спросил Чести.

— Да. Ты ее запомнил?

— Ага. У тебя там правда что-то есть? Типа оружия?

— Заткнись. Тебе не нужны деньги. Кто отведет Кевина домой?

— Разве не ты? — спросил Красавчик Руби.

— Не могу.

— Я отведу, — вежливо сказал Чести, — раз аврал.

Табаско сделала выражение лица, которое, как все знали, у нее соответствовало улыбке и за которое кого угодно другого, даже Нону, просто ударили бы по лицу. Они с Чести обхватили друг друга за запястья. Нона слабо спросила:

— И что теперь? Мы больше не увидимся?

— Мы будем вместе, когда будем нужны друг другу, — сказала Табаско, — у нас есть куда пойти. Там кое-что припасено. Приводите семьи. Я присмотрю за вами. Я знаю как.

— Даже мою маму, босс? — спросил Руби.

— Даже твою маму.

Красавчик Руби явно успокоился.

— Плюнем на руки, — предложил Чести, но все были в перчатках и никто не хотел их снимать. Табаско вытянула руку, Нона положила руку на ее руку, Чести положил руку на руку Ноны, Красавчик Руби положил руку на руку Чести, а Кевину пришлось просунуть руку вниз, потому что до верха он не дотягивался.

— Нехорошо без Утророжденного, — сказал Чести.

— А мы и за него тоже, — сказала Табаско, — давайте поклянемся защищать друг друга и умереть друг за друга. Мы будем верны друг другу всегда. Любой из нас, кто убьет зомби, убьет его за всех и так и скажет. Вот и все.

— Клянусь, — сказал Чести.

— Клянусь, — сказала Нона.

— Клянусь, — сказал Красавчик Руби.

— Кевин, — сказал Кевин, у которого от стресса и клятвы глаза стали большими и круглыми. Им пришлось подбадривать его, пока он не сказал «клянусь».

— Клянусь, как ваш босс, — сказала Табаско, и они отпустили руки.

— Вот и хорошо. Идите по домам.

Они забросили рюкзаки за плечи, а Нона и Табаско проводили их вниз. Там их ждал огромный сюрприз.

— Рожденный! — завопил Чести и распахнул дверь. Там сидел Утророжденный, страшно смущенный, и отряхивался. Они столпились вокруг него, задавая вопросы.

— Почему ты не был в школе?

— Как ты пришел?

— Почему ты не позвонил в звонок?

— Не сработало. — Утророжденный покраснел. — Я на самом деле не пришел, я хотел просто вас увидеть. Я убежал.

— Твои отцы с ними? — спросила Табаско.

— Ага.

Ну и ладно.

Так что им пришлось дать клятву заново, и Красавчик Руби загрузил Утророжденного пакетами, и тот даже не выпендривался, а просто обрадовался. Когда они снова клялись, Красавчик Руби в шутку сказал «Кевин» вместо «Клянусь», так что все попадали со смеху. Все говорили: «Кевин», пока Кевин не обиделся и не попросил над ним не смеяться, и все снова расхохотались.

Они были счастливы, глядя, как уходят Чести

и остальные, не напуганы и не обеспокоены. Красавчик Руби ушел с Утророжденным, одной рукой привычно обнимая его за шею и тихо разговаривая. Дверь больше не запиралась, поэтому Нона и Табаско подперли ее стулом, и Нона взяла Табаско за руку, поднимаясь по лестнице.

— Хорошо, что пришел Утророжденный.

— Мы можем не увидеть его какое-то время, — сказала Табаско, — Эдем идет сквозь людей, как сквозь воду.

Это испортило всю радость Ноне.

— Ты же не думаешь, что он умрет.

— Нет. Я думаю, что нам придется подождать, пока умрут его отцы, — философски сказала Табаско, — он придет к нам, только когда большинство из них будет мертво. Тогда мы сможем его забрать. Его отцы — обуза.

18

Когда они вернулись в класс, Камилла уже вылезла из своего угла и приносила пользу, отключая электрооборудование и складывая стулья. Ангел писала что-то на доске.

— Я провожу инвентаризацию, — ответила она на вопрос Ноны, — если нас будут грабить, не хочу, чтобы они разгромили все детские вещи, пытаясь найти что-то ценное. Табаско, можешь выйти в коридор и выключить генератор? Я знаю, ты умеешь, но не забудь потом слить жидкость.

Нона пошла за Табаско, очень заинтересовавшись процессом, но Ангел попросила ее подождать.

В руке у нее был листок бумаги. Когда Табаско закрыла за собой дверь в класс, Нона и Камилла подошли. И вдруг Камилла поступила очень странно: она споткнулась. Зацепилась за завернувшийся край ковра и чуть не упала на Ангела, обхватив ее руками за бедра. Она с трудом выпрямилась и проговорила:

— Прости, пожалуйста, — глядя в сторону, в окно, как будто смутилась. Потом повернулась обратно и стала выглядеть более привычно. Те-

перь Камилла стояла так изящно, как будто не спотыкалась никогда в жизни.

— Один из этих дней, да? — спросила Ангел.

— Да, — сказала Камилла.

Ангел возилась с листком бумаги.

— Я могу задать Ноне вопрос?

— Она не обязана отвечать, — тут же сказала Камилла.

— Конечно нет, — согласилась Ангел.

Нона, которая полагала, что вполне может говорить сама за себя, сказала:

— Я попробую, но если ты хочешь проверить меня на карте, я не думаю, что у меня получится. Я хочу взять ее домой и изучить там.

Ангел показала ей листок бумаги. Это снова был ее рисунок. Возможно, Ангелу он просто понравился. Нона была готова проявить великодушие, если Ангел захочет оставить его себе. Она думала, что сможет нарисовать это снова, если захочет, ведь она даже не старалась.

— Как ты это нарисовала?

Этот вопрос так смутил Нону, что она сначала не поняла, что ответить. Ангел положила перед ней лист бумаги — она узнала каракули, которые рисовала, думая совершенно о другом, как раз перед тем, как они с Табаско сбежали смотреть

трансляцию, и ответила, смертельно озадаченная:

— Руками?

— Ты где-то его видела на картинке? — резко спросила Ангел.

Нона посмотрела на нарисованное ею животное и подумала, что поняла вопрос.

— Нет, сама придумала. Оно работает, честно. Видишь эти штуки? Это уши, — сказала она почти тем же тоном, каким объясняла бы картинку Кевину, — тут вот нос, но я его не рисовала, а это рот. Когда он родился, он жил в реке, но потом стало холодно, поэтому ему пришлось стать большим. Я знаю, что ноги не могут вращаться, но ты ведь не думаешь, что это глупо?

Она посмотрела на Камиллу и Ангела.

— Что-то не так?

Ангел посмотрела на Камиллу, а не на Нону.

— Я уже видела изображения этого животного, — медленно и осторожно сказала Ангел, — потому что брала специальный курс в университете. В молодости я ходила в специальную зоологическую школу на Миро и посещала целую кучу лекций по археологии. Я была активисткой. Политической. И там я видела картинку.

— Ну ладно, — сказала Нона.

Камилла сказала, глядя на рисунок:

— По-моему, раньше я такого не видела.

— Вряд ли, — согласилась Ангел, — это зверь из колыбели.

— Где-то я слышала эту фразу, — сказала Камилла.

— А ты? — спросила Ангел.

Нона не знала, что сказать. Ангел и Камилла, кажется, тоже, и все они на мгновение замерли, пока Нона скрипела мозгами. Камилла сняла темные очки, аккуратно сложила их и положила в нагрудный карман. Тихо спросила:

— Могу я задать вопрос?

Нона взглянула на лицо Камиллы, просто чтобы убедиться в своей правоте.

— Давай, — сказала Ангел, улыбаясь, хотя в ее глазах не было и следа улыбки.

— На Лемурии или где-то еще, — спросил Паламед, — тебе когда-нибудь делали операцию или ты получала иную медицинскую помощь от Девяти домов? Даже если ты этого не помнишь. Тебе не ставили импланты? Ты говорила, что общалась с археологами. Это были ученые Домов? Ты встречала каких-либо некромантов, которые проводили над тобой манипуляции?

Нона была так потрясена, что забыла, как ды-

шать. Паламед нарушил не одно правило, он нарушил их около пятидесяти. Выражение лица Ангела вернуло ее к реальной жизни: оно стало таким ужасным, что Ноне было больно смотреть. Морщинки в углах глаз и рта застыли. Она внезапно стала старше и измученней — вместо «маленькой и бодрой» ее теперь стоило называть «маленькой и увядшей».

Паламед был вынужден мягко сказать:

— Я не хочу причинять тебе вред.

И тут у его ног раздалось странное пронзительное жужжание. Лапша поднялась из корзинки, вздыбила шерсть на боках, как будто ее ударили током, и зарычала. Нона никогда раньше не слышала рычания Лапши. Она разразилась лаем и обнажила острые желтые зубы.

Ангел очнулась.

— Чертова псина. Отведу ее на кухню и дам игрушку. — Она за ошейник потащила Лапшу в кухню, взяв с собой свой большой черный рюкзак. Через несколько секунд она вернулась, все еще серая и изможденная, но куда более решительная и, кажется, успокоившаяся. Под веснушками кожа казалась серой, а губы сжались в тонкую напряженную линию, но она уже вытянулась во весь свой не слишком впечатляющий рост

и встала перед Паламедом, как будто ничего не боялась. Нона по-прежнему различала ужас в движениях ее губ, рук и ног.

В этот момент свет наконец погас. Нона подумала, что Табаско закончила возиться с генератором. Комната погрузилась в жаркую черную тьму. Ангел подошла к окну и беззаботно раздвинула плотные шторы и жалюзи, так что синий свет растекся по полу, вернулась к учительскому столу и села на него.

— Нона, не хочешь посидеть с Лапшой? — Та слышно скулила за дверью. — Она в твоем присутствии сразу успокаивается.

Нона заколебалась, но ее не допустили до слишком многих разговоров, отправляя делать что-то якобы хорошее. Нона угадала план Ангела по быстрым движениям глазных яблок и сглатыванию. Она сказала извиняющимся тоном:

— В норме я бы согласилась, но сейчас хотела бы остаться, если можно.

— Ты уверена? Можно же подслушивать под дверью, — откровенно сказала Ангел.

— Уверена.

Ангел провела пальцами по лицу, коротко коснулась век большим и указательным пальцами. Откинулась назад на спинку стула. Паламед не

стал садиться, а вот Нона устроилась в одной из луж синего света, наслаждаясь его прикосновениями и не думая больше ни о чем.

— Знаешь, моя коллега считает тебя проституткой, — Ангел потерла ладони, — по-моему, совсем не похоже.

— То, что я знаю о секс-работе, можно уместить в чайную ложку, и там еще место останется, — сказал Паламед. — Ты знаешь, что дети зовут тебя Ангелом?

Губы Ангела изогнулись. К ней частично вернулось самообладание, и она снова заговорила учительским тоном — тем, которым поясняла, каким образом носок может изолировать кубик льда.

— Да, у них очень странные взгляды на мое… прозвище. Боюсь, дело в Табаско. Она подслушала несколько разговоров, которые не понимает. Я ничего об этом не знала до вчерашнего вечера. Дети обычно называют меня «мисс» или «мэм». Обычно «мэм», чтобы Джоли могла быть «мисс», ну а Нону они зовут просто Ноной.

— Что за имплант? — спросил Паламед. — Пожалуйста. У нас совсем мало времени.

Ангел заколебалась.

— Скажи, — она облизала губы, — Нона тебя

послушает, если ты отправишь ее на кухню?

— Я могу попросить ее об этом, если для тебя это важно. Но она взрослый человек, который может принимать собственные решения.

— Это не имеет значения. Я приняла решение. Я хочу остаться, — сообщила Нона.

Услышав это, Ангел вообще перестала смотреть на Нону. Вместо этого она выдержала пристальный взгляд Паламеда, и ее взгляд тоже стал жестким, как будто она надела шоры и смотрела в одну точку.

— Почему тебя не берет синее безумие? Кто ты и сколько из вас еще живы? Так и думала, что излишне оптимистично считать, что большинство из вас мертво.

Паламед двинул тело Камиллы вперед, и Ангел сказала быстро:

— Не двигайся, пожалуйста. Если ты сделаешь хоть шаг, я… выпрыгну в окно, если понадобится. Ты сможешь узнать все, что сможешь, от моего мертвого тела, но раз уж ты настолько хороша, у тебя может возникнуть подозрение, что мое мертвое тело будет возражать.

Паламед поднял руки вверх.

— Я остаюсь на месте. Я не хочу причинить тебе вред, я не буду тебя принуждать, у меня нет

мысли причинить тебе вред, и я тебе не враг.

— Ты родилась моим врагом, — сказала Ангел очень грустно и очень устало, — или, что еще хуже, ты стала моим врагом… за последние пять минут. Сделав то, чего уже не вернуть.

Паламед медленно произнес:

— Как ты думаешь, кто я?

— Ты можешь быть только ликтором. Ты использовала некромантию на мне, когда прикоснулась, в ту долю секунды, когда я думала, что ты упала. Это могла быть только она. Я не знаю, что ты почувствовала. Я встречала тебя десятки раз, и ты никогда раньше не говорила со мной, поэтому я не знаю, что изменилось или как я все испортила. Но, боже, какая хрень!

Нона бы расхохоталась при мысли, что Паламед — ликтор, но она боялась смеяться: она не знала, что сказать или что сделать. Она сидела в пятне синего света и мечтала, чтобы Камилла отвела ее домой, чтобы они оказались за миллион лет отсюда, чтобы сегодняшнего дня не было. Ее мучило ужасное ощущение: что бы сейчас ни пошло не так, это все равно будет ее виной, она оказалась недостаточно умной или недостаточно хорошей.

— Я не ликтор, если тебе от этого легче, — сказал Паламед.

— Поклянись мне, — сказала Ангел, напрягшись, — поклянись своей гребаной жизнью.

— Клянусь жизнью Камиллы Гект, что я не ликтор, — сказал Паламед.

Ангел изучала его лицо. Что бы Ангел ни хотела там найти — Нона смотрела на нее изо всех сил, так пристально, что у нее глаза заслезились, — она это нашла. Она упала назад на своем стуле, опустив подбородок на грудь, и взглянула на Паламеда, измученная и мрачная.

— Что ж, тем легче.

Открылась дверь, и Ангел так резко вздрогнула, как будто у нее случился припадок. Нона повернулась и увидела Табаско. Табаско посмотрела на открытые шторы, потом на Нону.

И в голову Ноны ворвался мощный ритмичный звук. Она услышала тугое резкое поп-поп-поп, далеко, а потом близко, как будто у нее взорвалась голова. Мир исчез, хотя она не спала. В нее вцепилась неистовая головная боль, и Нона ощутила ужас, ее тело не работало, она ничего не чувствовала и ничего не воспринимала. Головная боль становилась все сильнее и сильнее, потом вдруг все прекратилось, и больше она вообще ничего не знала.

Время покинуло ее тело. Через несколько мгно-

вений после этого головная боль вернулась. Было не так уж и плохо, а потом вообще стало намного лучше. Чернота не исчезла, но другие ее чувства начали оживать. Под лицом оказалось что-то грубое, что пахло восковыми мелками и лимонным очистителем, и ее тошнило, а во рту стояло что-то отвратительное и липкое. Рот открылся, и все вытекло. Она лежала лицом вниз. Нона, привыкшая к размышлениям о том, что ее тело делало в различных состояниях сознания, могла сказать это с уверенностью.

Незнакомый голос говорил:

— А ну отмени! Отмени приказ, говорю! Мерв, ты меня слышишь? Мерв, если я увижу хоть одного вашего ублюдка в этом здании, я обрушу на вас такой ад, что ваши имена окажутся в списке вымирающих видов. Эй, не тупи, долбаный кусок дерьма, я оторву Надежде голову и насру ему в гортань! Черт! Твою мать!

И Ангел:

— Что говорят?

— «Да, конечно, без проблем», — ответил незнакомый голос, — черт, Эйм, что, по-твоему, они скажут? Ой, мы лохи? Ой, мы в заднице?

— Открывай дверь, — сказала Ангел, — заберем девочку и свалим отсюда.

— Нет. Мы оставим ее здесь.

— Ее ликвидируют.

— Тебе следовало подумать об этом, прежде чем ты начала играть в училку в уродском эксперименте Трои.

Ангел вдруг заорала:

— Да откуда мне было знать, мать твою! Меня от всего оттеснили, у меня было ноль данных.

— Ты знала, что Мерв вчера чуть нас не убил, сказал, что это борьба за власть! — рявкнул незнакомый голос.

— Я не об этом! Откуда, блин, я могла узнать об этих двоих? Я только вчера вечером поняла, что они жили в безопасном доме!

— Да, но у Ктесифона не хватает денег, мы не можем никого спрятать, — сказал голос, — если бы ты меня подпустила на два метра, все было бы понятно еще несколько месяцев назад…

— Я защищала детей из Эдема. Их бы перевели на другой конец города, а им нужно было…

— Возьми себя в руки, Эйм! Прекрати думать о сопляках! — заорал голос. — Что нам делать сейчас, черт возьми?

— Ну орать друг на друга точно нет смысла, — напряженно сказала Ангел, — никогда в жизни у меня не было такого грубого телохранителя.

— Хорошо. Ладно. Круто. Отлично, — сказал незнакомый голос, — я думаю. Думаю. Боже, ну и жесть. Ничего личного, работа-то сделана хорошо, но жесть.

— Идем на крышу, идея неплохая, — предложила Ангел, но незнакомый голос возразил:

— Нет, это не выход. Они не будут стрелять в нас, если ты со мной, но мы не можем быть уверены в остальных.

— И что? Боже, я слишком стара для этого.

Раздался громкий лязг. У Ноны заболели уши. Голову ужасно сдавило, как будто она зажала себе нос и хотела продуть уши, как при купании. Кажется, кто-то двигал мебель.

— Если кто-то подойдет ко мне, я стреляю, — сказал голос.

Голос Ангела сбивался с веселого на рассерженный.

— Если ты выстрелишь, пока я в комнате, тебя отдадут под трибунал и повесят.

— Все слишком заняты для бюрократии, — возразил голос, — раскрываем карты прямо сейчас, я обойду Ценой страданий вчистую. Черт, если я сыграю как надо, никто ничего не узнает, пока не станет слишком поздно.

— Ты не можешь всерьез в это верить. Тебя

застрелят.

— Не с моей родословной.

— Сколько их там?

— Девять. Может быть, десять. С водителем, наверное, одиннадцать.

— Это резня.

— Это комплимент, — скромно сказал голос, — в любом случае они все еще возятся с дверью.

Давление становилось все сильнее и сильнее, потом стало легче, потом что-то громко звякнуло совсем близко. В глазах все потемнело — да и вокруг было темно, — в комнате снова стало жарко и душно. Нона уставилась на огромное мокрое красное пятно крови на полу. Мокрая голова чесалась. Незнакомый голос говорил:

— Подожди минутку. Я убью этих двоих.

— Ты не посмеешь их тронуть, — напряженно сказала Ангел.

— Ради вашей безопасности, мэм. Не смотрите.

— Это просто суеверие.

— Ну да, тетушка всегда говорила, что это на девяносто процентов суеверие, а на десять — развлечение.

Ноги в сапогах громко протопали к Ноне. Это было уже слишком, а Кэм всегда велела притворяться мертвой, пока это возможно. Нона в ужасе

села. Кто-то выругался, и раздался еще один громкий хлопок, и ее отбросило назад яркой короткой вспышкой света в груди. Она расползлась по грудной клетке куда быстрее, чем головная боль, резко и сыро, а потом исчезла.

— В меня снова стреляли! — закричала она с пола. — Второй раз!

— Нет! — сказала Ангел. — Стоп. Хватит, она жива, стой, это приказ, это прямой приказ! Нона, Нона!

Ангел перевернула ее, и ее лицо было мокрым от слез.

— Нона, господи, прости…

Но Нона была не в настроении. Она вывернулась из рук Ангела и поискала взглядом Камиллу. Камилла неподвижно лежала на полу, лицом вверх, полузакрыв глаза и невидяще глядя в потолок. Спереди она вся была в крови, а руки застыли на груди когтями, как будто она в панике обхватила себя. Количество крови поражало. Нона не думала, что в человеке вообще столько крови. Это было скорее отвратительно, чем пугающе. Нона поползла к ней, пока Ангел говорила:

— Да не стреляй ты, черт возьми.

Нона приподняла веки Камиллы и даже в темноте разглядела ясные серые глаза.

— Все хорошо, Нона, — спокойно сказала Камилла, — ты жива. Держись.

Камилла раскрыла ладони, и в них блеснули две пули.

— Продолжим? — спросила она.

Нона подняла глаза. Ангел сидела на полу и смотрела так, как будто увидела двух призраков. Рядом с ней стоял кто-то новый — невысокий человек с мачете у каждого бедра и небольшим тяжелым пистолетом в руках, без дыхательной маски и без головного убора. Маска болталась на шее, как будто ее просто не успели натянуть в спешке. Лицо показалось бы жестоким и красивым, если бы не россыпь осколочных шрамов на обеих щеках и носу, который когда-то был аккуратным, но потом его сломали, и если бы не пятна ожогов на одном виске. Волосы с одной стороны топорщились короткими лохмами, с другой — свисали вниз. Длинная часть была выкрашена в пронзительно-яркий синий, брови были темные, а глаза еще темнее и сверху и снизу подведены камуфляжными полосами. Нона поняла, кто это, при первом движении, а мачете еще помогли. Это была Богоматерь Страстей, впервые без маски.

— Страсти в нас стреляла, — заплакала она, — и в мою учительницу! Паламед разговаривал

с Ангелом, и кто-то выстрелил в нас через окно, и ковер испорчен. Это худший день в школе!

Камилла села, и они со Страсти уставились друг на друга. Красивое лицо Страсти исказилось в отвращении, лицо Камиллы вовсе ничего не выражало.

— Ты в нас стреляла? — спросила Камилла, слегка сжав левую руку.

— Нет, это чертово крыло Мерва, — ответила Страсти так, будто жалела об этом, — как ты меня узнала? Корона выболтала?

— Нет, — сказала Камилла, на мгновение расслабив левую руку, — почему нам не сказали, что она одна из нас?

— Для тебя «из них». И ты тоже не одна из нас, зомби.

Ангел сказала настойчиво:

— Страсти, я отзываю приказ о ликвидации, мы сможем разобраться с этим позже. Обстоятельства изменились. Ты можешь убрать Мерва?

— Нет. Они собирались за тобой позавчера, когда решили, что Ценой страданий собирает людей. Это была ты, да? — Страсти повернулась к Ноне, которая выбирала сгустки крови из совершенно растрепавшейся косы, — два дня назад ты говорила с Короной по рации, и потом Корона

была с тобой. Что происходит, мелкая сука?

Нона была глубоко оскорблена.

— Я никого не вызывала по рации, я просто притворялась. И не называй меня сукой, я не такая.

Ангел беспомощно сказала:

— Это была Корона, о которой ты постоянно говоришь? Нона, что ты такое? Кто она?

— Я же говорила! — рявкнула Страсти. — Это гребаный будущий ликтор, Эйм. Твою собаку выгуливал гребаный будущий ликтор. Ты только что отменила приговор гребаному ликтору!

— Дай рацию.

Страсти отстегнула от пояса настоящую беспроводную рацию и швырнула ее Ангелу, которая сумела ее ловко поймать, хотя у нее все еще тряслись руки. Она нажала на несколько кнопок, поднесла рацию к уху и сказала:

— Это Посланник. Ожидайте внизу. Да, мы знаем. Да, мы знаем. Необычные обстоятельства. Если вы так строго соблюдаете протокол, почему бы вам не позволить нашему охраннику вытащить нас из здания? Ерунда.

На втором «Да, мы знаем» Камилла встала на ноги. Она схватила несколько стульев и бросила их перед дверью в гардероб. Страсти тут же подняла и навела на нее пистолет, Нона ахнула от

негодования, но Камилла не остановилась. Ангел говорила:

— Требую командира. Вы понимаете, что один выстрел здесь — и вы предстанете перед трибуналом, и Надежда предстанет перед трибуналом? Мы не… да, мы знаем, что не можем отменить приказ, — вы не смеете — тут моя собака! Нет, мы не будем надевать противогаз. Прекрасно. Если вы подниметесь по лестнице, охранник пристрелит вас. Отбой.

Ангел опустила рацию и печально сказала:

— Вот отстой.

Страсти перевернула учительский стол. Все, что на нем лежало, — скрепки, точилка для карандашей, губки для доски и коллекция бумажных животных — разлетелось по полу. Она прыгнула за него, Ангел забралась к ней, и Страсти вытащила пушку из-за спины.

— Сколько? — спросила Камилла.

— Девять, десять. Стрелков нет, возможно, электричество, — автоматически ответила Страсти, а затем взорвалась: — Не разговаривай со мной, Гект. В тот момент, когда командир об этом услышит, твоей заднице конец, и тут нет Короны, которая бы тебя спасла.

— Ты хочешь, чтобы я помогла вам выбраться

отсюда, — сказала Камилла, — или нет?

— Мне твоя помощь не нужна, — рявкнула Страсти, а Ангел в то же мгновение сказала:

— Да. Мы не можем позволить крылу Мерва захватить нас. Не сейчас. Поэтому я велела тебя убить.

— Нет проблем, — спокойно сказала Камилла, — пока я могу проявить немного подавленной агрессии.

— Ты все это время врала Ценой страданий насчет того, на что способна, — горячо сказала Страсти, — командир ни хера не говорила, что ты можешь пережить пулю, что ты чертов лич. Я бы чисто ради науки всадила бы еще одну тебе в лоб, но не хочу тратить патроны.

— Думаю, мы все лгали друг другу, — сказала Камилла.

Страсти посмотрела на Ангела и умоляюще сказала:

— Эйм, черт возьми, а что, если она обернется и сломает тебе шею…

— Нона, пожалуйста, иди на кухню, — сказала Ангел, — ради твоей безопасности, а не потому, что я хочу тебя убрать.

— Я не брошу Камиллу.

Где-то этажом ниже разбилось окно. Камилла

уже тянула Нону за стол. Они все сидели в темноте за столом, от которого приятно пахло древесной стружкой. Было так тихо, что на мгновение Нона подумала, что Кэм ошибается, что за ними не могли прийти десять или одиннадцать человек, что во всем здании слишком тихо. Лапша тихо скреблась в дверь, а потом Эйм сказала:

— Лапша. Опасность, — и собака быстро отошла от двери.

— Быстро, — сказала Камилла, — она могла пройти куда-то еще? Взять собаку?

Нона посмотрела на дверь кухни, дверь учительской, другую дверь и вдруг вспомнила:

— Табаско! Где Табаско?!

— Страсти заперла ее в генераторной, — сказала Ангел, — чтобы добраться до нее, придется миновать нас.

— Мне нужна Табаско!

Страсти высунула голову из-за стола и смотрела на закрытую дверь. Коротко сказала:

— Нечего тут личам бегать.

— Принимайте решение, — спокойно сказала Камилла.

— Нона… — слабо сказала Ангел. — Табаско не… она видела… она была в комнате, когда…

Вдалеке раздался треск — звенящий тихий

звук, как будто разбилось стекло.

— Дверь, — сказала Камилла.

— Ладно, блин, я передумала, — вдруг сказала Страсти. — Лич проходит через дверь. Не отвлекается. Валит отсюда.

Камилла спросила:

— Почему бы не вывести всех?

Страсти сказала Ангелу:

— Видишь, Эйм, даже зомби все понимает. Давай, иди в кухню.

Но Ангел — Эйм — ответила:

— Если они не увидят меня, то сразу начнут стрелять.

— Чем дольше мы затянем перестрелку, тем хуже, — сказала Камилла, — как только мы отбросим первую волну, бегите.

— Гект, проясним кое-что. Приказы тут отдаю я. Если ты не будешь подчиняться, имея вид лихой и придурковатый, я просто прострелю тебе колени и использую тебя как живой щит.

— Я за рукопашный бой. Никакого дружественного огня.

Страсти агрессивно натянула пластиковую маску с устройством для дыхания на лицо. Она не могла ею не любоваться: маскировочная раскраска придала ее глазам чудесный желто-

вато-зеленый цвет. Страсти увидела, что Нона смотрит на нее щенячьим взглядом, нахмурилась и надвинула на свои красивые глаза очки. Нона сделала себе заметку потренироваться хмуриться, а также покрасить волосы.

Послышался еще один удар, ближе. Страсти напряглась:

— Они поднимаются по лестнице.

А вот Камилла внезапно расслабилась. Она сидела за столом и шарила в карманах своих мешковатых хлопковых штанов.

— Нона, ты идешь или остаешься? — спросила она.

Нона поколебалась.

— Иду. Нет, остаюсь. Нет, иду. Я нужна Табаско. Только… Камилла, береги себя. Я так тебя люблю.

— Это быстро. Иди, когда я скажу. — Кэм улыбнулась Ноне своей чудесной улыбкой, из-за которой Ноне казалось, что она могла бы влюбиться в Камиллу навеки, жениться на ней и, возможно, завести собаку.

— Они нужны тебе живыми? — спросила Камилла у Страсти. Выражение лица у той стало еще жестче.

— Нет.

— Нона, — сказала Кэм, — не возвращайся, пока

мы не придем за тобой. Иди.

Нона побежала. Она нащупала дверь рядом с дверью учительской и бросилась внутрь, затем закрыла дверь за собой. Ее шаги стучали по линолеуму, а дверь ужасно скрипела, потому что Кевин любил висеть на дверях, чтобы они издавали как можно более противные звуки и как можно дольше. Это походило на сирену в наступившей тишине, даже хуже, и Нона обрадовалась, когда дверь закрылась позади нее. Затем она полетела по темному, сумрачному коридору, который обычно был для нее и всей банды источником невыразимого и приятного ужаса. Коридор был таким узким, а стены такими сырыми и темными… Добравшись до генераторной, она заколотила в дверь, пока не вспомнила, что сама должна ее открыть. Ключ все еще торчал в замке. Она повернула его потными пальцами и отодвинула защелку, чуть не споткнулась на ступеньке и сказала:

— Табаско, это я, я.

В генераторной было тихо и темно, если не считать небольшого светового окна над внутренней дверью и еще одного, выходящего на улицу, но там стояло здание повыше, так что в это окно проникал тошнотворный зеленоватый свет. Когда

генератор был включен, он обычно производил громкие свистящие звуки, такие, которые приводили малышей в ужас, потому что Чести говорил им, что генератор топят маленькими детьми. Не то чтобы ему верили, но история неприятная. Табаско лежала, свернувшись калачиком, перед генератором. Ее тошнило, кисло и сильно пахло рвотой, но Ноне было плевать. Она подошла к Табаско и перевернула ее.

Табаско посмотрела на нее, но в то же время не посмотрела. Взгляд у нее был странный. Она смотрела на Нону, пока та доставала из кармана старый бумажный платок и вытирала Табаско нос и рот.

— Это я, Табаско. Это Нона.

— Я это придумала? — ясно сказала Табаско.

Нона не знала, что это значит, поэтому сказала:

— Да, все в порядке. Я в порядке.

Табаско сказала более решительно и с большим удивлением:

— Я это придумала.

— Да, только в здании люди, и нам придется сидеть здесь, потому что они пришли похитить Ангела, — объяснила Нона.

— У нее есть телохранитель.

— Да, — согласилась Нона.

— Глупо, — сказала Табаско. — Глупо. Плохо следила за ней. Не видела знаков. Не смотрела. Нона… я это все придумала?

Нона решила согласиться с этим, раз уж это было так важно для Табаско.

— Да, ты это придумала.

Рука Табаско все еще немного дрожала. Больно ей, кажется, не было, но она дрожала. Рубашка задралась, и Нона увидела не только мягкие чешуйки ожогов по животу, но и пистолет, заткнутый за пояс. Нона встревожилась.

— Табаско, не носи пушку так. Пирра говорит, что все, кто носит оружие в штанах, рано или поздно отстрелят себе яйца. Это, конечно, очень грубо, но я верю.

Лицо Табаско дрогнуло и смягчилось.

— Ты такая милая.

В коридоре и за ним послышался сильный грохот, а потом чудовищный громкий хлопок — примерно так же Пирра хлопала кухонным полотенцем — и очень короткий крик. Табаско села так быстро, что Ноне оставалось только силой уложить ее обратно. Она попыталась добраться до двери, так что Ноне пришлось привалиться к ней всем телом, прижать ее к полу, обхватив

руками и ногами, как будто она была ребенком Табаско и пряталась у нее в сумке. Обе рухнули на пол, и громкое гулкое БУМ-БАМ-БЛАМ слегка их оглушило. Звук выстрела прокатился по коридору куда раскатистее, чем обычные короткие выстрелы. Табаско вздрогнула в руках Ноны и обмякла.

— Я это выдумала? Все это? Да?

— Да, все это, — сказала Нона, а затем в порыве честности спросила: — Табаско, а что ты придумала?

— Тебе пуля попала в голову.

Нона попыталась вспомнить все, что Чести когда-либо говорил ей о лжи, вранье и неправде.

— Ты думаешь, что так и было, — хитро сказала она, — но это не так.

— У тебя дыра была в голове.

Нону, измученную враньем, спас от необходимости придумывать подробности еще один громкий выстрел, долгий пронзительный крик и грохот разбитого стекла. Крик, кажется, донесся с улицы, а потом крики прекратились. Нона обнимала Табаско очень крепко, а почувствовав, что Табаско обняла ее в ответ, поняла, что та будет в порядке. Они лежали вместе в душной вонючей темноте, прислушиваясь к звукам, доносящимся

из коридора.

Узнав, что такое драка, Нона мечтала увидеть, как дерется Камилла, а вот Камилле этого не хотелось. Она спарринговала с Пиррой пару раз, коротко и резко, всегда под аккомпанемент критики Пирры, а Нона едва могла уследить за происходящим: иногда на пляже, в темноте, вдали от горячей полосы желтого света от еще работающего пирса. Прислушиваясь изо всех сил к звукам, которые она не могла понять, Нона вся дрожала и не разбирала, что она чувствует и чего хочет. Она яростно кусала губы изнутри, пока не потекла кровь, а потом ранка затянулась. Она услышала шум, как будто в классе швырялись мебелью — довольно грубо с их стороны, если учесть, что стульев не для малышей и так не хватало, и старшие дети сидели на чем попало, а потом послышался последний длинный звук, не крик, а скорее стон. И все стихло. Пистолет Табаско ткнулся Ноне в бедро.

После долгого молчания она прошептала:

— Все кончено?

Табаско не ответила.

— Наверное, нам следует остаться здесь, — сказала Нона самой себе. Всегда приятно, когда тебе отвечают, пусть даже ты сама. Табаско вела себя

так тихо, что Ноне показалось, что она заснула. Но когда кто-то тихо постучал в дверь, она откатилась от Ноны, держа руку на поясе, и не убрала ее, пока не услышала голос Ангела:

— Нона? Табаско?

Нона вздрогнула, когда дверь открылась и появилась Ангел. В темноте видно было плохо, но она не казалась особенно измученной, не хромала, ничего такого. Лапша брела за ней, все еще немного взъерошенная, но, увидев Нону и Табаско, пошла прямо к ним: Лапша любила лежащих людей. Она обнюхала рот Ноны и лизала ей лицо, пока Нона не сказала:

— Фу! — и не села торопливо.

— Нам нужно уходить, — мягко сказала Ангел.

— Как Кэм? — спросила Нона и, чувствуя несправедливость, поспешно добавила: — И Страсти?

— Они в порядке. Так, пара царапин.

— Ух. Класс цел?

— Ну, окна придется заменить, и жалюзи испорчены, — уклончиво сказала Ангел, — плюс кто-то упал на эксперимент с фасолью, а Лапша напи́сала в учительской, но на самом деле… могло быть и хуже. Малышам придется начать эксперимент с фасолью заново, этот уже не спасти.

Нона пожалела фасоль.

— Табаско, Страсти не сделала тебе больно, когда тащила сюда? Она бывает… немножко агрессивной.

— Я порядке, — без выражения ответила Табаско, — идем.

Нона была более чем счастлива последовать этому приказу. Они с Табаско держались за руки весь путь по коридору. Ей показалось, что Табаско смотрит на нее немного странно, но после всего случившегося это было нормально. Когда они дошли до светлой части коридора и вошли в квадрат света от открытой двери класса, Табаско вырвала руку.

Класс выглядел гораздо хуже, чем сказала Ангел. Проблемы с фасолью Нона вряд ли бы заметила. Страсти нигде не было видно, а Кэм таскала тела в гардероб — настоящие человеческие тела. Нона зачарованно следила, как очередная пара сапог исчезает за дверью, но Кэм вернулась и резко сказала:

— Нона, сюда.

Нона на мгновение застыла. За Кэм в гардеробе виднелись и другие сапоги. Ветер задувал в огромную дыру в окне, острые края которой краснели каплями крови. От горячего и сухого ветра у Ноны сохли глаза. Она с удивлением рас-

сматривала то, что осталось от выставки на стене, в создании которой она принимала активное участие: это было впечатляющее собрание изображений и текстов о Людях нашего сообщества. Теперь большую часть Людей нашего сообщества изрешетили дыры. В остальном все было довольно чисто, хотя Ангел все-таки оказалась права насчет фасоли. Крови было не так уж и много, особенно по сравнению с тем, что осталось после Ноны и Кэм. Морок спал, когда Кэм взяла ее за подбородок одной рукой и заставила посмотреть в серьезные серые глаза и на засохшую кровь и дыры в ее рубашке. Камилла вся вспотела. Нона уткнулась лицом ей в грудь, и слушала, как мягко и громко колотится ее сердце, и поражалась, какое это сердце глупое и хрупкое и как плохо защищено. Камилла обнимала ее довольно долго, а потом отстранилась.

— Они все… — сказала Нона.

— Почти, — ответила Кэм.

Табаско стояла посреди класса, там, где в Нону стреляли. Солнце сдвинулось, и лужа крови оказалась в тени. Табаско присела на корточки, чтобы дотронуться до нее, а потом встала и посмотрела на Нону, точнее, на ее голову. Нона потрогала косичку и обнаружила, что она стала

жесткой от крови.

— Я это не придумала, — сказала Табаско ломким голосом.

Нона почувствовала себя неуютно.

— Я не… я не совсем тебе соврала…

— У тебя в голове была дыра.

Страсти вернулась из гардероба. Она тоже вся вспотела, а там, где жесткая маска касалась лица, краснела грязь.

— С водителем покончено. Крыла больше нет.

— Господи, Страсти, неужели это было необходимо? — спросила Ангел.

— Да, — сказали Кэм и Страсти одновременно и посмотрели друг на друга. Ноне это показалось бы забавным, но Табаско так и смотрела на нее. Она оторвалась от Кэм, чтобы сделать шаг к Табаско, и Табаско шагнула назад.

Нона почувствовала, что ее словно током ударило от отчаяния.

— Табаско… — Собственный голос показался ей сдавленным и смешным.

— Я видела, как ты умерла.

— Но я не… ты же видишь, что нет.

— Табаско, пойдем со мной, — вмешалась Ангел.

Но Нона подошла к Табаско, схватила ее за

руку, прежде чем она успела убежать, и прижала ее к собственной груди, чтобы она почувствовала глухие удары сердца, как она сама чувствовала сердце Камиллы.

— Чувствуешь? — воскликнула она. — Чувствуешь, сердце бьется?

Табаско, кажется, почувствовала. Она уставилась на грудь Ноны. Потом поднесла руку к шее профессиональным, как у врача, жестом и пощупала пульс. Нона вложила все силы в этот пульс, чтобы убрать холодное, мертвое выражение из глаз Табаско, чтобы ее губы перестали дрожать.

— Ты жива, — медленно согласилась Табаско, — но ты была мертва. Я видела. У тебя мозги вышибло.

— Я не знала, — смутилась Нона.

— Табаско, пожалуйста, давай поговорим, — сказала Ангел.

— Заткнись.

Нона возмутилась. Нона была поражена. Табаско говорила со своим божеством, с причиной своего существования, вот так. Не успела она удивиться еще сильнее, как Табаско подняла другую руку, с пистолетом.

Она прижала ствол к виску Ноны. Ошеломленная Нона посмотрела ей в лицо.

— Ты больше не в банде, — сообщила Табаско и спустила курок.

Иоанн 5:1

Во сне он не спешил идти к бетонному зданию. Казалось, он боялся. Когда наступила ночь, он нашел канистру сильно и резко пахнущего бензина, разлил его вокруг машины и поджег. Ей не понравился запах. Они сели подальше. На этой высоте дул сильный ветер, пламя вздымалось красными языками, от каждого порыва взлетали искры.

Она не спрашивала, но он сказал: «В конце концов нас просто похлопали по плечу и решили, что мы будем довольны. Они сказали, что нас не посадят, если мы будем вести себя хорошо и не трогать больше коров. Кстати, у меня хронический синусит, нельзя ли что-нибудь с этим сделать?»

Он сказал: «Все влиятельные друзья, которых мы приобрели, все эти люди говорили, что мы были бы хороши, если бы у них нашлось время представить нас правильно, что мы загадочные и чудесные, но они слишком заняты для чудес, что если бы мы вели себя лучше или были более привлекательными, да я хрен знает, что еще, — вот тогда бы к нам прислушались. И в какой-то момент ты перестаешь хотеть, чтобы люди тебя

слушали, ты хочешь, чтобы они что-то делали».

Он сказал: «Однажды вечером мы собрались на кухне. У нас снова была говядина, нам всем было нехорошо, но, по крайней мере, веганов среди нас не было. Мясо не могло кончиться, потому что я был там. Мяса было много, но и ртов было много. Мы сидели у треснувшего окна, так что Г мог нас слышать, пока занимался барби, которая в темноте становилась чертовски вредной, и мы ели с бумажных тарелок, и я сказал им…

Я сказал им: “Хватит. Нас собрали, чтобы спасти планету. Мы спасем планету. Мы не дадим им сбежать. Мы все исправим”.

И все они сказали: “Да, Джон”, потому что они были моими друзьями и любили меня. А еще они были страшными язвами и большинство имело по нескольку научных степеней, поэтому они поинтересовались: “А как? Мы знаем, что ты способен на X, Y и Z. Но не на A, B или C. Нам нравится магия костей, но как ты собираешься это осуществить?” А вот П единственная из всех предложила начать сначала. “Если они собираются позволить нам исправить этот мир, ты должен добиться серьезного к нам отношения. Найти рычаги воздействия. Если из тебя хотят сделать злого волшебника, стань злым волшеб-

ником. Потом напишем в учебниках истории, что ты был добрым волшебником. Ну или хотя бы нормальным. Они не слушают, когда мы говорим вежливо, так послушают, когда мы напугаем их до усрачки"».

Он сказал: «Это, конечно, просто доказывает, что второй уровень на экзамене NCEA вовсе не лишает тебя возможности перемен. Ты все еще можешь есть стейки, говорить с волшебниками и свергать правительство».

Она ничего не сказала. В конце концов, он даже не разговаривал *с* ней. Он разговаривал *в* нее. Ей оставалось только подождать, пока он скажет: «И у нас появилась возможность».

Он сказал: «Вскоре после этого к нам приехала большая черная машина с чуваками в костюмах. Мы не хотели, но они пообещали нам по телефону, что собираются только поговорить, что они представляют кого-то еще. К тому времени я был уже уверен, что смогу справиться с любой засадой, к тому же со мной были Титания и Улисс, но они правда хотели просто поговорить. Они довольно туманно пояснили, кто они такие, сказали только, что у их организации настали тяжелые времена, потому что их лидер недавно вышел из строя, и что в ближайшее время дела

пойдут еще хуже. Когда мы настойчиво уточнили, что значит “вышел из строя”, они признались, что он умер. И я сказал: “Нет-нет, я не могу вам помочь, это не в моих силах”, а они: “Нам просто надо, чтобы он не выглядел мертвым, остальное мы сами сделаем. Честно говоря, нас это даже больше устроит. Можно сделать ему постоянный пульс? Чтобы у него текла кровь, если поранится? Нельзя ли убрать следы разложения? Сможет ли он говорить, если мы захотим?”

Я подумал, что это интересный проект. Я решил попробовать поработать над этим. Объяснил, что мне придется действовать на расстоянии. Что, если они хотят, чтобы он говорил, я должен в этом участвовать и это не может быть разовым случаем.

Я все пытался выяснить, кто они на хрен такие и что это за чувак, но они были неколебимы. Сказали только: “Вот аванс. Вот столько будем платить каждый месяц, пока он будет выглядеть живым”».

Он сказал: «В этой цифре было очень много нулей.

И я стал думать. Через несколько недель я понял, что могу это сделать. Это было несложно. Самая большая проблема заключалась в том,

чтобы нагреть кровь внутри тела, чтобы из него не выливалось ничего холодного. Вообще я предложил им куртку с подогревом, но они оказались теми еще душнилами. Чтобы заставить его говорить, понадобился дипфейковый имитатор голоса, которым говорил кто-то, или простенький искусственный интеллект, а для сложных речей — я. Потом мы назначили время и дату моего полета за границу — моего, А, М и Г, остальные оставались дома, — чтобы сделать работу и получить деньги. Они завели мне счет в китайско-швейцарском банке на вымышленное имя, чтобы я мог переводить деньги. Мне звонили банкиры, которые все организовали. Мы очень воодушевились, потому что могли снова начать финансировать криопроект. Мы искали финансирование».

Он сказал: «Я уже готов был лететь, когда мы получили очередные новости о сверхсветовых кораблях. Они получили все гарантии, за которые мы боролись, или почти получили. Международная федерация астронавтики сказала “да”. Панъевропейское агентство сказало “да”. Они предложили план для первой, второй и третьей волны, чтобы эвакуировать всех с планеты, и это заняло бы максимум пять с половиной лет,

и даже оставались люди, которые выключили бы все перед последней волной. Никакой суеты, никакой суматохи. Они украли много наших формулировок, но это был всего лишь очередной пинок, которого мы почти не почувствовали. Все это прошло потому, что это оказалось *благотворительное* мероприятие. Они сказали, что профинансируют большую часть. Это на их деньги стремительно нищающие триллионеры отправятся в космос. Этих чуваков, которые шли совсем рядом с нами.

М и А снова сорвались, крича, что это херня и ложь. Какие корабли они используют? Кто их разрабатывает и где? Наши контакты говорили, что видели фото, ходили по верфи, все в порядке, все по плану. Я не мог поверить, что они настолько наивны. Я не мог поверить, что они повелись на эту корпоративную фальшивку, когда нас столько обсуждали, осуждали и сдерживали. К попробовала сказать, что это было другое время, что сейчас все очень страшно, если бы мы запускали криопроект прямо сейчас, вероятно, было бы намного проще, но от этого никому из нас не стало лучше. А младший брат А сказал: “Деньги, конечно, — это огромная коллективная галлюцинация, но невозможно нагаллюцинировать

столько, даже в крипте". Мы были уверены, что это афера. Даже не воздушный замок, а просто мошенничество».

Он сказал: «Но нас никто не послушал. Никто не стал изучать то, что мы просили изучить. Нам показывали нечто, что выглядело как доказательства, а когда мы возражали, нам напоминали, что у коров были друзья и вообще сложные социальные отношения. М и А выступали единым фронтом, и это было чертовски страшно. Меня всегда пугало, когда они объединялись. Но оба они притихли, когда нас втроем забрали на вертолете и высадили на случайной нефтяной вышке, чтобы сделать дело. Я попросил показать мне тело, прежде чем кто-либо передаст кому-либо деньги. Шестое чувство, наверное».

Он сказал: «Мне позволили осмотреть тело, и я понял, с кем имею дело и насколько это важно. Речь шла не о группе. А о чертовой нации. Меня впутали в грандиозный политический заговор. А и М посмотрели на меня и сказали: "Делай".

И я сделал. Я восстановил труп, хранившийся в морозилке, устранил все травмы тела, пытающегося сожрать себя после смерти. Сделал переливание крови вручную, чтобы восстановить баланс жидкости и заставить кровь течь.

Убедился, что тело работает чисто механически, расслабил все мышцы. Перестроил сердце. Проделал несколько маленьких фокусов, заставил глаза моргать, помог им вставить динамик в горло, сделал губы. К этому моменту мне было здорово нехорошо. Я вообще не знал, что этот чувак умер. Точнее, этого вообще никто не знал. Но я не чувствовал себя героем. Да и что я мог сделать? Говорили, что это максимум на год, что сейчас нельзя допустить политическую нестабильность и что мы вообще вымираем прямо сейчас».

Он сказал: «Итак, я заставил его сидеть, ходить и двигаться, и он даже сделал видеозвонок родным. Все в порядке. Все сработало.

И тут я сказал: “Я вам все равно понадоблюсь для публичных выступлений. Это нельзя сделать на расстоянии”. И они ответили, что заложили это в бюджет. И тогда М и А вступили в переговоры. Они сказали, что не хотят получать плату наличными. Они сказали, что мне нужно нечто более ощутимое. И так мы это обсасывали и обсасывали. В какой-то момент я подумал, что они откроют огонь, так они нервничали. Они колотили кулаками по столу, как в фильме про копов, типа “Мы можем прекратить в любую секунду! Мяч на нашей стороне! Теперь мы знаем, как

много это значит для вас!” Ну, я сказал, что не отвечаю за этих двоих, что они ведут себя очень подло и неожиданно. Я-то хотел просто время провести, а они такие резкие. Думаю, мы им так надоели со своей игрой в доброго, злого и извиняющегося полицейского, что они согласились».

Он сказал: «Вот так я вернулся домой с парой миллиардов долларов и ядерным чемоданчиком».

19

Когда к Ноне вернулось зрение, оказалось, что она лежит на трех сдвинутых стульях. Зрение, слух и обоняние вернулись разом, а вот воспоминания оставались странно размытыми, как будто они столпились за дверью, ожидая возможности ворваться и объявить вечеринку-сюрприз. Комнату она не узнала. Она смотрела на ДСП-шный потолок с дырками, на моргающую лампу, лежа в неуклюжей, неудобной позе, только и возможной на импровизированной кровати.

Это ее не смущало. Ее многократно укладывали на импровизированные кровати самые разные люди. Важнее было то, что ее лодыжки кое-как примотали к спинке стула, а одну из рук — к куску стула, который оказался ближе всего к голове. Другую руку притянули к радиатору цепью в пластиковой оплетке — такой пристегивают велосипеды те, кто хочет, чтобы угонщику пришлось попотеть. Она видела такие цепи в городе — обычно перерезанные кусачками.

Внезапно Нона закатила третью истерику.

За всю свою жизнь Нона закатила ровно две истерики. О первой она ничего не помнила, но

о ней рассказала Пирра. Пирра тогда смеялась ртом, но не глазами: глаза были очень темными, печальными и тревожными, как будто эта истерика напомнила ей что-то, что Пирре очень не хотелось вспоминать. Вторую ее истерику помнили все. Именно тогда ей внушили, что нужно как-то сдерживаться, и именно по этой причине Паламед и Камилла всегда позволяли ей уходить к океану, хотя это было самое опасное из ее желаний — как для их маскировки, так и вообще. Океан помогал ей перестать злиться, и эффекта хватало надолго, так что еженедельное купание гарантировало, что она будет максимум слегка кукситься. Но в этот момент все произошедшее — Пирра, Ангел, Табаско — легко перечеркнуло многонедельные усилия Паламеда и Камиллы по ее купанию.

Нона выгнула спину и протяжно заорала: этот рев длился, и длился, и длился, пока у нее не лопнула гортань, не зажила и снова не лопнула, вместе с криком изо рта шла кровь. Это было ее предупреждение. Ну а потом она поддалась гневу во всей его простоте. Она тянула, и тянула, и тянула руку, прикованную к радиатору, уже должно было стать больно, но, как всегда случалось, она не чувствовала боли и не рассуждала. На самом

деле болело все. Скользкой пугающей болью, которой тело давало понять, что она совершает огромную ошибку, но гнев давал Ноне силы не слушать. Рука освободилась от цепи. Стало грязно. Дальше ей нужно было высвободить ноги, и это оказалось сложнее, потому что все вокруг было мокрым. Ей пришлось задействовать обе руки и обе ноги. Несколько долгих, беспомощных и безумных мгновений ей казалось, что она застряла, она испугалась так же, как когда Камилла помогала ей надевать рубашку через голову, что-то пошло не так, и она попыталась просунуть голову в рукав. Примерно с такой же тревожной суетой, как тогда, она освободила ноги. Пластиковые стяжки были хороши, как и говорила Корона, и не лопнули. Нона прошла сквозь них с криком.

В комнате не было ничего, кроме трех стульев, которые, вероятно, никогда больше нельзя будет использовать в качестве стульев после того, что она сделала, пыльного ламинированного стола, лампы и запертой двери. Нона бы пролезла под дверью, если бы пришлось, но дверь оказалась не настолько прочной. Нона смела мусор и палец с сиденья одного из стульев и грохнула им в дверь. Красота ее гнева была не в силе — тело Ноны не было сильным. Красота была в том, что она

могла колотить дверь снова, и снова, и снова, со всей доступной ей силой, столько раз, сколько ей хотелось.

Это только увеличивало хаос. Нона злилась. Дверь поддалась.

Подушка с сиденья стула давно слетела, один из металлических подлокотников обломился. Второй сломался еще раньше. Он пригодился, когда ей нужен был зазубренный край, чтобы стать меньше. Второй подлокотник оказался длиннее, и она крепко схватилась за него двумя руками. Хотя все вокруг стало сырым и скользким, она почувствовала себя в безопасности. Когда она наконец расколотила дверь на кусочки, она выставила перед собой руки с оружием и увидела тесную группу людей в масках, армейских штанах и тяжелых ботинках, прямо у Страсти.

Мысль о ботинках Страсти снова разозлила ее. Она внезапно возненавидела Страсти. Если бы не Страсти, возможно, никого бы и не застрелили. Может быть, никто бы не запер Табаско в генераторной. Она увидела ряд черных дыр — на нее направили несколько стволов, — и в четвертый раз за очень короткий промежуток времени в нее выстрелили. Она поскользнулась в луже и упала спиной в занозистые обломки двери, две пули

вошли в грудь, одна в колено.

Нона снова встала и разозлилась еще больше. Она похлопала в луже одной рукой, потом другой, взмахнула обломком дешевого металла, как мечом, и завопила так громко, что крик, казалось, исходил из ее носа, глаз, мозга. Солдаты сделали шаг назад.

Нона повернулась и побежала по коридору с громким шлепаньем. Она видела перед собой вооруженных людей, людей, которые, несмотря на разные маски, очки и капюшоны, все равно казались одним и тем же человеком. Кто-то в коридоре вопил: «Отходим, отходим!», но крик Ноны был громче. Один из солдат не отступил, а снова выстрелил в нее. Она подняла обломок металла над головой и побежала к нему, и он закричал под маской. Нона кричала сквозь свою маску, маску, которая стала ее лицом.

Стало очень шумно, разом возникло очень много звуков. Ей показалось, что она стоит на разделительном островке, а ее задача — разводить тяжелый транспорт. Когда-то Нона думала, что это чудесная работа, но больше ей так не казалось. Эдемит отшатнулся от ее крика, уронил пистолет и зажал уши руками в перчатках, и она открыла рот, чтобы показать зубы.

Кто-то набросил что-то ей на голову. Это был капюшон, который затягивали на шее. Она потянулась сорвать его, но кто-то большой и тяжелый прижал ее руки к телу. Как будто ее спеленали. Нона задергалась, но это было хорошее средство против нее, возможно, лучшее. Камилла тоже завернула ее в одеяло во время второй истерики. Когда стало темно, ее тело, казалось, вспомнило, что израсходовало что-то, что-то огромное, и она задрожала.

Она дрожала так, что думала, что умрет и что вот она какая, смерть. Под капюшоном она услышала, как ее собственные губы произнесли яростно, отчетливо и холодно, несмотря на дрожь:

— Дурак. Ты убиваешь ее.

Но она говорила сама с собой.

Иоанн 3:20

Во сне ночь не уступала место утру. Свет, проникающий сквозь облака, поменял цвет, но ничего не расцвело и не утонуло, только при дыхании вздымались их собственные грудные клетки. Во сне она часто забывала, как дышать и глотать, и давилась собственной слюной, пока испуг не проходил и тело не вспоминало все за нее.

В темноте, которая могла быть рассветом, он сказал: «Никто из нас не планировал использовать ядерное оружие. Мы никогда не думали, что сделаем это. Оно походило на игрушку. Мы все смеялись над тем, что к нему прилагалась инструкция. Я думаю, мы боялись того, что произойдет, если мы перестанем смеяться. Мы вскрыли пол, установили сейф под линолеум и поклялись, что никогда не будем использовать его. Г проверил, что оно не может сработать. Мы никогда не собирались взрывать его всерьез. Но это был наш рычаг влияния. Способ заставить людей слушать нас. Такой же, как деньги. Сначала мы решили продолжать говорить правду, продолжать изучать историю со сверхсветовыми кораблями, продолжать задавать трудные

вопросы. В качестве второго варианта действий мы могли закидать их деньгами. Ну а в третьем варианте мы говорили людям, что применим ядерное оружие».

Он сказал: «Это не так наивно, как звучит. Типа, да, мы вполне осознавали, что наличие у нас этой штуки — серьезный международный инцидент. Но мы были причастны к этой огромной тайне, да, у нас был доступ к одному из крупнейших политических скандалов всех времен, и без нас бы ничего не получилось скрыть.

Бомба, по крайней мере, заставит их задуматься.

Это должно было произойти. И нам надоело, сколько времени все это занимает. Вокруг было столько бюрократии и волокиты и так много людей отказывались делать так много вещей, что мы были готовы рискнуть судом в Гааге, лишь бы это все остановить. Готовы устроить адский беспорядок, чтобы выиграть время. Готовы сделать что угодно, чтобы ты шла дальше.

К продолжала требовать, чтобы я выбрал что-то одно. Мы вкладываемся в доказательство того, что новый план — херня, или в твое спасение? Я говорил, что и в то и в другое, почему нет. К продолжала утверждать, что и то и другое невоз-

можно: “Выбери один вариант и придерживайся его. Реши, на что наплевать”».

Он сказал: «Я обнаружил, что, когда ты властелин смерти, тебе становится насрать на все».

Затем он сказал, большим пальцем массируя висок: «Я до сих пор не могу поверить, что на меня просто не обращали внимания и боялись меня. Это нечестно. Либо ты злой волшебник и все хотят знать, что ты думаешь, либо ты добрый волшебник и никому до тебя нет дела. Это было несправедливо. Это не должно было быть так».

Во сне она не задавала ему вопросов. Обгоревший корпус машины дотлевал. Запах, казалось, впитался в ее одежду, волосы, в жидкую грязь. На такой высоте, в тумане было холодно, и у нее дрожали руки. Она паниковала, пока он не сказал ей, что это естественно.

Он сказал: «К тому времени план создания сверхсветовых кораблей исполнялся вполне стабильно. Все больше и больше наций давали добро. Они спорили, кого сажать на корабли, какого они будут размера и формы, как бы не скатиться в очередной виток колонизации. Вот тут они встречали сопротивление, потому что триллионеры продолжали твердить, что есть же тщательно отобранные люди, что мест мало, что

они уже прошли обучение, что это не туристическая поездка. Это никому не нравилось. Мы все время говорили, что это все фигня, и теперь вдруг начали набирать обороты. Я предлагал дать мне год, чтобы я решил вопрос с Тау Кита в одиночку, говорил, что у нас есть план, что я могу много сделать с криотанками, если мне дадут возможность. Получил транстасманийскую поддержку. А потом триллионеры ударили в барабан и оттеснили меня на задний план. Эти суки сказали, что подготовят места для двух сотен человек. Двух жалких сотен! Я был уверен, что никто на это не купится».

Он сказал: «Все на это купились».

Он сказал: «Оказалось, что все хотели назначить кого-нибудь на этот борт, особенно если могли выдвинуть свою кандидатуру. Полные мудаки. Как только они получили зеленый свет, они сказали, что первая волна отбудет через три месяца, что надо сделать это быстро, чтобы успеть подготовить вторую волну перед следующим раундом климатического голода».

Он сказал: «Мы заплатили людям, чтобы кто-то нашел их инженерные сооружения. Дикий был головняк. Прикинь, кучка людей, которые раньше и травы-то купить были не в состоянии,

теперь искали наемников. К счастью, П знала кое-каких армейских, которые знали бывших солдат… очень в духе “Солдата удачи”. Их поймали практически сразу, но к этому моменту я уже хорошо действовал на расстоянии, мне пришлось попрактиковаться. У меня появились глаза и уши на заводе, их главной строительной площадке, и я сразу заметил, что они действуют не по плану. Им даже привозили совершенно не те материалы, которые нужны для космических кораблей. Они заказывали всякую херню, чтобы создать впечатление, что очень заняты. У них было маловато людей. Корпуса будущих кораблей не росли. Лучше всего было просто зайти в пустое здание, но то, что я увидел, показалось достаточно подозрительным, чтобы я понял, что этого недостаточно».

Он сказал: «Итак, я пошел к правительствам, которые все еще симпатизировали мне, вроде нашего и всего Транстихоокеанского региона, и мы предъявили свои доказательства. Посмотрите, это не работает! Они должны были остановить программу и законсервировать заводы для проведения расследования, но вместо этого они задали вопрос триллионерам. И триллионеры солгали! Они лгали, как будто от этого зависела их сраная

жизнь. На каждый вопрос у них был готов ответ; я уверен, что им кто-то заранее рассказал о нас. Наши дерьмовые наемники попались. Они лгали, и все глотали их ложь. А потом еще и сообщили, что хотят посадить нас в тюрьму. Типа, не пора ли вам, ребята, перестать быть независимыми деятелями, когда в большинстве стран вас признают сектой? Типа, мы все здесь официальные лица, ну кроме триллионеров. Типа, вы вообще в курсе, что коровы могут узнавать друг друга?»

Он сказал: «Я разозлился».

Он сказал: «Дома я сказал, что раз нас считают сектой, ну так будем сектой. Понадобятся только карандаш для глаз и плащи. У Н уже были припасены и карандаш, и плащи. Мы пытались действовать как можно прозрачнее и научнее, но теперь мы вели стримы стремительнее, чем можно было бы вручить нам судебные повестки. Конец света близок и все такое. Присоединяйтесь к нам. Живите вечно. Власти лгут вам. Пока не началось, я пытался использовать всякие там научные термины. Придумал фтинергию… слово, после которого нужно принимать препараты от аллергии. Я пытался сделать вид, будто все, что я делал, имеет какие-то принципы, что потом я буду писать об этом статьи. Я бросил все

это, потому что никому не нужны ни статьи, ни теоретические основы. Всем нужна волшебная палочка. Всем нужно спасение».

Он сказал: «Я сказал, что спасу их. Я сказал, что я некромант».

День пятый

Корона выполняет задачу – Святой долга – Паламед говорит начистоту – Самая грустная девушка на свете – Мир – Нона смотрит дуэль – Конвой – Рождение Пола – Последняя поездка – Двадцать четыре часа до открытия Гробницы

20

Проснувшись, Нона не поняла, что из этого дня и ночи ей приснилось. Ее мучило смутное ощущение, что все это она придумала, что день только начинается и что сейчас она расскажет все Кэм под запись и будет уговаривать ее обойтись без завтрака.

Она проснулась, лежа на спине, накрытая чем-то теплым, чувствуя знакомый запах Камиллы — дешевое мыло и кожа. Одну из курток Кэм свернули и положили ей под голову вместо подушки. На одно счастливое мгновение Ноне показалось, что она дома. Но пол под Ноной был покрыт грязным ковром, а не плиткой, и стены казались незнакомыми. Она перекатилась на бок. В глазах все помутилось, и она с ужасом поняла, что ее сейчас стошнит.

Когда начались рвотные позывы, рядом немедленно оказалась Кэм с ведром, которая отвела ее волосы назад и мягко сказала:

— Осторожнее, не торопи события.

Значит, это была не Кэм. Нону рвало и рвало, это потребовало очень много времени и сил. После этого ей стало лучше, но ей показалось, что

она сбегала на самый верх Здания и на улицу раз пять подряд. Все тело болело.

— Ох, — выдохнула Нона, плюхнулась на импровизированную кровать и вытерла рот дрожащей рукой. Она лежала в затемненной комнате, рядом с длинным столом со стульями. Поскольку она раньше не видела стол в этом ракурсе, ей потребовалось некоторое время, чтобы узнать конференц-зал Крови Эдема, тот же, что и в прошлый раз. Рыжая с жестокими глазами смотрела на нее из засохших цветов, словно бы презирая Нону за дурные манеры — блевать перед ней. В глазах все мерцало, и ей пришлось лечь. Паламед озабоченно рассматривал содержимое ведра, и это было жутко и тревожно, и она знала, что закончилось.

— Мы одни? — прошептала она.

— Да, но это ненадолго. Нона, мне нужно убедиться, что ты в порядке.

— Пуля прошла голову насквозь?

— Нет, застряла, и мне пришлось ее вынуть.

— Табаско? — с ужасом спросила она.

— Табаско хотела уйти, — сказал Паламед, — и… ну, мы ее отпустили, Нона.

Ноне показалось, что на самом деле пуля застряла у нее в сердце. Паламед продолжил:

— Кровь Эдема притащила нас сюда, к Ценой страданий, и это хорошо. Я поработал над тобой… под надзором. Большая часть Ктесифонского крыла видела пулю у тебя в голове… ну и никто раньше не знал, как быстро ты регенерируешь, потому что мы им не говорили. Поэтому они засунули Кэм и меня в наручники, а затем заперли тебя.

— И это меня разозлило.

— И это тебя разозлило.

Нона осторожно спросила:

— Я натворила много дел?

— Они должны были догадаться, — резко ответил Паламед, — каждая ошибка, которую они совершили по отношению к нам, проистекает из полного отсутствия… трусости и нежелания впускать нас в игру. И теперь я знаю то, что знаю… или думаю, что знаю… Но, Нона, сейчас я должен убедиться, что все в твоем теле работает, потому что, если бы ты была нормальным человеком, мы бы планировали твои похороны.

— Не волнуйся, — испуганно сказала Нона, — я просто разозлилась. — И добавила, помедлив: — А жаль…

— Да, — согласился Паламед, — жаль. Но, Нона… насчет той передачи. Ты же ее видела. Целиком,

да? Ты не узнала никого?

Вот теперь все наконец-то закончилось.

— Только девушку из моего сна, — сказала Нона.

Паламед вдохнул через нос Камиллы, затем выдохнул через рот Камиллы.

— Ты мне этого не говорила.

— А ты не спрашивал, — сказала Нона.

— Нона, — очень-очень медленно произнес Паламед, — это очень важная информация. Такая, которая меняет вообще все. Та информация, которую мы учили тебя рассказывать нам немедленно целых шесть месяцев. И мы с Камиллой доверились тебе в плане распознавания такой информации.

Это было слишком тяжело.

— У меня были другие дела, — запричитала Нона, — я не хотела попасть в беду.

— Мы с Кэм когда-нибудь втравливали тебя во что-то плохое?

— Нет, и я не хотела это портить. Чести постоянно во что-то влезает, и это ужасно. И совсем нечестно говорить спокойно и грустно о моих обязательствах, когда сам только и думаешь: «Нона, я хочу избить тебя ручкой от метлы». Просто так и скажи: «Нона, я хочу избить тебя ручкой

от метлы».

— Я бы никогда не использовал против тебя ручку от метлы, — сказал Паламед.

Нона смягчилась.

— Ты этого просто не почувствуешь. Если бы мы с Кэм не любили тебя так сильно, мы по очереди душили бы тебя, а потом отдали бы все твои журналы на благотворительность.

Паламед никогда раньше не произносил слова «любовь». Это сломило Нону вернее, чем что угодно другое, даже чем идея, что ее любимые журналы отдадут на благотворительность, как будто кто-то был их достойнее, чем Нона, самый достойный человек на планете.

— Не перебивай меня. Я должна тебе кое-что сказать, и очень быстро, — сказала Нона, подавилась жестким комком в глубине горла и продолжила: — Ты же знаешь, что мне нехорошо в последнее время?

— Да, — сказал Паламед.

— Я думала, что буду болеть не так долго, может быть, несколько недель или месяц, — сказала Нона, пытаясь собраться с мыслями, облизала губы и прошептала в потолок: — Но теперь я думаю, что у меня всего несколько дней. Слава богу, я это сказала. Какое облегчение.

Паламед замолчал. Потом спросил:

— Несколько дней чего?

— Ну, жизни, — объяснила Нона, которая так радовалась признанию, что даже не почувствовала себя глупо, — все почти закончилось, Паламед. Я умираю. Я умираю уже несколько месяцев.

Тогда Паламед прикоснулся к ней и не стал ее душить. Он прикоснулся нежной шершавой рукой Кэм к ее лицу. Он коснулся ее ребер и ее живота, он снял с нее ботинки и прикоснулся к стопам. Затем он встал, выдвинул ящик стола и вернулся с толстым черным маркером.

— Нона, положи руки на бедра и соедини лодыжки, мне нужна замкнутая цепь.

Она положила руки на бедра и соединила лодыжки. Паламед нарисовал что-то прямо в ямочке между ключицами и велел:

— Теперь не двигайся. — И она засмеялась, чувствуя щекотку. Маркер порхал над ней, прикасаясь с легкостью перышка, а потом Паламед положил его и сказал:

— Здесь ничего не происходит.

И ничего не происходило, пока Паламед водил рукой Камиллы над лицом Ноны, горлом, вниз к животу — вот только его пальцы охватило чудесное голубое пламя, бездымное и холодное. Оно

породило жутковатые тени, хотя и не мерцало, оставаясь совершенно неподвижным. Она ощущала легкое покалывание, пока он водил рукой по ее телу, а потом сжал руку Камиллы в кулак, и она взглянула на него и увидела, что Паламед сбит с толку.

— Боже, упаси меня от ликторской маскировки, — раздраженно сказал он. — Цитере из Первого дома, кажется, нравились те игры, в которые она со мной играла. Так, подожди…

Теперь он стал тыкать ее: в сердце, в живот, в бедро, в то место у виска, куда вошла пуля. Когда она вздрогнула, Паламед мягко сказал:

— Извини. Дай мне минутку.

И она дала ему минутку, а потом, довольно нескоро, он сказал:

— Ты излучаешь талергию, как горящая солома. Что происходит? Это похоже на голод, но мы с Кэм знаем, что ты принимаешь пищу.

— Не так много, — призналась Нона.

— Но не так и мало, чтобы перейти на талергический метаболизм. Ты пожираешь собственные резервы. Такой уровень удержания обычно наблюдается в отделении паллиативной помощи. Нона, твоя душа пытается покинуть тело.

Нона озадачилась.

— Но мне нравится мое тело.

— Это неважно. С тобой происходит то же самое, из-за чего я не могу находиться в теле Камиллы дольше нескольких минут. Если я останусь слишком надолго, я начну вторгаться в ее душу… устроюсь там на ночлег, поклею новые обои и выгоню Камиллу, и поэтому мы так стараемся, чтобы этого не случилось. А тело Кэм пытается отвергнуть мою душу… это как соринку с глаза смахнуть. Но ни одно тело никогда не отвергает собственную душу… если узнает ее. Если душа не чужая или не смесь… теория гештальта разгромлена или подтверждена? Так мы объясняем быстрое исцеление?

Теперь он говорил уже сам с собой. И как она могла объяснить?

— Понимаешь, Паламед, я не против умереть, — Нона все-таки попыталась, — я делаю это целую вечность. Я не боюсь.

Это объяснение погибло при ударе. Паламед сказал железобетонным голосом:

— Я в этом больше не участвую.

Нона немного испугалась.

— Прости, Паламед.

— Нет. Просто… Нона, мы не можем позволить твоему телу умереть. Во-первых, это тело чело-

века, которому я обязан, и я хотел бы увидеть выражение ее лица, когда я верну ей тело. И если мы потеряем тело, куда денется душа? Скажем, ты — это другая душа. Предположим, я тебя потеряю. Ты умрешь; она проснется. Финальный пинок под зад в жизни, которая, как я понимаю, состояла в основном из пинков. И если я ее не сохраню… Девятая, право, мне совершенно не хочется присматривать за твоей проклятой бутылкой воды.

Нона изо всех сил попыталась сесть. Она вся была мокрой и чесалась от пота и черных чернил — она потерла шею раньше, чем вспомнила, что делать этого нельзя, и отдернула почерневшую руку.

— Паламед, — сказала она, — ты думаешь, что знаешь, кто я?

— У меня есть теория, — сказал Паламед.

— Корона говорит, что знает, кто я такая.

— Корона много чего говорит. У нас есть только теории.

— Ну расскажи свои теории, — потребовала Нона, почувствовав себя гораздо лучше чисто от волнения. — Давай, вслух. Я хорошая? Я красивая? Много ли у меня друзей? Ко мне прислушиваются? Сколько у меня ног?

Паламед высвободил из-под себя ноги Камиллы,

согнул колени и взял Нону за руку. Он посмотрел на нее этими острыми серьезными серо-коричневыми глазами, самых нежных и приятных оттенков серого и коричневого, как блестящие глиняные чашки.

— Нона, мы никогда не пытались руководить тобой.

— Это все еще имеет значение?

— Я не знаю, и это меня пугает, — сказал Паламед.

Это было невозможно вынести, особенно после того, сколько она ждала и при каких обстоятельствах.

— Паламед, пожалуйста. Расскажи мне хоть что-то, хоть самую крошечную, неважную вещь. Мне это так нужно. Может быть, я умираю от… любопытства…

— Не смешно, — сказал Паламед.

— Пожалуйста, — повторила Нона.

В конце концов он сказал:

— Все, что я знаю, Нона: если ты одна из двух людей, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что ты не просто первый человек, не хозяин этого тела.

Нона попыталась посчитать.

— Но это значит, что я второй человек.

— Или не только первый человек.

Это было довольно трудно уложить в голове.

— Может ли один человек быть двумя? Мне кажется, у меня внутри места только на меня, а иногда кажется, что его даже для меня мало.

— Ликторы могут, — сказал Паламед, — или, по крайней мере, они так думают. На самом деле они просто превратились в полуживых каннибалов. Мне кажется, что истинное ликторство — это взаимная смерть… гравитационная сингулярность, создающая нечто новое. Большой лизис, а не малый лизис мегатеоремы. Господи, Нона, что я несу… ненавижу быть таким.

Нона подошла, чтобы обнять его. Она обняла его так, как обняла бы Камилла, единственное, что она умела по-настоящему, и он немедленно расслабился. Положил голову ей на плечо и глубоко вдохнул через нос.

— Помнишь девушку из эфира? Не поразительно красивого и явно мертвого человека с модной прической?

— Рыжую. — Это было легко.

— Это другое тело, которое может быть твоим, — пояснил Паламед, — ее настоящее имя — Гидеон Нав, и нам нужно доставить тебя к этому телу, если получится. Духовная гравитация

сделает все остальное.

Это было ужасно.

— Но я не хочу быть рыжей, — сказала Нона. — Я не воспринимаю себя рыжей. И я не хочу быть некромантом. Или принцессой. Паламед… я… зомби?

Паламед взял ее за плечи и посмотрел на нее.

— Ты родилась в Девяти домах, Нона. И я, и Камилла, и Пирра. Мы все зомби в понимании местных. Я родился со способностями, так что я настоящий зомби, волшебник. Камилла и Пирра, у которых способностей нет, были теми, кого они называют приспешниками…

Ей стало больно.

— Неудивительно, что Табаско выгнала меня из банды. — Глаза снова зачесались от слез.

— Табаско — очень молоденькая девочка, которая терзала свои нервы столько времени, что у нее их больше вообще нет, — резко сказал Паламед, — в какой-то момент она пожалеет о своем поступке.

Губы Ноны задрожали, и она с трудом сглотнула. Паламед осторожно сел и поморщился, а она впервые посмотрела на его руки: на массивные черные наручники, мигающие электронным красным светом.

— Взрывные наручники, — пояснил он, — когда Ценой страданий увидела, как мы с Камиллой вытаскиваем пулю из твоей головы… а я не мог тебя бросить… она пришла к своим собственным выводам и тем выводам, которые ей подсунула Корона. Они очень заняты с тех пор, как мы вернулись, поэтому они хотят, чтобы мы оставались на месте.

— Ненавижу, когда меня ограничивают, — возмутилась Нона.

— Насколько я понимаю, Гидеон тоже.

Тут Паламед стал очень серьезным, и лицо его напряглось, как будто он собирался что-то сказать, и в дверь постучали. Он быстро сказал:

— Скажи Кэм, что нам с ней нужно поговорить как можно скорее. Я вернусь к тебе, ты не умрешь на наших глазах. Боюсь, я немногих смог спасти в своей жизни, но тебя спасти твердо намерен.

Нона не хотела лгать Паламеду, поэтому и обрадовалась тому, что глаза посветлели до ясного, стеклянно-серого цвета, означавшего Камиллу. Та несколько раз моргнула, чтобы сориентироваться. В дверь постучали еще раз, и Нона машинально сказала:

— Войдите.

Дверь открылась, и вошел некто: элегантный

человек средних лет с сумрачными глазами. Без маски, очков и капюшона. Волосы были собраны в аккуратный узел и обернуты коротким шарфом в синюю полоску. В одной руке у человека был чемоданчик, а в другой она ловко удерживала две бутылки воды. Женщина села в то кресло, где обычно сидела Ценой страданий, и принялась вынимать из чемоданчика разные вещи — бумаги, планшет, что-то электронное, ручки. Когда она вопросительно наклонила голову в сторону Ноны, та вздрогнула, вдруг поняв, что это Ценой страданий — Ценой страданий без маски, с обнаженным лицом, впервые за все время, что Нона ее видела.

— Я тебя удивляю, Нона? — очень вежливо спросила она. — Мне кажется, мы на той стадии, когда пора отказаться от маскировки ячейки. Это полезно, но до определенного предела. Не думаю, что тебя так уж мучает вид моего лица.

— Зачем меня связали? — требовательно спросила Нона. — Зачем надели наручники на Камиллу? Почему в нас стреляли? Где Ангел? Вы нашли Пирру?

— Комедия ошибок. Приношу свои извинения, — ответила Ценой страданий. Нона заметила, что отблески света на ее волосах придали им

приятный каштановый цвет, как у лоснящейся мышиной шкурки. Вероятно, она была немного старше Пирры. Черты лица у нее были резкие, нос — аристократический, с горбинкой, а тонкие линии морщин проступали даже под слоем пудры. Будь Нона в менее гадком настроении, она бы решила, что Ценой страданий симпатичная, но сейчас ей ничего не казалось симпатичным.

— Понимаю, что ограничения могут показаться несправедливыми, — добавила Ценой страданий, — пожалуйста, имей в виду, что ты очень сильно потрясла моих людей, а также ты — самое страшное существо, которое я видела за свою жизнь, так что это не должно стать сюрпризом.

Нона засомневалась.

— Я, наверное, извиняюсь. Только не похоже, чтобы ты жалела, что связала меня и Камиллу.

— Не стоит извиняться. Мы по-своему впечатлены. Я имею в виду, что сейчас большинство людей не согласится находиться с вами в одной комнате. Это нормально. Они нам не нужны. Гект, как я говорила тебе вчера, это все оказалось не напрасно. Страсти призналась, что недавно ликвидировала большое подразделение крыла Мерва. Это нормально. Неправедная надежда не стал делать из этого истории. Он всегда так

себя ведет, несмотря на потери. Он хочет какое-то время хранить это в тайне. В норме ваша встреча с Посланником, которого вы называете Ангелом, стала бы катастрофой, но я думаю, что мы сможем это пережить. Ей это не повредило. Я не думаю, что нам стоит обращать внимание на что, что Страсти стреляла в ее присутствии, хотя, сделав это, мы все можем оказаться перед расстрельной командой. Мы оседлали волну. Давайте посмотрим, куда она нас принесет. Нона, ты действовала крайне впечатляюще. В Крови Эдема ценят кровь.

Большая часть ее слов прошла мимо Ноны.

— Ты вообще не отвечаешь на мои вопросы, — зло сказала она, — кто такая Ангел, ну в смысле Посланник?

— А это выше категории вашего денежного довольствия, — сказала Ценой страданий.

— Ты нам не платишь, — возразила Камилла.

— Нет. Маленькая шутка, — пояснила Ценой страданий, — вам достаточно знать, что у нее есть маленькая пожилая собачка, которая умеет лазить по деревьям.

— Ангел… важна? — спросила Нона.

— Ангел — это Кровь Эдема, — ответила Ценой страданий, но не стала уточнять, — в ретроспек-

тиве кажется, что не стоило держать Ангела рядом с тобой или даже в одном городе. Если класть все яйца в одну корзину, проблемы начинаются, когда на эту корзину кто-то садится. Но как можно это предсказать? Так или иначе, мы вернулись. Меня назначили ответственной за следующий ход, а Неправедная надежда задвинут назад… временно.

— И что это значит? — спросила Камилла.

— А это значит, что ты мне нужна, Гект.

— Тогда сними эти гребаные наручники у меня с ног.

— Как только будет можно. Они не позволили мне оставить вас двоих в одной комнате без них. Как я и говорила, они впечатлены ею, но и очень испуганы. Дома отправили на переговоры ликтора, и вдруг возникаете вы — одна способна пережить пулю в мозгу, а вторая владеет некромантией в полной мере! Некромантией, о которой я не знала! Если бы ты сказала мне, Гект, мне удалось это раскрутить. Мы бы придумали что-то вместе.

— Ты не контролируешь своих людей? — спросила Камилла.

— Я не могу требовать от них терпеть невозможное. Я не тиран. Я осуществляю контроль,

которого вы не видите. Например, этот ваш с Ноной роман… о нем еще не знают в других ячейках, а остальная часть Ктесифона пока им не скажет. Пока что это семейное дело, и наши надежды и внимание сосредоточены на другом.

Нона не успела даже взглянуть на ноги Камиллы и снова разозлиться, Камилла сделала ледяное лицо, а на столе перед Ценой страданий что-то запищало. Она посмотрела на маленький складной экранчик и сказала:

— Девять утра. Она на месте. Достоверно.

Девять? Как долго Нона спала? Как мало спала Кэм? Посмотрев на Камиллу, она увидела, что ее лицо застыло, как бетон на работе Пирры.

— Это ваш последний шанс, — бесстрастно сказала Камилла, — отзовите ее.

— Это единственный шаг, который мы считаем возможным сделать, он срочный, — заявила Ценой страданий, — она вызвалась добровольцем. Нам нужен кто-то внутри. Без информации мы не сможем двинуться на казармы и найти проход. Она, пожалуй, единственный человек, для которого это не станет самоубийством. Она сама это сказала.

— Тебе следовало спросить, почему она так сказала, — уточнила Камилла. — Я могла бы пойти.

Я гражданка Девяти домов.

— После последних восьми часов? Нет уж. По-своему ты тоже слишком важна. Мне нужно, чтобы ты все слышала. Чтобы ты перевела нюансы. А ей нужно, чтобы ты оставалась здесь, иначе ее план не сработает, хотя она и сказала, что сделает все сама. Она сказала, что ею можно пожертвовать, а тобой нет. Мы с этим согласны.

— Тебя переиграли, — сказала Камилла.

Ноги Ноны ослабли. Она рухнула в кресло, и Ценой страданий довольно изящно толкнула в ее сторону одну из бутылок с водой. Нона неуклюже ее перехватила и с удовольствием почувствовала прохладу пластика. Прижала бутылку к щеке и лбу. Она все еще обливалась потом.

— Послушай меня, — сказала Камилла, — отзовите ее. Она не сможет этого сделать.

— Лейтенант Корона знает, что делает, — спокойно возразила Ценой страданий, хотя Нона не была бы так спокойна при виде гримасы Камиллы. Она сделала такое же лицо в тот раз, когда Пирра позволила Ноне выкурить сигарету, и Нона случайно съела половину.

— Я уже много раз тебе говорила. Выходит так на так. Вчера голосовали за то, чтобы подложить в казармы бомбу и надеяться, что Ианте Набери-

ус этого не переживет. Есть ощущение, что мы должны сыграть агрессора. Кровь Эдема очень хорошо умеет обороняться, не двигаясь вперед, постоянно отступать. Мы слишком многим обязаны Уэйк, чтобы продолжать играть в эту игру. Корона это понимает. Я думаю, она рассчитывает на победу… и теперь мы знаем, насколько велик выигрыш.

Камилла подошла к столу, звякнув цепью. Она приняла позу, которую часто видела Нона: руки скрещены, голова немного наклонена, выражение лица такое, которое у Ноны ассоциировалось со взлетом. Это была поза Паламеда, и на мгновение Ноне показалось, что это и есть Паламед, но это было не так. Это Камилла пыталась быть Паламедом.

— Послушай меня, — каждое слово падало, как камень в пруд, — это ловушка. Это не даст тебе информации. Это не даст тебе того, что ты зовешь ключом. Ты отпустишь ее туда одну, и она никогда не выйдет. Она собирается сдаться, а не сражаться.

Это был очень длинный для Камиллы разговор. Ценой страданий слегка нахмурилась и сказала:

— Я не могу поверить, что эта девушка убила собственную сестру-близнеца.

— Убила? — переспросила Камилла.

Маленькое электронное устройство снова запищало. Ценой страданий нажала кнопку, и динамики по углам коротко скрежетнули. Ценой страданий сделала универсальный жест, призывая Камиллу замолчать.

— Передаю. Мю на позиции. Снайперы готовятся на случай, если что-то пойдет не так. Стрелять лучше в голову. Прикрывайте Трою, если это возможно, но нам приказано стрелять, несмотря ни на что.

— Отзовите ее, — повторила Камилла, и впервые в ее голосе прозвучало отчаяние, — Корона не сможет ей солгать.

Ценой страданий посмотрела на нее, и на мгновение Ноне показалось, что она согласится. Без очков и маски читать ее было гораздо легче. Глаза ее, каре-зеленые с ресницами, чуть тронутыми черной тушью — очень роскошно по меркам Ноны, — эти глаза оставались бесстрастными, так что смотреть стоило на губы. Мгновенное колебание выразилось в поджатии губ. Потом прошло. Ценой страданий ткнула кнопку и сказала:

— Смотрите на площадь. Толпу сдерживают? Пусть ополчение их отвлекает. Не хочу, чтобы шальная пуля зацепила машину или кого-нибудь

на выходе из здания… да… нет, оставим только звук, система не выдерживает нагрузки. Да. У вас есть приказ.

Камилла привалилась спиной к стене. Закрыла глаза и наклонила голову. Челка, которую давно пора было стричь, свесилась на глаза. Ценой страданий положила ресивер, потыкала кнопку, и звук в динамиках оборвался. Нона отвинтила крышку с бутылки и сделала большой глоток воды, смывая с языка кисловатый привкус.

Она чуть не выпрыгнула из собственной шкуры, когда динамики вдруг взревели звуками дороги, когда отчаянно засигналила машина, требуя ее пропустить. В динамиках трещало. Кто-то дышал тяжело и слишком быстро. Двигатель звучал так, будто Нона стояла прямо в нем. Но при этом слышно было все, даже как снаружи кто-то хватается за колесо. Кричали люди. Послышался металлический грохот, а потом возмущенный шепот Короны:

— Хватит в меня кидаться, придурки.

Ее голос и дыхание не совпадали друг с другом. Все было преувеличенно громким и странным. Колеса перевалили через что-то, въехали на новое покрытие.

— Я внутри, — сказала Корона, и раздался щел-

чок — выключилось зажигание. Дверь машины открылась с грохотом разорвавшейся бомбы. Сапоги Короны застучали по земле. Крик отдалился, но по-прежнему звучал на фоне.

Его прервал далекий голос, приказавший на языке Домов:

— Ни шагу дальше.

Голос Короны, куда громче и ближе:

— Я безоружна! Безоружна! Я гражданка Девяти и прошу права святилища во имя Третьего дома, во имя Императора Неумирающего! Ради бога, в меня целится снайпер!

Наступила абсолютная тишина. Голос Короны из испуганного стал раздраженным:

— Я Коронабет Тридентариус, кронпринцесса, наследница Третьего дома. Моей матерью была Виолабет Тритос, моя сестра — ликтор, и мои мозги сейчас разлетятся по плитке, если вы не соизволите дать мне проехать.

Раздался еще один лязг. Что-то открылось и закрылось. Кто-то хрипло сказал:

— Коронабет Тридентариус мертва уже более года. Садись в машину, разворачивайся и уезжай, — но другой голос, еще слабее, возразил:

— Да ты посмотри на нее.

Корона отчаянно сказала:

— Моя сестра находится на территории Когорты. Она сможет меня опознать. Скорее.

— Ты же понимаешь…

— Я понимаю, лейтенант… лейтенант, верно? И поэтому прошу позвать Ианту. Мою сестру! Она сможет опознать меня или мое тело, как вы решите! Вытащите меня из этой толпы!

Наступила еще одна пауза. Дыхание Короны стало намного мягче, менее напряженным, менее странным. Послышались треск и удары, которые Нона не смогла узнать. Она сделала еще глоток воды и посмотрела на Ценой страданий, которая держала одну руку на своем экранчике, как на спусковом крючке. Посмотрела на Камиллу. Та закрыла глаза и медленно переносила вес с одной ноги на другую — так медленно, что цепь даже не звенела.

Послышался далекий крик. Снова лязг. Голоса, которые Нона не разобрала. Потом наступила тишина, слившаяся из этого фонового шума, бессмысленных слипшихся друг с другом звуков. Еще один далекий звон. А потом Корона сделала самый длинный вдох, который Нона слышала в своей жизни.

— Корона, — крикнул кто-то новый. Нона уже слышала этот голос во время трансляции. Шаги,

переходящие в бег. Что-то врезалось в Корону. Беспорядочные звуки — шорох ткани, всхлипывания, помехи в эфире, и Корона, совсем не похожая сама на себя, и второй голос, говорящий одновременно с ней:

— Не трогай меня. Не прикасайся ко мне.

— Тихо, милая, тихо. Мы здесь. У нас все в порядке. Я нашла тебя, дорогая.

— Господи, ты такая холодная. Он такой холодный.

— Он мертв, дорогая. Я здесь, внутри. Прости, прости меня.

— Как ты могла? Как ты могла?

— Пожалуйста, прикоснись ко мне. Я умру.

— Я тебя люблю. Я люблю тебя, я люблю тебя, я так скучала по тебе. Пожалуйста, окажись настоящей.

— Я настоящая… мы настоящие.

— Господи, Ианта, — сказала Корона, и ее голос снова изменился, — это отвратительно. Ты посмотри на него. Я тебя ненавижу.

— Нет, не ненавидишь. Ты всегда так говоришь. Не плачь, милая. Не смей плакать, когда я не могу плакать с тобой. Это нечестно. А я не могу плакать, если только не поработаю над слезными протоками вручную. Ты только посмотри на

себя… ты такая красивая, даже с этими дерьмовыми побрякушками и секущимися концами. Заклепки, милая? Серьга для похудения?

Корона икала, рыдала и смеялась одновременно:

— Не смей. Не говори как Бабс.

— Ты сама знаешь, я всегда говорила как Бабс, за исключением тех случаев, когда Бабс говорил как я. Мы были честны.

— Иди сюда, любовь моя, — сказал голос, и рыдания Короны стали тише, а потом вообще прекратились.

Через некоторое время Корона сказала:

— Откуда ты узнала, что я здесь?

— А я не знала, — ответил другой голос, — сейчас мои люди прочесывают еще три планеты в поисках тебя. Я никогда не думала, что ты окажешься здесь. Боже, какой кошмар! Он решит, что я сделала это специально. А я ни в чем не виновата. Как ты оказалась на этом жалком астероиде, милая?

— Это длинная история.

— У меня полно времени. Ну давай же. Давай поговорим внутри. Да вылезай из машины, это безопасно. Я сейчас не совсем в форме, так что мне нельзя наружу. Давай скорее.

Икота утихла, и Корона настойчиво сказала:

— Нет. Мне нужна машина. Ианта… Ианта, мне нужна твоя помощь.

— Что угодно, но заходи внутрь.

— Нет, погоди.

Снова звон. Шаги. Открывающаяся дверца машины. Другой голос, нежный, но даже не пытающийся скрыть отвращение.

— Да ты издеваешься.

— Ей нужна твоя помощь, — сказала Корона.

Камилла подняла голову.

— Я полагала, что она покинула эту юдоль скорбей, — недовольно ответил другой голос.

— Харрохак тебе не говорила?

Голос стал холодным и жестким, как кубик льда.

— Харроу… что? Когда ты говорила с Харроу?

— Просто помоги мне затащить Юдифь внутрь. Вы должны помочь ей. Седативный эффект скоро пройдет. Ианта, ты единственная. Ианта, не смотри на меня так. Если будешь так на меня смотреть, я уйду. Хочешь меня, бери и ее, ясно?

Другой голос протянул с явным отвращением:

— Юдифь Дейтерос? Юдифь-дни-рождения-в-календарике-Дейтерос? Серьезно?

— Это синее безумие, Ианта, она не может…

— Юдифь Дейтерос, из-за которой ты при игре в «Женись, убей, реанимируй» говорила «реанимируй», потому что никто не мог понять разницу? Эта Юдифь Дейтерос?

Ценой страданий постучала по экранчику, нажала кнопку и коротко велела:

— Проверяйте подвал. Где охрана? Кто следит?

В динамиках Корона говорила:

— Я не могу… не могу просто дать ей умереть. После того, как умерли все остальные.

— Господи, дорогая, просто забудь. Никого не волнует Юдифь Дейтерос. Серьезно, в мои планы не влезает никакая Юдифь Дейтерос. Она окончательно сбрендит еще до ухода номера Седьмого. Ее приятнее убить. Две трети некромантов казарм уже мертвы. Осталось всего несколько человек, и вчера мне пришлось уложить троих, которые уже совершенно не соображали, а они выглядели значительно живее, чем Дейтерос. Прекрати так на меня смотреть. Как тебе мой наряд?

— Плохо, — холодно ответила Корона, — в белом у Бабса бледный вид.

— Подожди, пока не увидишь в этом меня.

— Да уж наверное.

— Я же говорю, перестань так на меня смотреть, — томно произнес голос, — да ладно, Корона,

ты дуешься, а мне плевать. Я же теперь ликтор. Я видела, как сказали бы поэты, некоторое дерьмо. Я правда думаю, что тебе следует позволить мне ее усыпить. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Ты думаешь, что можешь вернуться домой только победоносным героем. Ты ошибаешься. Во-первых, никому нет никакого дела до Юдифи, а во-вторых, наш с тобой день рождения уже объявили государственным праздником. Не день «вступления в ликторство возлюбленной дочери Третьего дома», а день «безвременно ушедшей дорогой Коронабет». Когда я услышала, то чуть со смеху не умерла. Тебе неприятно, милая? Я не хотела.

— Ианта, пожалуйста, — тихо сказала Корона, — я столького не понимаю. О тебе. О том, что произошло. О Гидеон.

— То есть ты запомнила ее имя, — недовольно сказал голос.

— Я несколько месяцев провела в шаттле с ее телом. Я хочу знать, что происходит.

— Объяснять придется многое.

— Ты позволишь мне войти или прогонишь?

— А это зависит от тебя, дорогая.

— Ты о чем?

— То, что я использую Бабса как марионетку,

еще не значит, что у меня нет ресурсов, — сказал голос, — я же ликтор. Да, несколько марионеток — это больно. Надеюсь, эксперт по достоинству оценит мою работу. Я не слепая, Корона. Моя милая золотая девочка в этой грубой куртке… и серьгах. Отдам ему. Он сказал, серьги или ожерелье.

Нона напряженно смотрела на Ценой страданий. Что-то слышалось в ее наушнике. Она сказала:

— Нет, пока мы не услышим вызов. Нет. Сигнал.

— Ианта, о чем ты, черт возьми? — прошептала Корона. — Ты пугаешь меня.

— Ты пугаешь меня.

Еще один звук. Где-то слева от Короны послышался низкий короткий звук, похожий на звонок, одинокая нота, которая нарастала, пока что-то не заглушило ее. Это походило на капитана.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, — сказала Корона.

— Только того же, чего ты хочешь от меня, — сказал другой голос, — и я обижусь, если ты меня назначишь злодейкой. Не могу сказать, что я сейчас страшно веселюсь. Я даже не могу обнять тебя своими собственными руками, прижаться

к тебе собственным телом. Только телом Бабса. Так себе метафора. Я не пытаюсь себя успокоить. А заклепки тебе не идут.

— И на какую некромантию ты способна?

— Это интересный вопрос, — сказал голос.

Еще одна долгая пауза. Голос нетерпеливо произнес:

— Кивни или встряхнись. Они слушают?

Ответа не было, ну или Нона его не видела. Камилла полностью подняла голову.

— Не вмешивайтесь, — сказала Ценой страданий в микрофон.

— Ясно, — сказал голос, — не бойся, детка, на тебя я не злюсь. Он мне рассказал, что ты такое.

Что-то произошло. Динамик затрещал, и второй голос стал намного громче, как будто говорил прямо в микрофон.

— Слушайте Святого трепета, гниды, — сказал голос, — я очень благодарен за возвращение сестры, поэтому не буду сейчас уничтожать планету, на которую, прямо скажем, всем срать. Я меняю условия, но не паникуйте. Видите ли, меня не особо волнует Кровь Эдема. Я, в общем-то, не против, если вы все проживете еще пару сотен лет. Думаете, мы с вами сражались в Антиохии? Думаете, вы были нашим главным противником?

Конечно, вы там натворили херни, но мы уже все прибрали. Вы нам не нужны, ясно? Живите себе еще пять тысяч лет. Мне нужны только все активы Домов, которые вы нашли. Я знаю, что у вас есть, и заберу это все. Мне нужен Надзорный орган Шестого дома. Мне нужно, чтобы Камилла Гект стояла у меня на пороге. А больше всех мне нужна Харрохак Нонагесимус, целая и невредимая. Иначе ваша планета обречена. Корона, хватит плакать, я правда на тебя не сержусь. Забавно, что кто-то подумал, что ты сумеешь меня обмануть.

— Вмешивайтесь, — сказала Ценой страданий.

— Дейтерос, — сказала Корона. — Обещай не трогать Дейтерос.

— Если мне придется еще секунду смотреть на Дейтерос, я помру, — нетерпеливо сказал голос, — поверить не могу, что ты зашла так далеко чисто ради возможности покрасоваться в форме. Хотя ты всегда любила форму. Почему Дейтерос-то?

— Нет. Послушай ее, — настойчиво сказала Корона.

— Что такое, черт возьми, — недовольно сказала Ценой страданий.

— Она пытается нам что-то сказать.

Но Корона сказала только:

— Она меня выслушала. Я перед ней в долгу.

— Делов-то. Тебя кто угодно выслушает, если ты расстегнешь две верхние пуговицы. Хотя нет, не Дейтерос, ты совсем не в ее вкусе. Ладно, заходите уже обе, расслабься. Ты такая красивая, когда нервничаешь.

— Ну ты и сука, — сказала Корона, то ли плача, то ли смеясь.

Взгляд Ценой страданий скользнул к Ноне, а может быть, она все время на нее смотрела. Нона сидела с полным ртом воды, медленно ее согревая. Открылась и закрылась дверь, совсем рядом с местом, где раздавались голоса. Раздался узнаваемый щелчок. Ценой страданий поднесла устройство к уху. Кто-то говорил.

— Они готовы, — тихо сказала Ценой страданий Камилле, — могут стрелять.

— Нет.

— На карту поставлены наши жизни.

— Не надо, — сказала Камилла.

Голос Короны внезапно изменился, как будто у нее по-другому задвигались губы.

— Господи, нет.

Другой голос протянул:

— Не волнуйся, дорогая. Это ручной ликтор. Он не причинит тебе вреда. Он больше не сможет

никому причинить вреда. Ты и твои маленькие головорезы взяли его в качестве домашнего любимца? Ладно, отвезу его папе в подарок. Если папа сможет отвлечься от своего кризиса среднего миллиарда достаточно надолго, чтобы обратить внимание на меня.

Раздался новый и удивительно знакомый голос с совершенно незнакомыми интонациями:

— Тихо.

— Хрен. Ты, может, и Святой долга, но я последние полгода была у Учителя девочкой для битья, так что пошел на хер, — возразил другой голос, — это мне в нем и нравится. Как думаешь, примем незваного гостя или что?

— Убей ее, — сказал голос, — обуза.

— Я выйду на улицу и сдамся толпе, — сказала Корона, — если хоть один волосок упадет с ее головы. И я никуда не пойду с… ним.

Протяжный голос впал в отчаяние.

— Ну и ладно. Бери ее с собой. Но он тоже идет. Это тоже не подлежит обсуждению.

— Он говорил тебе о… Харроу? Он говорил тебе о Кэм?

— Он мне все рассказал.

— Вытащи крючок из рыбки, — нетерпеливо велел новый голос, — вторая серьга. Правое ухо.

Послышалось смазанное «ой», и передача оборвалась.

Нона с облегчением и радостью поняла, что новый голос принадлежал Пирре.

21

Ценой страданий слушала еще несколько минут, а потом в порыве гнева, или грусти, или того и другого швырнула наушник на стол. Обхватила руками голову цвета мышиной шкурки.

Нона обнаружила, что у нее во рту слишком много воды, чтобы проглотить разом, и поспешно начала делать крошечные вежливые глоточки, но ее усилия ни к чему не привели. Ее горло издало звук, немного похожий на крик чайки, пытающейся ухватить целую сосиску, и это вышло очень громко. Ценой страданий положила телефон и посмотрела на Камиллу и Нону дикими глазами: примерно такое же выражение лица Нона видела у Табаско. Но это не имело значения.

— Не так быстро, — сказала Камилла, но Ноне это показалось глупым.

— Кэм, — возразила она, — нам нужно к Пирре, ты же ее слышала. Слышала?

— Я слышала, — сказала Камилла.

Дверь распахнулась. Вбежал эдемит в маске, но с неприкрытыми испуганными глазами.

— Последнюю смену вырубили и заперли в

лазарете. Некроманта больше нет. Проверки провели не по порядку… тревога…

— Не оправдывайся. Иди и доложи командиру ячейки, — отрезала Ценой страданий.

Дверь снова захлопнулась. Когда они остались одни, Камилла спокойно заметила:

— Все прошло лучше, чем вы заслуживаете.

— Ты утверждаешь, что все прошло хорошо? — Ценой страданий повысила голос. — Лично мне кажется, что лейтенант Корона предала нас со скоростью и рвением, которые обычно встречаются разве что в дешевых пьесах. А я поверила… она поклялась тысячу раз… понимаешь, это она поставила снайпера. Стрелять в голову надо было не ликтору. Она велела выстрелить в себя, если ее раскроют. И я ей поверила. Я и раньше видела, как люди просили застрелить их, и глаза у них были не такие, как у нее. Она была убеждена в том, что говорит. А украсть Дейтерос у нас из-под носа… и потерять Пирру Две без шансов на возвращение… Надо было ее чипировать. А теперь тебя называют по имени. Нас предали дважды.

— Не говори так про Пирру, — разозлилась Нона, — Пирра нас не предаст.

— Дитя, твое мнение не…

— Я бы не стала ее злить, — спокойно сказала

Камилла, и, к стыду Ноны, Ценой страданий заколебалась. Кэм продолжила: — Просканируй частоту. Проверьте наличие активных жучков в локации.

— Поясни, — попросила Ценой страданий после паузы. Нона подумала, что она соображает очень медленно.

— Пирра только что сказала нам, что все в порядке, — сказала она, — но я бы хотела, чтобы она забрала меня из школы вместо того, чтобы ехать в казармы, потому что тогда бы ничего этого не произошло. Слава богу, она в порядке.

Пристально посмотрев на нее, Ценой страданий взяла ресивер и набрала номер. Нона уловила несколько обрывков разговора:

— Короткие волны. Не задавать вопросов. Просто делайте.

Ноне стало неинтересно. Она повернулась к Камилле и подвинула стул, чтобы оказаться рядом с ней у стены. Камилла пошевелилась, освобождая ей место.

— Мне нехорошо. — Нона пожалела, что выпила столько воды.

— Расслабься. — Глаза Кэм вспыхнули.

— Меня бесят твои наручники. — Ноне хотелось разрыдаться.

— Ты все время это говоришь, а мне плевать. Иди сюда.

Камилла сделала то, что делала очень редко. Она крепко обхватила Нону рукой, так что Нона почувствовала, как напряжены плечо и бицепс, и притянула ее к себе. Нона пристроила голову на плечо Камиллы и обвила руками ее талию. Так они и стояли: она держала Камиллу, Кэм держала Нону. Камилла была теплой, сильной и безопасной, и у нее были приятные на ощупь кости: ямка на плече, твердая тонкая ключица.

— Долгая была неделя, — заметила Камилла.

— Да, — согласилась Нона, — я хочу пойти с тобой домой… Мне нужна Пирра. Мне нужен Паламед.

Они еще пообнимались. Потом Камилла кашлянула где-то над макушкой Ноны и спросила:

— Ты же знаешь, что у тебя была истерика? Помнишь, как нападала на охранников с обломком стула?

— Извини, пожалуйста…

— Нет, я не об этом. Очень хорошая была стойка, — Камилла говорила медленно, как будто подбирала слова, — оружие ты держала двумя руками.

— Ну мы же тренировались с мечом.

— С одноручным.

Нона немного отстранилась и посмотрела в глаза, которые принадлежали Паламеду задолго до того, как она познакомилась с кем-либо из них: лицо Камиллы, ее пристальный взгляд, успокаивающее напряжение ее тела. Нона почувствовала что-то странное. Из носа у нее потекла горячая струйка, а когда Камилла вытерла ей лицо рукавом, оказалось, что струйка ярко-алая.

— Мне нужно поговорить с Паламедом, — тихо сказала Камилла.

Прежде чем Нона успела вспомнить, что Паламед сказал то же самое, Ценой страданий так сильно ударила по столу, что Нона подпрыгнула.

— Еще один узел, — объявила она в ужасе и волнении, — у нас все еще есть контакт! Неактивная линия! Но где?

— Юдифь, — ответила Камилла, вылезая из-под руки Ноны, — дай им немного времени. Я поняла тогда, когда она вынесла Дейтерос. Пирра подтвердила. Нона была права. Она дала нам коды.

— Что она сказала? — сосредоточенно спросила Ценой страданий.

— Она сказала, чтобы я действовала, — ответила Нона, — что это безопасно. И, кажется, сказала, что нашла целую пачку сигарет. — Ценой страда-

ний выглядела так, как будто ничего не поняла, и Нона использовала фразу, которую часто слышала от Ангела:

— Боюсь, это типично.

Ценой страданий решила проигнорировать это.

— Вы действительно доверяете Пирре Две?

Камилла в задумчивости потрещала шеей и попыталась поднять ногу, но оковы пискнули, так что она снова ее опустила.

— Я на девяносто процентов уверена, что она играет роль. Пирра Две сделает что угодно, чтобы добраться до этого шаттла.

— Значит, вы все это время собирались бежать, — медленно сказала Ценой страданий.

— Нет. У вас наши заложники.

Кажется, Ценой страданий задумалась. Последовала долгая пауза.

— Очень хорошо. Возможно, игра не проиграна… Но это все очень ненадежно, куда сильнее, чем мне хотелось бы. Все маленькие чипы выброшены на середину стола, на всеобщее обозрение. Нам следует действовать с большой осторожностью.

— Нет, — снова сказала Камилла. — На самом деле как раз наоборот.

Нона удивленно подняла глаза. Ценой страданий тоже удивилась нетипичному для Камиллы поведению. Губы Камиллы произнесли:

— Отчет, пожалуйста.

И Нона затараторила:

— Пирра в казарме. Корона ушла внутрь, и мы слышали ее. Другой — кажется, это парень Короны — разбил жучок, но там есть еще один, на капитане, но мы пока ничего не слышим. Пирра говорит смешно, как будто она пытается не чихнуть, и она сказала, что там есть что-то нужное и мы должны его забрать. А, еще парень Короны сказал, что ему нужно все, особенно Камилла и некто по имени Харрохак Нонагесимус, и мы должны отдать ему это до захода солнца.

— Да, она очень требовательная, — согласился Паламед. — Кстати, Нона, это не парень Короны, а ее сестра, но вряд ли тебя можно винить за то, что ты перепутала.

Нона ощутила небольшой прилив облегчения при мысли, что у Короны нет парня.

— Командир Ценой страданий, у меня мало времени, так что прошу простить меня за спешку. Меня зовут Паламед Секстус, я Главный страж Шестого дома.

Ценой страданий посмотрела на него очень,

очень пристально.

— Это невозможно, — сказала она, — Паламед Секстус погиб в Ханаанской операции.

— Но ты видела меня раньше, — заметил он, — когда я вытащил пулю из Ноны. Или ты подумала, что это Камилла? Она не адепт, командир, она не способна на такое.

— Тогда… что ты такое? Ты каким-то образом управляешь ею? Нельзя ожидать, что…

— Слушай, это не имеет значения, — сказал Паламед. — Если ты предпочитаешь думать, что у Камиллы психическое заболевание и иногда у нее без видимой причины полностью меняется личность, пожалуйста, верь в самую удобную версию. Дело в том, что есть некоторые вещи, которые никто не знает, и я лучше всех могу их объяснить. Слушай. Если мы сможем вытащить тело Гидеон Нав, ключ от Запертой гробницы, из этих казарм, ты отдашь нам людей Шестого дома?

— За ключ от Запертой гробницы, — медленно произнесла Ценой страданий, — я отдам вам почти все, что в моих силах дать.

— Отлично, но это не ответ. — Паламед наклонил тело Камиллы вперед, как будто ему хотелось вскочить со стула. — Надзорный орган Шестого

дома. Если мы предположим, что ты сможешь до них добраться — как я понимаю, это нетривиально, — ты их отдашь нам? Да или нет?

— Да, — вздохнула Ценой страданий.

Паламед сел.

— Отлично. Давай обсудим подробности. Правильно, — сказал он. — Давайте поговорим подробно. Командир, Ианта Тридентариус далеко не так могущественна, как кажется. Она умудрилась высадиться на планету, управляя мертвым телом с большого расстояния. Это защищает ее от некромантического безумия, но одновременно очень сильно ограничивает ее способности. Сейчас она во многих отношениях менее сильна, чем обычный некромант. И она укрылась в казармах с горсткой телохранителей… и Пиррой Две, которой ты не доверяешь, а вот я — полностью.

Пока он говорил, на лице Ценой страданий отразились следы интереса.

— Ты утверждаешь, что мы загнали ее в угол.

— Да. Что-то вроде того. Но в том же углу торчит тело Гидеон Нав. Я понятия не имею, какого черта Ианта взяла его с собой — ради какой-то демонстрации власти или, может быть, она надеялась выманить Харрохак, — но всем присутствующим нужно это тело. Это твой способ выполнить твою

миссию, и это наш способ спасти Нону.

Ценой страданий взглянула на Нону, затем снова на Паламеда и спросила:

— Ребенок… чем-то болен?

— Я умираю, — весело вставила Нона. После первого признания эти слова становились легче с каждым разом, и ей очень хотелось произносить их при каждой возможности.

— Примите это на веру, но да, Нона очень нездорова, и я… мы… думаем, что единственный способ спасти ее — подвести ее к телу Гидеон Нав. Это все немного… теория, но здесь наши цели во многом совпадают.

— Ты так говоришь, как будто от этого становится хуже, но, как по мне, все выглядит неплохо. — Ценой страданий сильно оживилась по своим меркам, то есть немного сузила глаза. — В одном здании находятся и Гидеон Нав, которую я хочу сунуть в свой мешок, и ликтор, в некотором роде кастрированный, которого я хочу видеть в клетке. А рядом я, с мешком и кучей клеток.

Взгляд Паламеда метнулся к часам на запястье Камиллы.

— Нет. Есть еще одно. Ликторы могут путешествовать практически мгновенно на огромные расстояния. Я точно не уверен, способна ли на это

Ианта прямо сейчас, но есть шанс, что, если ты ее спугнешь, она воспользуется этим способом спасения и, что еще хуже, утащит Гидеон. Они не загнаны в угол, командир, они болтаются на конце поводка, и у меня есть неприятное ощущение, что этот поводок могут в любой момент отдернуть.

— Тогда вернемся к плащу и кинжалу. Мы должны вытащить Нав тайно, не пугая ликтора.

— И вот тут мы вам и нужны, — торжествующе заключил Паламед. — При всем уважении… сколько времени у тебя займет организация рейда на эти казармы? Более двадцати четырех часов, думаю.

— Ты нас недооцениваешь. Если мы откажемся от двойного контроля, Ктесифон будет готов часов через шесть.

— Не сомневаюсь. Пусть будет шесть. Но мы можем сделать это за полчаса, с учетом ситуации на дорогах. Пирра уже внутри, и, как я понимаю, Ианта преподнесла нам повод прислать туда и Камиллу. Мы можем отвлечь Ианту, положить тело в мешок и принести тебе все, чего хотела командор Уэйк. Но ты должна нам заложников. Черт, мое время заканчивается. Нона, расскажи все Камилле, ладно?

— Я тоже хочу в казарму, — сказала Нона, — я могу помочь.

— Обсуждаемо, — сказал он. — Командир, пожалуйста, сделай правильный выбор. Кровь Эдема держит свое слово. Ты можешь получить Гробницу, сохранить достоинство и все остальное. Нужно только довериться паре зомби.

Затем Камилла слегка осела вперед, как будто она почти уснула и спохватилась в последнюю секунду. Потом выпрямилась и посмотрела на Нону.

— Паламед рассказал Ценой страданий про Ианту и ликторов.

— Не понимаю, почему я в это лезу, — сказала Камилла самой себе, несколько раз моргнула и покачала головой.

— Это не игра теней? — уточнила Ценой страданий. Она выглядела очень умиротворенной, как будто боялась, что случится что-то плохое, а потом ей сообщили, что оно уже происходит. — Эта… одержимость. Обмен душами. Это настоящее?

— Да.

— Ты не актриса-виртуоз. Я говорила с Паламедом Секстусом… а Паламед Секстус погиб в доме Ханаанском.

— Да, — мрачно согласилась Камилла.

— Я не могу выдать местоположение Шестого дома. Пока, — она подняла руку, когда Камилла сжала губы, — пока. Гект, ты же должна понимать, что у Крови Эдема общие обязательства и общие ресурсы. Она могла перемещать эти ресурсы по своему усмотрению, — кивок на пыльный портрет крупной рыжеволосой дамы с холодными глазами, — а вот я должна делать один ход за раз. И я вынуждена ставить безопасность… существования Крови Эдема… даже выше миссии.

— Скажи мне, что ты знаешь, где находится Надзорный орган.

— Я знаю вполне достаточно, и больше, чем хотелось бы Неправедной надежде.

— Скажи, что они живы.

— Думаю, что да.

Камилла слегка наклонилась вперед. Челка упала ей на глаза. Нона подумала, что им надо было быть умнее и устроить день стрижки пораньше.

— Я постараюсь добыть тело Гидеон Нав, — сказала Камилла. — Ты дашь мне информацию.

Выражение лица Ценой страданий немного смягчилось. Тонкие линии вокруг ее глаз стали менее заметны.

— Я рада, что ты готова пойти на сделку. Я со-

гласна.

— Я сказала «постараюсь».

— Паламед Секстус думает, что ты справишься.

Рот Камиллы на мгновение изогнулся.

— У нас нет информации. Я не знаю, где Тридентариус ее держит. Не имею представления о том, что она может сделать. Мы не сможем долго сдерживать ликтора. Мне нужна информация.

— Мы будем помогать всем, чем сможем.

— Нам тоже понадобится шаттл.

— С оговорками. — Ценой страданий не дрогнула.

Камилла ничего не ответила, а Нону очень напрягало молчание, поэтому она вставила:

— У моей подруги один раз были такие штуки, но учительница помазала их сметаной.

— Спасибо, Нона, — очень любезно сказала Ценой страданий, и Нона обрадовалась.

— Если ты найдешь способ убраться с этой планеты, я бы хотела, чтобы ты кое-что взяла с собой.

— Куда? — Камилла подняла брови.

— Куда угодно, подальше отсюда, — ответила Ценой страданий.

— Хватит метафор. Ты уже просишь слишком многого.

Ценой страданий откинулась на спинку кресла и посмотрела на кусок стены в нескольких дюймах над головой Камиллы.

— Предположим… — начала она, но тут из динамика послышались тихий хлопок и резкий щелчок, от которого все подпрыгнули, за щелчком последовали стук и шорох, а затем голос Пирры сказал издалека:

— Она жива.

И голос Короны чуть ближе:

— Хорошо. Для тебя, я имею в виду.

Камилла тут же вскочила, слегка поморщившись, и взяла лист бумаги и ручку. Прижала лист к стене и начала писать. Голос Пирры, все еще мертвый и напряженный, сказал:

— Это угроза?

— Я не знаю вашей игры, — говорила Корона, — но я не доверяю тебе. Я не доверяю тебе Камиллу. Я не доверяю тебе никого из них. Я не знаю, на чьей ты стороне в конечном итоге, и никогда не знала. Я поняла это в тот момент, как тебя увидела. Ты чувствовала хоть что-нибудь за последнюю тысячу лет? Была ли у тебя когда-нибудь семья? Ты ее вспоминала за последние сто лет? Или тысячу?

— Нет, — сказала Пирра. Наступила тишина.

Потом Пирра добавила: — Я тебе тоже не доверяю.

Корона рассмеялась. Даже сквозь помехи Нона понимала, что это не самый приятный ее смех. Но это все равно был прекрасный, музыкальный, богатый звук, и Корона сказала с истерическими нотками:

— Никто не должен мне доверять. Бедняжка Гидеон. Бедная Нав. Это совершенно отвратительно. Почему ты одеваешь ее как куклу и катаешь тут? Для кого? Войска же в это не верят.

— Понятия не имею. Спроси Святого трепета.

— Не называй ее так… это нелепо. Кто вообще может назваться Святым трепета? Это что-то про младенцев или щенят? Почему ты держишь труп под замком? Это был ужасный план по выманиванию Девятой, да? Я вообще-то расстроилась. Я думала, что Ианта пришла за мной, а это было просто задание. Ловушка.

— Да, — сказала Пирра. Ее голос теперь звучал немного ближе. — Ловушка.

— Ты знаешь, почему она не сработает.

— Неважно. Никто не сможет добраться до этого трупа.

— Ой, прекрати. Хватит говорить многозначительные вещи, иди и охраняй ее. И оставь Юдифь

мне. Когда действие успокоительного пройдет, будет хреново. Она, знаешь ли, на многое способна. И я единственная, кто может проследить, что она в безопасности.

— Хорошая попытка.

Корона раздраженно фыркнула:

— Хорошо. Отлично. Тогда оставайся здесь и смотри. Но ты ведешь себя глупо. На твоем месте я бы положила Нав в чемодан, чемодан — в шкаф и заперла бы дверь. Она труп. Ее не нужно выводить в уборную.

— Я положила все трупы в морг, — сообщила Пирра.

— Что? Какое это имеет отношение к…

— Если я снова найду тебя здесь с этим некромантом одну, — пояснила Пирра, — она окажется там же.

Снова молчание. Еще один взрыв смеха Короны. Третий голос, куда более далекий:

— Над чем смеемся?

— Ианта, — торопливо сказала Корона, — это… существо не позволяет нам помочь капитану Дейтерос. Она скоро очнется, а синее безумие жутко ее потрепало. Она почти так же плоха, как некроманты внизу.

— Корона, дорогая, я велела ему не позволять

тебе прикасаться к ней.

— Ианта, ты меня бесишь, — мило сказала Корона.

— И мне это искренне нравится… Я скучала по этому лицу. Ох, ради бога, здесь…

Голос задвигался по комнате. Многие звуки Нона не могла разобрать, потому что они внезапно зазвучали очень громко. Они были в непосредственной близости от ведущих разговор. Лица Камиллы и Ценой страданий напряглись.

— Ничего с ней не делайте, — сказала Корона с внезапной сталью в голосе.

— Это заклинание, моя параноидальная маленькая тыковка.

— Заклинание для чего? Я никогда не видела такого заклинания.

— Вообще не представляю, как тебе удалось обмануть кого-то, прикидываясь некромантом, — сказал голос, — думаю, что все дело во мне. Вспомни, чему нас учили, Корона. Я собираюсь коснуться ее здесь, здесь и здесь…

— Используй ее слюну, — твердо сказала Корона.

— Ах, простите. Что-то ты все-таки усвоила. Ну хорошо. Это, конечно, значительно более близкий контакт с языком Юдифь Дейтерос, чем мне

когда-либо хотелось. Насколько я знаю, во Втором это считается сексом. Фу. Так вот, это ее субстанция, поэтому она не может нанести вред ее телу… Высший балл, Коронабет, я под впечатлением. Помнишь, наш пучеглазый учитель спрашивал, какие материалы подойдут для заклинания восстановления, и ты предлагала самые грубые вещи самым милым голосом?

— Да. — Голос Короны немного смягчился. — Маркус Трио его звали, да?

— Боже, как ты всегда запоминаешь эти имена. Да, это был Трио. Не волнуйся, заклинание продержит Дейтерос без сознания… еще какое-то время. Пойдем со мной, Корона. Я хочу, чтобы мы заперлись и говорили, говорили, говорили… наедине. Ты мне почти ничего не сказала. Кстати, Долг, это намек тебе на то, что пора убираться. Боже, как к тебе обращаться? Нужно придумать тебе прозвище. Как тебя всегда звала Харрохак? Черепахой?

— Ты сделала разрезы в ее мозгу, — холодно сказала Пирра.

— Прости? — переспросила Корона.

— Длинная история. И очень смешная. Пойдем расскажу, — сказал третий голос, — и давайте запрем эту дверь, зачем нам Дейтерос, правда,

милая?

Нона, Ценой страданий и Камилла какое-то время молчали, но больше ничего не было слышно. Камилла изрисовала целую страницу какими-то закорючками.

— Ты что-то поняла? — жестко спросила Ценой страданий.

Камилла сначала не ответила. Она подчеркивала что-то на листке, беззвучно шевеля губами и повторяя что-то про себя. Нона села перед ней, устав слушать и концентрироваться, задерживая дыхание. Прижалась щекой к колену Кэм. Кэм, казалось, не обратила на это внимания и не возражала, а потом посмотрела на Нону и на листок и спросила:

— А как тебя называла Пирра?

— Малышка, — немедленно ответила Нона, — Джуниор. Детская порция. Милашка. Крошка. Волосатый Маклари.

— Продолжай.

— Нумс. Ноно. Нет. Сладкая Нонс. Нона-Палона.

— Когда ее уже повесят, — пробормотала Камилла, — но я поняла.

— Что у тебя? — нетерпеливо спросила Ценой страданий.

— Нона, — сказала Камилла, откладывая листок, — посмотри на меня.

Нона, уже стоявшая у колен Камиллы, с радостью подняла лицо. Камилла вдруг взяла ее за обе руки, коротко сжала их, помедлила и приложила ладонь ко лбу.

— У тебя температура.

— Ой, наверное, это потому, что я умираю. Не волнуйся, у меня еще несколько дней в запасе, если я не натворю глупостей.

Судя по выражению лица Кэм, ее это удивило и расстроило.

— Каких глупостей?

— Ой, это сложно.

— Паламед знает?

— Да, я ему говорила.

— Хорошо, — ответила Камилла тоном, который Пирра называла «ладно, поговорю с твоими родителями».

— Нона, Пирра думает, что ты ключ к кое-чему, что нам нужно.

— К телу.

— Да. Тебе придется быть храброй.

— Ой, да пожалуйста, — пренебрежительно сказала Нона, — просто скажи, что мне сделать.

Камилла улыбнулась ей. Ради этой улыбки

Нона осталась бы жить, если бы ее мнения кто-то спрашивал. Она не ответила, только спросила у Ценой страданий:

— Сколько времени до заката?

— Больше восьми часов.

— Сможешь ли ты к тому времени разобраться с Шестым домом? И сможешь дать мне кое-что прямо сейчас?

— Ты обещала мне, я обещаю тебе — я дам тебе все ресурсы, какие смогу. Скажи, что тебе нужно.

— Ножницы, — ответила Камилла, — цветные линзы, — она посмотрела на расстегнутую рубашку Ноны, из-под которой виднелась футболка, — и самая черная одежда, которая у тебя есть.

Иоанн 9:22

Во сне он наконец привел ее к бетонной развалине. Ему потребовалось некоторое время, чтобы отгрести мусор от двери. Кажется, он хотел сделать это руками. Понаблюдав за ним час, она стала помогать. Камни резали пальцы и растягивали запястья, но порезы заживали так быстро, что им грозила опасность нарастить кожу прямо через край зазубренного осколка бетона, всосав в ладонь кусок стекла. Иногда так и случалось. Каждые пару часов приходилось делать паузу, чтобы он мог избавиться от мусора, случайно накопившегося под кожей.

Когда двери открылись, он отвел ее в комнату, где, по его словам, находился ресепшен. Вода разрушила комнату, но он утверждал, что она была разрушена еще до прихода воды. В какой-то момент стойку расколотили и привалили ею дверь, но потом дверь распахнулась и разбросала обломки по обе стороны комнаты. На полу стояли лужи зловонной воды и лежали кости — обломки костей, кости внутри одежды, кости с остатками мяса. Она обратила внимание на то, что на некоторых костях осталось мясо, и он

велел остановиться. Некоторое время он не хотел идти дальше. Он постоял в вонючей дрянной тьме и сказал: «Они ясно дали понять, что арестуют любого, кто попытается присоединиться к нам. Люди все равно потекли потоком. Казалось, что к нам пришли полмира. На самом деле их было, не знаю, пара тысяч? Выступление в роли некроманта явно не принесло бы мне победы на выборах, но полиция страшно встревожилась. Международная линия партии сводилась к тому, что нашу проблему надо взять под контроль. ООН ввела миротворческий контингент из-за границы, и нашему правительству это не понравилось. Они сказали, что это не зона боевых действий, и они не хотят кровавой бани, и это вообще незаконно. Кого могли, мы забрали за стену. Я расширял эту штуку метр за метром, к этому моменту мне уже не нужны были коровы, потому что я мог выращивать материю с нуля, и это всех пугало еще сильнее. Это пугало даже А.

А говорил: “Материя так не работает. Ты творишь костяной партеногенез”. Я ему ответил, что это мамка его занималась костяным партеногенезом. А пообещал когда-нибудь меня убить».

Он сказал: «То, на что я был способен, не просто пугало людей снаружи. У нас заканчивались ва-

рианты экспериментов надо мной. Я становился сильнее каждую минуту. Последней границей, которую я не мог пересечь, оставалась душа. Монахиня М была убеждена, что этого-то мне и недоставало, и если бы я нашел последнее звено, отделявшее живое от мертвого, то приблизился бы к Богу. Она была права, но я не уверен, что она была права в том смысле, в котором думала».

Он сказал: «Я очень злился и нервничал, пытаясь понять это. Душа. Элемент Х. Я знал, что единственный способ приблизиться к решению — это наблюдение за смертями. Мое желание сбылось. За стеной появилась куча новых верующих, они хотели войти и отказались отступить, вступили в перестрелку с толпой снаружи, и пять человек погибли».

Он сказал: «И я кое-что увидел».

Он сказал: «Но я не смог ничего с этим сделать, потому что выяснилось, что новые смерти похожи… похожи на крэк. Я никогда раньше не принимал крэк, но мне показалось, что так он и ощущается. Как будто мой мозг был настроен на насильственную смерть. Я чувствовал, как будто это происходит со мной. Как будто мне что-то вкололи в позвоночник. Я видел все. Я чувствовал все».

Он сказал: «Я взял энергию у этих пяти мертвецов и уложил всех людей с пушками в радиусе километра. Остановил сердца армейских, наемников, миротворцев, местных жителей.

Их было больше сотни, но я не стал разбираться.

Парочка из них сидели в вертолетах, но пилотов я не трогал, только тех, кто внутри. Просто — бам — и они мертвы. Это оказалось так легко. Как во сне. Я видел их всех так, как будто стоял рядом, чувствовал жар их тел и пульсацию крови. Это не потребовало усилий и не заняло времени. Это просто произошло. И чем больше я это делал, тем больше я мог видеть. Я оказался на грани чего-то безумного».

Он сказал: «Я пришел в себя, когда П начала меня трясти. Говорила о полицейском насилии. Спросила, какого черта я делаю. Она была зла. Один из немногих раз, когда я видел ее сердитой, один из немногих раз, когда я видел ее испуганной. Потому что я остановил сердца всех этих парней и не запустил обратно. Я сказал, что забыл. Она сказала, что раньше я никогда не забывал. Я поклялся, что не понимал, что делаю. А там оказались ее старые коллеги. Они вместе тренировались в Порируа и пили пиво. Я изви-

нялся, говорил, что испугался, что это несчастный случай, что я не понимаю, что произошло, что я потерял голову, когда они открыли огонь. Я сказал, что совершил ошибку. В конце концов она смирилась, потому что этого требовали остальные. Только сказала: “Такие осторожные чуваки, как ты, не должны допускать несчастных случаев. Если у тебя есть пистолет, научись попадать в цель. Слишком многое поставлено на карту”. Бедный Г не знал, что делать. Он никогда не мог выбрать между мной и П».

Он сказал: «В конце концов мы втащили внутрь все трупы. Для армии скелетов, как я сказал. И я уже не шутил».

Какое-то время они оба молчали. Он пинал старый сырой мусор, от которого неприятно пахло. Запах он не убирал.

— Ты выяснил, что произошло? Из-за чего произошел несчастный случай? — спросила она.

Он повернулся к ней и слегка улыбнулся одной половиной рта. Во мне его новые глаза не выражали радости или грусти.

— Брось, любовь моя. Такие осторожные чуваки, как я, не допускают несчастных случаев, — сказал он.

22

Пять часов спустя Нона сама себя не узнавала. Это было хорошо, поскольку ей не суждено было быть самой собой; ей предстояло всего лишь отзываться на «Харрохак», или «Нонагесимус», или «Девятую». Ее полная неспособность ответить на «Харрохак» или «Девятую» привели к тому, что Камилла отказалась от всех вариантов, кроме «Нонагесимус», и добавила со вздохом:

— И не улыбайся.

— Я не буду улыбаться там, — пообещала Нона.

— И не поворачивайся ко мне, когда нервничаешь, — сказала Камилла.

— Обещаю.

— И не нервничай.

— Хорошо.

— И не показывай виду, что я что-то знаю или могу тебе как-то помочь.

Если бы Нона не знала, что не хочет быть рыжей, принцессой или некромантом, она бы совсем не захотела стать Харрохак Нонагесимус. Кэм обрезала ей косы и обстригла почти наголо, из-за чего она стала похожа на младенца матери Красавчика Руби, но не такого симпатичного и

загадочного. У нее забрали футболку с эмблемой рыбного магазина и реквизировали у самого мелкого из членов Крови Эдема черную рубашку и брюки, которые все равно пришлось заколоть на бедрах. Харрохак Нонагесимус жила по правилам. Ей приходилось стоять очень прямо, ни за что не сутулиться и не чесаться, даже если чесалось, и постоянно хмуриться.

— Помни, Харроу, — сказала Камилла, — ты ничего не видишь, ты слепая.

Они взяли цветные линзы, небольшой пластиковый аппликатор и изменили глаза Ноны. В принципе, сквозь линзы она видела, хотя по краям все поле зрения было размыто, и при виде себя в зеркале она чуть не впала в истерику. Линзы покрыли ее красивые золотистые глаза густой мутной пленкой, сделав их серо-белыми. Белки казались грязными. Учинила это над ней лично Ценой страданий, которая закатала рукава и вела себя очень мило. Подошел кто-то еще из Крови Эдема, но Ценой страданий возразила:

— Позволь мне. У меня всегда хорошо получалась маскировка. — И она даже не разозлилась, когда Нона моргнула.

Ценой страданий наклонилась над Ноной, проверила положение пластиковых линз.

— Хорошо, что вы нам этого не сказали. Мы понятия не имели, что от воздействия Варуна Пожирателя или Зверя есть средства.

— Это пока теория, — коротко сказала Камилла, — нечто излучается в световом спектре. Поглощение глазами опаснее всего для мозга.

Это заставило Нону о чем-то задуматься. Оно царапалось где-то на краю ее мозга, ерзало и ворчало.

— Они бы всех расстреляли с катарактой, — заметила Ценой страданий.

— Вы уже расстреляли всех сумасшедших, — ответила Камилла.

— Выживание возможно благодаря осторожности, — сказала Богоматерь Страстей.

База Крови Эдема превратилась в шумный улей. В конференц-зал постоянно приходили солдаты, приносили материалы, отчеты, сэндвичи и уносили мусор. Поначалу возникла проблема: никто, кроме Ценой страданий — и Страсти! — не был готов находиться в одной комнате с Камиллой и Ноной, если они обе не были прикованы к стене, а Нона отказалась. Страсти притащила стулья, коробки и моток чего-то похожего на колючую проволоку и соорудила баррикаду, за которой спрятали Нону. Несколько солдат Крови

Эдема согласились зайти в масках и с оружием, если Камилла и Нона будут за баррикадой.

— Чертовы идиоты, — сказала Страсти, — я их запомнила. Психологические развалины. Эта баррикада — ничто. Зомби может ее сломать за секунду. Если кто-то из них хотел в ударную группу, могут сразу пойти на хер.

— Ты невероятным образом злоупотребляешь властью, — сказала Ценой страданий.

— Командир, я бы не вела себя так плохо, если бы вы не поручили мне худшую работу в жизни.

— Вообще-то это была огромная привилегия.

— А я и не возражаю. Но это все равно худшая работа в моей жизни.

В этот момент Ноне очень нравилась Страсти. Она болталась поблизости во время всех приготовлений. Она не стала надевать маску обратно, и на ней были топ с тонкими бретельками и широкие штаны с огромными карманами. Короткие синие волосы она перетянула повязкой, чтобы они не лезли в глаза и не падали на брови со шрамами, и время от времени она кидала на Нону такие взгляды, как будто хотела ее убить. Нона постоянно хихикала, и за это ее ругали, потому что Харрохак Нонагесимус не хихикала.

В какой-то момент Нона забеспокоилась, по-

тому что Камилла забилась в угол и принялась переписываться с Паламедом.

Паламед сосредоточился на переписке, только однажды посмотрел на Нону и сказал:

— Посмотри на меня так, как будто ты придумала, как меня убить. Хмурься сильнее. Боже мой, прекрасно. Знаешь, я ужасно скучаю по Харроу.

Затем он вернулся к своему письму. Когда он закончил, Камилла перечитала письмо кучу раз, и еще, и еще, а потом легла, подтянув колени к груди и выдыхая через нос. Нона подошла и легла рядом с ней.

— Слишком много? — прошептала Нона.

— Да, — коротко сказала Кэм, — уже проходит. Мы в порядке. Давай немного поспим.

Нона собиралась задать Камилле много-много вопросов, но при мысли о том, что им предстоит вместе спать, она забыла все. Она сама очень устала, и ее заставили съесть два сэндвича. Пока никто не смотрел, она обшарила ящик Ценой страданий со всякой канцелярией, нашла целый яркий розовый ластик и откусила от него огромный кусок, и ей стало намного лучше, но гораздо приятнее было спать рядом с Камиллой.

Когда она проснулась, линзы выпали, потому что она чесала глаза во сне, и Ценой страданий

пришлось вставлять кусочки пластика обратно, но она даже ничего не сказала. И никто не попросил ее рассказать свой сон. Когда Ценой страданий закончила, Камилла сказала:

— Говори только «да» или «нет». Ианте может попытаться поговорить с тобой. Отказывайся отвечать.

— Грубо или мило?

— Грубо.

Нона почувствовала, что вполне на это способна.

— Все остальное время, — сказала Камилла, — веди себя как капитан.

Ноне захотелось сказать: «Это в смысле лежать?», но момент выглядел неподходящим для шуток. Кэм казалась слишком серьезной.

— Как будто у меня синее безумие? — медленно уточнила она.

— Да. Как будто ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы стоять и осознавать происходящее, но приступы безумия продолжаются.

— Как часто?

Камилла задумалась.

— Всякий раз, когда тебя спросят о чем-то сложном.

Это была единственная задача Ноны, за исклю-

чением того, что она переоделась и ей предстояло откликаться на имя Харрохак Нонагесимус. Кэм сказала, что ее основное дело — воплощать Раздражение. Нона спросила, была ли Харрохак Нонагесимус Раздражением в жизни, и Кэм ответила, что еще тем. Кажется, роль Камиллы была посложнее. Ценой страданий и Кэм долго переговаривались над картой, пока Страсти стояла у стены и чистила ногти ножом. Сердце Ноны романтически забилось.

Наконец Ценой страданий сдвинула брови и сказала:

— Мы обеспечим проход. Остальное зависит от тебя.

— Твоя роль? — спросила Камилла.

— Ктесифон два часа назад проник в одну из ячеек крыла Мерва. Допрос продолжался в течение пятнадцати минут. К тому времени, когда нам придется ответить за наши внутренние преступления, либо я окажусь героем-победителем, которому все прощается, либо мне придется застрелиться. Я буду сильно разочарована, если мне придется стреляться, Гект. Обычно мне не приходится этого делать. Богоматерь Страстей будет сопровождать тебя.

Нож Страсти замер.

— Нет, не буду. Я на дежурстве.

— Мы с твоим дежурством поговорили, и оно предпочло бы, чтобы ты присутствовала, — мягко сказала Ценой страданий.

— Ей не следует приближаться к этим суперзомби. — Страсти страшно испугалась. — Командир, ну все это в задницу, я отвезу ее в убежище, как только наступят сумерки.

— Я тебе не приказываю, — пояснила Ценой страданий, — я говорю, что мне отдали приказ о выступлении, а Эйм говорит, что хочет наблюдать за операцией из безопасного места, в сопровождении телохранителя. Ты единственный телохранитель в строю, потому что крыло Мерва в настоящий момент сильно страдает из-за нас.

— Я не собираюсь приближаться к этой херне.

— Ты уже видела ликтора, — сказала Ценой страданий.

— Я не про ликтора.

— Это просто труп.

— Почему мне кажется, что в этом как-то замешана ты?

— Ты опасно нарушаешь субординацию.

— Командир, моя задница и без того обречена, если совет узнает, что я вытворяла вчера. Я за-

писалась в Ктесифон еще в детстве. Я с тобой. Но Посланнику не следует находиться рядом с…

— У них может быть рабочий шаттл, Страсти. Так что тихо, пожалуйста.

Страсти затихла.

— Гект. Ты говоришь, что тебе нужен только шанс… элемент неожиданности… чтобы вывести ликтора из строя.

— По всей вероятности, не навсегда, — ответила Камилла.

— Если не навсегда, то что произойдет после этого?

— Мы действуем вслепую.

— Вывести ликтора из строя на время — это больше, чем когда-либо удавалось любому из нас… Почти любому из нас, — поправилась Ценой страданий. Громко, прерывисто вздохнула: — Если ключ будет в надежном месте, мне может сойти с рук все что угодно. Простое прикосновение, ты уверена?

— Да.

— Удобно, — заметила Страсти не очень приятным голосом.

— Я не стану отдавать вам честь, — сказала Ценой страданий, — это слишком много. Но если вы это сделаете… я отдам вам честь, я отдам вам

свои собственные медали. Вперед, в небо, ячейка Трои.

И вот они оказались в грузовике — в том же большом грузовике, который подвозил Табаско и Нону, с решеткой. Кэм и Нона сели сзади, Страсти — впереди, и Нона с удивлением увидела Ангела — Эйм — на пассажирском сиденье, хотя знала, что та должна пойти. Странно было видеть, как она смотрит назад сквозь сетку и выглядит так же, как и всегда, как будто собирается попросить у Ноны чашку кофе.

— Где Лапша? — выпалила Нона.

— Под ногами, бедняжка. — Ангел кашлянула и добавила: — Красивая стрижка, Нона.

— Нет, — возразила Нона то ли гневно, то ли застенчиво. Она не совсем понимала, как вести себя с Ангелом. — Мне нравились косички, а теперь голове странно.

— Зато причесываться легко.

— Без имен, — велела Камилла, — Нонагесимус нужно сосредоточиться.

Нона попыталась сделать вид, что способна сосредоточиться, и уставилась в окно. Сердце колотилось, ладони вспотели. Дело было даже не в том, что она нервничала, нет. С тех пор как она оправилась от последней истерики, ее тело

играло с ней в странные игры. Она чувствовала себя воздушным шариком на веревке, к концу которой привязана гиря — шарик дергался, гиря тянула ее вниз. Она была и воздушным шаром, и веревкой, а вот насчет гири сильно сомневалась. Смотреть было довольно сложно, она не хотела слишком много моргать на случай, если линзы опять вывалятся, так что дома за окном слились в одно большое пятно, а люди казались ярко раскрашенными нарисованными человечками. Люди с руками в карманах стояли на углах, люди гуляли, люди стояли толпами, люди поправляли перевернутые мусорные баки, как будто ничего не произошло, как будто вся ее жизнь и правда была всего лишь воздушным шариком.

Страсти водила «по науке», то есть постоянно сигналила и время от времени заезжала на тротуар, пока Камилла не велела ей:

— Тормози. Дальше пойдем пешком.

— Вас подстрелят.

— Нам не привыкать.

— Зомби, ты нас предашь, ты все испортишь, и мы взорвем эти сраные казармы, — сказала Страсти.

— Очень надеюсь, — ответила Камилла.

— Неужели все будет так просто? — тихо спро-

сила Ангел.

— Да, — сказала Камилла.

Грузовик остановился. Страсти выскочила и открыла большую боковую дверь. Нона вдохнула приятный запах свежего воздуха и горящего пластика. На улице, на ступеньках, в домах толпились люди, подозрительно смотрели на них, но никто ничего не сказал и не сделал. Страсти сделала свирепое солдатское лицо и с ненавистью посмотрела на Камиллу и Нону своими красивыми глазами.

— Шансы? — коротко спросила она у Камиллы.

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Что произойдет в плохом случае?

— Я умру.

Камилла отстегнула Нону, и Нона вместе с Камиллой выбрались под голубое небо. Своими новыми белыми глазами Нона видела мир словно бы в тумане. Камилла помогла ей встать, а потом подошла к багажнику и подождала, пока Страсти откроет его. Нона с удивлением увидела, что багажник заставлен коробками из дома, из шкафа с фальшивой доской. Камилла достала из коробки ремень, который затянула вокруг талии. Сбоку прикрепила к нему крючок. К этому крючку она благоговейно привесила длинные

простые черные ножны, затем короткие простые черные ножны, взвесила их в руках и вздохнула — правда вздохнула! — как будто собиралась лечь в горячую ванну.

Наконец Камилла залезла в карман, достала солнцезащитные очки и надела их на нос.

— Эта ваша одержимость мечами, — поморщилась Страсти.

— Мы и есть наши мечи, — ответила Камилла. Повертела в руках перевязь из черных пластиковых ремней и туго застегнула ее на груди, а потом открыла еще одну коробку и достала два длинных простых ножа типа таких, какими разделывали рыбу на рынке. «Весь тайник с ножами», — подумала Нона, оцепенев от предвкушения.

— Да, вы устарели, как и они, — сказала Страсти, — это слабость. Потасканная форма полного безумия.

— Ты сама пользуешься мачете.

— Хотела залезть в ваши головы, — пояснила Страсти.

Камилла посмотрела на нее, прищурив ясные серые глаза из-за песка и солнца.

— И как, получилось?

— Иногда даже буквально.

Обе замолчали. Нона покрутила большими

пальцами. Страсти сложила руки на груди и, казалось, еле сдерживала какие-то слова. Наконец выпалила:

— Умри быстро, умри с честью, забери их с собой.

Губы Кэм дрогнули в чем-то немного похожем на ее прежнюю улыбку.

— Этот от тебя?

— Нет. От кое-кого повыше, — коротко ответила Страсти, — не пойми меня неправильно, рабыня волшебников. Ты умрешь быстро и останешься мертвой навсегда, не надо снова вставать. Но если ты убьешь кого-то, кто так убил бы меня, я же должна тебе отплатить, правда? Я спущу курок рядом с тобой, но это ничего не значит. Это не меняет того, кто ты есть.

Камилла протянула руку. Страсти покачала головой.

— Я к тебе прикоснусь, только когда настанет конец света.

— Возможно, это твой последний шанс.

Страсти коротко хохотнула.

— В свои последние мгновения, Гект, я не стану сожалеть о том, что не пожала тебе руку.

— Нонагесимус, пошли, — велела Камилла.

Нона почти ничего не видела, Кэм говорила

не тянуться к ней и не пытаться взять за руку. Нона сдержалась и стала думать о Табаско, такой серьезной, величественной и уверенной в себе, которая ходила так, будто никогда ни в ком не нуждалась. Когда они добрались до разбитой, разбомбленной, заваленной осколками дороги к казармам, Камилла буркнула:

— Иди дальше.

Ворота казармы распахнулись перед ними. Им не пришлось кричать. Нона почувствовала торопливое движение в сторону, и они оказались в просторном дворе, где все еще стояла машина Короны — задние дверцы широко открыты, окна испещрены пулевыми отверстиями от разочарованных снайперов. Нона никогда раньше не видела казармы, уж точно не вблизи. Это оказалось огромное бетонное здание, высокое и квадратное, с длинными прорезями на уровне второго этажа, откуда можно было стрелять, и огромными свинцовыми решетками на окнах. Оно не походило ни на одно другое здание в городе. Оно было огромным, мрачным и великолепным — но грязным, истерзанным и помятым, как дама в обгоревшем бальном платье. Зубцы стен пострадали так, что первоначальные их очертания почти не различались. Когда-то между

окнами висели яркие флаги всех цветов, но большую их часть сорвали, и на их месте трепетали тусклые цветные нитки.

Никто не выстрелил в Нону, пока она пересекала двор, и никто не выстрелил в Камиллу. Короткая лестница вела к огромным двойным дверям. Нона поднялась по лестнице, и двери со скрипом открылись в прохладную просторную черноту — черно-белый шахматный пол, облупившиеся белые стены, застарелые бурые пятна, которые кто-то пытался очистить, но не очень успешно, и жуткий запах.

Ей хотелось сморщить нос, но Харрохак Нонагесимус, кажется, была не из тех, кто морщит нос.

— Держись сзади, — велела Камилла.

Нона отстала от нее и двинулась в прохладную зловонную темноту, почти ничего не различая.

Шли они недолго. Первая же дверь слева оказалась открыта, и на пол падал яркий белый квадрат электрического света. С обеих сторон от двери высились кучи мусора, досок, обломков мебели. Камилла замешкалась на пороге, и Нона первой вышла на свет.

Они оказались в большом зале, пол которого покрывала та же черно-белая плитка. Стены и потолок украшали величественные белые фризы,

а на полу валялись мусор и обломки, как будто огромная волна прокатилась по центру зала, разбрасывая грязь по обе стороны от себя. Окон не было. На стенах виднелись более светлые квадраты, где раньше наверняка висели плакаты и картины, но сейчас их не было видно. Сильно пахло той штукой, которой моют школьные туалеты. В конце зала обнаружилось возвышение — то самое, из трансляции. На простом стуле сидел принц, слева за принцем — Пирра. А на стуле справа сидела Корона.

Она была так хороша, что Нона мгновение не замечала больше ничего. Густые золотые волосы рассыпались по плечам шелковистыми волнами, а красивая бледно-желтая туника обнажала золотистые плечи и шею. В разрезе до бедра виднелись мягкие черные кожаные штаны, на изящных крупных ногах красовались сандалии, а на ремне висела ее обычная рапира. Это было настолько великолепно, что Нона искренне обрадовалась тому, что одета в чистое, а не в футболку из рыбной лавки. Потом она наконец отвлеклась от Короны и разглядела ряды статуй. Но это оказались вовсе не статуи. Десятки людей в форме стояли в две шеренги, прижимаясь как можно ближе к стенам. Они не дышали. Глаза у

них были широко раскрыты. Они были мертвы. Когда принц встал со стула, их плечи — все до единого — еле заметно дернулись.

В жизни принц оказался намного ниже ростом, чем она думала, стройнее и легче, особенно рядом с Пиррой, которая возвышалась, как каменная колонна. Она стояла настолько не так, как Пирра, что на мгновение Нона обманулась: она держалась так напряженно, так прямо, как будто ей было неуютно в собственном теле, и все это походило на мираж. Но движение разрушило чары, по крайней мере для Ноны. Пирра сложила руки на груди таким привычным и знакомым жестом, что Нона безошибочно ее узнала.

Нону покорил вид принца. Она никогда раньше не видела в реальности никого из телевизора. Благодаря трюку с глазами она могла пялиться сколько угодно и не чувствовать себя невежливой: на принца, на его восковую кожу, чудесный мундир, блестящие волосы, голубоватые глаза, на его позу — он стоял так, как стояла бы змея, если бы у нее были ноги.

— Ты опоздала почти на минуту, Харри, — сказал он.

23

Нона пересекла черно-белый зал, залитый электрическим светом. Перед возвышением лежал большой красный квадратный ковер, она остановилась на краю и посмотрела на принца Набериуса уже более открыто. Принц вдруг спустился с возвышения и быстрым шагом подошел к ней, и Нона нечаянно сделал шаг назад. Это остановило принца.

— Посмотри на меня, — сказала она.

Нона ничего не сказала и не сделала. Она сглотнула, но почувствовала, что это нормально, Харрохак наверняка тоже время от времени сглатывала.

— Это же смешно, — сказала принцесса. — Это не может сработать. Это не может быть делом твоих рук… не то чтобы я не впечатлена. Конечно, ты выглядишь ужасно, но мне вообще пришлось появиться в древней модели прошлого сезона.

Корона странно булькнула. Принцесса повернулась к ней и сказала с легким упреком:

— Ты не упомянула эту маленькую деталь. Она все время была слепа?

— Я сказала тебе, что она здесь, — ответила Ко-

рона. Глаза у нее покраснели, а ресницы казались слишком черными. — Без подробностей. И что?

— Ты очень многое не рассказываешь, и это меня бесит. Понимаешь, мои эмоции выражаются через две нервные системы, поэтому я правда не знаю, что с ними делать. Я провела в теле Бабса почти три дня. Бесит. Ну же, Харри. Тебе что, нечего сказать?

— Нет, — сказала Нона.

— И зачем я вообще спрашиваю, я же и так знаю ответ. О, — оживилась принцесса, когда Камилла догнала Нону и встала рядом, — а вот и возвращение самого скучного в мире блудного сына. Это не твои очки, Гект, и я удивлена, что тебе разрешили их взять.

— Принято к сведению, — сказала Камилла.

— Ладно, не суть. Это просто любопытно, вот и все. Как ты, Гект? Как дела? Привыкаешь к жизни без своего некроманта? Ходишь на вечеринки, самореализуешься, совершенствуешься? Думаю, раньше у тебя не было такой возможности.

— Ианта, не дави, — предостерегла Корона.

— Мне все равно, — сказала Камилла.

— Люблю, когда людям все равно, — тепло сказала принцесса Ианта, — да и почему тебя должно это волновать? Кого волнует, что я думаю? Я всего

лишь ликтор, священный кулак, сжимающий власть над жизнью и смертью, вознесшийся к положению, которое твой напыщенный хвастливый некромант отверг. А ты сама большая девочка, из-за которой Шестой дом откололся. Скажи мне, тебя за это любят в Крови Эдема? Можешь не отвечать, я представляю ситуацию. Корона — прекрасный и талантливый символ, а ты мрачная чудачка, которая не осознает цену революции. А, ну и нянька для Харроу, видимо. Но тебе это должно быть приятно, она совсем не похожа на скучного мелочного Секстуса. Харри, ты серьезно? Реакции не будет?

— Нет, — сказала Нона.

— Что-то все идет не так, как я хотела. Я думала, мы с тобой обменяемся дерзкими шуточками. Думала, ты потребуешь у меня тело своего рыцаря.

Эта реплика была вброшена в разговор как бомба. Нона позволила себе посмотреть слепыми глазами прямо вперед, не реагируя и не зная как. В зале стало тихо.

— Твое пламя остыло? — спросила Ианта в конце концов. — Ты передумала на этот счет? Камилла тебе больше подходит? Как по мне, она очевидно лучше, вряд ли она шутит про задницу больше одного раза в день…

Реплика повисла в воздухе. Нона продолжала молчать. Тишина длилась, пока Ианта снова не заговорила, на этот раз с явным нетерпением.

— Что ж, Гект, спасибо, что пришла. Думаю, ты знаешь, почему ты здесь.

— Я не собираюсь играть в угадайку.

— Уверена, ты можешь сделать исключение.

— Камилла, не волнуйся. Все будет хорошо, — быстро сказала Корона.

— Милая, прекрати говорить, что все будет хорошо, — одернула ее Ианта, — я обещаю, что ничего не будет хорошо. Строго говоря, у нас тут происходит антоним слова «хорошо».

— Ты хочешь вернуть Шестой дом, — сказала Камилла.

— Не я, — возразила Ианта, — я читала нравоучительные романы Шестого дома, в которых очень умные дети спасают положение с помощью логики, и, как по мне, вы можете катиться. Нет, это Бог хочет вернуть Шестой дом… очень сильно. Неудачное выбрано время. Сначала мы слышим, что пропал объект Шестого дома. Учитель предполагает, что он расплавился в результате маленькой домашней драмы, и это причиняет ему страдания. Потом мы узнаем, что он действительно пропал, а не сгорел. Кто же знал, что вся

станция была портативной, рассчитанной на передвижение? Армия это не проглотит, прямо скажем. Как ты протащила ее через стелу? С учетом веса выдержать давление Реки невозможно.

— Пятьсот тридцать два обелиска, — пояснила Камилла.

— Да? Я думала, около шестисот.

— Пагубные последствия начинаются после пятисот пятидесяти.

— Чем ты их компенсировала, ну чисто из любопытства?

— Предпочитаю не отвечать, — сказала Камилла.

— Фу, — сказала Ианта Набериус, — ладно, придется спросить у вашего Надзорного органа. У одного из его членов. Все нам точно не нужны.

У Ноны зачесались глаза, и очень сложно было их не потереть. Она сосредоточилась на Короне, которая очень разумно говорила:

— Ианта, ты не можешь убить все правительство и администрацию Шестого дома.

— Спорим?

— Нет. Я уже говорила тебе. У них случился провал морали, не трогай их. Помести их под тайный арест Домов, придумай какой-то стимул, помоги им прийти в себя. Если их убить, все узнают.

— Никто не узнает. Никто не знал, что ты, Дейтерос и Гект не погибли в доме Ханаанском. Но все помнят день, когда вспыхнул Доминик. Дома будут счастливы возвращению любого обломка Шестого. Очень трагично, что все шестнадцать лидеров Шестого дома погибли, но так оно и случилось.

— Не будь дурой. Шестой дом настолько клановый, настолько зацикленный на системе, что ты никогда по-настоящему его не вернешь…

— Это называется «отставка», моя дорогая, — терпеливо сказала принцесса. — Тебя вообще ничему не научили в твоей террористической ячейке? Это называется «подать в отставку», и я планирую научить этому Бога. Он очень расслабился за последние тысячи лет… обленился, прямо скажем. И теперь пожинает то, что посеял. Это называется «страх». Я видела страх и поняла его и теперь чудесно разбираюсь в его внушении. Я Святой трепета. Гект, ты улыбаешься?

Нона, пораженная, повернулась к Камилле, немедленно дернулась назад, уверенная, что ее поймают, но успела увидеть лицо Камиллы. Та улыбалась легкой свободной улыбкой, как будто слушала интересную историю.

— Да.

— Ну расскажи, вместе посмеемся, — потребовала Ианта.

— Знает ли Бог, почему Шестой дом ушел?

— Полагаю, этому была какая-то жуткая высокоморальная причина, и, ради бога, не говори как философский трактат.

— Шестой дом, — сказала Камилла, — не склонен к философии.

Ианта Набериус раскинула руки в нетерпеливой мольбе.

— Тогда почему… так много паники, хаоса и драмы из-за того, что…

— Кассиопея из Первого дома оставила нам инструкции много лет назад, — сказала Камилла, — мы отправились за ликтором.

Принцесса Ианта Набериус раскрыла рот, дав Ноне возможность разглядеть — смутно — ровные белые зубы. Она вскочила на возвышение, рухнула обратно на стул — мертвые тела судорожно дернули левыми бедрами в унисон, как в танце, который Утророжденный якобы умел танцевать, но на самом деле нет.

— Вы говорили, что она мертва! — бросила Ианта Пирре.

— Она мертва, — сказала Пирра, — мы видели, как она умирала.

— Тогда как?

Но Камилла и Пирра не ответили. Принцесса провела рукой по мертвым сине-зеленым глазам с коричневыми крапинками.

— Господи. Это последнее, что нам нужно. Если он услышит, что очередная двуличная шлюха предала его, он никогда не восстановится. Он сейчас такой ранимый. Даже если мы уничтожим Антиохию и поднимем флаг Первого дома на самой высокой башне.

— Кэсси играла вдолгую, — заметила Пирра.

— Это… херня. Обидная. — Принцесса вдруг показалась удивительно юной, несчастной и разочарованной.

Корона вскочила со стула и опустилась на колени перед принцессой, обвила руками ее ноги и прижалась щекой к мертвому правому бедру. Принцесса протянула руку, взъерошила сияющие упругие кудри и вздохнула мертвым холодным вздохом. Корона заговорила самым тихим и нежным тоном, который Нона от нее когда-либо слышала:

— Детка, это ужасно.

— Корона, это смерть.

— Держись! Сделай это, и вернемся домой. Вернись ко мне.

Нона бы сразу все бросила и ушла жить с Короной, но принцессу тронуть не удалось. Она усмехнулась, потянула прядь волос, отпустила ее, чтобы посмотреть, как упруго подпрыгнет локон.

— Не смеши меня.

Но Корона не сдавалась.

— Иди ко мне. Ты мне нужна. Мы так давно в разлуке, Ианта. Они забрали тебя у меня. Они забрали меня у тебя. Давайте оставим их в покое и уйдем сами. Бросай Бабса. Я возьму этот шаттл и встречу тебя, где ты скажешь. И мы… мы начнем все сначала.

— Нет никакого начала, Корона, — тихо сказала Ианта Набериус.

— Есть. Я точно знаю, — нетерпеливо ответила Корона.

— Но мы ближе к цели, чем когда-либо.

— Конечно, ты же совершенный гений, — с любовью сказала Корона и поцеловала мертвые пальцы в перчатке.

Пальцы мертвых солдат дернулись. Ианта Набериус почти непроизвольным движением подняла руку. Ее восковое красивое лицо стало невыразительной маской, двигались только холодные серые глаза.

— Мы многого можем добиться, Ианта, — тихо сказала Корона, — я знаю людей, которым мы нужны.

По какой-то причине именно это разрушило чары. Рука упала, и лицо Короны помрачнело. Ианта Набериус улыбнулась, взъерошила блестящие кудри и рассмеялась ледяным смехом.

— Людей. Милая, ты, как всегда, не сама по себе. Не волнуйся. Я очень хочу, чтобы мы были вместе, сейчас. Но у меня для этого есть опора. А у тебя нет, бедняжка. Не волнуйся ни о чем. Серьезно, тебе нужно расслабиться. И увлажнить кожу. И подстричься, — критически добавила принцесса, поднимаясь на ноги. — Я вымоталась до чертиков. Поймешь, когда увидишь меня. Но тебе нужно поменять приоритеты, прежде чем я смогу с тобой что-нибудь сделать. Ты сейчас вообще не ухаживаешь за кожей?

Она осторожно стряхнула Корону со своих ног. Корона уселась на свой стул и закрыла глаза, как будто ей было больно. Принцесса Ианта Набериус оглядела зал и спросила:

— А где живые, Долг? Я вижу печальную нехватку способных дышать.

— Как договаривались, у комнаты Дейтерос, — ответила Пирра, — они готовы.

— Что, все?

— Нет. Пятеро. Остальные в режиме ожидания.

Когда принцесса повернулась к Пирре, та добавила:

— Им не понравилось таскать тела.

— Что? Сопляки. На фронте приходится хуже.

— Они никогда не бывали на фронте.

— Да, это становится очевидным. Мы должны были удвоить гарнизон здесь восемь месяцев назад. Что ж, в ретроспективе все видится простым… Корона, ты надо мной смеешься. Не очень приятно.

Корона и правда смеялась. Потом сказала больным голосом:

— Ты говоришь о войне. Сама себя послушала бы…

— Я знаю, это немного противно, но привычка формируется быстро… у меня так точно. Кстати…

Нона не ожидала, что принцесса Ианта Набериус спустится с возвышения, легким шагом пройдет по ковру и снова встанет перед ней. Она была слишком занята попытками сдержать слезы. Она попыталась отступить, но вышло слишком медленно, принцесса ухватила ее за рубашку жесткой рукой в перчатке. Камилла повернулась к ним обоим, опустив руку к ножнам,

но принцесса не обратила внимания.

— Харроу никогда не бывала такой тихой, — тихо сказала принцесса, — и такой пассивной. Что ты делаешь, Харри? Каковы твои планы? Или, точнее… что не так с тобой? Что произошло после того, как Мерсиморн ударила тебя? Куда ты делась? Ты не вернулась, и Бог сказал, что, по его мнению, ты для нас потеряна. Как ты выжила, Харрохак из Первого дома? Как ты выдержала свет номера Седьмого? Если только я не обращаюсь к…

Кулак сжался. «Нет» явно не подходило. «Да» было еще хуже. Кэм велела притвориться капитаном. Нона решила притвориться капитаном, открыла рот и закричала так, как закричала бы капитан. С темами для разговоров у нее всегда было плохо. Нона просто двигала губами так же, как капитан, это движение она легко вспомнила.

— Помогите! На помощь! — кричала она за неимением лучшего слова.

Крик прокатился по ее легким и гортани, вырвался из носа. Он прозвучал совсем не так, как у капитана. Он каким-то образом содрал всю слизистую с ее горла. Казалось, что этот крик состоит из ее внутренностей, что они растворились и вылетели через рот вокальной бомбой. Лампы

зашипели. В зале потемнело. Принцесса Ианта Набериус отпустила ее и отшатнулась, и Нона, дополняя имитацию капитана, рухнула лицом вниз на ковер, практически лишившись чувств и не осознавая ничего, кроме своего крика, который продолжал рваться из ее рта, носа и даже ушей. Подняв голову от ковра, она испугалась, что ее стошнило или что пошла кровь, потому что изо рта и носа текло рекой: но это была просто вода.

Ситуация стала куда хуже, чем до крика. Нона видела блестящие высокие сапоги принцессы Ианты Набериус — ну, один из них. Принцесса стояла на одном колене, но успела выхватить рапиру из ножен, и кончик рапиры порозовел от крови. На возвышении лежало рыжее жилистое тело Пирры — Пирры! — она с трудом пыталась подняться на четвереньки. Она успела откуда-то выхватить пистолет, Пирра хорошо умела выхватывать откуда-то пистолет, но его выбили у нее из рук, и он блестел на полу перед стулом. С двух сторон от Короны стояли два мертвеца — не держа ее. Руки Камиллы прижали к бокам четыре мертвых стража. Она достала клинки, но ее руки зафиксировали, и она не могла двигаться. Свет снова моргнул, и Нона увидела длинные холодные тени на ковре, ощутила движение

мертвецов. Некоторые из них упали так же, как она сама, валялись на плитке, и кое-кто оказался так близко, что Нона увидела: мертвы они очень давно и у них не хватает кусочков. Чести, Табаско и другие были правы. Ей вообще не нравились всякие там зомби. Нона подумала, что серьезно попала.

— Хорошо, — сказала принцесса, неуверенно поднимаясь на ноги, — все в порядке. Хорошо. Ух ты. Отлично.

Вместе с ней поднялись и другие трупы, хоть и менее изящно. Некоторые так и остались лежать. Принцесса указала на Нону. Прежде чем Нона успела отреагировать или начать сопротивляться, ее схватили сзади сильные руки. Она пыталась заставить себя драться, но не смогла даже разозлиться. Она все еще фыркала, чихала, дрожала и пыталась избавиться от последних капель воды в носу. Сильная холодная вонючая рука в перчатке зажала ей рот, так что Нона не могла даже сказать «да» или «нет».

— Ты, — сказала принцесса, — вернешься домой к императору связанной и с кляпом, и это не про секс. Ты, — это было Пирре, — готовься к отходу. Хватит. Я не собираюсь терять тут время. Готовь шаттл, мы вылетаем через час. Нам есть

что терять. Эй, Долг, ты жив?

— Да, — с трудом сказала Пирра, — плохо всем, кто имеет отношение к некромантии.

— Да. Думаю, мое настоящее тело просто вырвало. Собирайся.

— Шестой дом… — сказала Пирра.

— В задницу Шестой дом! Папочка может обеспечить вам троим безопасность и неприкосновенность… Ну что-то вроде. Я увожу сестру, пока ничего еще не случилось. Ты, — Корона открыла рот, пытаясь возразить, — ты получила что хотела. Дейтерос летит с нами. Я не могу давать обещаний, Бог сложно относится к эдемитам, но я все беру на себя, не стоните. Можешь преподнести ее отцу на серебряном блюдечке, и, может быть, он перестанет ныть по поводу снабжения. Что касается тебя… — Это она сказала Камилле.

Нона переключила внимание на Камиллу и расстроилась: длинная расширяющаяся красная полоса прорезала мягкий серый материал ее рубашки прямо на груди. Текла кровь. Рана казалась неглубокой, но противной. Темные очки дрожали на носу.

— Вы вообще собирались освободить город? — спросила Камилла. — Переселить людей?

— Да нет, конечно, — ответила принцесса, —

мне нужен был Шестой дом как подарок для Бога. Спустившись сюда, я поняла, что не останусь. Хреновая была затея, но не моя, а отвечать теперь мне. Там наверху Зверь Воскрешения, Гект. Не знаю, в курсе ли ты, что это такое, но я не хочу оставаться рядом с ним. Честно говоря, люди здесь не понимают, насколько им повезло. У нас какая-то дрянь в Антиохии, и Бог не может разбрасываться Руками. Шестой дом не так и важен. А значит… и ты мне не нужна. Я не хочу знать о Кассиопее, а Бог! Не! Должен!

Последние слова она произносила все громче и громче, как будто набрала полный рот семечек и выплевывала их по одному. После этого последовала пауза: Нона увидела, что Пирра заставила себя встать, а Корона сделала шаг вперед, и то же самое сделали и ее телохранители.

Принцесса вздохнула.

— Гект, сама видишь, ты тут лишняя, и ты проникла в мою крепость быстрее, чем мне хотелось. Так вот, у меня к тебе предложение… Я могу убить тебя прямо здесь или оторвать тебе руки и ноги, доставить тебя на допрос, а потом убить.

— Психологическое давление, — сказала Камилла, — знакомо.

— Да. Ты же все помнишь? Вы вступилась за

меня перед Цитерой из Первого дома. Ты спасла мою уцелевшую руку и ноги, признаю, но ты не успела спасти вторую руку, так что я полагаю, что вправе обрушить на тебя запоздалый и, пожалуй, несправедливый гнев.

Камилла задумалась.

— Прощу прощения?

— Извинения не принимаются, сука, — весело сказала принцесса. — Ну так как? Я могу убить тебя сейчас или потешить призраков прошлого, лишая тебя рук и ног.

— Я никогда, никогда не прощу тебя, если ты сделаешь это, Ианта, — придушенно сказала Корона.

— Предатели, Корона, не забывай. Вы все предатели, так что мне придется выбирать. Ты моя сестра, поэтому ты мой главный приоритет. Ты не пойдешь без своего капитана Дейтерос… как обычно, я дала тебе то, что ты хотела, а ты сразу захотела большего. Кому-то придется платить по счетам, моя дорогая, так или иначе. Гект, ты не можешь сказать, что я несправедлива.

— Ты последовательна. Признаю.

— Да. Спасибо. Признание всегда приятно. А теперь… оторвать тебе голову или сначала руки и ноги, а потом голову? Я не давлю на тебя, но,

видишь ли, я осталась без руки, и это испортило мне настроение.

Камилла снова задумалась. Она так долго думала, что Нона на мгновение предположила, что она действительно обдумывает эти варианты.

— Ты бросила вызов Шестому ради его ключей, — сказала она в конце концов, — ты назвала время. Ты отступила, но я имею право на ответ. Мы не соглашаемся и не отказываемся. Я принимаю вызов Третьего дома.

Принцесса Ианта Набериус посмотрела на нее. Лицо у нее было… странное.

— Это было целую жизнь назад, — сказала она, — больше года.

— Вызов все еще действует.

— А награды больше нет. Каковы ставки?

— Если я проиграю, я умру, — сказала Камилла, — а если выиграю, уйду.

— Ты и Харроу? Никогда…

— Не Харроу. Только я, — сказала Камилла.

Принцесса заговорила весьма заинтересованно и разумно:

— Ты не сможешь убить меня в этом теле, Гект, или даже вывести из строя. Ты будешь драться не просто с моим рыцарем, а со мной и Бабсом сразу. И ты должна понять, что у нас больше нет слабо-

стей. Я забрала их. Он идеален. Тебе не победить.

— Нет, — согласилась Камилла, — но я хочу умереть стоя.

— Какое прекрасное и милое чувство! Я отказываюсь, — сказала Ианта Набериус совсем нетерпеливо. — Ну же, Гект. Непроигрываемая битва против раненой фехтовальщицы без каких-либо способностей, без поддержки, явно желающей умереть? Это не только подозрительно, но и неоригинально. Слабый, почти побежденный герой против нарциссического злодея. Фу. Мы же не в книжке. Как говорит бедный старый Августин, это невозможно и, более того, это невероятно. Поставьте ее на колени.

Два солдата-зомби в форме грубо поставили Камиллу на колени. Они сжимали ее запястья до тех пор, пока она, зашипев, не выронила клинки, тихо стукнувшие о ковер. Еще один зомби отдернул ее голову назад.

Возле стульев послышался шорох. Ианта Набериус дернулась в сторону Пирры, и некоторые зомби повторили ее движение, но Пирра отреагировала слишком поздно. Корона держала пистолет Пирры, и хотя один из зомби медвежьим жестом обхватил ее за талию, она взвела курок с металлическим щелчком и прижала

ствол к своей шее.

— Ради всего святого, Корона! — крикнула Ианта.

— Отпусти ее, — сказала Корона.

— Капитан или Камилла. Подумай и выбери. Ты сама знаешь, что я не могу отпустить их обеих. Опусти пистолет, дорогая, я не хочу причинять тебе боль, отнимая его.

— Мне не будет больно, я просто умру, — бронзовая шея Короны двигалась под стволом пистолета, когда она говорила, — ты здесь не всесильна, у тебя есть только заклинания и марионетки. Я выстрелю, пуля пройдет через нёбо в мозг, и ты станешь кронпринцессой Иды… чего никогда не хотела.

— Перестань разводить драму.

— «Переста-а-а-ань разводить драму», — передразнила ее Корона пронзительным голосом.

— Сейчас не время, сука тупая!

— Ты даже не знаешь, как укладывать волосы Набериуса! Ему идет помпадур! Выглядишь жутко!

— К этому сводятся твои возражения? Серьезно?

— Я собираюсь застрелиться у тебя на глазах, — довольно сказала Корона, — как в детстве.

Только на этот раз я действительно свяжу петлю и выпью яд.

— Ты этого тогда не сделала и сейчас не сделаешь! Корона! Коронабет!

Корона закрыла глаза. Нона обнаружила, что у нее от ужаса потекли слезы. Глаза ужасно чесались. Принцесса сказала еще настойчивее:

— Я не могу оставить Гект в живых. Ты же знаешь. Я могу договориться насчет Дейтерос… твоя жизнь в безопасности…

— Тогда сразись с ней на дуэли! — Корона рыдала в агонии. — Дуэль! Дай ей то, чего она хочет. Никто из нас этого не сделал!

— Это нечестно. Ты разозлишься на меня, когда я убью ее. Это будет резня.

— Я не разозлюсь. Клянусь. Просто сражайся честно.

— Я ликтор, мать твою! Какой может быть честный бой между блохой и зениткой?

— Ты видела, как она уничтожила лейтенанта Диас…

— Детские игры. Если в моей галактике раздастся взрыв, до твоей звук донесся бы через миллион лет. Я сейчас фехтую в три раза лучше Бабса.

— Один бой, — умоляла Корона, — последняя дуэль. Вы с Бабсом бросили ей вызов тогда в доме

Ханаанском. А я нет. Сделай это для меня. Ты же всегда делаешь то, что я хочу. Мое сердце. Мой некромант.

Принцесса Ианта Набериус вздрогнула.

— Брось пистолет, и я сделаю это.

Корона заколебалась. Принцесса отступила от Камиллы на шаг, затем еще на один. Корона завозилась с пистолетом. Снова раздался металлический щелчок, и она уронила пистолет на пол. К счастью, он не сработал.

Принцесса Ианта Набериус сгорбилась. Так же поступили все зомби, которые оставались на ногах, в том числе те, которые держали Нону. Это немного ослабило их хватку, и она смогла дышать. У нее текло из носа и глаз. Зомби, державший Корону, утащил ее обратно к стулу и усадил, не слишком нежно. Еще один зомби пнул пистолет ногой в сапоге. Пистолет отлетел на другую сторону зала, проскользил по плитке и исчез в куче мусора. Нона видела, как Пирра проследила за ним.

— Ладно, — раздраженно сказала принцесса, — ладно.

Она вышла на центр ковра.

— Время и место названы, — сказала она, — сейчас и здесь. Корона, ты будешь судьей.

Нона видела, как Корона сглотнула. На шее у нее осталось яркое темно-красное пятно — так сильно она прижимала пистолет к шее. Она поколебалась и грустно сказала:

— От теменной кости до пяточной, пожалуй. Все тело. Ограничения на оружие нет, но только клинки, без некромантии.

— Я состою из некромантии. Некромантия буквально позволяет мне двигаться, — возразила принцесса.

— Никакой активной некромантии, — согласилась Корона.

— А как же я? — спросила Камилла.

— Ты внезапно поняла суть проблемы? — рявкнула Ианта Набериус, вынимая из ножен длинный блестящий клинок, — ты сражаешься с мертвецом, тупая самоубийца из Шестого дома. Ты не можешь меня ранить или убить. Я могу покинуть это тело в любую секунду. Но вот что я тебе предложу… из соображений целесообразности…

Принцесса Ианта Набериус полезла в карман и вытащила очень красивый лавандовый платок с кружевной отделкой. Выразительно помахала им перед Камиллой и сунула его глубоко под рубашку.

— Вытащи его, и можешь уйти.

— А смогу ли я оставить его себе?

— Мой платок?

— Ну, это хороший платок.

— Ты не воспринимаешь меня всерьез, да? — спросила принцесса.

Зомби двинулись вперед.

— Сомкнуть ряды. Никого не выпускать, — велела принцесса, и они встали квадратом вокруг ковра. Нону дернули, чтоб она наблюдала за происходящим между плечами и головами мертвых солдат. Возвышение они тоже загородили. Кто-то из них отошел в сторону, чтобы Корона, прижатая к стулу, видела дуэль. Зомби грубо швырнули Камиллу на ковер. Ее очки еле удержались на носу, и она надела их понадежнее. Потерла грудь, откуда свободно текла кровь. Подобрала с пола свои длинные простые кинжалы с односторонней заточкой. Камилла встряхнула руками, как будто они затекли, покрутила головой и расслабилась.

Ноне хотелось снова закричать, но у нее закружилась голова. Волны чего-то напоминающего тошноту накатывали на нее одна за другой. Она давно сморгнула все с глаз и очень волновалась, что потеряла линзы — видно теперь было намного лучше. Это было жутко. Все равно что смотреть,

как Красавчик Руби делает сальто, и не иметь возможности прикрыть глаза руками, не зная, приземлился он или нет.

Единственная драка, которую до сих пор видела Нона, происходила между Табаско и Чести и другими детьми, постарше, которые даже не ходили в школу. Она едва могла вспомнить причину драки, потому что была тогда совсем новой и не понимала своих обязанностей друга, но ей сказали после уроков пойти по улице мимо молочной лавки к старому стадиону, где Табаско и Чести будут драться с другими. Нона заколебалась и подумала, что стоит рассказать об этом милой учительнице, но Чести сказал, что за это ее могут и прикончить. Она не поняла, что значит это слово, и очень боялась, что это когда Чести облизывает палец и сует его тебе в ухо. Перед дракой она так нервничала, что вся вспотела, а потом пришла Табаско и сказала, что противники не придут, потому что одного из них сбила машина. Чести спросил: «Ого, и кому ты заплатила?» Табаско ответила, что никому, потому что она сама сидела за рулем, и все разошлись довольные.

— От теменной до пяточной, — сказала Корона, — никаких исключений, никакой пощады. Вызвавший имеет право исполнения, и да про-

явит Река милость к вызвавшему. Вызванный имеет право собственности. Острие, лезвие, пята клинка, второе оружие. Назовитесь.

— Камилла из Шестого дома.

— Ианта из Первого дома.

— Три шага назад. Развернитесь… начинайте.

Когда Корона сказала: «Начинайте», Нона подумала, что Камилла и принцесса бросятся друг на друга. Они этого не сделали. Вместо этого они кружили друг вокруг друга, как будто начали какой-то длинный танец и никуда не торопились. Камилла подняла руки с кинжалами к груди, как будто хотела защитить голову. Принцесса выставила клинок перед собой, легкий, тонкий, сверкающий в свете ламп и красный там, где в его полированной поверхности отражался ковер. Он казался слишком красивым, чтобы причинить какой-то вред.

— Без кинжала? — обыденно уточнила Камилла.

— Не хотела брать на эту планету ничего, что нельзя заменить, — пояснила принцесса. — Чтобы не беспокоиться лишний раз. Почему у тебя два клинка?

— Шок и трепет, — пояснила Камилла.

Принцесса шагнула вперед и ткнула Камиллу

рапирой, странно вытянув руку, и сразу вернулась в то же место, где стояла, как будто тень метнулась по спине. Камилла сделала неуклюжий шаг в сторону. Принцесса по-птичьи наклонила голову и ударила в бедро Камиллы, но Камилла успела подставить свой кинжал, и клинки звякнули.

Они сделали еще пару шагов. Принцесса ударила еще раз; кинжал Камиллы снова зазвенел, на этот раз рядом с ее сердцем. Принцесса действовала с бесстрастным любопытством ребенка, тыкающего палочкой дохлую кошку. Камилла держалась сосредоточенно, как будто никогда не волновалась ни о чем, кроме принцессы.

— Если это все унылая попытка затянуть дело, — заметила принцесса, — то я начинаю злиться.

Она нанесла еще один укол, на этот раз с заметным раздражением. Вместо тихого звона раздался громкий лязг, потому что Камилла сильно ударила по рапире принцессы одним из кинжалов, отбросила ее в сторону и нырнула вперед, целясь другим кинжалом в живот. Принцесса странно изогнулась, втянув живот и став почти плоской, и одновременно потянула руку с клинком к себе, попав Камилле рукой в голову.

Камилла пошатнулась и поспешно отступила назад, а кончик рапиры прошелся вдоль ее плеча. Она продолжала отступать, пока между ними не оказалось несколько шагов. Нона интуитивно почувствовала, что это плохой знак.

— Ты стала лучше, — сказала Камилла, — ты явно тренировалась с кем-то, кто знал, что делает.

— Ты развалина, — сказала принцесса Ианта Набериус, — боже мой. Местные жители не слишком подходят для спаррингов?

Нона зажмурилась и попыталась спокойно дышать. Попыталась не замечать ужасную перчатку, зажимающую ей рот. Ей хотелось сделать хотя бы один глубокий вдох без ужасающей вони. Ей казалось, что если бы она сохраняла спокойствие, это каким-то образом успокоило бы Камиллу, а если Камилла сумеет остаться спокойной, все будет хорошо. Снова звон, снова столкновение клинков, шорох шагов по ковру, тяжелое дыхание, похожее на дыхание Камиллы.

Нона раскрыла глаза: они все еще смотрели друг на друга, встав ближе. Камилла слегка присела, скрестив клинки, принцесса изучала с прежним равнодушием.

— Нет, — сказала принцесса, — слишком скучно. Я разочарована. Только Шестая способна

получить удовольствие от самоубийства.

Камилла перехватила кинжал левой рукой, направив его клинком назад. В обычных обстоятельствах Нона нашла бы это невероятно увлекательным и крутым. Она ударила вверх другим кинжалом, и когда принцесса презрительно отступила назад, Камилла вытянулась в полный рост и замахнулась правой рукой так, как будто собиралась разрубить что-то на две части. Рука рухнула вперед, движение вышло смазанным, и кинжал с влажным хрустом вошел в грудь мертвого солдата: принцесса увернулась, чтобы кинжал не задел ее. Камилла дернулась за ней, внутрь и вверх, выкинула левую руку вперед, перехватив кинжал обычным способом.

Мгновение Нона видела ее движение, примерно как по губам могла определить, какой звук они сейчас издадут. Камилла оказалась за рапирой принцессы, что та не могла развернуть клинок в такое положение, чтобы ударить, ее рука тянулась к спине принцессы, а из-за переворота кинжала получалось, что эта рука окажется чуть длиннее, чем ждала принцесса. Было не совсем ясно, как Кэм планирует добраться до платка, но, наверное, она собиралась подумать об этом, загнав клинок в тело принцессы.

Принцесса сделала сложное па назад, поднесла рапиру к груди и ударила ногой вперед. Не так, как когда Чести попытался сбить консервную банку со столба. Это был короткий резкий тычок, низкий, как будто принцесса отпихивала бездомную кошку. Нога Камиллы подломилась, и Камилла рухнула вперед, на колени, перекатилась назад, неловко приземлившись на левую руку, все еще держащую кинжал.

Она уперлась одной ногой в пол, чтобы оттолкнуться и подняться, а принцесса просто повернулась, отслеживая ее движение, и ударила рапирой сверху вниз.

Нона смотрела. Камилла растянулась на ковре. Пустой правой рукой она обхватила правое запястье принцессы, правое запястье, из которого росла правая кисть, державшая чудесный тонкий клинок, вошедший очень глубоко в тело Камиллы. Нона его совсем не видела.

— Ты совсем не умеешь метать эти штуки, — грустно сказала принцесса.

— Победа за Шестым домом, — сказала Камилла.

— Что? — переспросила Ианта, и тут глаза ее закатились, и она упала.

24

Все солдаты-зомби рухнули, как игрушки, высыпанные Кевином из коробки на пол класса. Нона упала вместе со своими охранниками. Ей не очень понравилось, когда на нее приземлились два больших мертвеца, которые от падения не стали менее тяжелыми или менее мертвыми. Никто ей не помог — все побежали к Камилле. Нона не обиделась, ей самой хотелось побежать к Камилле. Камилла встала на колени. Рапира торчала из ее живота, как вертел, и Камилла крепко держала ее за рукоять. Темные волосы прилипли к вспотевшему мрачному лицу. Корона упала рядом с ней живописной кучей и удерживала рапиру с другого конца. Ей хватило присутствия духа обернуть клинок собственным подолом, чтобы не изрезать ладони.

— Камилла, останься со мной, — говорила она.

— Я никуда не собираюсь, — хрипло пробормотала Кэм.

— И я, — сказало тело Ианты Набериус.

Внезапно оно село, резко, как Нона, которую разбудила мокрая губка, и разом, а не постепенно. Согнулось вдвое. Пирра бросилась за своим

пистолетом, когда солдаты начали падать, как куклы, и теперь шла вперед, держа его обеими руками. Сняла пистолет с предохранителя, прицелившись в Ианту. Потом она разглядела что-то, чего Нона не видела, и опустила ствол.

— Ты чертова легенда, — сказала она.

Тело Ианты игнорировало ее. Оно схватилось за рукоять клинка, который торчал из тела Камиллы. Камилла не подняла взгляда, а только сказала Пирре:

— Органы таза не задеты, вытаскивай.

— Это проникающее ранение в живот, — сообщило тело Ианты, — ты выйдешь из строя.

Странно, но Камилла говорила куда-то в сторону, как будто не могла смотреть на мертвое тело или обращаться к нему.

— Я справлюсь.

Нона была в ужасе — она не могла оторвать глаз от этого зрелища: тело Ианты схватилось за рукоять, поднялось на колени и потянуло рапиру. Тонкое лезвие сверкнуло, выходя из тела, подбородок Камиллы дернулся вверх, затем назад, она посмотрела в потолок и издала тихий звук, больше похожий на выдох. Тело отбросило рапиру, она закувыркалась по полу, разбрызгивая кровь Кэм. Тело стянуло правую перчатку, а Пирра

упала рядом с Кэм на колени и задрала на ней рубашку. То, что под рубашкой, пугало.

— Я принесу бинты, — сказала Корона и убежала, оставив Кэм на руках у Пирры и Ианты.

Камилле это не понравилось.

— Пустите. Бывало и похуже, — грубо сказала она.

Пирра отошла, вытирая руки о штаны, а тело Ианты осталось. Оно закрыло руками кровоточащую рану в животе Камиллы, и подбородок Кэм уперся ему в грудь. Ее дыхание стало прерывистым, а потом успокоилось.

— Посмотри на меня, Камилла Гект, — сказало тело Ианты.

Камилла пробормотала что-то, чего Нона не услышала.

— Я умер, и ты приняла меня, — сказало тело, — я сделал ставку, а ты перекрыла ее. Ты сохранила веру и стала орудием моей мести и моего милосердия. И теперь я прорвался сквозь время, сквозь Реку и сквозь Ианту из Первого дома… я победил Ианту из Первого дома, и, надеюсь, мне больше не придется с ней сражаться. Посмотри на меня, Камилла, ты узнаешь меня?

Камилла подняла подбородок и посмотрела на мертвое лицо.

— Да, Страж. Я всегда узнаю тебя, — тихо сказала она.

Их лбы соприкоснулись. Камилла протянула скользкую от крови руку, и Паламед сжал ее холодной голой рукой Ианты Набериус. Обе руки были очень грязные и при соприкосновении противно хлюпнули, но они оба, кажется, этого не заметили. Ноне пришлось отвести взгляд.

Она услышала, как Паламед сказал голосом Ианты Набериус:

— Пирра, я почти ничего не могу сделать. Я всего лишь рука в марионетке, вряд ли я смогу снять хотя бы одно заклинание, и я ни черта не могу поделать с кровотечением Камиллы. Хорошо еще, что внутренности на месте.

Кэм сказала, не открывая глаз:

— Не беспокойся обо мне, Страж. Я справлюсь.

— Благодарю за предложение, — любезно сказал Паламед, — мы рассмотрим его и добавим в следующую повестку дня.

Камилла улыбнулась своей чудесной горячей улыбкой, которую Нона обожала всю жизнь.

— Идиот, — сказала она.

— Не пробуй ничего талергического, Секстус, — сказала Пирра, — сосредоточься на общей картине, нам не нужны тонкости. Просто прочи-

тай тело, в котором находишься. Оно прикасалось к трупу. Без учета этого зала других останков тут быть не должно. Где она его спрятала?

Паламед снял вторую перчатку с мертвой руки Ианты Набериус. Слепо потянулся вперед, стараясь не задеть Камиллу, опустил руку на пол. Задумался на какое-то время.

— Подробностей не вижу. Какой-то труп спрятан в кладовой внизу. Два поворота налево — и будет коридор, покрытый отпечатками пальцев Ианты. Там есть какое-то тело, и это единственный сигнал трупа на двести метров, не учитывая…

— Секстус, я служила в армии. Это не то что «подробности», это полная разведсводка.

— Отлично. Иди забери тело Гидеон. Возьми с собой Нону. Бедная Нона. Выкопай ее из-под трупов, пока ее не раздавили.

— Спасибо, — сказала Нона.

— Но ты…

— Пирра, у нас нет времени. Ианта все еще жива и пинается где-то здесь.

Паламед постучал по своей идеально причесанной голове. Корона появилась из боковой двери с пластиковой коробкой в руках, побежала к ним. Когда Паламед сказал: «Жива», она чуть не

уронила коробку.

Выражение ее лица было ужасным.

Пирра сказала:

— Секстус, это было неразумно.

— Наверное, нет, — согласился Паламед, — но я сражался с Иантой Тридентариус в ее голове не на жизнь, а на смерть… и очень долго. Сколько времени это заняло здесь?

— Четыре, может быть, пять секунд, — сказал Корона. Лицо ее было пепельно-серым.

— Повезло вам. Для меня это продлилось немного дольше, — слегка улыбнулся Паламед, — убить ее было бы бесчестьем. Кэм, я правда так думаю. Сейчас я уважаю Ианту больше, чем когда-либо в прошлом. Я собираюсь сдерживать ее столько, сколько смогу, но если меня хватит больше чем на час, я сильно удивлюсь. Ваше высочество, заберите капитана Дейтерос — и возвращайтесь.

Корона перебирала бинты. Глаза у нее были огромные, почти фиолетовые и слегка мерцающие, как лужи фиолетовой воды.

— Ты хороший человек, Секстус, — тихо сказала она.

— Нет. Если бы я не думал, что безопаснее заманить Ианту в ловушку, чем позволить ей отступить в собственное тело в глубокий космос,

я не уверен, что не убил бы ее. Я рад, что этого не сделал, но это не означает, что я не мог. Это не проявление милосердия, принцесса.

— Все равно. Спасибо… спасибо за то, что не причинил ей вреда. Позволь мне помочь Кэм, я умею оказывать первую помощь в полевых условиях…

— У меня нет ресурсов, — с достоинством ответил Паламед, — но я полагаю, что способен перевязать собственного рыцаря. Приведи сюда Юдифь Дейтерос.

— Конечно, но охранники…

— Без сознания или взаперти, — сказала Пирра, — половине я разбила голову, а остальные не способны действовать. Дверь Дейтерос должна быть разблокирована, но сначала введи ей успокоительное. Нона, ты идешь со мной.

Корона уронила обрывки своего платья. Когда она посмотрела на Паламеда, Нону внезапно осенила мысль, что Корона совершенно не выглядела радостной или благодарной, но при этом на самом деле была благодарна отчаянно. Она внезапно напомнила Ноне Лапшу, мечтающую выйти на улицу и при этом остаться в корзинке, побегать, но при этом никуда не идти. Корона словно бы сдулась, как очень красивый воздуш-

ный шарик, и вышла.

Нона ощущала все вокруг шатким и нереальным. Ее тело могло ходить, двигаться и держаться прямо, но у нее кружилась голова и она не чувствовала самой себя. Когда Пирра вывела ее из комнаты, Нона оглянулась через плечо на Камиллу и тело, где обитал теперь Паламед. Они оба стояли на коленях на полу, окровавленные. Паламед выглядел так, как будто тихо что-то говорил, — но Пирра закрыла за собой дверь.

Когда они вышли из комнаты, Пирра взяла Нону за плечи.

— Ты в порядке?

В глазах у Ноны все двоилось, а потом снова становилось нормальным.

— Не уверена, — призналась она, — все странно.

— Трупы, которые упали на тебя, ничего серьезного не задели?

— Нет, я просто чувствую себя смешно.

— Ущипнуть тебя, малышка?

Это было настолько неприятно и обычно, что Нона вернулась в собственное тело просто от отвращения.

— Нет. Я не хочу, чтобы меня щипали. Почему ты всегда предлагаешь ущипнуть меня? Мне это

не нравится.

— Просто доказываю, что я — это я. Посмотри на себя. Не очень мне нравится твой наряд. Кто тебе глаза сделал? Все уже сходит. Вот, используй мой рукав, а не свой.

Нона вытерла лицо о подставленный рукав, и на нем осталось много липкого и белого.

— Впрочем, довольно умный способ маскировки. Следовало самой подумать об этом. Можешь идти?

— Да.

— Хорошо. Шевелись.

Казармы не стали менее вонючими и темными. Нону тошнило от неосвещенных лестничных маршей, так плохо они пахли, и она задерживала дыхание, пока Пирра вела ее вниз. Везде лежали груды мусора и странных вещей, разложенных в странных местах. В какой-то момент им пришлось пробираться через нагромождение ящиков.

— Настоящий лабиринт, — сказала Пирра, перетаскивая Нону через сломанную кровать, — сама я бы никогда тут ничего не нашла.

— Пирра, ты опять не ликтор, да? Это ты, а не другое твое «я»?

— Нет. Я притворялась, как и ты. Можешь по-

смотреть мне в глаза.

— Надеюсь, ты не против узнать об этом последней, — сказала Нона немного застенчиво, — но я умираю.

Это не произвело совершенно никакого впечатления.

— Конечно, — сказала Пирра.

— Я серьезно, Пирра.

— Ага. Я так и подозревала, — весело сказала Пирра, — я не делаю из этого истории. У каждого из нас есть свои тайны. Душа всегда стремится к телу, Нона. Даже искалеченная душа. Даже душа, которая изменилась навсегда. Нужно очень много усилий, чтобы приспособить душу к телу, в котором она не родилась, если это оригинальное тело рядом.

— Но ты не грустишь, — сказала Нона.

— Конечно, нет. Ты умираешь не из-за меня. Детка, когда ты кричала…

Нону это все еще немного смущало.

— Я восприняла слова Кэм буквально.

Пирра открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут они миновали второй поворот налево, и она закрыла рот. Стены здесь были выложены из добротного белого кирпича с бетонными и металлическими стойками. Так строились многие

здания — белый камень защищал от жары. Но короткий отрезок этого коридора покрывали тонкая кровавая филигрань и каракули: не только стены, но и пол и даже потолок. Гуще всего они казались в одном квадрате на стене, как будто кто-то хотел нарисовать дверь. Пирра взглянула на стену и рассмеялась.

— Это надпись? — спросила Нона.

— Вроде того. Это заклинание, которое должно держать нас подальше. Некромантия. Но и надпись есть, на языке Домов.

— Что там написано?

Пирра ткнула пальцем.

– *Не ходи сюда*, — и на другую строчку, — *я серьезно, идиотка. Тебя развеет*. Довольно очевидно… и параноидально. Такие штуки повсюду в казармах. В ее спальне, на верфи, на выходе из туннеля внизу. Некоторые из них — обманки. Она никогда не доверяла мне полностью. Труп должен быть здесь.

— Хорошо. В чем ловушка?

Пирра взяла из перевернутого ящика кусок сломанной трубы и без замаха швырнула его в дверь. Он рассыпался на куски на глазах у Ноны. Тонкая пыль посыпалась на пол коридора.

— Дешевая версия старой энтропийной ловуш-

ки Мерсиморн, — пояснила Пирра, — гораздо хуже. Сделана полностью на заклинаниях защиты. Блестяще, конечно, но полагаться только на них нелепо. Хорошо удерживает людей… и ее не может сломать никто, кроме другого ликтора. Видишь, как все сделано? Это кровь. Заклинания на крови стареют… и выгорают, если сталкиваются со слишком серьезным сопротивлением. Прости, Нона, но тут в дело вступаешь ты.

Нона не поняла.

— Ты хочешь, чтобы мы стояли тут и кидались мусором? Но так весь день уйдет.

— Нона, — сказала Пирра, — твоя способность к регенерации в миллион раз выше, чем у любого нормального ликтора. Никто из них не восстанавливается так, как ты. Я не уверена, что у тебя вообще есть предел… не с теми повреждениями, которые ты переживала. Так что прости… но нам придется использовать тебя, и это будет невероятно больно. Я бы не просила тебя это делать, но это буквально важнее всего на свете.

Нона прерывисто вздохнула. Она немного завидовала и немного устала.

— Что такого особенного в том теле, за которым мы пришли?

— В общем? Она — ключ от двери, которая была

заперта десять тысяч лет. Лично для меня? Это последнее, что мне осталось от женщины, которую я обманом пыталась заставить полюбить меня, и проиграла. Для тебя? Возможно, это ты, детка.

Нона снова вздохнула, как будто ее тело пыталось издавать все возможные звуки одновременно. Одно ухо слегка заложило, и, когда она наклонила голову, высморкалась и потянула за мочку, из него пошла струйка воды.

— А что, если я мне не понравлюсь? — спросила она.

Пирра, кажется, не поняла.

— Наверное, ты начнешь ходить по клубам, вешаться на танцующих и заводить отношения за отношениями без надежды на что-то серьезное.

Нона стала суровой:

— Ты слишком много говоришь, Пирра.

Какое-то время она не могла решить, с чего начать. Она думала про ногу, потому что нога была дальше всего от головы, и, возможно, боли потребовалось бы чуть больше времени, чтобы дойти до мозга, но это могло испортить ей обувь. Обувь обратно не отрастает. Опять же, ей никогда не нравились собственные руки. Нона вытянула левую руку, которая немного дрожала — она не боялась боли, которая уже случилась, но предвку-

шение приводило ее в ужас.

— Пирра, помоги, — выдохнула она, — я боюсь, я не могу.

Пирра сжалилась над ней и схватила ее за локоть. Протянула руку Ноны вперед. Кончики ее пальцев преодолели какой-то невидимый барьер и растворились.

Что-то ужасное происходило там, где пальцы встретились с барьером. Кончики ее пальцев превратились в красно-серый туман. Мелкие капли попали на руку и обернулись крошечными белыми облачками пара, ударившись о барьер, а потом пропали. Пирра удерживала ее на месте, пока ее рука обгорала, рука болела, рука исчезала. Это было похоже на боль от шатающегося зуба, если зубов было около ста и они все росли на кончиках пальцев.

А потом ее рука сошла с ума, и это было хуже всего. Огромные комки кожи внезапно поползли туда, где их не должно было быть, они походили на красно-бело-коричневые комочки воска. Мягкие ростки того, что, как она поняла, было ее собственной костью, выскакивали, дрожа, из ее плоти, стремясь по спирали вперед, как будто искали, за что ухватиться, как будто собираясь прорасти пальцами в более безопасном месте. Это

было по-настоящему страшно — смотреть, как плоть распадается, как вырастают новые пальцы. Из воска выросла еще одна рука, потянувшаяся назад к ней, как к зеркалу, и Нона закричала от ужаса и подалась вперед, чтобы избавиться от этой руки.

Красные метки, покрывающие коридор, взорвались, как миллион крошечных фейерверков. Один, потом следующий, потом все остальные по очереди — ПОП-ПОП-ПОП-ПОП-ПОП, как будто Чести купил их по дешевке и бросил спичку в коробку. Послышался шум, словно загорелся автомобиль, воздух замерцал, и мелкий кровавый порошок посыпался с потолка.

Нона опустилась на корточки и спрятала руку между бедер, боясь взглянуть на нее. Ее сердце билось так сильно, что она боялась, что оно лопнет. Взгляд расфокусировался, как будто глаза уже не имели к ней никакого отношения. На мгновение ей захотелось крикнуть: «Помогите», как она поступила раньше, притворяясь капитаном. Ей хотелось кричать. Ей хотелось, чтобы ее слушали. Она хотела, чтобы барьер забрал ее руки. Ей хотелось броситься в него, обратиться кипящей массой плоти, костей и щупалец, уничтожить свое тело, расплавить его, исчезнуть, чтобы ни-

кто не претендовал на ее тело, кроме нее самой, чтобы оно принадлежало ей и никому другому. Думать об этом было ужасно. Нона сразу горячо возненавидела себя.

Пирра упала рядом с ней, обхватила ее большими темными жилистыми руками, дико пахнущими по́том. Щеки казались шершавыми от несбритой щетины. Шея у нее была колючая и приятная, и Нона уткнулась в нее лицом и тихо хныкала, пока ей не стало легче.

Пирра схватила ее за руку и сказала:

— Ты в порядке. Никаких повреждений. Смотри.

Но Нона отказывалась смотреть целых двадцать секунд. Когда Нона наконец опустила взгляд, все было в порядке — ее рука казалась совершенно нормальной, вот только ногти отросли слишком длинными, так что рука походили на лапу. Пирра тут же достала нож и обкромсала их, пусть и неровно.

— Ты смелая. Нона, прости, у нас нет времени отдыхать. Начни открывать дверь. Я хочу тут прибрать на случай, если какие-то заклинания остались целы. Не хочу, чтобы тело принялось разваливаться на куски. Ее не так-то просто будет утащить.

Голова Ноны снова закружилась, но она кивнула и двинулась по коридору. Она открыла первую дверь слева, но это оказался чулан с метлами. Подбежала к следующей, массивной двери. Ключ все еще торчал в замке. Она повернула ключ, нажала на ручку и остановилась на пороге.

Это была обычная спальня. Окон не было — они спустились под землю, по крайней мере, на один этаж, — и горела одна довольно тусклая лампочка. Комната выглядела довольно большой, там помещалась целая кровать и влезла бы еще одна, если поставить ее у самой стены. Растянувшись на кровати и занимая ее почти всю, там лежала девушка из ее сна. Девушка, которая могла бы быть ею.

Нона вошла на цыпочках, мучимая нелепым ощущением, что шуметь нельзя, и всмотрелась в тело. Она не так много трупов видела вблизи. Долговязый труп был одет в красивый белый костюм: белые брюки, коричневые ботинки, которые выглядели почти новыми, белая куртка с серебряными шнурами и пуговицами. Пара пуговиц оказалась расстегнута. Девушка выглядела так, будто она рухнула спать в ботинках после долгого тяжелого дня: лицо у нее казалось полусонным. Рыжие волосы в темноте выглядели еще более

рыжими, были ярче, чем у Пирры и чем у Чести. Маленький венок из костей и цветов немного сбился. Подбородок у нее был решительный, а нос представлял собой полную противоположность носу Ноны и напомнил о больших пустынных ядовитых кошках, от которых был без ума Утророжденный.

Нона вовсе не была уверена, что девушка красива. Лицо ее не казалось отталкивающим. Оно заставляло задуматься, но не о чем-то плохом, а просто о смерти. Кожа явно принадлежала мертвецу — пепельно-серая, с пятнами неподходящего грима у ноздрей и рта. Но даже будь девушка живой, Нона оценила бы ее критически. Ресницы у нее были очень темные, но короткие и загнутые, тогда как Нона считала, что все ресницы должны быть длинными и прямыми (ее собственные ресницы такими и были). У трупа были слишком большой рот и ямочки на щеках (ни у кого из ее домашних ямочек не было). По крайней мере, на веках не виднелись венки. Веки казались тяжелыми и холодными, а глаза — излишне глубоко посаженными.

Нона подумала, что будет очень стыдно превратиться из такой красавицы, как она, в такую… рыжую. Нона осторожно прикоснулась к хо-

лодной руке трупа, ожидая, что что-то сразу же произойдет, что она внезапно растает или исчезнет, как мыльный пузырь. То, что произошло, заставило ее гораздо лучше думать о трупе. Девушка открыла глаза, и глаза оказались желтыми, цвета золотого вечернего неба, такие же, как у нее самой, только мутнее. Они были прекрасны: Нона обожала свои глаза и теперь видела их снова, лишь чуть-чуть попорченные смертью. В темноте они сияли, как клад.

Труп взглянул на нее с такой немой беспомощной мольбой, как будто заговорил на родном языке Ноны, что она сразу поняла, что делать дальше.

Тень встала в дверном проеме, почти заслонив весь свет из коридора. Нона обернулась и сказала:

— Пирра, прости, я облажалась.

Но Пирра смотрела на труп девушки так, как будто увидела привидение. Или даже два. А может, и два. Повернувшись обратно к девушке, Нона опешила: труп лежал совершенно неподвижно: глаза закрыты, конечности застыли в нелепой позе. Полное ощущение смерти. Пирра подошла и посмотрела на едва освещенный труп.

— Да, это Гидеон Нав, все в порядке. Я узнала бы ее где угодно. Можно было даже не говорить, что она дочь своей матери…

— Кого? — не поняла Нона.

— Ты видела ее фотографию, — Пирра потянулась рукой к лицу Гидеон, но потом отвела руку, одумавшись, — массовое производство Крови Эдема… так себе затея. Но этот ребенок ее. Только глаза и брови его. Странно, что Мерсиморн этого не заметила. Она, наверное, не смотрела.

— Ее мать — женщина, которая разбила тебе сердце, — догадалась Нона.

— Да, — сказала Пирра, — но лишних сантиментов не надо. Мы с моим лучшим другом выкинули ее из шлюза. А так я была готова на отношения, да.

Почему-то Нона ощутила смутную обиду и ревность. У нее вот не было матери, которую Пирра могла бы выкинуть из шлюза. И Пирра никогда не смотрела на нее так, как на этот рыжий труп, — с мягким, но неудержимым желанием взять его на руки, похожим на желание Кевина играть со своими куклами. С желанием взять, сжать, приласкать, уничтожить.

Тут она вспомнила и сказала поспешно, пока Пирра не успела вспомнить что-то слишком

личное:

— Пирра, она тебя слышит, я думаю, она проснулась.

Пирра посмотрела на Нону. Посмотрела на труп. Положила руку на мертвый лоб… коснулась платка на шее. Труп лежал недвижимо, так же, как когда Нона вошла в комнату.

— Правда… я ее разбудила.

Теперь Пирра посмотрела на Нону. На ее лице было написано очень грустное и грубоватое удивление. Не желание, а понимание, которое Ноне не понравилось. Пирра погладила ее по щеке и спросила:

— Зачем?

— Просто так.

— Ничего не случилось? Каково это было?

— Это личное, спасибо, — чопорно сказала Нона.

— Ха, — сказала Пирра, — ну, ты не валяешься на полу, так что мы можем исключить пневматическую реверсию, — она прикрыла глаза ладонью, — в плохом варианте твоя душа перепрыгнула бы прямиком в ее тело, оставив твое тело вообще без души. Хреново было бы.

— Я бы умерла? — с интересом спросила Нона.

— Попыталась бы. Тело нуждается в талергии

и душе, чтобы жить. Принцип треноги Анастасии. Тело плюс талергия без души — это очень странный овощ… ненадолго. Потом оно сдается и вырубается.

— Она посмотрела на меня, Пирра, — сказала Нона и в доказательство протянула руку и сильно ткнула тело в ребра. Тело не отреагировало.

— Ты заметила цвет ее глаз?

— Золотые. Как мои, но мутные.

— Хорошо. Ианта не смогла перенести, — сказала Пирра, — господи, эта херня не могла случиться в наше время. Кассиопея, Кир, Улисс и Китера могли бы ее удержать в рамках. Она хороша, у нее богатое воображение, и она очень жуткая, и теперь некому ее остановить. Какого черта Джон позволил ей взять тело ребенка? Он не мог не знать, что Кровь Эдема свихнется, увидев его. Ладно, поехали.

Она присела на корточки и перекинула труп через плечо. Голова девушки свисала вдоль спины Пирры, а ноги — спереди. Нона разглядела красивые ножны, украшенные драгоценными камнями, и жемчужно-белую рукоять меча. С другого бедра свешивалось что-то еще, что она не могла разглядеть, тоже жемчужно-белое, мешанина прозрачных белых лезвий и пластинчатых

заклепок. Все, что было на девушке, казалось прекрасным, как и наряд Ианты Набериус, если не красивее. Но первозданная белизна этой униформы придавала ей куда более мертвый вид, только волосы мешали.

— Тяжеленная, — хмыкнула Пирра, — и эти тряпки Первого дома. О чем вообще думал Джон, одевая их как срочников на дискотеке?

Нона начала яростно сомневаться в себе.

— Пирра, я все еще не уверена…

— Скажи Секстусу и Гект, когда мы поднимемся. А, еще у меня в кармане половина протеинового батончика. Съешь ее. Держу пари, что ты ничего не ела уже несколько часов. Кэм не может заставить тебя есть так, как я, да ведь?

Нона погрузилась в мрачное молчание. Она посматривала на голову трупа, пока Пирра осторожно тащила его через дверь, про себя надеясь, что Пирра заденет трупом дверной проем и он ойкнет, но Пирра оказалась достаточно ловкой. Глаза оставались закрытыми — Нона все время следила, но они не открывались, — и даже когда Нона догнала Пирру и нежно коснулась прохладной темной руки трупа, ничего не произошло.

Когда они прошли сквозь разрушенные защитные барьеры коридора, окончательно вышедшие

из строя, Нона пошатнулась. Пирра спросила:

— Ты в порядке? Сможешь продержаться еще немного?

— Да, — ответила Нона и постаралась не отставать.

Они дважды повернули налево, и, к счастью, Пирра не попросила о помощи, когда потащила труп вверх по лестнице.

Корона ждала их в коридоре. Когда она увидела тело, ее прекрасные фиолетовые глаза расширились, а рука рефлекторно потянулась к черной рукояти рапиры у бедра.

— Это она. Бедная Гидеон…

— Не надо ложных надежд. Это может быть кукла, — предупредила Пирра. — Я не понимаю, почему Джон вообще выпустил ее труп в мир, даже с ликтором. Это же ходячая предсмертная записка.

Корона заколебалась, но внезапно дернулась вперед и обхватила ладонями рыжую голову, погладила волосы, поиграла с маленьким сверкающим листком в венке.

— Она выглядит так же, как прежде, — удивилась она, — кроме одежды, конечно. И это не Ианта придумала, она больше склонна к минимализму.

Ее пальцы ласкали перевернутую пепельно-серую щеку.

— Бедная Девятая… Только представьте, что надежды и страхи всей Вселенной заключены в одной маленькой мертвой рыжей звездочке.

— Если это стихи, то увольняться с нормальной работы тебе рановато, — заметила Пирра. — Как там шаттл?

Корона опустила руку и поморщилась:

— Хорошие новости только у тебя. Паламед говорит, что шаттл идет на хер… Его точные слова, он стал на удивление грубым.

— Что случилось? На нем заклинание?

— Нет, на топливе. Оно не горючее, Две. Оно… пирофорное. Если мы провозимся слишком долго, эта казарма взлетит на воздух и сожжет весь квартал.

— Я бы могла… — робко сказала Нона.

— Нет, — отрезала Пирра.

— Камилла говорит, чтобы мы забыли пока о шаттле, что мы можем вернуться за ним. Ей нужна Ценой страданий, чтобы обезопасить Шестой дом. Я оставила их вместе с капитаном в главном зале, — Корона тревожно наморщила лоб, — и еще плохая новость: Юдифь капризничает. Ее успокоительное действует целую вечность. Над

ней работает Страж, но говорит, что он почти ничего не может. Почему Ианта могла заниматься некромантией через труп Бабса, а Паламед нет?

— Ты сама ответила на свой вопрос. Ианта — ликтор, она действует через тело своего рыцаря, это тело принадлежит ей. А он ничего не сможет сделать, пока снова не окажется в своем рыцаре, а такими темпами… — Она осеклась и добавила: — Помоги Ноне. Она чуть не надорвалась.

Нона собиралась возразить, но тут Корона предложила понести ее на закорках. Нона не могла устоять, хотя это и казалось чисто детским развлечением. Она позволила Короне взять себя за бедра и прильнула к ее спине, обхватив ее руками за шею. Корона сказала кокетливо:

— Наконец ты со мной, моя прекрасная дева.

Нона рассмеялась, пусть и слабо.

Широкий коридор заканчивался открытыми дверями на улицу, и было видно, что в город пришла ночь. В двери врывался теплый ветер, приятно пахнувший автомобилями, слышались гудки. Обидно было возвращаться в большой, покрытый плиткой зал с трупами, вонючий и затхлый. Зато оказалось, что Камилла выглядит намного лучше и даже стоит сама. Голый живот ей забинтовали, на плечи она накинула белый

мундир Ианты Набериус, но она стояла. Ее лицо все еще казалось сероватым, а не смуглым, и блестело от пота, но она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Капитана принесли в зал и уложили на пол, подложив под голову свернутые тряпки. Она продолжала беспорядочно дергаться, как будто по рукам и ногам ее пробегали молнии или как будто ее дергал пьяный кукловод. Она то и дело открывала рот, и Нона искренне обрадовалось тому, что из этого рта не доносилось никаких звуков, кроме тихого оханья.

Когда вошли Нона и Корона и Пирра с трупом, Паламед и Камилла внимательно посмотрели на них. Лицо Паламеда дрогнуло и сморщилось:

— Никакой реакции?

— Нет. Нона даже поцеловала эту… хрень в губы, — сказала Пирра.

— Это личное, Пирра, — сказала Нона и смутилась от того, каким пискливым показался ее голос.

— Что же, это просто копия? — спросил Паламед. — Положи ее.

Пирра опустилась на колени, и Нона с интересом посмотрела, с какой осторожностью она

обращается с рыжеволосым трупом, который сейчас казался совсем мертвым, такими тяжелыми и вялыми были конечности. Корона присела на корточки, чтобы Нона могла соскользнуть с ее спины.

Камилла сказала:

— Если это копия, то все кончено.

— Этого не может быть, — тупо сказала Корона.

— Очень даже может, — возразила Пирра.

— Но это не имеет смысла. Если это копия, моя сестра этого не знала. Она вела себя так, будто танцевала на горячих углях, — и не для того, чтобы обмануть меня.

— Дайте мне минутку, — велел Паламед.

Он опустился на колени рядом с трупом — очень неловко, двигался он куда неуклюжее, чем обычно.

— Кажется, я вывихнул коленную чашечку, — мягко сказал он, — это не так просто, как с тобой, Кэм. Ладно, Гидеон. Давай посмотрим на тебя

Он размотал шейный платок, и Нона отвела взгляд. Огромная рана разделяла горло надвое. Нона пожалела, что у нее больше нет кос, которыми можно завесить лицо. Паламед наполовину расстегнул рубашку, и в груди обнаружилась еще

одна рана — бескровная, фиолетовая и рваная, с торчащими из нее белыми клыками.

— Ущерб соответствует заявленным травмам. Должна быть еще одна рана ниже.

— Если это работа Джона, это ничего не доказывает. Копия будет точной, — сказала Пирра.

— Я знаю. Но здесь у меня есть преимущество — я прикасался к ней, пока она была жива.

— Да, но…

Паламед положил руку Ианты Набериус на рану. Закрыл глаза — свои собственные глаза, красивого темно-серого цвета, а не странные голубые в крапинку, — но почти сразу дернул головой, сильно чихнул, вздрогнул всем телом и убрал руку.

— Что… что это?

— Ты только что повстречался с Богом, — сказала Пирра.

— Он мне не нравится.

— Бог охраняет ее… или создал ее. Или и то и другое. Попробуй что-то разглядеть через это. Его сила — как удар в лицо, Секстус. Если он к чему-то прикасается, на этом уже не будет никаких других следов. Слишком много шума.

Корона сморщила свой изысканный нос.

— В этом и вопрос. Когда Кровь Эдема подо-

брала ее… почему они вообще решили, что дело нечисто. Гидеон никогда не подавала никаких признаков разложения. Она всегда выглядела так, как будто умерла пару минут назад. Ее обернули пленкой и бросили в реку, посмотреть, что случится. Я это видела. Поначалу это ужасно, а потом стало просто смешно. Тихо, Юдифь. Я здесь.

Капитан снова задергалась. Корона подошла к ней и нежно сказала:

— Если бы не ты, я бы во все это не влезла. Ты паразитка.

Капитан умолкла, только руки и ноги продолжали подрагивать.

— Вполне возможно, что именно это и удерживает Нону, — сказал Паламед, — неважно. Мы должны исходить из того, что это действительно Гидеон Нав. Поднимите ей голову, чтобы я мог дотянуться до шеи. Удостоверимся, что Ианта не сможет перейти в нее, что бы ни случилось. На простую защиту от призрака меня хватит. Кэм, я воспользуюсь твоей кровью — это единственный ресурс, который у нас практически разлит по всей комнате.

— Я могу дать тебе еще, у меня примерно ложка осталась.

— Камилла Гект. Я бы тебя ударил, вот только

при попытке Набериуса Терна ударить тебя я сам чего-нибудь недосчитаюсь.

Они перевернули труп принцессы. Паламед нарисовал несколько закорючек на ее затылке мизинцем Ианты Набериус, используя окровавленную одежду Кэм вместо палитры. Действовал он очень осторожно. Помахал над рисунком рукой, чтобы он скорее высох.

— Страж, мы продолжаем? — спросила Камилла.

— Да. Забираем Надзорный орган и уходим.

— Но шаттл, — сказала Корона.

— Надзорный орган, затем шаттл, — возразил Паламед, — главный архивариус Юнона Зета отлично разбирается в заклинаниях. Она растопчет все мои предложения и выскажет десяток своих, о которых я и подумать не мог.

Похоже, это не полностью убедило Корону.

— Даже если мы получим работающий шаттл, что дальше?

— Установка Шестого дома, — сказала Камилла, а Паламед закончил:

— Мы воссоединимся с Шестым домом… выведем некромантов из этой системы и ее влияния. Найдем способ выманить Зверя Воскрешения прочь с этой планеты, чтобы дать населению

передышку и защитить его куда вернее армии Домов… мы вылечим Нону, остановим войну, подпишем мирный договор, отправимся в Девятый дом и начнем настоящую битву.

Нона обнаружила, что все взгляды обращены на нее. Она оглянулась на случай, если все смотрели на кого-то у нее за спиной, но тут была только она. Она не знала, что такое Девятый дом. Ни у кого из ее знакомых не было больше одного дома. У Чести вряд ли была хотя бы четверть дома. Она не знала, что такое Девятый дом, но ее зубы стучали, совершенно независимо от нее, и она очень сильно сжала челюсти. Это заставило всех отвернуться, и она обиделась, потому что их лица выражали чистую жалость.

Паламед начал переворачивать труп обратно на спину — Камилла попыталась подойти и помочь, но он прогнал ее. Перевернутый труп лежал, неуклюже раскинув руки. Одежда и рапира пришли в полный беспорядок. Паламед сказал с явным удовлетворением:

— Ну что же. Это будет первый барьер, который не позволит ей совершить перемещение. А теперь, Кэм, дай мне шприц.

Камилла поискала в аптечке, которую принесла Корона, достала большую иглу и сняла с нее

пленку.

— Секстус, не думай, что я об этом не подумала, — сказала Пирра, — если бы образца крови было достаточно, я бы первая с этого начала. Харрохак Нонагесимус не сможет откатить этот гребаный камень в сторону, если кровь не будет совершенно свежей.

— Никогда не знаешь, — спокойно сказал Паламед, — ты посмотри на нее. Ровные цвета, никаких следов обезвоживания или воздействия гравитации на внутренние органы. Раны выглядят чистыми и обработанными. Я, вероятно, смогу получить приличный образец.

— Даже если кровь сохранится вне тела, нам придется забрать ее с собой на всякий случай.

— Если она сохранится вне тела, это даст нам интересную пищу для размышлений. Я собираюсь проколоть бедренную фасцию.

Камилла сунула ему ножницы, и он сделал короткий разрез в мягких кожаных штанах трупа. Потом ощупал кожу пальцами, приставил к ней иглу — и тут рука трупа рванулась вперед и обвилась вокруг его запястья, прежде чем кто-либо сумел помешать. Нона заметила, что один из рукавов трупа закатан, а на запястье висит забавный толстый браслет: плетеный шнур из

нескольких разных цветов, ни один из которых не подходил к другим.

— Во-первых, это не сработает. Во-вторых, я ненавижу иглы, — сказал труп, — в-третьих, чувак, если ты так снимаешь с дамы штаны, неудивительно, что я увела твою девушку.

Паламед откинулся назад.

— Не мою. В отличие от некоторых из присутствующих, я никогда не находил ничего привлекательного в злобных пумах, — сухо сказал он. — Доброе утро, Гидеон.

25

Пирра быстро щелкнула затвором. Она ни в кого не целилась, но пистолет держала в руках, и руки эти напряглись.

— Секст, назад, — велела она.

— Кто это? — спросил труп, не отпуская запястья Паламеда. — Ого, какие люди. Это ты хвасталась, что уделала мою мамулю?

— Любой, кто уделал бы твою мамулю, не преминул бы этим похвастаться.

— Девятая? — нервно спросила Корона.

Пирра проигнорировала ее:

— Он вернул тебя обратно. Он сделал из тебя призрака.

— Ага, — согласилась девушка.

— Но это невозможно. Он не сумел бы отделить тебя. Твоей девушке не удалось полное слияние, но то, что она взяла от тебя, даже Джон не смог бы вернуть. И… он вернул тебя не полностью? Вернул такой?

— Секстус, если ты не уберешь эту иглу, я сломаю гребаную руку Набериус, — раздраженно сказал труп.

— Я не могу, — сказал Паламед. — Ты все еще

держишь меня за запястье.

— Ой. Ага. Если я отпущу твое запястье, не надо меня тыкать и убегать, окей?

— А как, по-твоему, берут образцы крови?

— Пожалуйста, — сказала Корона, — я ничего не понимаю. Ты… правда Девятая? Гидеон из Девятого дома? Ты… жива?

Труп отпустил запястье Паламеда. Паламед убрал руку со шприцем и сел на пятки. Мертвая девушка села, затем оперлась рукой об пол и с удивительной легкостью поднялась на ноги. Отряхнула штаны.

Нону потрясло не то, что труп пошевелился. А то, как он шевелился. Нона не могла перестать смотреть. Она никогда раньше не видела, чтобы кто-то так двигался.

— Нет и нет, — сказала девушка, — я принцесса Кириона Гайя из Первого дома, Ее Божественное Высочество, первый лейтенант Когорты, хранитель жизни Императора — просто почетный титул, но кого это волнует — наследница божественного Императора, первая из Принцев Башни. И я мертвее мертвого.

— Джон, ты сумасшедший мудак, — тихо сказала Пирра, не опуская пистолет.

— Наследница божественного Императора? —

спросила Корона.

— Кириона? — спросила Камилла.

— Если хочешь, можешь звать меня Гидеон, — сказала принцесса Кириона Гайя из Первого дома, — я никак не могу привыкнуть отзываться на Кириону. Кстати, кто тут у нас? — Она с интересом оглядела группу. — Корона… отлично выглядите, мэм, с вашего позволения… Кэм, хотя, судя по всему, ненадолго. Мудила-прайм. Юдифь Дейтерос за каким-то хреном… ну или ее труп. И Сексти. А, и фальшивая Нонагесимус. — Она сделала паузу. — Все, кроме Короны, могут валить. Ты почему вообще ходишь, Секстус? Я думала, ты подох.

— Сколько ты уже не спишь? — спросил Паламед, вставая с заметно бóльшим трудом, чем труп принцессы.

— С самого начала. Я играла в опоссума. Правда, я умная?

Нону в целом достаточно возмущало все поведение принцессы Кирионы Гайи, но это последнее восхваление оказалось невыносимым.

— А я знала! — выпалила она. — Меня ты не обманула. Я видела, как ты на меня смотрела в той комнате! Ну, когда я…

— Ага, поздравляю, — саркастически сказала

принцесса, — нет, булочки мои, я вас не обманывала. Что это за младенец? Дайте ей, что ли, соску, чтобы она заткнулась!

Нона открыла рот, чтобы сказать худшее, что она когда-либо говорила: она не совсем знала, что это будет, но чувствовала, что это будет очень, очень плохо. Возможно, хуже всего, что когда-либо говорилось в принципе, она чувствовала, как эти слова рождаются у нее в горле, но тут Паламед кинул на нее умоляющий взгляд, и она заставила себя сжать челюсти.

— Нона, извини, но придется подождать, — сказал Паламед, — это все куда менее осмысленно, чем мне бы хотелось, а времени у нас мало. Нав, почему Ианта вообще заперла тебя, если ты действуешь самостоятельно?

— Она очень разозлилась из-за того, что я в принципе с ними отправилась. И отключила меня на публике, чтобы я не испортила важную миссию, связанную с Шестым домом. — Она издала оскорбительный звук, резко выпустив воздух между почти сомкнутыми губами.

— Отправилась? — переспросил Паламед. — Ты имеешь в виду, что вы обе путешествовали через Реку? В этом шаттле?

— Не может быть, — сказала Пирра, пристально

наблюдавшая за принцессой, — уже нет. К тебе привязана душа, малышка… или часть. Джону пришлось бы пойти с тобой, чтобы ее не сорвало.

Принцесса-труп склонила голову набок, как любопытная птица.

— Ты в последнее время не бывала в Реке, да?

— О чем ты?

— Думаю, в какой-то момент ты поймешь. Так или иначе. Вы собираетесь в Девятый дом, так? Я с вами.

— Зачем? — спросила Камилла.

— А почему нет? — Принцесса пожала плечами. — Меня мучает ностальгия. Боже, как я скучаю. Нет скелетов лучше домашних. Столько счастливых воспоминаний…

— Нав, — спокойно сказал Паламед, — если ты не спала все это время, ты прекрасно знаешь, что мы делаем. Учитывая, что ты назвалась принцессой Кириона Гайей из Первого дома, ты разве не должна пытаться остановить нас во имя Императора?

Принцесса Кириона Гайя улыбнулась. Это была не очень дружелюбная улыбка: она медленно расползалась по лицу и выглядела голодной.

— Сексти, ты что, хочешь со мной поссориться?

— Нет, — сказал Паламед, одновременно поднимая руку, чтобы остановить Камиллу, сделавшую шаг вперед, — совсем не хочу. Я уже дрался сегодня с одним из так называемых Принцев Башни. Кроме того, я считаю тебя своим другом.

Это вызвало у Ноны смутное возмущение: она не могла поверить, что кто-то такой добрый, как Паламед, мог дружить с таким ужасным человеком, как Кириона Гайя.

— Но я изо всех сил пытаюсь понять, почему ты здесь… что ты делаешь… чего ты хочешь добиться? Чего ты хочешь, Гидеон?

Принцесса-труп задумалась.

— Да ничего я больше не хочу, — весело сказала она, — мне насрать. Я влезла в шаттл Ианты, потому что мне показалось, что это веселее, чем принимать парады дома. Я могла бы вас всех поубивать, и Джон наверняка вручил бы мне очередную медаль или что… ладно, не Корону, Ианта бы никогда с этим не смирилась. Но медали, фу. Я хочу туда, где что-то происходит. И мне кажется… У меня такое чувство, будто у меня остались незавершенные дела в Девятом. Очень личные.

— Она *лжет*, — тут же сказала Нона. От принцессы исходило так много белого шума, что она не могла точно сказать, где ложь, но она точно

пряталась в этой улыбке.

— Я, кажется, велела тебе захлопнуть свою краденую пасть, — неприятным тоном сказала Кириона.

— Не торопись, Девятая, — сказала Камилла.

Сердце Ноны дрогнуло. Не имело значения даже то, что Кириона сказала:

— Конечно, Кэм. Выходи замуж за дебила, а потом сдохни. Отличная идея.

Паламед очень терпеливо повторил:

— Чего ты хочешь, Гидеон?

Принцесса-труп и глазом не повела.

— Я хочу вернуться. Кого волнуют мои мотивы?

Это не было похоже на ложь. Корона посмотрела на Нону, Нона пожала плечами. Корона отчаянно посмотрела на Паламеда. Паламед, как заметила Нона, выглядел каменно-спокойным и не выдавал своих чувств.

— Страж, пожалуйста, — сказала Корона, — она нам нужна.

— Да, — сказала принцесса, — и не в пробирке. Так что либо вы позволяете мне отправиться в Девятый, либо набрасываетесь на меня все вместе и проверяете, сможете ли вы добыть хоть каплю моей мертвой крови. Охренеть. Так или

иначе, день прошел не зря.

Камилла дернулась вперед, и принцесса увидела ее и ухмыльнулась.

— Вот молодец. Давай, Кэм. Ты там в целом жива, да? Упрощу тебе задачу. — Она закатала рукав и вытянула вперед обнаженное предплечье. Сжала кулак. — Попробуй. Я готова к уколу, док.

Камилла шагнула вперед более решительно, не сводя глаз с принцессы.

— Ради всего святого, Нав, оставь показуху, — сказал Паламед, но Камилла взяла запястье принца, прижала к нему иглу и решительно толкнула поршень.

Игла сломалась, как будто она воткнула ее в кафельный пол. Камилла отшатнулась, как будто потеряла равновесие. Кириона Гайя раскрыла кулак, придержала Камиллу за плечо, а затем словно бы вздрогнула и грубо оттолкнула ее. Камилла упала обратно в объятия Паламеда.

Принцесса уставилась на них. Глаза у нее теперь были совсем не такие, как у Ноны: они были твердыми, мертвыми и яркими, как драгоценные камни.

— Мой отец сделал кости моего тела плотнее титана, — холодно сказала кронпринцесса, — мой отец сделал так, что от моей кожи отскакивают

пули. Я — идеальная десница и последнее воплощение искусства Девяти домов. Как вы не понимаете? Я — создание Императора.

— Жаль, он не прикупил шпаклевки для лишних дырок, — заметила Пирра.

— Это для ускорения, — быстро сказала Кириона. Затем она посмотрела на Камиллу, на красное пятно, проступившее на бинтах, скривила губы и сказала: — Ты кончишь так же, как я, если так и будешь страдать херней.

— Нав. Что бы случилось, если бы я взяла у тебя кровь?

— Как? Иглой поострее? Нет шансов. Моя кровь сгорает вне моего тела. Превращается в пепел. Нужно ее обработать, ну, например, напитать талергией, чтобы предотвратить мгновенную танергическую реакцию. Но когда она вступит в реакцию с воздухом, консервация ну вроде как откатится назад. Она не статична.

Посмотрев на лицо Паламеда, она расхохоталась.

— Да брось, парень. Я Гидеон второй версии. Я теперь знаю штук пять фактов о некромантии.

Почему-то именно из-за этого Паламед дернулся, словно его ударили; лицо Ианты Набериус на мгновение исказилось. Затем он встряхнулся

и сказал:

— Если Кровь Эдема узнает, что ты говоришь и ходишь, Гидеон, они наденут на тебя наручники примерно в шестнадцати разных местах. Как ты насчет этого?

Кириона повернулась, чтобы посмотреть на них. Нона не могла до конца поверить, что они этого не видят, но они не смотрели, они ничего не замечали. Это было в каждом движении Кирионы — в быстром мелькании ее рук, в размахе ног, в широких, дерзких шагах, в необычной грации, с которой она передвигала свое мертвое тело.

За всю свою короткую жизнь Нона никогда не видела настолько печального человека. Она почти испугалась смерти из-за этого.

— Никто не сможет меня удержать, — сказала Кириона.

26

Командир не стала брать у Страсти грузовик с решеткой. Всех людей засунули в большие грузовики с сиденьями по бокам вроде тех, в каких разъезжали по городу наемники, но с закрытыми брезентом кузовами, чтобы никто не видел сидевших внутри. Ночь выдалась темная, даже без синего света, — плотные облака стояли над крышами зданий, все стало липким, горячим и жутким.

— А теперь потоп, — сказала Ценой страданий, пребывавшая в настроении, максимально близком к хорошему.

Пирра держала труп принцессы на плече. Нона вынуждена была признать, что Кириона Гайя очень хорошо умеет притворяться мертвой: труп висел тяжелым мешком. Это тоже было хорошо. Даже в хорошем настроении Ценой страданий не очень обрадовалась телу Ианты Набериус, даже после того как Паламед ей все объяснил. Ценой страданий также не хотела сажать Кириону Гайю в тот же грузовик, что и остальных.

— Яйца. Корзина, — вот и все, что она сказала.

Паламед был вынужден уступить. Нона почув-

ствовала странное облегчение оттого, что ей не придется ехать с принцессой или смотреть на нее, даже если принцесса притворяется мертвой.

Увидев Камиллу, Ценой страданий вызвала медика Крови Эдема, который заявил, что с перевязкой ничего больше не сделать, но сразу дал Камилле довольно много лекарств. Камилла попробовала отказаться от обезболивающих, но Паламед живо сказал:

— Все обезболивающие, которые у вас есть, пожалуйста.

Нона никогда не видела Камиллу такой кроткой и податливой. А еще она никогда не видела Камиллу такой счастливой.

Когда Ценой страданий заявила, что тело следует держать отдельно, Камилла тут же сказала:

— Я поеду с ней.

— Нет, я, — возразила Пирра.

— Нет, ты остаешься с Ноной, — сказала Кэм.

Нона подумала, что это немного жестоко.

— Разве ты не хочешь остаться с Паламедом?

Камилла и Паламед — Паламед в красивом, с модной прической теле, которое улыбалось гораздо приятнее, чем когда-либо улыбалась Ианта Набериус, — посмотрели друг на друга. Они не отходили друг от друга дальше чем на расстояние

вытянутой руки с тех пор, как Паламед отвоевал права на это тело.

Удивительно и испуганно Кэм посмотрела на Нону и подмигнула.

— Нам нужно немного личного пространства, — пояснила она. — Мне он надоедает.

— Не удивлен, — сказал Паламед.

И они разделились — Кэм только наклонилась, чтобы очень коротко соприкоснуться с ним лбами. Принцесса и Камилла отправились в отдельный грузовик.

Это были всего-навсего два грузовика в кавалькаде, и их грузовик и грузовик принцессы и Кэм ехали посередине и были почти пустыми. Когда Страсти — без маски, сверкая дикими глазами — выпрыгнула из кузова, чтобы опустить его заднюю стенку для Пирры, она увидела труп Кирионы Гайи и почти закричала:

— Ну нет, мать твою.

И забилась в самый дальний угол грузовика Ноны.

Командир Ценой страданий сидела посередине с компьютером в руках и в гарнитуре. Нона устроилась рядом с Пиррой и Паламедом. Паламед сидел рядом с Короной, а капитана Корона уложила на три сиденья.

Капитан выглядела не очень хорошо, но молчала. Паламед заглянул ей в глаза, послушал ее дыхание. Корона наблюдала, покусывая ноготь мизинца.

— Ты ничего не можешь сделать, Страж?

— Не в этом теле. — Паламед раздвинул капитану челюсти. Нона вытянула голову, понимая, что это не очень-то вежливо, и заметила, что язык у капитана раздулся и стал синевато-багровым.

— У нее микроинсульты, — заметил Паламед. — Я беспокоюсь за ее мозг.

— Страж, она столько выдержала и так упорно боролась, — настойчиво сказала Корона.

— Ну, давай надеяться, что она выдержит еще немного. — Паламед перевернул капитана на бок, немного опустил ей голову и перехватил талию ремнем. — Следи, чтобы она не подавилась.

Пирра выворачивала шею, глядя на Страсти, которая без маски сидела в углу. Нона отчаянно надеялась, что Пирра не натворит глупостей, например не будет с ней флиртовать. Она была уверена, что в этом случае Страсти сделает что-нибудь ужасное с ее коленями, а Нону просто вырвет от этого зрелища. День и без того выдался слишком длинным.

— Шаттл? — спросила Ценой страданий у Па-

ламеда.

— В безопасности, — ответил Паламед. По мнению Ноны, это был безупречный способ сказать абсолютную правду.

— Я оставила самых надежных охранников в казармах.

— Скажи им, чтобы не бродили там. Принцесса Ианта Набериус оставила за собой защитные заклинания и некромантские ловушки. Я контролирую это тело, но ничего не могу поделать с любыми неприятными сюрпризами, которые она приготовила.

— Вы же знаете, что мы нейтрализуем ваших людей, а не убиваем их, — сказала Ценой страданий.

— Я думаю, что они были нейтрализованы достаточно долго.

— Там осталось меньше двадцати солдат Когорты, мэм, — вставила Корона, — и они не в лучшей форме. Они скорее покончат с собой, чем сдадутся Крови Эдема… особенно если рядом не будет моей сестры. Их дух сломлен. Подождите.

— Расскажи мне все, — сказал Паламед. — Где Надзорный орган Шестого дома?

— У меня есть хорошие новости и нейтральные новости, — ответила Ценой страданий. — Кры-

ло Мерва действует довольно предсказуемо… по-своему. Ваших людей держат под землей, их постоянно перемещают с места на место, чтобы их никто не обнаружил. Понимаешь ли, туннели… место опасное и беззаконное, но Неправедная надежда хорошо умеет скрываться в самых опасных местах. И он всегда был сторонником мобильности.

— Сколько подземных площадок… — начал Паламед, но у Ноны затекла шея. Ее кратковременная память, в целом не очень хорошая, нарисовала в голове четкую картинку: высокий испуганный голос, говорящий «вы с ума сошли, совсем чокнулись», и вкус маленьких зеленых фруктов.

— Много. Подземные туннели обширны и очень небезопасны. Обвалы, сам понимаешь. Мои люди сузили поиск до четырех возможных участков, но действовать нужно быстро, точно, и сберечь при этом, но ведь вам нужны точность, скорость и безопасность ваших людей. Я предлагаю вам два из трех. И то скорее полтора.

— Ты пытаешься сказать, что Кровь Эдема заперла их всех в грузовике и возила по городу? Все это время? — раздраженно уточнил Паламед.

— Классический прием Крови Эдема, — отве-

тила Пирра, — полное безумие, но на удивление эффективное, выстроено на использовании кучи солдат, которые ссут в кучу бутылок.

Богоматерь Страстей издала звук, который Нона не могла принять ни за что, кроме смеха, и, очевидно, так рассердилась на себя за это, что свернулась в своем углу калачиком и принялась внимательно оглядывать остальных.

— Давай безопасно и быстро, — сказал Паламед. — У нас очень мало времени.

Ценой страданий открыла компьютер и скрестила свои длинные ноги. На ней были штаны со множеством карманов, но она сидела так, как будто надела что-то очень элегантное. В былые времена Нона сразу же попробовала бы сесть так же и справилась бы с первого раза. Но теперь она посмотрела на красивое пожилое лицо командира и ощутила прилив боли. Какая-то проблема с ногами.

— Понадобится отправить моих людей на чем-то легком… на велосипедах небольшими группами в служебные туннели. Они могут охватить большую территорию, не привлекая внимания водителей. Проблема в том, что служебные туннели не покрывают всю территорию. Всегда есть риск, что мы упустим грузовики

Мерва. Мы можем счесть одну область чистой и ошибиться.

— Все просчитано? — спросила Пирра. — Какова вероятность успеха?

Корона вытащила планшет из стопки, и командир указала на определенные зоны.

— Разные для зон, — сказала Корона, — пятьдесят семь процентов… сорок процентов… тридцать два процента… Командир, это хреновые цифры.

— Если мы запустим в туннели тяжелый транспорт, я не могу гарантировать, что крыло Мерва не ликвидирует актив. У Неправедной надежды выдался нелегкий вечер, и он вполне может предположить, что легких вечеров больше не будет.

— Нет ли способа улучшить эти цифры? — спросил Паламед.

— Кончай ныть, говно такое, — сказала Страсти (Нона обрадовалась, что Кэм не было рядом), — говоришь как обычный мудак-начальник в костюмчике. «Нет ли способа улучшить эти цифры?» Ага, сейчас из задницы достану другие, получше! Работай с этими!

— Мне очень, очень неприятно говорить такое о Страсти, — поддержала Корона. — Но она права, Страж.

— Спасибо, иди в зад, — сказала Страсти. Пирра

снова посмотрела на нее, Страсти громко хмыкнула и отвернулась.

— Прошу прощения, я говорил как на Комитете по ресурсам, — согласился Паламед.

Внезапно капитан издала ужасный булькающий звук, прозвучавший как странный гортанный смех. Ноги задергались, и Корона удерживала ее, пока самым громким звуком не стало дыхание капитана.

Нона прочистила горло, затем прочистила еще раз, на всякий случай.

— Я знаю, где Конвой был на этой неделе, — сказала она.

Все головы повернулись, чтобы посмотреть на нее, даже Страсти. Она почувствовала, как краснеет, и мрачно добавила:

— Мой друг их видел. Там была куча людей с белыми глазами, как будто они слепые, а потом Чести разбили лицо. Спросите Ангела, она скажет, что я не вру.

Сказать, что командир Ценой страданий выглядела изумленной, было бы изрядным преуменьшением.

— Ты уверена?

— Вы говорили о Конвое, — оживленно сказала Нона, довольная тем, что ее одобрили. — Мы все

знаем о них. Ну, моя банда точно. В школе. Чести хотел заработать на краденых кондиционерах, но все закончилось плохо, и он решил и дальше заниматься наркотиками.

— Но… это слова чьи? Ребенка? Подростка? О каком-то другом человеке, который говорит, что видел каких-то людей в грузовике. Этому твоему другу можно доверять?

Нона поколебалась.

— Думаю, на этот раз он не лгал, — сказала она, — правда. Спроси Ангела. То есть Эйм.

Командир отдала компьютер Короне и встала. Ухватилась за свисающую с крыши петлю, чтобы удержать равновесие, и отвернулась от Ноны, так что Нона не видела, что она говорит, и поэтому ничего не могла понять. Пока она говорила, приглушенный треск и грохот прозвучали у них над головой, затем еще один, потише, и длинный свист, как будто что-то прошло звуковой барьер.

— Ракетная установка? — спросила Страсти.

— Не тот звук, — возразила Пирра.

Командир обернулась.

— Нона. Твой друг Чести сможет указать нам точное место, где он видел грузовики?

Даже с учетом обстоятельств Нона засмеялась:

— Ни за что. Он никогда не разговаривает с

людьми в форме.

— Он бы сказал тебе?

Нона почувствовала себя очень серьезно.

— Если бы ты спросила меня об этом вчера, я бы сказала, что, скорее всего, да, потому что Чести мне друг. Но Табаско выстрелила в меня, узнав, что я зомби, так что я больше не в банде.

— Дети очень снисходительные, — сказала командир, убедив Нону, что никогда не видела детей. Произнесла в трубку: — Посланник назовет вам улицу. Разделяйтесь и везите нас туда.

— Мне пойти с тобой, детка? — спросила Пирра.

Но Нона знала, что Пирру ей взять не удастся. Тогда просто ничего не выйдет.

— Нет, — мрачно сказала она, — я хочу, чтобы ты пошла, но ты не можешь. Ну, если Чести попытается меня ударить, — рассуждала она, подбадривая себя, — я могу издать один из моих ужасных криков. Это произведет впечатление.

Дул жуткий ветер. Нону высадили у ветхого здания, где жил Чести. Страсти выскочила из грузовика, заглушившего двигатель, и с ней еще несколько солдат Крови Эдема, все с оружием. Нона чувствовала себя очень уязвимой, поднимаясь по шаткой лестнице. На втором пролете ветер

внезапно подул так, что она подумала, что сейчас упадет вниз, но продолжала ползти вперед. Ей казалось, что весь мозг прилип ко лбу. Ее тело знало, что оно устало, но как будто это чувствовал кто-то другой; или, может быть, она вообще этого не чувствовала.

Чести жил в бывшей кладовке без всяких номеров на двери. Он всегда говорил, что его успокаивает жизнь в незарегистрированной квартире. Она постучала в дверь и, когда никто не ответил, совсем расстроилась. Постучала снова и в отчаянии зашипела:

— Чести, это я! Пусти!

Изнутри по-прежнему не было слышно ни звука. А если Чести на улице? Но тут дверь приоткрылась, оставшись на ржавой цепочке, в щели показался водянистый голубой глаз и раздался знакомый хриплый голос:

— Нона?

— Чести, пожалуйста, пусти!

— Не могу.

— Тогда поговори со мной! Прямо через дверь.

Он посмотрел в одну сторону, в другую. Сказал уже спокойнее:

— Я не… не то чтобы я не хочу, Нона. Но ты же понимаешь… ну…

Нона сразу все поняла и почувствовала себя ужасно несчастной.

— Ты говорил с Табаско.

— Да. А ты зомби?

— Даже если бы я сказала, что нет, ты бы пошел против Табаско?

— Нет уж.

— Хорошо, — сказала Нона, — если бы ты это сделал, я бы думала о тебе хуже. Понимаешь, Чести… пусть я больше не в банде, но ты все равно знай. Мне кажется, в первую очередь надо верить Табаско.

Чести снова беспокойно огляделся. Блеклые глаза бегали из стороны в сторону.

— Ты подстриглась.

— Это Камилла.

— Ты теперь выглядишь злой.

— Знаю, — расстроилась Нона.

— Может, еще отрастет, — осторожно сказал Чести, — если ты можешь пулю из головы вытолкнуть, волосы-то уж точно отрастут. А что ты вообще хотела?

— Конвой, — сказала она, заламывая руки, — мне нужно знать, где ты его видел. По какой улице вы шли. Чести… — Он попытался захлопнуть дверь у нее перед носом. — Чести, это вопрос

жизни.

Цепочка звякнула, и дверь замерла.

— Ты должна сказать «и смерти».

— Я в нее больше не верю, — сказала Нона, — глупо говорить «и смерти», когда большинство умерших гуляет себе спокойно. Может, «вопрос жизни и окончательной смерти».

— Как насчет «жизни и смерти, откуда не возвращаются»?

— Длинно очень. Чести, пожалуйста, просто скажи название улицы, и я уйду. Наверное, навсегда. И еще, если я уйду навсегда, а ты войдешь в Здание и кто-то пустит тебя в мою комнату, забери все монеты из моей керамической рыбки, а в школе можешь забрать мою старую тряпку для доски.

— На хрена мне твоя старая тряпка?

— Иногда на нее капают растворителем. Продай ее кому-нибудь, — жалобно сказала Нона.

Дверь закрылась. Нона почувствовала себя неудачницей. Но прежде чем она успела попробовать еще раз — как следует толкнуть дверь, надеясь не струсить в последний момент, — дверь открылась снова.

За ней стоял не Чести. За ней стояла Табаско. Чести маячил у нее за плечом и говорил мрачно:

— А мне насрать, ясно? Она всегда будет моим другом, босс. Я не брошу такую девушку, девушку, которая так думает о моем бизнесе. Я бы делал бизнес вместе с ней, ясно?

Нона на него не смотрела. Она стояла на потертом, грязном ковре и смотрела на Табаско. Табаско смотрела на нее в ответ. Сердце Ноны поднялось куда-то в горло.

— Заходи, садись, — сказала Табаско.

Нона села на один из стульев Чести, который представлял собой квадратную картонку на полу. Табаско села на соседний. Нона подтянула колени к груди и сказала:

— Я не могу задерживаться, поэтому, пожалуйста, не стреляй в меня, это займет много времени.

— В любом случае не стреляй, — влез Чести, — патроны дорогие.

Табаско не обратила на него внимания.

— Ты уходишь?

— Да, — сказала Нона, — как и другие некроманты — зомби. Я думаю, какое-то время здесь никого больше не будет.

— Некроманты всегда будут.

— Наверное, в конце концов, — сказала Нона, чувствуя себя мокрой и подавленной.

Чести развернул карту, которая висела в классе, на своем спальном мешке.

— Украл, — пояснил он на вопросительный взгляд Ноны и повел по карте пальцем, — так, минутку… Вот, потому что это переулок, где алкаши были, он единственный, который заканчивается треугольником.

— Запиши, дебил, — сказала Табаско, не глядя.

— Босс, Нона же не умеет писать.

— А я не ей говорю.

— Хорошо. Я печатными напишу. Мой почерк сложно читать.

Табаско и Нона оказались предоставлены друг другу. Нона продолжала украдкой поглядывать на Табаско, на ее закрытое лицо с рубцами, похожими на странные морские волны. Табаско спокойно встретила ее взгляд, и Нона сказала:

— Расскажешь Утророжденному, Красавчику Руби и Кевину, что я их люблю? Необязательно отвечать сейчас, но ты подумай, пожалуйста. И еще скажи милой учительнице, что мне жаль, что пришлось уйти с работы и что я хотя бы не погибла на станции водоочистки. И что если у нее будет новый помощник, пусть будет добрым с малышами. Они же не виноваты, что они маленькие.

— Ангел? — спросила Табаско.

— Ангел очень важна, Табаско. — Нона сглотнула.

— Ну… мы и так это знали.

— Готово! — воскликнул Чести, сложил листок бумаги и передал Ноне. Нона тут же сунула его в карман на случай, если снова подует ветер.

— Нона, ты бы не лезла в Конвой, — сказал Чести, — полная хрень.

Нона решила не говорить Чести, что Конвой, вероятно, был полон зомби.

— Не берись больше за такую работу, — посоветовала она. — В моей рыбке много всего.

Она вскочила на ноги и стряхнула кусочки мокрого картона с черных брюк. Табаско тоже поднялась — она очень красиво вставала — и проводила Нону до двери, все два с половиной шага. Нона посмотрела на Табаско. Она ужасно боялась заплакать и поэтому выпалила:

— Табаско, почему тебя так зовут?

Табаско заморгала.

— Тебе правда интересно?

— Да. Да. Очень.

Табаско взглянула на потрескавшийся потолок, затем вниз, на ковер, а затем на Нону.

— Потому что я очень его люблю, — призна-

лась она.

— Что?

— Его можно есть с чем угодно. Острая еда всегда вкуснее. Его можно добавить в рис, а можно налить на хлеб.

Нона вдруг потянулась вперед и обняла Табаско.

— Табаско, прости меня, — прошептала она, — прости, чтобы я знала, что это такое.

Табаско застыла в ее руках, как статуя. Потом слегка подтолкнула Нону к двери, вывела за порог и посмотрела ей прямо в лицо.

— Мы круче всех, — сказала она. Добавила неловко: — Я всегда буду любить тебя, Нона.

Нона поняла, что у нее из глаз льются огромные слезы и она с трудом видит Табаско.

— Возьми меня обратно в банду, — прошептала она.

Табаско заколебалась.

— Ладно. Но раз ты зомби, ты будешь всегда водить Кевина в туалет. Это будет честно.

И закрыла дверь.

27

Раскаты грома стали сильнее раз в десять, а дождь все не начинался. Ночь сделалась такой жаркой, что в большом грузовике все вспотели. Когда Нона сунула влажную бумажку в руку Ценой страданий, командир рявкнула в гарнитуру:

— Вперед. Все подразделения, не несущие казарменную службу, выходят на боевое дежурство. Правила взаимодействия крыльев больше не применяются. Ячейки крыла Ктесифона, это командир ячейки Ценой страданий. Операция «Замок и ключ» возобновляется, прием. Операция «Замок и ключ» возобновляется.

Раздались прерывистые аплодисменты водителей и мощный рык Страсти, которая одной рукой держалась за дребезжащее сиденье, а второй натягивала жесткий шуршащий комбинезон поверх одежды.

— Никаких речей, — продолжила Ценой страданий, — скажу только, что месть — это блюдо, которое подается не просто холодным, а ледяным. Ячейки Саафтиг, Сигор, Бирмингем, Троя, Мапуту, Тари, приступайте. Мемфис, Такша, Калакмуль, Валенсия, Опава, Данди, приступайте.

Где-то высоко в воздухе послышались громкий скрежет, длинный свист и треск какого-то атмосферного явления. Командир отвела гарнитуру от лица, почти истерически вздохнула:

— Никогда не думала, что ее операция начнется снова с освобождения жителей дома из плена другого крыла Крови Эдема. Но все же это первый шаг.

— Она бы начала с другого, — сказала Пирра.

Ценой страданий вопросительно посмотрела на Пирру, постукивая пальцами по колену.

— Я заметила, что ты любишь делать подобные заявления, — сказала она. — Командор Уэйк могла бы это сказать. Командор Уэйк подумала бы так. Я пришла к выводу, что ты не пытаешься меня разозлить, но я не представляю, что ты, собственно, делаешь.

Пирра молча пожала плечами.

— Может быть, мне просто нравится говорить с другими людьми, которые ее знали.

— Чтобы они ностальгировали вместе в тобой, ее убийцей?

Пирра не смутилась.

— Мне нравится думать, что я знала ее так же хорошо, как и все остальные. Насколько ее вообще можно было знать.

Страсти злобно застегнула штаны и натянула через голову жилет, окончательно растрепав свои крашеные волосы.

— Еще одно слово на эту гребаную тему, и я тебя прикончу.

— Знаешь, Уэйк держала при себе твою фотографию, — сказала Пирра.

Страсти дернулась, и Нона увидела, что это ее потрясло. Лицо с птичьими чертами странно сморщилось, шрамы на лбу и носу съежились.

— Заткнись, — сказала она, но в этом была нотка отчаяния.

— Я тебя сразу же узнала. Сколько тебе было, девять? Десять?

— Ликтор… Две… — сказала Ценой страданий. — Я прошу тебя замолчать. Как человек человека… ну, почти.

— Да хрен с ней, — быстро сказала Страсти, — она придумывает.

— Возможно, это мой единственный шанс сказать это, — спокойно пояснила Пирра, — а от депривации никотина я делаюсь сентиментальной. На фотографии ты ребенок… она хранила ее сложенной, в чехле для плоскогубцев. Ты там держишь автомат втрое больше тебя. И у тебя нет переднего зуба. Она говорила мне: «Если бы не

падаль вроде тебя, такие милые дети не трогали бы оружие».

Страсти громко сглотнула. Пирра продолжила:

— Я говорила, что купила бы этому ребенку что-то побольше, если бы она так не гордилась, а она только гаденько хихикала и говорила, что это ее собственный автомат.

Страсти закрыла глаза. Нона затаила дыхание, но Страсти не злилась и не грустила. Она выглядела так, словно переживала религиозный экстаз.

— Я помню, как спросила, действительно ли ты такой милый ребенок, — сказала Пирра, — а она рассмеялась: «Нет. Она моя плоть и кровь. Она идет за мной». Я долго думала о тебе. Сестра?

Страсти сглотнула. Дважды. Трижды.

— Нет. Моя мать была ее сестрой, — грубо сказала она, — но для тебя это ничего не значит, колдунья. Если ты лжешь мне, клянусь…

— Ты же знаешь, что Девять домов знакомы с концепцией семьи? — мягко спросил Паламед.

Страсти, казалось, искренне удивилась.

— А тебе какая на хрен разница? — Потом подумала и сказала: — Да нет. Какая мне на хрен разница, вот что интересно. Тебе плевать на семьи, когда ты их разделяешь…

Поймав предупреждающий взгляд Ценой стра-

даний, Страсти выразительно нахмурилась.

— Идите вы на хер, короче, — сказала она и напялила на ярко-синюю голову шлем. Пылающие глаза скрылись за щитком. Нона почувствовала, как из ее груди вырвался вздох. Все звуки ее теперь удивляли, как будто ее тело постоянно совершало поступки, не связанные с Ноной. Пирра протянула руку и нежно коснулась ее руки.

— Как дела? Держишься?

Прежде чем Нона успела ответить, раздался еще один пронзительный свист совсем рядом с грузовиком, глухой грохот и громкий стук камней. Грузовик с визгом остановился, затем снова качнулся вперед, и все вцепились в свои сиденья, когда грузовик рванул влево. О положении дел в городе многое стало понятно, когда никто не испугался ни в первый раз, ни во второй, ни даже в третий, услышав крики впереди.

Гарнитура Ценой страданий ожила и затрещала, и она снова поднесла ее ко рту.

— Говорите. Что?

Пирра встала и двинулась, раскачиваясь и цепляясь за петли, в заднюю часть грузовика, где брезент был туго зашнурован. Там имелось прозрачное окно из мягкого пластика, через которое что-то можно было рассмотреть, хоть и нечетко.

Днем сквозь него было видно плохо, а ночью, когда почти все фонари не горели, вообще никак.

— Держитесь вместе, — коротко и отрывисто сказала Ценой страданий, — не разделяйте нас. Сворачивайте на первом же съезде, который найдете, и вперед, под землю.

Пирра долго смотрела в окно. А потом внезапно присела на корточки и принялась расшнуровывать брезент. Угол высвободился и яростно хлопнул, впуская внутрь порыв раскаленного душного воздуха, который, впрочем, в тесноте кузова показался приятным ветерком. За ними замигал ярко-желтый свет фар заднего грузовика. Паламед потянулся к руке Ноны, а Нона крепко вцепилась в сиденье, когда Пирра высунулась наружу — задний грузовик тревожно засигналил — и оглядела улицу.

Когда она вернулась назад, Нона сильно расстроилась из-за ее движений. Пирра была такая жилистая и крепкая и всегда вела себя так спокойно, раскованно, неторопливо, не обращая внимания почти ни на что, мило и неряшливо. Она всегда оставалась наименее испуганным человеком в комнате, даже если рядом была Кэм, но теперь она смотрела на Паламеда и Нону своими глубокими темными глазами с таким

выражением, которого Нона раньше не видела.

— Секстус, — сказала она, — боюсь, игра окончена.

Завывала воздушная сирена — та, которую использовали только в сезон дождей, чтобы заявить об аварийном повышении воды.

— Это не?.. — коротко спросил Паламед.

— Должно быть, он уже давно отступил, — сказала Пирра. — Мы ни за что не смогли бы выбраться отсюда на шаттле, ни при каких условиях. Первая волна уже здесь.

Ценой страданий заметила:

— Ни один убийца планет не нападал на подобную планету при моей жизни или при жизни моих начальников.

— Номер Седьмой — Варун Пожиратель — всегда вел себя бодрее других, — ответила Пирра, — но после убийства моего некроманта я думала, что эта хрень затихнет лет на сто, не меньше. Так было после того, как он разорвал Кассиопею.

— Он идет за ликтором? — нервно спросила Ценой страданий. — Если мы нейтрализуем это тело, то…

Паламед беспомощно развел руками.

— Если бы он отреагировал на душу Ианты Набериус, разве он не зашевелился ли бы несколько

дней назад? Насколько я понимаю, Зверю Воскрешения нужно немного времени, чтобы собраться. Сложно добраться до нужного места, но он тут уже пару месяцев.

— Это все уже не важно. Там, снаружи, Вестники, — нетерпеливо сказала Пирра. — Если номер Седьмой прорвался, он прорвался. Чтобы увести его, нужен ликтор — полностью реализованный, опытный, серьезный ликтор, которому понадобится точка на полпути через галактику, и желательно еще два ликтора, которые были бы с ним в Реке. Будь у нас это все, можно было бы молиться, чтобы он увел Вестников, найдя лучшую добычу. Вам нужны Кир, Августин, Кассиопея… Вам нужен Гидеон из Первого дома, а Гидеон из Первого дома мертв. Он не вернется. Господи, Гидеон, — внезапно сказала Пирра, — Гидеон, ты умер напрасно.

Вдруг капитан сильно задрожала. Корона немедленно дернулась убрать руки капитана подальше от лица, сказала тихо:

— Давай. Давай, Дейтерос. Я здесь. Борись, черт возьми. Держись. Терпи. — В ответ капитан тихо застонала.

Нона заставила свое тело встать на две ноги. Два — худшее число для ног. Не так много, что-

бы от них был толк, не так мало, чтобы вовсе о них не думать. Она дошла до конца грузовика и встала прямо над колесами. Оттолкнула Пирру в сторону — Пирра упала на спину, Нона тут же об этом пожалела, но у нее не было времени. Она встала перед Короной и протянула руку.

— Рапиру, — сказала она.

— Нона? — неуверенно проговорила Корона.

Она отнимала слишком много времени. Нона забрала у нее рапиру. Ей пришлось руками сдвинуть тело Короны, чтобы добраться до ножен. Рапира не вышла сама, Нона дернула под неправильным углом, поэтому она прорезала ножны изнутри.

Лезвие раздвинуло ножны и вышло наружу. Клинок показался очень тяжелым, и она проволокла его по полу грузовика с громким, жутким скрежетом.

На нее был направлен пистолет. Страсти вскочила на ноги.

— Не стреляй, — сказала Ценой страданий.

— Нона, остановись. Нона, поговори со мной, — говорил Паламед в чужом теле, и это было уже слишком. Ноне пришлось уйти.

Она откинула брезент — грузовик позади них снова посигналил — и нащупала рукой борт гру-

зовика. Лезть с рапирой в руке было сложно, ей нужны были обе руки, и она с размаху воткнула рапиру в бедро, убедившись, что она держится прочно. При этом она пробила полу рубашки и смутно порадовалась, что это чужая рубашка, а не ее футболка из рыбной лавки. Но времени думать о своей любви к футболке не было, она залезла на крышу грузовика и стояла там на горячем сыром ветру, пока грузовик мчался по улице, время от времени рыская, и она видела все.

С неба падал дождь из странных сгустков в форме слез. Они яростно кружились в воздухе, падали на здания, на дороги, на крыши машин, сползали вниз, оставляя за собой густую серую слизь. Внутри подрагивающих сгустков — грузовик ехал слишком быстро — Нона разглядела толстые стручки, похожие на миниатюрные коконы, которые вьют гусеницы, прежде чем стать бабочками. Стручки и слизь были прозрачными и дымились, а внутри них виднелось нечто, непонятно дрожащее. Из некоторых стручков уже торчали крылья, дергались и гнулись.

Нона посмотрела на грузовик впереди, ехавший примерно на дистанции корпуса, и на грузовик позади, на той же дистанции. Прошла вперед и встала на крышу кабины. Сделала пару

шагов, прыгнула и пролетела все расстояние до следующего грузовика. У нее заболели ноги — а на тонком металле крыши осталась вмятина. Она посмотрела в небо и проревела:

— Ты же сказал, что не сделаешь ничего странного!

Нона вынула из себя рапиру и чуть не заплакала от ярости. Она положила обе руки на рукоять. Она не знала, как держать оружие, и ей было все равно.

Она могла видеть широкую главную улицу с рыбными лавками с одной стороны и гавань вдалеке. Ей захотелось увидеть что-то знакомое, и она перевела взгляд куда-то в сторону Здания, ее дома, маленького серого кубика среди других серых кубиков. Грузовик внезапно свернул налево. На дороге остались только грузовики, но большие дергающиеся стручки расползлись по асфальту, и грузовикам приходилось объезжать их. Нона огляделась вокруг, пока стручки продолжали валиться с неба, как огромные и страшные капли дождя, со стуком падали на крыши, на дорогу или мягко опускались в далекий океан. Она слышала крики, звон битого стекла, плач и сирену — все разом.

Нона обернулась. На грузовике, с которого она

спрыгнула, теперь кто-то стоял — там, где только что стояла она, на крыше кабины. Это была капитан, в старых рваных брюках и старой тонкой рубашке.

— Лови его, — сказала она, — лови. Лови. Он убегает.

— Я не могу, — сказала Нона, — я ничего не могу сделать. Я не хочу ничего делать.

Капитан коротко застонала.

— Все зря — ты просила о помощи. И все зря. Только боль. Ты просила. Ты получила кровь за кровь.

Нона, умирая от горя, крикнула:

— Нет! Мне нравится это место.

— Нравится? — произнесли губы капитана.

— Да. Нет. Да. Я не знаю, что это значит. Я произношу это и не знаю, что это значит. Я вообще когда-то знала, что это значит?

— Зеленая тварь, — сказала капитан, — зеленая, дышащая. Огромный призрак. Пьющий. Преобразившийся. Что ты теперь будешь есть? Куда отправится твое тело? Что он сделал с тобой, что ты стала такой? Ты пожираешь сама себя. Я жру кости немертвых.

Это была правда. Капитан выглядела так, будто она умирала на глазах Ноны. Нона торопливо

закричала:

— Не надо! Прекрати! Я не могу прекратить, но ты можешь! Перестань причинять ей боль! Она не знает, что ты делаешь!

— Ты просишь о милосердии? — спросила капитан.

— Да, о милосердии…

— Я пересекаю Вселенную, — сказала капитан. — Я отравляю ее, чтобы она страдала вместе со мной.

— Да, — согласилась Нона, — но… но перестань причинять боль капитану.

Она лихорадочно порылась в памяти в поисках подходящей фразы и снова вспомнила Кэм.

— Ты переигрываешь. Тебе хватит и пяти.

— За восемь тысяч нечестивых тел я остановлюсь, — сказала капитан.

— Нет, остановись прямо сейчас.

— Они замышляют собственную месть. Их правосудие — не мое правосудие. Их вода — не моя вода. Я хочу помочь, а меня выставили на посмешище. Опасность грозит тебе, а ты даже не знаешь. Они выходят из своей башни, где соль. В нижней части башни есть дыра. Я выдерну им зубы. Я освобожу это место для тебя.

— Табаско никогда не делала ничего плохо-

го, — сказала Нора, — или Красавчик Руби, или Утророжденный, или Кевин, или Чести. — Тут она вынуждена была изменить свои слова: — Чести не понимает, что поступает плохо. Камилла и Паламед никогда не делали ничего плохого. Пирра говорит, что она совершила много ошибок, но, по крайней мере, она их признает. А капитан нам не нравится, но нам ее жаль. Перестань причинять боль капитану, не надо. — И Нона вдруг поймала себя на следующих словах: — Я готова умереть. Правда.

— Ничто на самом деле не готово умереть, — возразила капитан.

Нона прыгнула с разбега, когда грузовик завернул за очередной угол, рассчитала неверно, отскочила от стены здания, как мяч, рухнула перед капитаном и сбила ее с ног, и они обе упали. Нона посмотрела на лицо капитана, на закрытые глаза — лицо казалось очень усталым, но не мертвым, и чуть меньше походило на дольку фрукта, из которого кто-то высосал весь сок.

Нона лежала на спине на натянутом брезенте, и губы Ноны произносили:

— Просто подожди. Просто помоги мне… помоги мне сделать это. Я изменюсь… скоро.

Большие темные пятна все еще кружились в

небе, очень тихо на вид, хотя о крыши то и дело что-то громко стучало. Нона наблюдала за ними в тревоге — они закрыли все небо, — но, кажется, их становилось меньше?

Они падали реже?

Нона смотрела в небо. Она почувствовала движение рядом с собой. Капитан смотрела на нее открытыми глазами — нормальными глазами: белки покрыты маленькими красными пятнами там, где лопнули сосуды, радужная оболочка темно-коричневая, обведенная черным кольцом. Одной рукой капитан держалась за шею сзади, как будто там что-то болело.

— Харрохак? — с сомнением спросила капитан.

Нона посмотрела на небо. Она очень устала — или усталость происходила с ней. Чудовищной силы изнеможение поселилось где-то пониже шеи. Трудно было понять, как теперь функционирует тело. Ей пришлось сознательно думать о разных частях тела, чтобы что-то почувствовать.

Она закрыла глаза.

— Нет, — наконец призналась она. — И никогда ею не была.

Иоанн 1:20

Во сне они прорвались через то, что он назвал зоной ресепшена, и вышли в ряд длинных коридоров. Вдоль стен кучами валялись принесенные водой обломки мебели и мусор — и кости, но кости оседали довольно далеко от места, где упали изначально. Кости, целые тела и обрывки тел. Он останавливался рядом с кучами и говорил: «Сраные баррикады» — и гладил края столов и сломанных стульев. Везде виднелись черные жженые пятна, из стен торчали осколки металла и костей. Щербины. Маленькие круглые дыры. По коридору с трудом можно было идти.

Через некоторое время он остановился, и некоторые кости поднялись. Они собрались в сырые неопрятные кучи. Из стен воды вылетали осколки, снова становились идеально белыми и мягко светились в темноте, соединялись в скелеты. Скелеты пробрались мимо него и нее и начали расчищать путь. Довольно медленно, но его это не волновало.

Он сказал: «Мы больше не могли даже приблизиться к политикам, физически или онлайн. Но парня, которым я управлял, еще приглаша-

ли везде, так что я тоже пролез. Он был моими глазами и ушами. Никто в тот момент не оспаривал план со сверхсветовыми кораблями, первая волна была на месте и готовилась к финальным международным инспекциям. Они все спорили о нас. Как с нами бороться. Кто должен иметь дело с нами. Мне всегда казалось забавным, что именно я заставляю произносить речи о том, что, по мнению правительства, меня необходимо привлечь к ответственности. Я не возражал».

Он сказал: «Что меня волновало, так это состояние первой волны чертовых кораблей. Я видел результаты проверок, я видел вопросы о логистике второй волны, о том, кто непосредственно поведет корабли отсюда. Все это не выдерживало никакой критики. В своей штаб-квартире мы воображали, что худшее, что придет им в голову, — это выстроить очередную систему с возможностью купить себе привилегии, отправить богатеньких сучек первым рейсом и оставить остальных для второй волны. Ну третьей. Невозможно, чтобы я был таким наивным. Однажды вечером ко мне пришла М, и она выглядела так, будто увидела привидение. Братишка А и ее монахиня были одержимы банковскими операциями и активами, постоянно проверяли все

ведомости и расчеты. М сказала: “Я поняла, что они делают. Вычислила их план. Я думала, они просто хотят заставить людей платить за проход без очереди, но очереди не существует”.

Она сказала: “Джон, второй волны не будет. Третьей тем более. Они убегают. Триллионеры все обратили в материальное. Половина пассажиров в списках вымышлена, это не реальные люди. Они натянули всех, даже правительства. Будет один-единственный корабль для чиновников, которые воображают, что направляются на Тау Кита в первой волне, а все остальные тут из корпораций, или купили билет, или приносят пользу. Они оставляют нас умирать”.

Мне пришлось заставить ее подышать в пакетик, потому что она ненавидела, когда я пытался лечить ее приступы паники с помощью некромантии. Когда она снова смогла говорить, я спросил, уверена ли она.

Она сказала: “Джон, они убегают”.

И я сказал: “Нет, пока я способен дышать”».

К этому моменту скелеты кое-как разгребли проход от мусора, и они смогли пройти. Коридор упирался в очередной закопченный завал, который не стал приятнее, проведя несколько недель под водой. Везде лежали трупы — некоторые еще

с мясом на костях, — обломки мебели и большой треснутый стол со множеством дырок.

Он сказал: «Не повезло этой кухне».

Он перешагивал через трупы, пока скелеты прокладывали ему путь к шкафам. Он присел на корточки и открыл дверцу — оттуда вылилось еще больше зловонной воды. У нее к этому времени закружилась голова. В конце концов он вернулся с полными руками банок.

— Смотри-ка, персики в сиропе!

Кажется, он не умел открывать банки. Подошел один из скелетов, и он обратил кости его пальцев в нечто вроде пилы и распилил банку. В этой сырой и ужасной комнате они пальцами вылавливали из банки половинки персиков, скользкие, желтые и мягкие. Они были такими сладкими, что она перестала ощущать вкус после первого кусочка, но ей стало лучше.

После половины банки он остановился и сказал:

— У нас был последний шанс — поговорить с нашим правительством и рассказать им все, что мы знали. Не то чтобы они перестали слушать, но у нас сложилось впечатление, что они не могли нас услышать, пока мы все не придем с поднятыми руками.

Он сказал: «Нам вообще не следовало с ними разговаривать. Наши слова кого-то пугали, он рассказывал кому-то еще, и слухи доходили до сраного проекта побега, и они там начинали метаться как подорванные. Таймлайн изменился. Речь шла о днях, а не о месяцах. Разведка сообщила, что они собирают на борт людей, настраивают лифты, чтобы добраться до орбитальной пусковой установки, которая, как утверждалось, была полностью работоспособна. Я собирался физически помешать запуску. Проблема была в том, что они запускались с нескольких платформ, а я не знал, смогу ли остановить хоть один запуск.

К спрашивала, почему я не могу сотворить чудо. “Джон, ты не можешь сотворить доброе волшебство? Почему нельзя стабилизировать Североамериканский ледник? Удержать атмосферу над северными территориями? Показать им, что мы можем здесь что-то исправить?” А возражал: “Это все позже, давайте по порядку, обезвредь корабли, выгони из них всех мудаков, вернись к криоплану. Эвакуируй население в целости и сохранности, а мы можем остаться и прибраться на планете. Если Джон готов”».

Он сказал: «Я пытался. Я был так близок. Я почти познал эту третью составляющую, душу. Я

понял, что есть энергия, которую ты вырабатываешь, будучи живым, и энергия, которую ты вырабатываешь, когда умираешь. И сам факт выработки этой энергии означал переход к другой фазе. Я мог заставить сердце трупа биться, а все нейроны в мозгу — работать, но живой энергии больше не было. Не было никакого выключателя. Я перестал спать и почти не ел, я заставлял свое тело работать, просто перезапуская процессы».

Он сказал: «Судя по всему, у каждого человека имелся источник этой энергии, энергии души, но я не мог отличить ее ни от чего другого. Даже в тот день, когда я убил полицейских, было слишком много шума, и я не мог понять, что это за шум. Это было то, что я искал, но я не понимал, почему оно такое огромное. И я не знал, что с этим делать и как его использовать.

Поэтому я сказал всем, что не могу остановить их сам, пока. Что мы должны задержать их. Что им нужен допуск Панъевропейского агентства к орбитальным вратам, так что давайте сделаем так, чтобы они его не получили. Чтобы никто не захотел давать им допуски».

Он сказал: «И все мы посмотрели на пол».

Он сказал: «Никто из нас не собирался ничего бомбить на самом деле. Но ядерное оружие — хо-

рошее средство шантажа. Добавляет веса твоим словам. Люди, которые знали, что оно у нас, знали и то, что, если мы о нем заговорим, всем станет известно, кто нам его отдал. Итак, мы сказали нашему клиенту, что Панъевропейское агентство не должно пропустить этих людей. Что они убегают. Бросают десять миллиардов людей умирать. Что они украли финансирование, поддержку и материалы. Они оставляют нас тонуть. И мы сказали: “Мы не хотим устраивать сцен, но…” Они ответили: “Ладно, ладно, только верните нам гребаную ядерную бомбу, мы перепутали. Мы остановим Панъевро, мы приложим все усилия, чтобы они не ушли с орбиты. Но нам нужна наша бомба, пока вы ничего не натворили”».

Он сказал: «Они потратили так много времени, что корабли начали предстартовый отсчет. До ухода первой волны оставалось около сорока восьми часов. Пара наций утверждала, что рановато, что это не по графику, но в проекте говорили, что делают пробный запуск, потому что подготовка идет невероятно хорошо. Как кто-то на это купился? Сколько денег перешло из рук в руки? Как можно было не понимать, что если кто-то отдает такую безумную сумму, то он уверен, что наличка больше ничего не стоит?»

Он сказал: «И вот мы запланировали встретиться с этими агентами на нейтральной территории, за стеной, там, где жили беженцы. Они хотели, чтобы мы вернули ядерное оружие. Мы все решили доверять им, но А, Г, М и я придумали план чисто на всякий случай. Сорок восемь часов очень быстро превратились в двадцать четыре.

Г все продумал и выполнил в одиночку, с некоторыми оговорками. Это никому не понравилось. Они все говорили: “Черт, Джон, отправь кого-нибудь мертвого, отправь куклу”. Но мне был нужен Г. П вызвалась пойти с ним, но Г сказал, что ничего не сделает, если она будет поблизости. П взбесилась, но это был один из немногих случаев, когда он устоял против нее. Она обозвала его глупым пацаном».

Он сказал: «У меня было… такое странное предчувствие, когда мы усадили его в частный самолет. Я уже был довольно хорош в то время, хоть и недостаточно. Я отвел Г вниз, поставил его лицом к стене и оторвал ему руку».

Он сказал: «Он не почувствовал боли, и я вырастил ему новую. Немного рискованно, но я был уверен, что к тому времени смогу это сделать. Мне нужна была его рука… его материал. Он даже не попросил у меня объяснений. Вот таким он

был человеком. Мы с ним выросли на одной улице. В детстве я таскал ему пирожки, и, наверное, поэтому он позволил мне отрезать ему руку и возил для меня ядерный чемоданчик».

Он задумчиво добавил: «Наверное, она еще где-то тут. Рука, в смысле. Я сунул ее в морг, чтобы никто не нашел. У меня были планы на эту руку».

Он прервался, чтобы съесть еще одну ярко-желтую дольку персика. Потом спросил:

— Где был я? Г вез бомбу. Корабли стояли на стартовой площадке, оставалось двадцать часов, даже меньше. Я торчал в спальне с монахиней и мигренью: монахиня полагала, что, если она сумеет меня подтолкнуть, мы наконец постигнем тайну Троицы и спасемся. Остальные пили. Часы тикали громче, чем когда-либо. К вдруг ни с того ни с сего призналась, что она встречается с Н. Мы не поняли — мы уже знали, типа, год. Предложили им уже пожениться наконец, у нас и монашка под рукой была. Н сказала, что это незаконно. К — это К-то — сказала, что ей плевать. Вот как все было плохо».

Он сказал: «К и Н поженились прямо тут. Ты из-за мусора не видишь. Я вырастил для них цветы, но они вышли… странные. У некоторых роз были

зубы. К и Н решили, что это забавно».

Он сказал: «Из-за купола нам давно не светило солнце. Но все равно вышло красиво, я проплакал всю службу. Я не помнил, когда ел последний раз».

Он сказал: «Час и сорок две минуты спустя Г приземлился и направился на встречу. Тут мне пришлось рассказать, что ядерное оружие в боевой готовности, а Г — камикадзе. Сначала я сказал об этом нашим контактам, потом пришлось рассказать К, Н, П и вообще всем».

Он сказал: «Они рассвирепели. Что я считаю не совсем справедливым.

Я сказал им: “Вы думаете, они не собирались просто пристрелить его первым делом? Что в него прямо сейчас не целятся шесть снайперов?” Но они были недовольны не только Г. Им не нравилось, что бомба может взорваться и убить пару миллионов человек. Я сказал, что какая разница, это все равно австралийцы».

Он сказал: «Вау. Еще одна шутка без шансов на успех».

Он сказал: «Контактные лица вели себя довольно спокойно. Они сказали: “Джон, мы ничего не сделаем, пока вы не обезвредите бомбу. Нечестно разговаривать, если у вас на столе лежит ядерное

оружие. Кроме того, вы никому из нас не причините вреда. Мы вообще в другой стране. Что вам это даст? Кому вы причините вред, Джон?”

Я сказал, что подумал об этом.

Они спросили, точно ли я подумал.

Я сказал: “Да. Кстати, помните мертвого мужика, которого я заставляю выглядеть живым и который все еще властен над ядерным оружием, к которому у меня полный доступ?”»

Он сказал: «К тому времени я уже вывел его на позицию. Это было довольно легко: я просто убедился, что все вокруг него не были участниками заговора, что никто не мог меня остановить, и запер двери. Они дали ему — мне — все коды. Я держал его палец на кнопке. Я сказал им: “У вас есть тридцать минут, чтобы убедить Панъевро не пропускать эти корабли”.

Они сказали: “Вы этого не сделаете. Это будет ядерная война”.

Я сказал, что сделаю что угодно. И что они это знают. И что коровы оплакивают других коров».

Он сказал: «И в этот момент мои люди начали спрашивать, какого, собственно, хрена. Что, черт возьми, происходит. Мы все кричали друг на друга. Я впервые видел, как К злится. Н и П тоже нападали на меня. Монахиня и братец А из хедж-

фонда объединились и пытались всех успокоить, что только сильнее их разозлило. А и М были на моей стороне, или хотя бы на той стороне, которая утверждала, что все можно откатить назад и ничего плохого не случилось. Я был зол. Я сказал им, что это сработает. Н казалось, что ничего не получится. Что закончится запуском кораблей и убийством Г, и миллионы людей умрут просто так. И что, вообще-то, они все пошли за мной, чтобы спасти мир.

Я сказал, что мы это и делаем. Вот так мы спасаем мир. Просто надо мне поверить.

К сказала: “Джон, дело в том, что ты совершенно не хочешь быть спасителем. Ты хочешь наказать виновных”. Я ответил, что только что был у нее шафером! Она сказала, что я по-прежнему ее лучший друг, но все равно самый мстительный человек, которого она когда-либо встречала».

Он сказал: «Дела шли все хуже и хуже. Другая сторона слилась довольно быстро. Типа, не забывайте, что обе стороны коровьей стены — сотни сектантов и многие из них — дебилы из “Единой нации”, которые думают, что переживут конец света в бункере и выстроят новый рай, примерно как в книге “Луна — суровая хозяйка”. И у них есть винтовки. У нас все еще оставался Wi-Fi, и

очень жаль, и эти чуваки поговорили с людьми снаружи, и они переметнулись. Пока мы все страшно ссорились, пришло сообщение, что сотня людей изменила свое мнение о нас, окружила внутреннее здание с оружием в руках и что мы должны сдаться. Они захватили кучу заложников, так что если бы я начал убивать хоть кого-то, заложники бы умерли сразу».

Он сказал: «Мы продолжали орать друг на друга, но мы мобилизовались и строили баррикады, пока орали. Я не стал просто всех убивать. Это выглядело бы крайне хреново. Я пытался доказать, что не решаю все проблемы убийством. Все всегда происходит в самый неподходящий момент. Мы ввели режим ЧП, разработанный на случай утечки криоматериалов. Опустили ставни, дистанционно заблокировали противопожарные двери и все такое. И мы построили баррикады. Ты их видела».

Он сказал: «Мы пытались поговорить с ними, говорили, что сейчас не время, надо успокоиться. Они не слушали.

А сказал, что они разойдутся. Я так не думал. Они видели, как я один раз продолбался, убив копов. Когда люди увидят, как ты что-то делаешь, и составят по этому поводу мнение, изменить

уже ничего нельзя. Люди ничего не прощают. Как только они усомнятся, вы их уже потеряли. Это меня пугало и в остальных. А если я уже потерял своих лучших друзей? Единственных людей, в которых нуждался? Я только что поймал дурацкий зубастый букет на свадьбе К и Н. А что, если это уже ничего не значит?»

Через мгновение он сказал: «Так или иначе, бывшие сектанты снаружи пытались прорваться внутрь и говорили, что откроют огонь, если я не выйду. Я сказал, что, если они так хотят, я выйду. А, М и другие говорили: “Не смей, Джон”. Вместо этого я отправил пару скелетов попытаться спасти заложников. Драка, неразбериха. Мы привели нескольких заложников в здание, но потом на нас напали. Мы заблокировали коридор, когда они ворвались в зону ресепшена. Ты же видела входные двери? У них оказались коктейли Молотова. Я предложил, что нашу следующую секту надо бы набрать из девочек-подростков. М возразила, что от мужиков с автоматами еще есть какой-то шанс уйти живыми.

Я все время держал связь с Г. Он был молодцом и разговаривал со множеством переговорщиков, несущих ужасную чушь. Он оставался непоколебим. Вот почему я отправил туда его. Г слушал

только двух людей за всю свою гребаную жизнь. Его не волновали рассуждения какого-то богатенького мудака в бронежилете об анализе цен. Я был почти уверен, что он в безопасности: они были слишком напуганы, чтобы действовать. Меня больше волновали те, кто штурмовал наши баррикады. Я даже не мог их уложить, потому что делал шестьдесят дел одновременно. Я управлял мертвым политиком, вел одновременно шесть переговоров, строил баррикаду из шезлонгов… Время шло, а я не понимал, что делать дальше. У меня сдали нервы. Я не знал, что мне сделать, когда отсчет закончится. Мне пришлось признаться в этом самому себе. Сложно было не заморозить всех в радиусе километра, чтобы просто успокоиться. Мне показалось, что это лишит меня морального превосходства».

Он сказал: «Они ругались в коридоре, и я испугался и заперся в спальне. Я никого не взял с собой, кроме Улисса и Титании, потому что они со мной не спорили. Вот тут, давай покажу».

Он вывел ее из кухни, забыв о банке персиков. Скелеты продолжали расчищать завалы. Когда он миновал гору костей, она вдруг распалась в пыль, и он пошел дальше сквозь вонючее облако. Она следовала за ним. В следующем коридоре

было чисто, никаких сломанных стульев и мусора, но все промокло и стены вздулись. Лампы вывалились из гнезд, потолок расклеился, между панелями чернели дыры. Наконец один из скелетов открыл дверь, и они оказались на пороге комнаты, всего в нескольких шагах от того, что на первый взгляд казалось кучей мокрой коричневой одежды. Впрочем, большая часть оставшегося в здании выглядела мокрой коричневой одеждой. Но в этой одежде лежало тело, которое не улучшилось от пребывания в воде.

Она посмотрела на тело, а он нет; он смотрел куда угодно, только не на него. Он закрыл лицо руками, убрал руки. Отвернулся. Заговорил он нескоро.

Тогда он сказал: «М и ее монахиня кричали на меня сквозь дверь. Ну, М кричала. Она говорила, что я зашел слишком далеко, что она знает, что я не такой, что я могу все исправить. Она говорила, что все можно вернуть, пока не нажата кнопка. Она сказала, что бывшие сектанты дошли до лаборатории, и спросила, что же делать. Я не отвечал. В конце концов М сдалась и ушла».

Он сказал уже почти сонно: «Осталось не так много времени. Все уже поднялись на борт, проводили последние проверки. Г ждал в центре

города за океаном, под прицелом полудюжины снайперов, с ядерным чемоданчиком в руках. Я чувствовал это. Я был с ним. Я был с трупом в командном пункте, без охраны. Три человека держали палец на ядерной кнопке, а все, кто знал, что этот мужик давно помер, остались далеко. Монахиня молилась за мою ясность ума за дверью спальни. Куча напуганных бывших сектантов перестреливалась с верными. Каждый из тех, кого я любил, мог в любой миг схлопотать пулю, с которой я ничего не смог бы поделать. Мне нужно было что-то сделать. Я ничего не мог сделать».

Он сказал: «В конце концов именно монахиня изменила ситуацию. Она постучала в мою дверь и очень мило спросила, как у меня дела. Я сказал, что хреновато. Она спросила, насколько я близок к обнаружению души. Я ответил: “Я не могу ее найти, сестра. Она слишком велика. Я не понимаю, почему она такая огромная. Я не могу найти душу внутри тела, не знаю, где искать. Я не знаю, что делаю”.

Она помолилась надо мной, а потом ушла на самые долгие пять минут моей жизни. Сообщили, что они пытаются эвакуировать город вокруг Г, но я сказал только, что они тянули слишком

долго и это уже не сработает. Больше со мной не разговаривали.

Монахиня вернулась, постучала в мою дверь и сказала: “Джон, я, кажется, поняла. Я знаю, что тебе сейчас очень страшно, но я хочу помочь тебе. Пожалуйста, впусти меня”».

Он сказал: «Я впустил ее. Она принесла пистолет П».

Они стояли в грязном коридоре, и он смотрел на бурую кучу одежды и останков. Она тоже смотрела, почти не понимая, что видит.

— Не надо, — сказал он, — она не так выглядит.

И он сказал, как будто был под водой вместе со всем остальным: «Я думаю, что во всей этой неразберихе П не заметила, что он пропал. Я думаю, она хотела убить меня. Титания и Улисс были там, но я не заставил их заслонить меня, не заставил остановить ее. Я почти… мне было очень плохо, понимаешь? Меня всего трясло».

Он сказал: «Она просто улыбнулась мне. Она сказала: “Джон, не пойми меня неправильно. Я хочу помочь тебе. Я искренне верю, что в самые страшные мгновения мы не обращаемся к Богу, мы инстинктивно уходим от Него. Не расстраивайся, что не оказался на высоте. Страх не

помогает достичь благодати, он отупляет сердце. Джон, я искренне верю, что ты можешь спасти всех. Так что сосредоточься, пожалуйста".

Она произнесла: "Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей". И застрелилась».

Он сказал: «Ее душа зависла там на секунду, даже меньше. И я пытался удержать ее — я думал только о том, что должен спасти ее, должен исправить хотя бы эту ошибку, если нельзя исправить другие. Я почувствовал рядом огромную дозу энергии смерти — это походило на инъекцию метамфетамина в глазные яблоки. Впервые я смог удержать душу, увидеть ее границы, не отпустить ее. Она походила на крошечную атомную бомбу. Я сразу понял, что это недостающее звено. Если бы я только мог это контролировать.

Я должен был вытащить пулю из ее мозга и излечить ее. Вернуть душу обратно. Вернуть ее к жизни».

Он сказал: «Но я держал ее душу в своих руках и знал, почему это так сложно, потому что я все почувствовал. Я смотрел на код. Я понимал, почему я ничего не видел».

Он сказал: «Когда я коснулся ее души, я коснулся и тебя».

Он сказал: «Ты была шумом, который оказался повсюду. Это было похоже на попытку поговорить по телефону, когда кто-то кричит в мегафон в той же комнате. Ты затопила все вокруг себя. Ты была такой огромной и сложной, и ты кричала. Ты не умолкала. Ты так испугалась. Ты сошла с ума».

— Да? — спросила она.

— Это была не твоя вина, — ответил он.

Он сказал: «Но именно тогда я понял, что ты рядом. Я понял, что душа одного человека совершенно невероятна, но при этом это сущая мелочь. Я держал в руках три ядерные бомбы, а не две. И по сравнению с тобой две остальные горели не ярче свечек на торте».

Он сказал: «Я оставил ее лежать в спальне. Забрал ли я что-то? Кажется, нет, оставил даже Улисса и Титанию. Кровь на меня почти не попала. Я вытер ее джемпером и кинул его там же. Никто не заметил. У нас уже возникла следующая проблема. Эти безумцы пустили нескольких верных внутрь купола. Сказали, что я развязываю ядерную войну, или еще что-то соврали. Когда я вернулся в кухню, тут шла перестрелка».

Он сказал: «Кажется, я просто стоял и смотрел, как это происходит. Это было вообще не похоже

на кино. Кто-то стрелял. Все громко орали. Кто-то стрелял в стрелка. Выходило очень неуклюже, как будто они злились по очереди. Младший брат А лежал на полу, подстреленный с двух сторон. Никто не любит миротворцев. Чем больше они стреляли, тем злее они становились. Я не думаю, что они вообще меня заметили. Я как будто стал невидимкой. Передо мной умирали люди, и я чувствовал каждого… как будто лопались пузырьки на пленке. Только я их удерживал и собирал. В соседней комнате я нашел К и Н. Сначала они застрелили К. Потом, прямо у меня на глазах, Н.

Щелк. Пленка с пузырьками. Я не знаю, что с ними случилось. Это все довольно странно звучит. Как будто мне это приснилось. Помню П за баррикадой, еще живую. Она велела мне бежать. Помню А и М… они были живы, мы прятались за кухонным столом. Я помню их руки в своих руках… Я помню, как А говорил мне что-то, а М твердила: “Мы вместе, мы уйдем вместе”.

Но они нас нашли, они уже были там. Они пристрелили А, прямо перед нами, вытащили меня. М сказала: “Берите Джона живым, он ценнее живой”. Они пристрелили и ее».

Он встал и спросил:

— Помнишь, что я обещал?

Она сказала:

— Да.

— В этой части я причинил тебе боль. Ты готова?

— Да.

Он сказал: «Ты кричала. Я хотел, чтобы ты замолчала, я хотел тебя. Я мечтал о тебе, как первобытный человек мечтает о лесном пожаре или о солнце. Я думал, ты собираешься забрать меня. Подвергнуть очищению. Использовать как орудие. Но ты ничего не говорила. Я шептал: “Покажи мне. Приди. Я готов”. Ты продолжала кричать и кричать… как больной младенец. Поэтому я пытался причинить тебе боль — и я причинил. Я дотянулся до тебя, и тебе стало больно, но мне не хватило сил. Первобытный человек. Лесной пожар. Неолитический жрец падает на колени перед метеоритом».

Он сказал: «Я почувствовал, как П ушла.

Г последним остался в живых. Я протянул руку и остановил сердце Г».

Он сделал паузу и сказал: «Честно говоря, мне все еще жаль, что это оказался Мельбурн. Я очень любил трамваи».

Внезапно он развернулся и вышел из комнаты, вернулся в кухню. Скелеты пробили дыры в

потрескавшихся стеклах, так что внутрь хлынул воздух, и он дергал ручку стеклянной двери, пока та не открылась и он не сделал шаг наружу. Он стоял там, его глаза в сумерках сияли, как фонари, и он смотрел в небо.

Он сказал: «Господи, тебе было больно. Я достал тебя. Я поглотил все смерти до единой».

Он сказал: «Я сорвался. В теле, которое я превратил в марионетку за деньги, я отдал команду. Эту команду услышали во всем мире. Очень много людей, державших пальцы на кнопках. Мир развалился, как костяшки домино. Запусти одну ядерную бомбу — получишь двадцать тысяч ракет в ответ. ЗРК распустились по всей земле, как полевые цветы. Одна маленькая ядерная бомба… и много больших… Господи Иисусе, зачем они нам? Одна бомба за другой. Они летели из подводных лодок, бункеров и самолетов. И ведь все это делали, чтобы заставить остальных прекратить огонь. Как в старом комедийном скетче».

Он сказал: «Во-первых, я стал полубогом. Я почти лишился тела. Я держал за горло половину мира. Некоторых мне удалось убить до того, как их поглотило пламя ядерного взрыва. Я убрал их. Умерли все, но я помог многим из них уйти раньше, чем они поняли, что что-то произошло. Я

их выпил, но этого оказалось недостаточно. Мне нужны были корабли. Мне нужны были длинные руки. Я обхватил глотки второй половины мира и заставил их тоже уйти. Потом я взял под контроль всю планету, кроме кораблей. Птиц, летевших над пламенем. Игравших детей».

Он сказал: «Я обвил руками твою шею».

Он сказал: «Я взял твою душу в ладони».

Он сказал: «Я впустил тебя в себя, и мы стали единым целым».

Он сказал медитативно: «Ну то есть я попробовал. Тебя было так много — ты не походила на маленькую грязную душонку нормального человека. Ты была намного больше. Я открыл рот и попытался поглотить тебя — и ты не влезла. Я упал на колени — тут, кажется».

Он шагнул вперед. Она увидела, на что он указывал: на кучу грязи, где не росла трава.

Он сказал: «И вот здесь я упал на колени, да. Я сунул в рот пригоршню грязи и ел ее, пока меня не вырвало. Я собирал окровавленную землю. Я понял, что тебя слишком много для меня. В этом и проблема. Инкорпорация сложнее всего. Это человеческий инстинкт — поглощать. Когда ты обжигаешь палец, ты же суешь его в рот? А во мне еще оставалось слишком много человеческого».

Он сказал: «Я не стал совать палец в рот. В этом и то было бы больше смысла. Хрен его знает, что бы случилось, если бы я попытался поглотить тебя целиком. Наверное, я бы сгорел заживо. Но мне нужно было куда-то поместить тебя, раз уж я не собирался поместить тебя в себя. Я сделал тебе пристанище. Я вообще не думал… Я вырвал себе половину ребер и сотворил тебя из праха, моей крови, моей рвоты, моей кости».

Он сказал: «Я хотел сделать тебе самое красивое тело, какое только мог придумать».

Он сделал паузу и сказал:

— Но я был в стрессе вообще-то. Я с ума сошел. Почти все, что делало меня Джоном, ушло. Осталось немного мыслей… какие-то идеи. Крохи идентичности. Нельзя меня судить так уж строго, да? Я не сделал этого умышленно. Я не счел это искусством. Знаешь, в мои семь лет у бабушки в доме не было игрушек, кроме старых маминых. Больше всего я любил…»

Он судорожно вздохнул.

— Я любил старую голливудскую Барби, — пробормотал он, — ее короткое золотое платье и длинные светлые волосы. Она была лучше всех. С ней случались все приключения. Еще была невеста Мидж, но мама выстригла ей маллет на

голове. Так что я любил Барби.

Она посмотрела на него. Он посмотрел на нее.

Он добавил:

— Не Кен. У мамы он тоже был, но он был мудак. Я отдал его на съедение бабушкиному псу.

Он сказал: «Из своей крови, костей и рвоты я создал для тебя красивый лабиринт. Я боялся, что ты найдешь способ сбежать прежде, чем я закончу. Я сделал тебя похожей на сказочную фею. Я сделал тебя похожей на ангела эпохи Возрождения… Я сделал тебя Адамом и Евой. Галатеей. Барби. Чудовищем Франкенштейна с длинными светлыми волосами».

Он сказал: «Когда мир рухнул, я изменил нас обоих. Я спрятал себя в тебе. Я спрятал тебя в себе. И когда мы стали одним… когда шаман вызвал солнце… я сделался богом».

Он сказал: «Этого было недостаточно».

Он сказал: «Корабли. Там все еще оставались люди, и я протянул нашу руку в космос. Я старался».

Он сказал: «Сначала я прокусил солнце. Это человеческая природа. С этого все начинается. Выключаешь солнце и готовишь на газу, простите за каламбур. Я уничтожил Венеру, Меркурий, Марс. Дело в том, что пара буксиров уже прошли

через пояс Койпера. В спешке я раздавил Юпитер и Сатурн. Я дотянулся… они не смогли смотреть на меня. Мне оставалось только надеяться, что они увидели мои дела и сдохли от ужаса.

Мы с тобой были как Очень Голодная Гусеница из книжки. Мы съели Уран… Нептун… Плутон… нашли все спутники и корабли, дотянулись до них, сжевали всех людей и двинулись дальше. Я не умел смотреть, понимаешь ли, умел только трогать. Когда я понял, что флот развивает сверхсветовую скорость, было уже слишком поздно. Я смог только взять один из кораблей. Мы с тобой держали его на ладони. Я был там. Среди напуганных людей. Чертовых крыс, бегущих с корабля».

Он замолчал.

Она спросила:

— Тогда?

Он сказал: «Потом они ушли. Навсегда затерялись во времени. Это научило меня не колебаться».

Она скрестила руки на груди. Ей не было холодно, но она чувствовала, что должна мерзнуть. Стоя на улице в тени, среди пыли и грязи, у зловонной бетонной стены, она хотела мерзнуть.

Он сказал легко:

— Вот и все. Вот такая история. Вот что я сде-

лал.

— Ох, — сказала она.

Потом он сказал:

— Помнишь, что ты сказала мне, когда я сделал это? Когда мы стояли здесь вместе?

Она посмотрела на него и сказала:

— Да.

Он сказал:

— Ты сказала: «Я выбрала тебя, и вот как ты мне платишь?»

Она сказала:

— Что еще я сказала?

Он сказал:

— Ты сказала: «Что ты со мной сделал? Я отвратительна».

Она сказала:

— Что еще я сказала?

Он сказал:

— «Куда ты дел людей? Где они?»

Она сказала:

— Я все еще люблю тебя.

Он сказал:

— И это ты тоже говорила.

28

Нона проснулась на холодном, пахнущем грязными сапогами полу грузовика, почти в полной темноте. Сиденья будто бы сомкнулись над ее руками и ногами, и она на мгновение запаниковала, задергалась, пока кто-то не сказал очень мягко:

— Успокойся.

Задние двери грузовика были широко открыты, прохладный сырой воздух вонял бензином и холодной дорогой. Издалека доносились знакомые резкие звуки выстрелов, иногда крики, изредка — скрип металла и стоны, эхом отдававшиеся от стены, как будто грузовик стоял в туннеле. Она поняла, что, видимо, грузовик просто стоял в туннеле. Сев и посмотрев назад, она увидела глухую черноту, которую время от времени чуть рассеивали пятна бледно-розового жиденького света, который дают солнечные батареи и который не приносит облегчения для глаз. Кое-где на дороге были установлены огромные прожекторы, напоминавшие окна в иной мир — большие светящиеся прямоугольники с кабелями, которые лежали на крашеном бетоне толстыми клубками, кучами и завитками. Некоторые из них тянулись

обратно в грузовик. Тут же обнаружилась принцесса Кириона Гайя, растянувшаяся на сиденьях. Она спокойно лежала, глядя из тени золотыми глазами мертвого животного.

Нона посмотрела на нее, она посмотрела на Нону. Они смотрели друг на друга очень долго. Платок на шее Кирионы снова затянули, а куртку застегнули, закрывая раны. Принцесса-труп смотрела на нее, и лицо у нее было ледяное, ничего не выражающее, будто железное.

— Где она? — спросила Кириона.

Нона не знала, что сказать. Принцесса нажала:

— Не молчи. Куда она делась? Где она?

— Я не знаю, о ком ты, — жалобно прошептала Нона.

— Послушай, мне насрать, даже если она в аду, я не буду на тебя злиться, — пояснила Кириона. — Она может быть на дне моря или на другом конце космоса. Мне просто нужно знать — где.

Когда Нона не ответила, принцесса-труп сказала:

— Ладно, другой вопрос. Ты ее любишь?

— Иди прогуляйся, Нав, — сказал новый голос снаружи грузовика.

Это была Пирра. Она казалась похудевшей и очень измотанной, на руках виднелись длинные

заживающие ссадины, как будто она упала после последней встречи с Ноной. Шея тоже была исцарапана. Ржавая щетина проступала на щеках, подбородке и верхней губе. Жесткое знакомое лицо выглядело невероятно усталым.

— Я тут вроде как мертвой притворяюсь, — возразила Кириона.

— Хорошо, тогда мы прогуляемся. Никуда не ходи и прекрати вести себя как сука, — согласилась Пирра.

— Это наследственное, — сказала принцесса.

Пирра забралась в кузов, отчего он затрясся, и отодвинула кабели от Ноны.

Нона сказала, пытаясь найти нужные слова:

— Пальцы… штуки…

— Вестники загнали нас сюда, — пояснила Пирра. — Их не так много, но даже горстки хватит.

— Да, редкие твари, — сказала Кириона. — Я сражалась с ними врукопашную в Митреуме.

— Да уж. Выходишь с ними врукопашную, и бой заканчивается. Надо их на подлете сбивать. Пара автомобилей Крови Эдема лупит в них наугад на съезде, в паре километров отсюда. Нет, детка, не двигайся.

Нона попыталась влезть в объятия Пирры и обнаружила, что собственные ноги кажутся ей

высеченными из мрамора. Она никогда раньше не чувствовала такого: ноги словно онемели, и их кололи маленькие иголочки. Порой банда отсиживала друг другу руки и ноги, и она всегда предлагала свою кандидатуру, но, к ее сожалению, это на нее ни разу так и не подействовало.

Пирра взяла ее на руки и очень осторожно вынесла из грузовика. Снаружи было темно и гулко, только кое-где на пахнущей бензином дороге светились лампы.

Неподалеку от грузовика стояла бетонная плита высотой по пояс. Пирра усадила ее у плиты, прислонила к ней спиной и села рядом сама.

— Я не могу идти, — удивленно сказала Нона.

— Ты помнишь, что произошло после того, как ты потеряла сознание на крыше?

— Нет.

— Может, оно и к лучшему, — задумчиво сказала Пирра и тихо добавила: — А…

— Не надо, — неожиданно для себя оборвала ее Нона, — нет. Не называй меня так и другими такими именами. Не заставляй меня вспоминать. Я не хочу. Тебе это не понравится. Нет. Не заставляй.

— Не волнуйся, малышка. Остынь.

Нона вообще не чувствовала себя остывшей, ей

было ужасно жарко. На затылке что-то чесалось влажно и тепло, и она подняла туда дрожащую руку, но Пирра перехватила ее запястье.

— Не смажь. Это… поможет тебе как можно дольше удержаться в теле.

Рука на запястье Ноны была крепкой, нежной и совершенно нормальной — сколько раз Пирра вот так брала ее за руку, чтобы перейти дорогу, помогала ей встать, кружила ее под песни по радио. Но в глубине мозга Ноны, из какой-то дыры, закрытой ложной стенкой, кто-то грубо произнес:

— Не прикасайся ко мне.

Пирра опустила запястье, а голос Ноны все говорил и говорил:

— Ты думаешь, это весело, Пирра Две? Мило? Семья. Кровь. Вместе. Поцелуй, поцелуй. Детская игра. Ты говоришь хорошие слова, и все делают вид, что это те слова, которые ты говоришь. Вот дом. Мы живем в нем. Черви скользят друг по другу. Тебе нравится притворяться? Нравится быть матерью и отцом разом? Ты должна была поддаться твоим желаниям и съесть нас. Сожрать. Это было бы более естественно. Я бы смогла тебя уважать.

Голос затих, и Нона в порыве ужаса, ненависти,

отвращения и смущения попыталась свернуться калачиком, но у нее не получилось. Она чувствовала себя так, как будто ее прервали в туалете посреди процесса.

Раскаленный добела стыд родился где-то в глубине души и выплеснулся наружу, к ней вернулся собственный голос.

— Нет, нет, нет. Не делай этого со мной, Пирра. Пирра, просто позволь мне умереть. Это приятнее. Я не могу этого вынести.

Нона немного поплакала. Слезы текли из глаз и капали на колени. Лицо казалось очень горячим, а шея болела и зудела. Через некоторое время слезы утихли, и Пирра спросила:

— Лучше?

— Да, — сказала Нона и почувствовала, что ее голос дрожит, но добавила более уверенно: — Дай, пожалуйста, платок.

— Подожди Кэм и Секстуса. Тебе не понравится любой платок, который побывал у меня в кармане.

— Они нашли Шестой дом?

— Да, благодаря тебе. И мегагрузовики оказалось несложно остановить. Когда Ктесифон подорвал первый, остальные сразу сдались. Это… смягчающие обстоятельства.

Это немного приободрило Нону.

— Это же хорошо?

Судя по лицу Пирры, таким уж хорошим она это не считала.

— Нона, — осторожно сказала она, — а что, если я скажу тебе, что это конец пути, как по мне? Я не уверена, что кто-то из нас выберется отсюда.

Это очень воодушевило Нону, но она заколебалась, прежде чем сказать это вслух. Это показалось ей невероятным счастьем. Она, Пирра, Кэм и Паламед были все вместе, и никому не приходилось беспокоиться ни о завтрашнем дне, ни о послезавтрашнем, что она могла просто выбросить все из головы — яростно выбросить из головы вообще все — и больше ничего не пытаться делать. Но ее облегчение было трудно выразить так, чтобы оно не прозвучало совершенно ужасно. Поэтому она просто сказала:

— Я буду вести себя хорошо.

— Пойдем посмотрим на остальных, — предложила Пирра. — Не возражаешь, если я снова тебя понесу?

Сапоги Пирры хрустели по блестящей черной поверхности, пока она несла Нону. В темноте высился мегагрузовик, облепленный светящимися полосами. Он был больше любого другого

грузовика в жизни Ноны. Он казался высоким, как дом. Если бы кто-то подъехал на нем к школе, можно было бы выйти из окна класса и встать ему на крышу. Его собственная крыша терялась в черноте, а в ширину он был таков, что Пирра обходила его секунд двадцать. Огромная дверь была распахнута, к ней приставили пандус, и люди сновали между огромным грузовиком и маленьким. Солдаты укладывали людей на походные койки, осматривали их, производили какие-то манипуляции, порхали в темноте, как мотыльки. Нона заметила, что у многих из тех, кому оказывали помощь, были распахнутые слепые белые глаза, такие же, как сделали Ноне линзами. Эти липкие прозрачные взгляды так напугали команду Чести.

Камилла сидела в кресле на колесах, держа в руках планшет. Тело Ианты Набериус стояло у нее за спиной — в линии плеч и развороте головы узнавался Паламед. Люди спускались по пандусу с помощью солдат Крови Эдема. Корона и, что было удивительно, Страсти вели очень слабого и пожилого человека ростом примерно с Нону. Паламед выглядел очень растерянным.

— Кэм, можем ли мы получить новую информацию о туннелях? Ради всего святого, запретите

моей матери лезть к Крови Эдема, пока ее никто не пристрелил. Пусть этим займется Кестер Чинкве, он умеет разговаривать с людьми. Хотя думаю, что прямо сейчас он жалеет, что вообще покинул Кониортос. Где ваши отцы? Почему это похоже на курятник? Нона, как ты?

Нона чувствовала себя потерянной, изумленной и утомленной.

— Это все твоя семья?

— Метафорически — да, буквально — все сложно, — ответил он. В его теле чувствовалось невероятное облегчение, которого Нона не ожидала. Кэм тяжело осела в кресле и была тонов на шесть бледнее, чем когда-либо.

— Моя мать хотела с тобой познакомиться, к несчастью для себя. Сейчас она расспрашивает одного из младших офицеров о философии насилия, и о том, как работают эти грузовики, и о том, как он зарабатывает на жизнь.

Большинство людей, которым помогали, не могли стоять сами, и все они выглядели худыми, помятыми и изможденными, хотя вполне веселыми.

Пирра огляделась и сказала:

— Секстус, если сюда попадут Вестники, я не уверена, что эти люди выживут.

— Они не выживут, — сказала Камилла.

Она еле шептала. Паламед добавил:

— Они действительно в плачевном состоянии, но надо подумать и о других жителях города. Я пытался объяснить им, что происходит, и они уловили суть, но только если не говорить про некромантию. Главный архивариус говорит, что любое проявление способностей мучило их по нескольку дней. Ослепление их чуть не убило, а они тогда были намного сильнее. Не стоит надеяться, что кто-то вернется в казарму и займется тонкими вещами вроде оставленных Иантой оберегов.

Нона почувствовала, как Пирра переносит вес с ноги на ногу.

— А Ианта…

— Бьется, — снова улыбнулся Паламед. — Она невероятно, просто невероятно зла.

— Секстус, — сказала Пирра, — я редко такое говорю, но у меня нет вообще никаких планов. И либо ты совершенно сбрендил от так называемой любви, а это случается даже со мной, либо ты знаешь что-то, чего не знаю я.

— Не то чтобы я что-то знал, Пирра, — сказал Паламед, — но я чувствую, что готов рискнуть. Через пару минут, когда командир даст мне ин-

струкцию, я суну всех обратно в грузовик. Сейчас они это обсуждают на случай, если крыло Мерва оставило внутри неприятный сюрприз.

Нона заглянула в грузовик, в большой колодец тусклого света, и попыталась вести себя осторожно, но оптимистично.

— Паламед, ты же знаешь, что меня укачивает.

— Я знаю. Прости. Тебе придется совсем немного потерпеть, Нона, я обещаю.

— Слушай, эта штука, конечно, тоннажем не уступает космическому кораблю, — сказала Пирра, — но если ты планируешь кататься по городу и давить Вестников, я сразу скажу, что ничего получится.

— Кстати, не думала об этом, — заметила Камилла.

— Нет. Не волнуйся, Две, мои амбиции не распространяются на город наверху. Погоди, вот и комитет.

Командир и кто-то, кого Нона никогда не встречала, вышли в большой желтый квадрат света перед пандусом. Командир выглядела неплохо, вот только Нону вновь поразил огромный контраст между нею и Паламедом: Ценой страданий больше походила на Пирру — измученная, с дикими глазами и смертельно сосредоточенная.

Никакого сходства с веселым предвкушением, которое испытывал Паламед. Паламед выглядел как малыш на уроке «расскажи и покажи», который принес в школу любимую игрушку и ждет не дождется, когда у него будет целых две минуты, чтобы рассказать о ней всем-всем, даже старшим детям. Морщинистая слепая женщина, которая держалась за изящно вытянутую руку Ценой страданий, остановилась на свету. У нее были резкие черты лица и очень длинная темная седеющая коса — Нона немедленно пожалела о своих косах. Она выглядела довольно старой — может быть, старше даже, чем Ценой страданий, — и на лице ее лежала печать тревоги. Ее нельзя было бы назвать красивой даже в чистой одежде.

— Вот цифры, Главный страж, — она протянула пачку бумаг, — у меня не было возможности перепроверить их. Я сделала первоначальные расчеты, но, конечно, полагаться на элементарную математику не стоит. Хочу заметить, что в последние пару месяцев мои способности к вычислениям очень пригодились. Мы очень весело проводили время, вслух решая квадратные уравнения, пока нас не пригрозили выкинуть из грузовика. Как себя чувствует председатель?

Паламед присел на корточки, чтобы вместе

с Камиллой проверить цифры.

— Если бы мы смогли проникнуть внутрь купола, это не имело бы значения, — сказала Кэм.

— Я не обеспечу такую навигацию, Кэм. Я не уверен, что кто-то вообще такое может. Я никогда не знаю, где я нахожусь в пространстве, а процесс выхода и входа будет сущим адом. Нам придется делать это на ходу. Гидеон выдала кое-что о внутренней планировке. Наш лучший вариант — это посадочная платформа, если мы сумеем к ней приблизиться.

Пирра прочистила горло.

— Командир, есть потери?

Ценой страданий вздохнула.

— Из огня да в полымя, — сказала она, — а оттуда в другой костер, а оттуда прямо в ад, где черти танцуют в огне и шлют тебя на хер.

— Ты всегда умела обращаться со словами, — признала Пирра. — Они повсюду или только в некоторых местах?

— Ктесифон стоит у входа в туннель и внутри него. Разведданных нет. Мы держимся хорошо, но через пару часов кончатся боеприпасы. У них там настоящая оргия, и мы не можем использовать взрывчатку, если не хотим обрушить туннель. А я не хочу обрушить туннель, потому что из него

нет другого выхода.

— Принято, — кивнула Пирра.

— Это новый голос, — сказала архивариус, а Паламед весело ответил:

— Архивариус, это Пирра Две, и мы с Кэм полагаем, что она спасла нам жизнь. Пожалуйста, будьте с ней очень любезны. Шестой дом обязан Пирре Две всем, и бессрочно. Итак, — он постучал пальцем по стопке бумаги, — это все, что у нас есть. Командир, я хотел бы попросить вернуть Шестой дом обратно в грузовик. Беспокоиться о пространстве не стоит, это очень временно. Если вы хотите взять что-то с собой, скажите.

Командир шагнула вперед, на свет. Архивариус шагнула вместе с ней.

— Паламед Секстус, — сказала она, — как ты надеешься выбраться отсюда?

— Мы переправимся через Реку, — сказал Паламед, — я планирую доставить всех в Девять домов, а после завершения миссии — обратно в Шестой дом. Который, как вам известно, припаркован на экзопланете недалеко от звездной системы.

— Мальчик, ты фантазер или просто сошел с ума? — осведомилась Пирра. — Ладно, твоему рыцарю всю кровь выпустили, но ты-то?

— Я верю, что это сработает.

— А я знаю, что нет. Ты не сможешь пройти через Реку. Во-первых, тебя никогда этому не учили.

— Это сложно, — признал Паламед, — но, Пирра, я много времени провел в Реке. Я изучил ее, хотя и странным путем и неполноценно. Думаю, я смогу точно сориентироваться.

— Меня не волнует, чему ты научился в этом пузыре. Ты не ликтор, — сказала Пирра, — ты не сможешь отпугнуть призраков. Они разорвут тебя на куски.

— Не в этот раз, — весело возразил Паламед.

Нона почувствовала, что руки Пирры внезапно утратили всегдашнюю силу, и съехала вниз на пару сантиметров. Ей пришлось сказать:

— Пирра, ты меня уронишь. — И Пирра ее подхватила.

— Мне нужно, чтобы ты сказал мне, что совершенно уверен в плане, — потребовала Ценой страданий.

— На девяносто процентов.

— Докажи.

Паламед передал пачку бумаг обратно Ценой страданий и попросил:

— Мама, приведи Киану. Она мне нужна. И

отцов Кэм…

— Нет, только Кики, — возразила Камилла, — только сестру. Они не… они не поймут, Страж.

Архивариус сказала весело и фамильярно:

— Ах, дела семейные? Командир, дадите мне руку? Вы сама замужем? А развод…

Паламед повел Камиллу в темноту, обратно к грузовику, где проснулась Нона. Пирра посмотрела им вслед дикими глазами и пошла за ними, хотя ее об этом и не просили. Нона схватилась за плечи Пирры. Она ничего не понимала.

Принцесса-труп сидела на краю кузова. Паламед ударил по тормозам кресла, и Камилла тяжело осела в нем. Даже во тьме туннеля Нона видела, что она в ужасном состоянии. Она была очень спокойна, но очень слаба, губы у нее потемнели.

— Нет. Никаких больше лекарств, — ясно услышала Нона ее слова, — я хочу соображать нормально.

Пирра вслепую усадила Нону, несмотря на ее предупредительный писк; Ноне очень не хотелось сидеть рядом с мерцающей белой фигурой мертвой Кирионы Гайи, которая наблюдала за происходящим с живым интересом зрителя на стадионе. Пирра отшатнулась от нее и упала на

колени перед креслом и Паламедом. Протянула руки и взяла за руку сначала Паламеда, потом Камиллу. Ее лицо и действия выражали только тупое отчаяние.

— Я любила вас обоих, — сказала она, — не очень горячо. Не целиком. Во мне этого нет. Но я любила вас. В лучшем мире я сказала бы «как родных», но я не понимаю, что это теперь значит. Вы были моими… агентами. Дублерами того, чего у меня не бывало дольше, чем вы в состоянии даже вообразить. Поэтому я прошу: не надо этого делать. Пожалуйста.

Никто из них не ответил.

Пирра настойчиво продолжала:

— Поймите, что как только вы это сделаете, вы не сможете вернуться. Лучше умереть. У вас есть власть умереть чистыми… умереть свободными. То, что вы собираетесь сделать, — это не любовь. Это не воплощение красоты и силы. Это ошибка. Мы делали это неправильно. Мы были детьми, которые играют с отражениями звезд в луже, думая, что это космос.

Паламед встал, и Пирра встала вместе с ним. Он протянул руку и крепко схватил ее за запястье.

— Я не знаю, что мы, по-твоему, собираемся делать, но мы точно делаем не это.

— Что бы вы ни хотели сделать, не делайте этого.

— Просто посмотри на нас, — сказала Камилла.

Пирра вырвала запястье из руки Паламеда. Протянула руку, взяла Камиллу за подбородок и долго смотрела на нее. Затем она наклонилась, резко и коротко поцеловала Камиллу в лоб.

Нона, которая даже теперь не могла перестать читать руки и губы, смотрела на этот поцелуй, и ей было грустно. Казалось, Пирра крадет что-то, чем не хочет владеть. Что она тянется к соблазнительной вишнево-красной раскаленной плите, зная, что ее ждет только ожог. Нона увидела Камиллу, ее холодные посиневшие губы, и поняла, что Камилла тоже это почувствовала.

— Пирра, не веди себя как диванный воин, — сказала Камилла.

Пирра протянула руку, взъерошила идеальную прическу тела Ианты Набериус и наклонилась, чтобы поцеловать и Паламеда тоже, — и Паламед сказал снисходительно и весело:

— Ты жуткая старая развратница, Две.

— Зовите, если понадоблюсь. Увидимся.

Пирра подошла к грузовику, к Ноне, и тяжело наклонилась вперед. Нона видела, что она вспотела, примерно как в тот раз, после бутылки с

отбеливателем. Она пробормотала:

— Вы же знали, что это происходит. Уже несколько месяцев назад.

Когда Нона взяла Пирру за руку, Пирра как будто даже не заметила.

К этому моменту другие люди уже подошли и встали неровным полукругом вокруг инвалидной коляски. Там была женщина с косой, похожая на птицу, Ценой страданий, высокая, худая, морщинистая молодая женщина в сером, чье лицо так поразительно походило на лицо Кэм, что Нона даже удивилась. Волосы она брила, и, в отличие от остальных, глаза у нее были не молочно-белые, а темные, глубоко посаженные, ястребиные. К ним присоединилась и Корона, золотая, сияющая Корона, еще один светильник. Она сплетала пальцы на руках, отпускала, снова сплетала.

Никто ничего не говорил. Голова Камиллы упала назад, но Камилла тут же резко встала — встала сама, расправила плечи, покрутила шеей. Паламед усадил ее на холодную дорогу, и они сидели лицом друг к другу, скрестив ноги. Камилла долго не могла согнуть ноги, а сделав это, тихо охнула, так что Нона поняла, чего это ей стоило. Она достала из ножен один из кинжалов

и положила на бетон.

Внезапно оборванные наблюдатели приблизились — всего на несколько шагов — и встали вокруг них кольцом, не настолько плотным, чтобы помешать. Они как будто попытались отгородить их от огромного пустого туннеля, где грохотали пули. Нона инстинктивно дернулась вперед и чуть не выпала из грузовика; Пирра подхватила ее, и они вместе слезли на землю. Кириона Гайя вежливо смотрела на борт грузовика, как будто могла прочитать по краске что-то интересное.

— Камилла, мы все сделали правильно? — спросил Паламед, и Нона сразу поняла, что он не думает больше ни о ком во Вселенной. — Мы справились почти идеально. Идеальная дружба, идеальная любовь. Я не могу себе представить, что пожалею о чем-нибудь на смертном одре, ведь мне было позволено быть твоим некромантом.

Камилла Гект грустно посмотрела на него, а затем разрыдалась. Плач был почти бесшумным, но слезы лились рекой. Паламед взял ее за руки и отчаянно попросил:

— Кэм, дорогая, не надо.

— Нет, — сказала Камилла после очевидной борьбы с собой, — нет. Я плачу, потому что… по-

тому что мне стало легче. — Она говорила очень упрямо. — Я так рада, Страж.

— Осталось недолго, — пообещал он.

Камилла сделала пару судорожных вдохов, которые явно причиняли ей боль, и спросила:

— Страж, а в Реке она узнает, кто мы?

— Она не глупа, — легко сказал Паламед, — в Реке — за Рекой… Я искренне верю, что мы увидим себя и друг друга такими, какие мы есть на самом деле. И я хочу, чтобы они нас увидели. Я не говорю, что это был неизбежный конец. Я уверен, что мы нашли самое лучшее, самое верное и самое доброе решение на этот момент. Скажи «нет», и мы пойдем дальше, как и прежде… без всякого страха. Скажи «да» — и мы вместе положим этому конец и начало.

Камилла вздрогнула всем телом. Потом успокоилась и расслабилась, голова опустилась вниз, как цветок на стебле. Снова подняла голову.

— Да, Паламед, — сказала она, — жизнью клянусь, да. Навсегда. Жизнь слишком коротка, а любовь слишком длинна.

— Скажи мне, что сделать, и я это сделаю.

— Давай.

Паламед взял у нее кинжал и раскрыл невидимый тайник в конце рукояти. Тонкая струйка

бело-серого порошка потекла ему на ладонь. Он протянул ей руку, и Камилла открыла рот и — к ужасу Ноны — проглотила этот порошок. Он уколол ей палец кинжалом:

— Еще совсем немного.

И прижал ее собственный окровавленный палец к ее холодным окровавленным губам.

— Только не оглядывайся. Что бы ты ни делала, не смотри назад.

И они положили головы на плечи друг другу.

Ничего особенно интересного не происходило, пока Камилла не вспыхнула. Она горела, как белая свеча, она оттолкнула от себя тело Ианты Набериус, которое тяжело покатилось по дороге, и встала, спотыкаясь, пылая горячим столпом белого пламени. Нона смотрела, как она открывает рот, будто бы в крике, но из него не доносилось ни звука. Слышалось только шипение: бинты, одежда и раны шипели, сгорая, шипели волосы, она чернела и распадалась у них на глазах. Шатаясь, она сделала несколько шагов, оставляя кроваво-черные следы, и эти следы сворачивались, как цветочные лепестки, вспыхивали и опадали пеплом. Она рухнула на дорогу, умирая, каталась по ней в смертельной агонии, пока Нона не решила, что она тоже умрет, глядя на это, что она наконец

встретила нечто настолько ужасное, что можно умереть только от зрелища.

Весь туннель заполнило искрящееся, сверкающее пламя, трещало, сгорая, человеческое мясо, тело Камиллы танцевало в этом пламени, чернел жуткий силуэт, потом он покраснел — и она попыталась встать, она выгнулась, вся дрожа, и пламя исчезло. В темноте стоял обнаженный человек, целый и невредимый. Он присел, обхватил руками колени, свернулся калачиком:

— Не могли бы вы дать мне одежду?

Нона смотрела, как Кириона начала расстегивать куртку, а потом передумала. Незнакомка с ястребиным лицом вылезла из брюк, совершенно не смущаясь, осталась в шортах. Ценой страданий сняла тяжелый пиджак. Когда они подошли, Нона увидела, что лицо незнакомки осталось каменно-бесстрастным, но по щекам пролегли мокрые следы. Обнаженная фигура торопливо накинула пиджак, натянула штаны.

— Спасибо.

Это оказалась всего лишь Камилла — Камилла, лишившаяся челки и почти всех волос, кроме обгоревшего ежика примерно в дюйм длиной, Камилла с новыми глазами и новым лицом, хотя форма глаз осталась прежней, а черты лица — те-

ми же. Но глаза приобрели другой цвет, хотя со своего места Нона не видела какой. Видела только, что другой. А черты лица, хоть и составленные в прежнем порядке, имели настолько другое выражение — не Камиллы, не Паламеда, — что Нона вдруг осознала: их больше нет. Они бросили ее. Они ушли.

Нона громко закричала.

Новый человек прошел мимо Ценой страданий и женщины с ястребиным лицом, порылся в карманах трупа Ианты Набериус, который так и валялся на дороге, подошел к Ноне походкой, которая не принадлежала ни Камилле, ни Паламеду, но принадлежала им обоим — широкой, свободной, красивой. Протянул Ноне бледно-лиловый шелковый платок.

Нона шмыгнула носом и отвернулась.

— Мне просто салфетку, — промямлила она, — это слишком модное.

— Ну да, — с серьезной улыбкой сказал человек, — боюсь, большой вечеринки по случаю дня рождения уже не получится, но все равно, с днем рождения, Нона.

Нона печально вытерла глаза платком.

— Спасибо, — сказала она, — хорошо, что у тебя не было резинок для волос.

Новый человек вдруг одним движением развернулся. Бросился к забытому телу Ианты Набериус, которое вдруг приподнялось на локтях и смотрело бледными неверящими глазами. Лицо ее выражало ненависть и отчаяние.

— Значит, все-таки был другой путь, Секстус.

Человек присел и протянул руку:

— Я знаю, как тяжело пойти против своего пастыря. Но есть и другие миры, кроме этого. Пойдем с нами. Мы — любовь, совершенная смертью, но и смерти не будет более; смерть тоже может умереть. Время еще есть, Ианта. У тебя и у Набериуса Терна.

Брошенное тело смотрело на то, что когда-то было рукой Камиллы, на то, что когда-то было лицом Камиллы, затем снова на руку. И сказало ясно:

— Спорим, ты говоришь это всем мальчикам.

Тело рухнуло и оказалось пустым. Так оно и лежало, глядя на потолок туннеля белыми неподвижными глазами.

29

Всех погрузили обратно в один грузовик. Никто ничего не сказал по этому поводу, хотя Нона знала, что они просидели в грузовиках несколько месяцев. Может быть, если достаточно долго сидеть в грузовике, просто забываешь, что в мире есть что-то еще. Ноне грузовик уютным не показался. Она горестно думала о своей спальне, матрасе, одеяле. Она мечтала о кровати с тоской, отчаянием и голодом.

Пирра взяла инвалидное кресло, которым пользовалась Камилла, и усадила в него Нону. Камилла-Паламед-новый-человек больше не нуждался в коляске или в лекарствах, хотя явно чуть не умер. Паламед-и-Камилла, действуя с невероятной скоростью, несколькими словами согнал всех измученных людей в кучу. Держа в руках планшет, он обходил их, останавливаясь рядом с каждым, гладил по плечу и говорил что-то вроде: «Водный баланс восстановлен», «Попробуй так», «Почки вылечены, ты с ними поосторожнее». Одновременно он умудрялся брать какие-то замеры и двигался как человек, которого Нона никогда не встречала. Она почти висела

на Пирре, которая чувствовала себя неуютно, не хуже Ноны.

— Сколько стоит покататься на карусели? — спросил знакомый голос.

Это была Ангел. Ангел и Страсти появились перед Ноной и перед грузовиком, а вместе с ними каким-то чудом оказалась и Лапша. Лапша сидела на земле, открывала пасть, тяжело дышала, закрывала пасть и закатывала глаза от неудовольствия. Кажется, ей этот день тоже не понравился.

Пирра сказала с проблеском прежнего юмора:

— А сколько стоит с нее слезть?

— Думаю, у нас столько нет, — ответила Ангел. Она выглядела очень хладнокровной — в длинном пиджаке, вроде того, который сняла с себя Ценой страданий, с сумкой на плече. У Страсти висело по сумке на каждом плече и еще одну она держала в руках.

— Иногда мне кажется, что я родилась на карусели, и мне кажется, что я не пойму, что делать, если она остановится. Если она вообще остановится.

Нона, увидев сумки, и Лапшу, и ее поводок, нашла в себе силы спросить:

— Вы с нами?

— Вряд ли, детка, — ответила Пирра, но Страсти неожиданно влезла:

— Это самая тупая идея в мире, но да. Я вынуждена таскаться за этой, — она мотнула головой в сторону Ангела, — а она намерена сесть в этот поезд.

— В Девять домов, — медленно произнесла Пирра.

— Да, — согласилась Ангел.

— В самый центр силы Божественного Императора, — сказала Пирра.

— Ой, даже не начинай. Я снова взбешусь. Мы идем туда, куда нас посылают. А этот город — смертельная ловушка. Не знаю, я бы попыталась выбраться через туннели, но…

— Но я существую, — сказала Ангел, — прости, мы существуем. И пока мы существуем, мы — ужасная ответственность. Командир получит маленькую передышку, если ей не придется думать о нас каждую секунду.

— Командир наверняка помрет, когда мы отсюда уйдем, — грубо сказала Страсти.

— Мы оставили умирать многих командиров крыльев, — сказала Ангел спокойно, — но этот командир особенно хитра, смела и решительна. Привыкай к этому, Страсти… Нас взвесили! —

крикнула она и помахала рукой Паламеду-и-Камилле и Ценой страданий, и те помахали в ответ.

— Кто ты? — спросила Нона. — Все всё время задают мне этот вопрос, и мне кажется, что теперь моя очередь.

— А ты не спрашивай, — грубо сказала Страсти. Нона подумала, что это очень крутой ответ, который она не отказалась бы придумать сама.

А вот Ангел наклонилась и посмотрела на Нону. В ее лице что-то изменилось. Нона видела спокойствие, которого в ней раньше не было, и железобетонную решимость. Она никогда не видела Ангела такой. Все живое, мимолетное, стремительное ушло, оставив что-то твердое и старое, что-то, что задевало какие-то струнки внутри Ноны. Она вдруг потянулась вперед и схватила руку Ангела, и Ангел сжала ее руку в ответ.

— Я Посланник, — просто сказал Ангел. — Мы — Послание. От него осталось две части, и ты видишь перед собой одну из них. Когда моя предшественница Эмма Сен передавала мне послание, она сказала мне просто: «Эйм». Послание слишком простое, чтобы его поняли люди. Как ты думаешь, что это значит?

Нона не смогла догадаться.

— Надеюсь, однажды ты это услышишь, — сказала Эйм.

Она протянула руку, взлохматила волосы Ноны и улыбнулась.

— Пошли, Лапша. — С этим словами она решительно шагнула в грузовик.

Страсти немного задержалась.

— Мне придется тебя убить теперь, — сказала она и вдруг выпалила: — Шутка! Это просто шутка, за это даже платить не нужно.

И она побежала за Ангелом. Пирра наклонилась и вынула Нону из кресла. Нона в ужасе обнаружила, что руки ее тоже больше не слушаются. Когда она попыталась обнять Пирру, они повели себя как каменные или ледяные. Пирра положила их себе на плечи и заметила:

— Ты очень спокойно себя ведешь.

— Осталось немного, да? Мы скоро найдем меня?

— Да. Думаю, пришло время тебя разбудить.

Внутри мегагрузовика обнаружился длинный коридор с маленькими кабинками. Пирра прошла мимо и поднялась по короткой металлической лестнице в другой отсек. Открыла дверь и усадила Нону в огромную кабину с панорамными

окнами. Нона никогда не видела такой сложной машины. Пирра села на сиденье из блестящей мягкой материи, слегка потертое чьими-то задницами. Лобовое стекло казалось огромным черным провалом, усеянным редкими огнями. Наверное, такая чернота возможна только на дне мира.

Принцесса-труп уже сидела в кабине. Она, по-видимому, добралась своим ходом — если кто-нибудь из Крови Эдема это и заметил, то оставил при себе. И теперь сидела на боковом сиденье, застегнув ремень, кинув свой клинок под ноги, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Она не заговорила, даже когда Пирра с ней поздоровалась. Она вообще ничего не сказала с тех пор, как Камилла и Паламед стали Камиллой-и-Паламедом, ушла в себя и ни на кого не смотрела.

В дверном проеме появилось тело Камиллы. Командир была рядом, а Корона вела, обнимая за плечи, капитана. Капитан, кажется, могла стоять сама, но смотрела вокруг тупо, словно не понимая, что происходит. Обнимать ее, наверное, было неловко, но Корона этого не замечала. Корона улыбнулась Ноне и даже улыбнулась Кирионе, а потом села на одно из передних сидений. Камилла-и-Паламед выбрал самое большое сиденье, впереди, перед огромным штурвалом.

— Покажи, как это заводить, — попросил он командира.

— Господи. Я войду в историю как величайшее чудовище.

Но тем не менее она наклонилась и пояснила:

— Вот зажигание. Вот три тормоза. Когда огни загорятся зеленым, можно включать зажигание. Это запустит автоматические проверки. Нажми эту кнопку, чтобы указать, что они прочитаны. Если щелкнуть этим переключателем — и не надо этого делать, пока все остальное не загорится зеленым, это освободит рычаг, который можно сдвинуть вперед… Штурвал поворачивается… при обнаружении стены — автоматически. Ясно?

— Можно я поведу? — сказала Пирра.

— Не-а, — спокойно ответил Камилла-и-Паламед, — спасибо, командир. Остальное предоставьте мне.

— Мне придется, — ответила Ценой страданий, — все надежды Крови Эдема теперь сосредоточены в этом драндулете.

— Как и надежды Девяти домов, — заметил Паламед-и-Камилла.

— Ты знаешь, чего я хочу, — сказала Ценой страданий и обратилась к остальным: — Завершить

то, что она начала. Троя, слушай меня. Время от времени мы можем ссылаться на протокол Крови Эдема, который называется Первым. Его используют во время невероятной радости или возможности наступления худшего. Первый протокол означает, что официальные приказы больше не отдаются. На поле боя он часто трактуется как приказ к отступлению, но это не совсем так. В этом случае используется другой протокол, который просто называется «Спасайтесь». В молодости я получила приказ спасаться… и я спаслась, поэтому вы слышите меня сейчас. Я завожу этот жуткий грузовик и отдаю дело всей своей жизни в руки своих врагов и непонятных чужаков. И теперь я даю вам приказ Первого протокола. Живите.

Корона отдала честь. Пирра посмотрела на командира и отдала честь немного по-другому — приложив руку к сердцу. Паламед-и-Камилла обернулся и спросил:

— А какой приказ ты отдашь Крови Эдема?

Ценой страданий пренебрежительно взмахнула рукой:

— Да самый простой. Сражайтесь как в последний раз и не стреляйте в мирных жителей. Это каждую неделю бывает. Еще бы гражданские

не были такими тупыми. Лейтенант Увенчайте Его многими коронами, удачи. Пирра Две… я не ожидала, что скажу это, но желаю тебе удачи. Нона… Желаю тебе удачи. Ты…

Ценой страданий замолчала. Камилла-и-Паламед наклонил обгоревшую голову набок.

— Ну, допустим, Пол.

— Удачи, Пол, — сказала Ценой страданий, — пиджак оставь себе, но там, в нагрудном кармане, бумажник, его, пожалуйста, верни.

Паламед-и-Камилла — Пол — послушно отдал бумажник. Ценой страданий продолжила:

— Теперь я отдам последний приказ Эйм и лейтенанту Богоматери Страстей. А также попрощаюсь с Юноной Зета, которая, как я понимаю, приходится тебе матерью и показалась мне экстраординарной дамой, способной запомнить имена членов моей семьи.

Ценой страданий вышла не прощаясь, лишь на мгновение задержалась, чтобы посмотреть на труп принцессы. Нона заметила, что Корона очень долго не опускала поднятую в салюте руку даже после ухода Ценой страданий.

— Пристегнитесь, — сказал Пол.

Пирра проверила и затянула ремень безопасности прямо через руки Ноны. Спросила:

— И долго вы это планировали?

— У них было очень много резервных планов на случай плохой погоды.

— Да, но… Пол?

— Просто Пол.

— Пол… Гект? — предложила Корона.

— Просто Пол.

— Лоп, — сказал труп принцессы сзади.

— Спасибо за предложение.

— Авел, — сказал труп.

— Нет, — ответил Пол.

На панели управления замигали лампочки. Пол наклонился и нажал кнопку. Прозвучал голос Ценой страданий:

— Ячейка Трои, вы слышите? Путь свободен. До свидания и удачной охоты.

— Ячейка Трои приняла. Удачи. До скорой встречи, — добавил Пол несколько поспешно.

— А ты много о себе воображаешь, — сказала она. — Мне это нравится. Это хороший знак и ужасный одновременно. Ктесифон-один, отбой.

Пол откинулся на спинку сиденья и пристегнулся. Нона смотрела, как Пол нажимал кнопки, пока лампы не замигали зеленым. Раздался приятный звон, на лобовом стекле развернулся экран, огни в их маленькой кабине погасли, и

строчки стремительно заполнили почти треть стекла. Пол ударил по кнопке, строчки плавно сместились в сторону, он щелкнул выключателем и сдвинул рычаг.

Раздался громкий плавный щелчок. Нона, сидевшая на коленях у Пирры, ощутила его всем странно онемевшим телом. Впереди вспыхнул яркий свет — фары включились автоматически. Впереди были тьма, дорога и свет.

Грузовик двинулся вперед. Пирра устроилась поудобнее и спросила:

— И что дальше?

— А вот, — сказал Пол.

Он отпустил рычаг, и грузовик рванул вперед, в темноту. Пол взялся за штурвал. Лицо его выражало исключительно уверенность — ни единого следа боли, страха или беспокойства. Все остальные чувствовали хотя бы немного боли, страха или тревоги, но только не этот новый человек по имени Пол. Нона почувствовала, что грузовик ускорился, что свет впереди пожирает тьму, — и кабину вдруг накрыл тяжелый ледяной холод.

Дыхание Ноны повисало перед лицом мутными облачками. Впереди послышалось настойчивое жужжание, белый густой туман конденсата начал собираться в нижней части стекла, вклю-

чился обогреватель, и туман сгустился в ручейки воды, которая скопилась внизу, а потом вдруг резко потекла наверх по лобовому стеклу.

Пол наклонился вперед и нажал на педаль газа, а потом…

Иоанн 5:4

Во сне они снова сидели на пляже, спиной к морю. Мягкий влажный серый песок был таким мелким, что мгновенно высыхал в руках и сыпался сквозь пальцы пеплом. На длинном гладком пляже кое-где виднелись травяные кочки да серебристые, выброшенные морем коряги торчали из дюн, как обнаженные кости. Он кончиком пальца чертил в песке большие печатные буквы. Она смотрела, как он нарисовал угловатое Д, а потом ребристое Е. Е он стер и заменил его на А. Потом стер и А, перечеркнул песок крестиком Х. Обвел Д и Х кривоватым сердечком.

— Учитель, можно задать вопрос?

— Конечно, — удивился он и отряхнул пальцы от песка, — валяй.

— Что такое любить Бога?

— Приличный ужин и бутылка терпимого розе. Может быть, фильм. Я не привередливый.

Она сказала уже не так терпеливо:

— Учитель, что такое любить Бога для потомка Девятого дома?

Трава, острая как бритва, прижалась к песку испуганным зверьком, когда налетел порыв вет-

ра. К ее губам прилипла соль. Наконец он сказал:

— Ты живешь в темном доме, и в этом темном доме бесконечное количество комнат. При свете догорающей свечи ты идешь по комнате, зная, что умрешь, когда дойдешь до порога. Ты отдаешь свечу кому-то, чье лицо не можешь разглядеть.

— Бог — это пламя? Свет? Свеча? — поторопила она.

— Любовь Божия — это уверенность в том, что тебе не придется разгонять тьму в одиночку.

— После этого ты воскресишь их, — сказала она.

— Да, — ответил он, словно бы в полусне. Проковырял в песке такую глубокую ямку, что на дне выступила вода. Загипнотизированный блеском воды, он сделал еще одну ямку.

— Да. Мы упокоились… это было до того, как упокоилась ты. Ты отдохнешь потом. Воскресение не похоже на пробуждение. Мы вернем их всех… или хотя бы некоторых… тех, кого я хочу вернуть. Тех, кто не делал этого. Тех, кто не принимал в этом никакого участия. Тех, кого я смогу простить, посмотрев им в лицо. И моих близких. Тех, кого я оставил, я верну. Я знаю, что смогу. Даже Г. На самом деле с Г будет проще всего. Он не запомнит. Никому из них не придется ничего

вспоминать. Я знаю, где именно в мозгу живет память, и у него ее не будет. Ты же тоже знаешь, да? Это проще всего на свете… забывать.

— Забыть… все?

— Да! — сказал он и добавил еще резче: — Да. Это единственный путь.

— Учитель, почему?

— Они себе этого не простят, — пояснил он. — Они проведут остаток дней спрашивая себя, что было бы, если. Что нам следовало сделать? Как можно было бы сделать это по-другому? Должен ли я был это сделать? А я должен был это сделать, Харроу. Другого пути не было. Когда бомбы полетели, у Мельбурна все равно не осталось надежды. Г превратился в мертвый кусок мяса.

— Но ты сказал, что бомба Г взорвалась первой.

— Да, это так, — ответил он нетерпеливо, — конечно, так оно и было. Вот только какое это имеет значение? Какая на хрен разница, в конце концов? Важно только одно.

Он загладил ямки одним тяжелым движением руки, мокрый песок лег стеночками с двух сторон.

— Я все еще могу дышать, — сказал он, — они все еще там. Прощения нет.

— Для кого? — спросила она.

Он долго не отвечал. Затем сказал:

— Ты помнишь, что сейчас происходит?

Харрохак Нонагесимус встала. Смахнула со штанов песок, вытерла глаза, к которым тоже пристали песчинки. Она услышала позади себя море, которое беззвучно стонало, вгрызаясь в сушу. Она подняла взгляд, пытаясь увидеть ядовитый желтый туман, искалеченную землю, разорванные здания, затопленные остовы городов, но ничего этого не было — только пляж и холмы вдалеке.

— Да, — сказала она, — я вижу это ее глазами. Ты воскрешаешь их. Ты будишь немногих. Ты начинаешь с нескольких тысяч, продолжаешь сотнями тысяч, миллионами, но никогда не больше. Ты учишь их жить заново. Ты учишься сам. Ты выясняешь, как заново заселить каждую планету, завершить работу, начатую до бомбежек, или улучшить ее. Это легко. Ты Бог. Твои силы безграничны, ты можешь поддерживать свои теоремы без всяких усилий и даже забыть о них, потому что она огромна, а ты и она — одно. Сейчас она понимает, что ей не обязательно умирать, что она никогда не умрет, пока ты жив. А ей страшно умирать. Ты боишься многого, а

она — только смерти. А потом, когда ученики приходят к тебе и говорят слово «ликтор», она не понимает, что им нужно то, что ты с ней сделал… Она смотрит, как ты смотришь. Видит, что они делают все неправильно.

Он смотрел на нее, щурясь от белого беспощадного солнца.

— Бог должен иметь возможность коснуться всего своего творения.

— Я не…

— Ты сама это сказала. Я не могу умереть, пока она жива, она не может умереть, пока я жив. Как можно отпустить подобное на свободу, Харроу? Как можно позволить кому-то уйти… от тебя… двоим неуязвимым? Я не смог. Я любил их слишком сильно. Я увидел лицо Земли, выдавил из нее жизнь и поглотил ее. Я знал, что веду себя как Зверь Воскрешения. Я делал вид, что она единственная, но знал, что будут и другие. Я хотел, чтобы я мог прикоснуться к своим любимым. Хотел, чтобы они стали моими руками… моими пальцами.

— Но…

— Тем, кто ушел, не может быть прощения, — сказал он, — так же, как и мне не может быть прощения, хотя я вырываю собственные пальцы

и бросаю их в пасть чудовищ, которые охотятся на меня… бегаю от них через всю Вселенную. Рано или поздно они удовлетворятся чем-то. А я — нет. Никогда.

Он отвел от нее взгляд — черно-белый хтонический взгляд — и посмотрел на дюны.

— Но в этом есть и своя благодать, Харроу. Если я Бог, я могу начать все сначала. Слышала о потопе? Все можно отмыть начисто. Таков конец Земли — уборка. Она снова становится грязной, и ее снова можно отмыть. Как в старой рекламе средств для уборки. Только распыли их, и делать ничего не надо. Иногда я думаю, что единственная причина, по которой я еще этого не сделал, заключается в том, что я не вынесу невозможности к ним прикоснуться. Что их все равно не будет там. Может быть, именно поэтому я создал Гробницу, Харроу. Это смерть Бога… это апокалипсис… Это мое средство самосохранения.

— Учитель, я не понимаю одного.

— Я не понимаю очень много чего, — заметил он.

— Я хочу понять, почему она разозлилась. Я хочу понять расчеты, которые я видела. Сколько Зверей Воскрешения осталось, и сколько их было сначала, и что с ними случилось. Я хочу знать,

где ты их держишь. Они не попадают в Реку. Я хочу знать, почему она разозлилась, а ты испугался. — Она отвела от него взгляд и добавила: — Я отправляюсь на поиски Бога. Может быть, в конце пути я найду Бога в тебе, учитель. Бога, ставшего человеком, и человека, ставшего Богом. Или дитя Девяти домов найдет другое божество. Но я — Преподобная дочь, я Преподобная мать, я Преподобный отец, и я должна найти Бога или хотя бы божественное и познать его… даже если она лежит в Гробнице прямо сейчас.

Он встал. Он был выше нее. Она не испугалась. Он положил руку ей на плечо и удивленно посмотрел на нее. Лицо у него было самое обычное. Даже если бы она подозревала, что и на этот раз его страх мог найти выход в убийстве, она бы не разглядела этого сейчас.

— Бог — это сон, Харроу, — сказал он очень мягко. — Вы все видите меня во сне, и она тоже видит. В некотором смысле ее мертвые сны о Боге весят больше, чем все ваши сны, вместе взятые. Где в своем сне ты будешь искать Бога? Куда ты пойдешь?

Харроу вывернулась из-под его руки и, босая, зашлепала по мокрому песку. Вошла в Реку по щиколотку, не веря самой себе.

Воды расступились перед ней и замолкли, открывая путь к огромной, копьем вздымающейся башне, башне, которой прежде не было, невероятной и смертельно-серой, растущей из воды, башне из серого кирпича, рвущейся из Реки словно бы в поисках воздуха. Невозможная башня с острым шпилем, колокольня — шпиль она различала ясно, но колокол на таком расстоянии виден не был.

— Начну отсюда, — сказала она.

И сделала шаг в Реку. И еще один, и еще.

30

Когда Нона открыла глаза, было еще темно, но затем темнота изменилась. Она стала плотнее, потом посветлела, сделалась серой, а потом и абсолютно прозрачной. Прозвучал громкий отрывистый хлопок, и они оказались не в туннеле. Они были нигде. Пространство между лобовым стеклом и тем, что снаружи, не существовало, как будто кто-то залил кабину серой краской. Нона ничего не видела. Она встала — или, по крайней мере, встало ее тело. Ее тошнило. Ей подумалось, что она-то встанет, но на сиденье или в руках Пирры что-то останется. Вставая, она порвала ремень. Пирра потянулась к ней, она сбросила руку Пирры. Ног она все еще не чувствовала, как и рук, и туловища, и шеи, но глаза ее все еще видели, уши слышали, а язык чувствовал вкус. Когда она открыла рот, чтобы почувствовать вкус, это помогло видеть немного лучше. Все говорили, говорили, говорили. Пирра что-то говорила — Пол спокойно отвечал ей:

— Нет. Мы в пузыре.

Из ответа Пирры Нона уловила только:

— …недостаточно, я не стану утверждать, что

здесь существует скорость, но…

— …безгранично, но…

— …если хочешь попасть в поток, ты…

Корона шептала самым мягким и нежным тоном:

— Юдифь? Ты вернешься ко мне? Юдифь?

Конечно, капитан ничего не отвечала. Пирра обернулась к принцессе-трупу и спросила:

— Малышка, ты еще тут?

— Меня так просто не взять, — презрительно сказала Кириона.

Никто не заговаривал с Ноной и не замечал ее.

Пока Нона не тронула Пола за плечо. Пол посмотрел на нее, и понимание отразилось на когда-то знакомом лице Камиллы и в незнакомых глазах с глубокой черной точкой посередине. Нона долго рассматривала эти новые глаза и решала, что́ думает о них, нравятся ли ей холодные серо-коричневые зрачки и прозрачная серая радужка. Ее губы произнесли:

— Теперь я.

Пол взглянул на нее в последний раз, затем расстегнул пряжку и отошел в сторону. Взялся за что-то, пока Нона устраивалась на водительском месте. Оно было рассчитано на кого-то повыше, и Нона не дотягивалась до педали газа, поэтому

Пол вытянул ногу к педали и расперся между сиденьем и панелью управления.

— Это, — сказала Нона, — контур. Не сработает. Не задавай вопросов.

— Это все, что стоит между нами и неминуемой смертью, — ответил Пол.

Глаза Ноны заблестели. Тело дрожало. Она снова чувствовала тело как нечто находящееся рядом, над ней, но не являющееся ею. Она ощущала, что существует вне его. Это тело охватил мягкий экстаз. Оно напоминало мягкую голубую медузу в гавани, со всеми ее укусами и угрозами, а Нона, мысли Ноны стали рукой, сомкнувшейся вокруг медузы, которая слепо подрагивала между пальцами. И чем больше она ощущала себя пальцами, тем сильнее они смыкались.

Где-то в этом мерцающем пространстве, между пальцами и ладонью, она услышала голос Пирры:

— Детка, останься с нами.

И Нона осталась.

— Не говори того, что является вопросом, но не звучит как вопрос, — сказала она в конце концов, не думая, а просто отпуская свой голос на свободу, — убери это. Нам это не нужно. Если ты задашь вопросы, я захочу ответить на них.

Убери, говорю.

— Ладно, — согласился Пол.

— Погоди-погоди, — сказала Пирра, но Пол уже повиновался.

Нона ощутила хлопок. Серое лопнуло и отлепилось от лобового стекла, вспыхнул бледный свет, и все стало видно.

Перед ними была вода, мегагрузовик ехал по ее поверхности. Над водой царило бесконечное ничто — нечто, что пыталось быть похожим на ночное небо или пурпурную грозу с мерцающими огнями звезд и молний, и оно тянулось над водой бесконечно. Мегагрузовик взбивал колесами грязные клочья пены, и они закрывали воду, пустоту и все остальное, пока Нона не схватилась за штурвал и не закрутила его. Приятно было позволить рукам действовать: они знали, как делать то, что не умела делать она сама. Поднялось огромное облако пены, мегагрузовик накренился, все похватались за что попало, незакрепленные вещи полетели во все стороны.

Из-за двери доносились приглушенные крики. Пол, легко двигающийся в теле Кэм, наклонился через плечо Ноны, и дворники оглушительно заскрипели, вытирая стекло.

— Это невозможно, — сказала Пирра, — нас

освежуют заживо.

— Да, — согласился Пол.

Нона попыталась объяснить:

— Вода не хочет к нам прикасаться, вот и все.

Корона настойчиво говорила:

— Юдифь, вернись, останься.

Нона смутно услышала щелчок пряжки, а потом на нее упали тени. Люди встали у нее за спиной. Много людей. Нона не была уверена, что ей это нравится. Пирра втянула воздух сквозь зубы и сказала:

— Что это за херня?

— А я говорила, — сказала Кириона Гайя.

Когда мегагрузовик развернулся, серые волны обернулись чем-то совершенно иным. Из Реки вырывалась нечто — вся эта вода была Рекой, — из Реки рос высокий холодный цилиндр, несомненно каменный. Воды расступились вокруг него, волны бились в него, будто пытаясь уничтожить, но он был плотным, неумолимым и реальным, а вода и небеса стали тусклыми и ненастоящими. Нона подумала, что это похоже на картинку из книжки, и зацепилась за эту мысль, эту мысль из середины мозга. Были другие мысли, выше и ниже, но она знала, что, посмотрев на любую из них, она проиграет.

Голос капитана скрипел, как старые зубы.

— Он оставил их слишком надолго — ты оставил их слишком надолго.

— Ты тут, — сказала Нона, обнаружив, что говорить ей трудно, что ее голос тягуче звучит в ее собственных ушах, — вода и правда нас не тронет. Я боялась за корму.

Пол и Пирра отшатнулись при звуках этого голоса, отлетели по разным стенкам кабины, как будто их ударили, на педали не осталось ничьей ноги, и Ноне пришлось съехать вниз, так что она еле-еле видела сквозь лобовое стекло, что мегагрузовик еще движется.

— Автоускорение включено, — сказал механический голос, раздался приятный звон, и Нона уселась обратно.

Башня была невероятно велика. Когда мегагрузовик приблизился, она начала осознавать, насколько велика башня, такая же высокая и широкая, как любой кран или здание в городе, даже выше их родного Здания.

Нижняя часть башни была мокрой и черной от воды, а выше виднелся сухой серый камень. Из кабины она очень четко видела, докуда доставала вода. Почему-то эта башня так перепугала верхние и нижние мысли Ноны, что у нее в груди

заколотилось сердце и ужасная боль отдалась в руку. Боль была кстати, потому что Нона не могла думать ни о чем, кроме боли, а чем меньше она думала, тем меньше у нее было проблем.

— Дыра, — сказала капитан, — яма в дороге, яма, яма, яма.

Корона что-то говорила и скреблась в спинку сиденья Ноны. Пирра и Пол лежали на полу. Нона знала, что скользить по поверхности воды не очень хорошо, поэтому она нашла огромную волну и направила мегагрузовик прямо в нее.

Река поглотила их. Она казалась ужасно тяжелой. Колеса вращались впустую, корпус стонал от давления, скрипел, как разбитое сердце Ноны, — и они камнем пошли на дно. В кабине потемнело, дворники согнулись и отстали от стекла, а потом течение сорвало их и унесло, а на краю лобового стекла появилась белая трещина звездочкой.

Нона снова соскользнула вниз, нащупывая ногой педаль газа, но она не могла оторвать руки от штурвала. Она устала. Ей больше не хотелось вести машину. При виде башни у нее кончились все мысли снизу и сверху, а теперь и в середине.

Она посмотрела в сторону и увидела Пола, который корчился на полу и вытряхивал кровь из правого уха Камиллы. Лицо у него было спокой-

ное и ровное, только глаза немного косили. Пол взялся рукой за грязную педаль газа и посмотрел на нее. Спросил не умоляюще, но выжидательно:

— Ты можешь доставить нас в Девятый дом?

Где-то сзади послышался ужасный визг металла. Лобовое стекло все время темнело — вода казалась мутной и грязной, воздух сделался странно холодным, люди орали. Она слышала на заднем плане Пирру, а Корона возилась с капитаном.

— Да, — сказала Нона, — но…

— Но?

Как она могла сказать, что так устала, что в ее груди происходило что-то настолько ужасное, что если бы она закрыла глаза и расслабилась, то умерла бы прямо сейчас, наверное? Как она могла объяснить, что хочет остаться Ноной, с чувствами и мыслями Ноны, которым, может быть, сравнялось всего около шести месяцев и не так уж они были хороши, но зато принадлежали ей? Что она могла поделать с тем эгоистичным соображением, что теперь, когда Камилла и Паламед ушли — пусть даже оставив Пола, что, вероятно, было очень мило с их стороны… теперь, когда Пирра сломалась, тяжело было хотеть жить и желать жизни всем остальным, даже милой Короне?

Капитан ушла, возможно, навсегда, а принцесса-труп давно умерла и привыкла к этому, так что ее вообще не стоило принимать во внимание.

Нона сглотнула. Она почти позволила своим векам сомкнуться, что означало бы конец.

— Но, возможно, нам не стоит этого делать, — ответила она, почти закрыв глаза и глядя сквозь крохотную щель между веками, как по экрану мелькают торопливые закорючки, как расширяется белая трещина, как речная вода льется туда, куда хочет, пусть даже этого не хочет сама Река.

— Если мы останемся здесь, это будет что-то вроде… плохого сна, да ведь? И, возможно, мы проснемся где-нибудь еще. Я знаю, что этого не будет, — пояснила она, — но мы не обязаны этого знать. Может быть, здесь это будет хотя бы быстро.

Пол посмотрел на нее, и его темные зрачки немного расширились.

— Нона, — сказал он, — там сзади Лапша.

Средние мысли вернулись. Нона раскрыла глаза.

— Господи, — запаниковала она, — я совсем забыла про Лапшу.

Лобовое стекло треснуло до середины. Пол налег на педаль всем весом. Нона направила

грузовик домой.

31

Вода исчезла. Громко завизжали шины — Пол еле успел отпустить педаль газа, — зашуршал гравий. Колеса, которые выехали из ничего на каменистое поле, разбрасывали камень во все стороны. Лобовое стекло треснуло насквозь, грузовик подпрыгнул — один раз, — и на экран потоком хлынул красный текст. Но свет, проникавший в окна, больше не был серым и казался довольно тусклым. Неяркий желтоватый электрический свет, совсем не разгонявший тьму. Мегагрузовик загудел сам собой, и Нона услышала только этот звук, его эхо, и пронзительный вопль. Затем она осознала кое-что еще; что-то дергало ее верхние, средние и нижние мысли разом. Она чего-то хотела. Она не понимала толком чего, но по настойчивости это желание сравнимо было с желанием посетить туалет.

— Фары, — сказал кто-то, — включите.

Пол, шатаясь, поднялся и направился к задней части кабины, открыл дверь.

— Мы выровнялись, — сказала Пирра, — мы на ровном месте.

Труп принцессы тоже поднялся.

Она наклонилась над водительским сиденьем и всмотрелась вперед сквозь электрический свет. Потом вдруг поймала себя на том, что пытается что-то сказать. Пошла за Полом.

— Где мы? — спросила Пирра. — Опять в тунеле?

Нона почувствовала, как сильные, гибкие руки Пирры обвиваются вокруг нее, поднимают с водительского места, почувствовала, что вся мокрая от пота и что это ее смущает, что тепло рук Пирры кажется очень далеким. Руки Пирры были далеки. Она едва могла вспомнить, как шла, сдвигалась на сиденье, вела машину. Она была благодарна за то, что ее несут. Она почувствовала, что ее подняли, услышала многочисленные голоса:

— …забыли проверить двигатель. Столкновение, топливные элементы…

— Правильно? Вывих, а не перелом.

— Танергия, — сказал кто-то еще, — я сразу ее почувствовала. Как теплый душ.

— И давно ты была в теплом…

Раздался пронзительный лай. Лапша. Нона чувствовала себя очень слабой и была рада услышать Лапшу. С громким скрежетом отворилась раздвижная дверь.

— Раз, два — подъем!

Загрохотал металл. Нона изо всех сил попыталась выпрямиться и открыть глаза, и она увидела черноту за дверью, и услышала шипение, когда вода начала закипать на бортах, и ощутила порыв ледяного воздуха — черного, холодного, пахнущего пылью, самого черного и холодного на ее памяти.

Принцесса спустилась на платформу. Встала на гравии, подсвеченная фарами, и сказала:

— Милый дом.

Пирра с грохотом протопала на платформу. Нона подняла глаза: они стояли на дне огромной скальной шахты, где-то наверху виднелся крошечный квадратик света. Пар рвался из грузовика наверх. За мутной белой субстанцией открывался темно-синий ночной простор — это был космос. Она знала, что ей должно быть холодно, ее тело ощущало холод, но это было скорее воспоминание об ощущении, чем само ощущение.

Пол, который шел рядом с Пиррой, уставился на узкую спину стоящей принцессы и спросил:

— Гидеон, где мы?

— Верхний уровень, площадка для шаттлов. Ровно посерединке.

— Молодец, Нона, — сказал Пол.

Нона не чувствовала, что сделала что-то заслуживающее похвалы. Она просто сидела за рулем и почти сдалась.

— Я не специально, — мрачно сказала она.

Пирра сказала:

— Ни один ликтор не добился бы такой точности. Я не уверена, что Джон… не уверена, что Джон, точка. Мы с Гидеоном не смогли бы этого сделать. Правда, в мое время этой площадки не было, ты приземлялся на станции, из которой они сделали тюрьму, и спускался оттуда на лифте. Но что такое мы видели в Реке? Это не номер Седьмой.

Принцесса Кириона Гайя отошла от них на несколько шагов и словно бы плыла во мраке, похожая на призрака в белых одеждах. Не оборачиваясь, она обнажила клинок.

— Тихо, — велела она.

Лапша ее проигнорировала — она лаяла в грузовике, как всегда делают собаки, чувствующие угрозу. Остальные послушно помолчали несколько секунд.

— Я ничего не слышу, — ровно сказала Пирра.

— Я тоже, — сказал Пол.

Кириона издала звук, который прозвучал по-

чти весело, и сказала:

— Хорошо. Я пошла. Идите за мной, или, вероятно, умрете. — Прохрустела по гравию и исчезла из поля зрения.

Пирра и Пол переглянулись. Пол снова вскарабкался наверх и что-то сказал людям. Произошел короткий разговор — слух Ноны стал очень нечетким, и она не смогла разобрать ни слова, но никто не кричал, — а потом Пол спрыгнул вниз, а пандус пополз наверх. Пирра перехватила Нону поудобнее и вместе с Полом пошла за трупом принцессы.

— Страсти не пойдет? — спросила Пирра.

— Она должна оставаться с Эйм, а Эйм контузило во время аварии. С ними все будет в порядке.

— Честно говоря, я надеялась на вторую пушку. Как дела у Шестого? Твоя… Юнона…

— Мы вне радиуса воздействия Зверя. Танергии полно. В грузовике несколько высококвалифицированных некромантов и собака. Волнуйся лучше о нас.

— А я и волнуюсь, — сказала Пирра.

Шли они долго. Ноне очень хотелось спать, но она боялась засыпать. Позвоночником она ощущала все тот же странный настойчивый позыв или боль. Она смутно отметила, что Пол и Пирра

больше с ней не говорили. Они не разговаривали и друг с другом, просто медленно шли в темноте. Раньше Пирра развлекала бы ее, отпускала дурные шутки и говорила что-то вроде: «Детка, еще минутка, а потом ты понесешь меня». Кажется, они не думали, что Нона в сознании, хотя у нее были открыты глаза.

Единственный раз, когда кто-то заговорил, это была Пирра. Она вдруг сказала:

— Темно, как в заднице.

— Да, — согласился Пол, как будто это было невероятно остроумное замечание.

— Вспоминаешь атмосферу Девятого дома?

— Не-а.

— Надо бы сказать Анастасии, что гирлянда лампочек ничего бы не испортила. Могли бы сделать их в виде черепов, в фирменном стиле. Правда, она всегда говорила, что череп — самая скучная кость.

Они шли дальше, и Нона чувствовала, что боль становится сильнее, а еще чувствовала что-то одновременно знакомое и неприятное, что извивалось где-то впереди. Она потянулась к этому мыслями. Много маленьких штук, которые она уже видела раньше, но совершенно не хотела видеть снова. Перед глазами плыли серые те-

ни, и ей показалось, что она увидела профиль Пирры, — она на самом деле увидела профиль Пирры, потому что становилось светлее. Они шли к свету: холодное белое зарево в конце туннеля становилось все ближе.

Они вошли в комнату. Это оказалась большая круглая комната со стенами из темного камня. В арочных нишах в стенах сидели скелеты в темных бесформенных одеяниях. Нона разглядела все это в свете мощного электрического фонаря, похожего на фару грузовика. Фонарь лежал на полу и отбрасывал во все стороны длинные угловатые тени. Принцесса-труп Кириона Гайя стояла посередине комнаты с обнаженным клинком, наполовину мокрым и красным от крови. Вокруг нее валялись в нелепых позах трупы. Нона разглядела шесть или семь, закутанные в черное, как и скелеты. В глубине комнаты стояла прямоугольная клетка выше человеческого роста, выкованная из железа, как решетка в парке.

У клетки лежал крупный человек в странных потертых металлических доспехах и черной мантии поверх. Кажется, это был самый старый человек, которого Нона видела в жизни, а она коллекционировала стариков примерно так же, как собак: старики в молочной лавке, в рыбном

магазине, старухи из авторемонтной мастерской. Он был старше любого из них. Его лицо выглядело так, будто пыталось убежать от собственного скелета. Вокруг него лужей растеклась темно-красная кровь.

Его древняя голова мотнулась в сторону, и он посмотрел мимо Кирионы на Пирру — на Нону — и сказал голосом, скрипучим от мучительного, благоговейного трепета:

— Моя госпожа… моя госпожа, вы наконец вернулись.

Пол подошел к старику и начал его разглядывать. Сдернул черную мантию, обнажив ряд синюшных порезов на шее и след от укола на груди. Старик поднял морщинистый кулак и, не говоря ни слова, ударил Пола в ухо.

— Пошел вон, — прохрипел он, — нарушитель. Незнакомец. Дурак. Ничего со мной не делай. Не трогай меня.

— Оставь его, — сказала принцесса.

— Нет, — возразил Пол, — его легко спасти. У него только шок и потеря крови.

Кириона вытерла рапиру о закутанный в черное труп и пнула его красивым начищенным ботинком.

— Посмотри вот на это и поверь мне.

В свете мощного фонаря лицо умершего пугало. Веки тяжело свисали на глаза, над и под ними виднелись ряды темно-фиолетовых проколов, как будто их тыкали чем-то тонким и острым. Из-под век — Нона сначала не поняла, на что смотрит, — торчало что-то сморщенное, сырое и красное, как слизняк. Как мышца. Вывалившийся изо рта язык был намного длиннее обычного, заостренный, треугольный, темно-синий. Почему-то от этого зрелища ноги Ноны задрожали, и дрожь постепенно поднялась до самой головы. Ужасная боль сдавила ей грудь и почти вытолкнула ее из тела. Затылок у нее чесался так сильно, что казалось, будто из него течет кровь. Пирра произнесла себе под нос такое ужасное слово, что Нона резко вернулась в свое тело.

— Пирра, — с упреком сказала она, — хотя нет, прости, теперь уже можно говорить что хочешь.

Пол присел на корточки, задумчиво глядя на мертвое лицо с пустыми глазами. Он выглядел не как Камилла и не как Паламед. Нона подумала, что Камилла бы сделала каменное лицо, а Паламед протянул бы руку потрогать. Пол ничего не трогал, но выглядел так, будто ему было интересно.

Принцесса-труп жестко сказала:

— Их не должно быть здесь. Нам бы сообщили, если бы они вернулись в домашнюю систему. Они ограничены Антиохией — он сказал, что они будут только в Антиохии. Мать его, он это сказал.

— Гидеон, я видел его раньше, — заметил Пол, — память подводит. Где?

— Бедный тупой рыцарь Сайласа Октакисерона, — сказала Кириона, — Колум Эшт. Я тогда не поняла… мы зовем их чертями. Я имею в виду, папа зовет их чертями. С ними мы столкнулись в Антиохии. Черт возьми, я не думала… это ментальное. Они не могут здесь находиться. Он говорил, что они не способны путешествовать. Он говорил…

— Гидеон, остынь. Почему нельзя исцелить этого человека? — спросил Пол.

— В таком виде я нежелателен, — прохрипел человек в доспехах.

— Они его укусили, — пояснила принцесса, как будто никто ничего не сказал, — ну, то есть ударили, кусаться им необязательно. Это магия призраков. Они ждут, пока он умрет, чтобы работы было не слишком много. Исцели его, и они все равно проникнут в его омерзительное старое тело через рану, и мне придется убивать его самой.

Древний старик обратил свой единственный

слезящийся, полный ненависти глаз на труп принцессы.

— Я хотел, чтобы тебя принесли сюда на носилках. Чтобы ты лежала передо мной в бессилии смерти. Твоя ниша готова, Гидеон Нав, но мне недоступна радость уложить тебя туда. — Он раздраженно кашлянул, замахнулся железным кулаком на Пола, который инстинктивно рванулся вперед, и продолжил: — Ты посмотри на себя, отброс, жалкая чушка, гроб поваленный. Кровь Девятого дома на чужом мече…

От ленивого наслаждения словом «чушка» Ному отвлекло мерцание в темной арке, той самой, из которой они только что вышли. Она снова ощутила рядом то знакомое и ужасное, как будто, вернувшись в постель, ты обнаруживаешь на ней странные пятна и слизь. Она слабо схватилась за предплечье Пирры.

— Там еще есть. Снаружи.

Мышцы Пирры напряглись. Пол и Кириона оглянулись на арку. Что-то шевельнулось глубоко в тени.

— Спасибо, малышка, — сказала Пирра. — Нав, открывай клетку — и вперед. Извини, дедуль, у нас много дел.

Пол подошел к металлической клетке и принял-

ся возиться с тяжелым металлическим засовом. Кириона замерла, держа клинок в руках и глядя на арку.

— Нав, давай, — резко сказала Пирра, — любой ребенок в Когорте знает, что дело прежде всего. Или ты форму в благотворительном магазине нашла?

Кириона повернулась к Пирре, ее золотые глаза были холодны и надменны, но, вместо того чтобы что-либо сказать, она сунула рапиру обратно в ножны и тоже подошла к клетке. Пол открыл засов и с грохотом дернул дверь. Пустая голая клетка внутри была чуть меньше ванной комнаты в их квартире.

Приоткрыв дверь, Пол и Кириона попытались перетащить в клетку умирающего старика. Процесс был грязный и непростой: за ним тянулся кровавый след, а сам старик продолжал кашлять, размахивать руками, крыть их последними словами, обещать им хорошую порку и всякое такое. Ноне стало плохо: она не только не могла помочь, но она мешала Пирре помочь. Она рискнула взглянуть обратно. В арке стояло нечто в темной мантии, с бледным лицом, оно не двигалось вперед, но слегка раскачивалось на месте. Выглядело оно так, будто наблюдало за ними.

Лицо его кривилось.

Пол усадил старика у задней стены клетки и поднял фонарь. Кириона вытащила меч из лужи крови и бесцеремонно бросила его на колени пленника. Пирра оттащила Нону в клетку, и Кириона с грохотом захлопнула дверь. Еще две фигуры появились в арке, встали по обеим сторонам от первой.

— Надеюсь, у нас пока есть электричество, — сказал Пол.

— Выключатель, — ответила Кириона, — большой выключатель вон там, на стене. Должен работать, если там снизу ничего не разбили.

Пол дернул ручку, на которую она указала. Небольшой стеклянный шар над ней загорелся тусклым болезненно-красным светом. Послышался тяжелый механический скрежет, пол вздрогнул, и каменный пол начал подниматься вокруг решетки. Кровь стекала с края и капала вниз, несколько капель упали на металлическую плитку. Пол поднимался все выше и выше, пока не закрыл пятно яркого света и они не остались во тьме, которую нарушала только краснота контрольной лампочки. Дыхание старика участилось и стало прерывистым, где-то над их головами грохотали машины.

Послышался низкий жужжащий стон, и налетел порыв ледяного воздуха. Сначала Нона думала, что больше ничего уже не увидит, потом глаза более-менее приспособились.

— Пожалуйста, сэр, — терпеливо говорил Пол. Он присел рядом со стариком прямо в кровь. — Если вы перестанете пытаться меня ударить, я, по крайней мере, избавлю вас от боли.

— Маршал Крукс любит боль, — сказала Кириона, пристально глядя на красную лампочку.

— Сенешаль, дура, — пробормотал старик.

— А, поздравляю, я забыла, что Нонагесимус оставила тебя за главного. А где Агламена?

— Мертва, — ответил сенешаль.

Кириона замерла. Сенешаль захрипел от удовольствия при виде ее лица. Даже в темноте Нона все еще различала кое-что и, к собственному удивлению, сказала Кирионе:

— Он лжет.

— Мертва — насколько мне известно, — исправился он. — Она пошла вперед. К памятнику.

— Нав, поговори со мной, — сказала Пирра. — В Антиохии вы сражались с этими тварями. Долго?

— Хрен его знает, — сказала Кириона, думая о чем-то своем, — три, четыре месяца? Мы далеко

не сразу поняли, что они вообще из себя представляют. Думали, это просто странная болезнь.

— А как долго они пробыли на Девятом? — спросила Пирра уже у сенешаля.

— Ночь. День, — прохрипел старик, — ты держишь Преподобную дочь, поэтому я должен ответить. Мы изолировали их. Заперли в кельях. Они рвутся наружу. Их прикосновение поглощает… они охотятся за юными.

— И не повезло же им, — сказала принцесса-труп вполголоса.

— Их тела искорежены, они не умеют пользоваться телами, — прохрипел Крукс, как будто Кириона ничего не сказала. — Кое-кто из них — просто ходячие мертвецы. Они послабее. Сестры Лакриморта и Айсаморта в некотором смысле владеют этим искусством. Конструкты… конструкты в безопасности. Им нужна плоть, а не кости.

— Сколько таких? — спросил Пол.

— Слишком много.

— Могу ли я узнать, что такое «слишком много» в численном выражении?

— Более двухсот. Не меньше сорока лежат мертвыми на дне, куда их столкнули в первый же час. Больше мы ничего не могли сделать для

защиты ярусов. Еще больше погибло… Маршал подсчитала, что мы потеряли уже целую сотню. И, — кисло добавил старик, — те семеро наверху полегли от моего клинка и клинка соплячки.

— Они уже были мертвы, — прервала его Кириона, — мертвые двигаются по-другому. Ты понимаешь, что скинутые вниз, наверное, тоже снова встали?

— Можно ли вылечить живых? — спросил Пол.

— Не-а, — ответила принцесса, — это одержимость духами. Если ты правда хорош, то можно защитить еще нетронутых людей, а этих остается только изрубить на куски и сжечь. Таково лекарство. Гражданские, эдемиты, граждане Домов — разницы нет.

Металлический ящик потряс еще один сильный толчок. Сенешаль хмыкнул. Нона поняла, что они больше не движутся вниз. Дверь открылась навстречу куче других клеток, это походило на самый странный зоопарк в мире. Нона никогда не видела таких странных машин, они совсем не походили на нормальные машины дома. Огромные сооружения за железными решетками, как будто кто-то боялся, что они вырвутся наружу, громко гудели. С прутьев решеток свисали длинные ленты из черной ткани, такой древней,

потертой и хрупкой, что казалось, она распадется, если на нее подышать.

— Что случилось с этим местом? — прошептала Пирра, но, к счастью, ее услышала только Нона.

Умирающий старик прохрипел:

— Мы забаррикадировались за Анастасиевым монументом. Здесь остались сестра Канаса и дьякон Давит. Почему они бросили свой пост?

— Господи, сестра Канаса еще жива? — испугалась Кириона. — Она присматривала за мной на костяном дежурстве. Если вы используете сестру Канасу в качестве последней линии защиты, насколько плохи на… ваши дела?

— У сестры Канасы, зловредная ты дурочка, окровавленная ты слизь, есть то, чего тебе всегда не хватало, — пробулькал Крукс, — вера и преданность.

— Возможно, но зато у меня есть то, чего всегда не хватало сестре Канасе. У меня колени работают.

Старик проигнорировал это.

— Здесь никого не тронули. Никого не взяли. Канаса и Давит должны быть живы. Это безопасное место, сюда еще никогда никто не прорывался, — добавил он с таким видом, как будто полагал неприятную толпу перед собой захватчиками.

— Ну, кельи по главной артерии должны выдержать, — сказала Пирра, — там длинный коридор с взрывозащитными дверями по обеим сторонам.

Это разозлило Крукса:

— Кто ты, незнакомец, кому ведомы тайны Анастасиевого монумента?

— Я бывала тут до монумента, — рассеянно пояснила Пирра, — детскую красила. В мятный цвет. Слушай, если твоих стражей тут нет, значит, они отступили за ту хрень, которую вы выстроили. Пора идти. Как мы планируем двигаться?

Пол уже подошел к окровавленному лежащему старику. Под огромным древним телом легкое маленькое тело Камиллы Гект согнулось вдвое, но, к удивлению Ноны, Пол легко нес старика, как будто он был размером с Нону или вообще с Кевина.

— Это позорит Девятый дом, — взвыл старик.

— Его уже не опозорить, — возразила принцесса.

— Двигаться мы так можем, — сказал Пол, — но вот сражаться я уже не смогу.

— Нав, давай вперед, я прикрою зад, — сказала Пирра, труп принцессы отозвался: «Хорошо» — и Нона громко рассмеялась. Она чувствовала себя как будто пьяной.

Услышав смех, старик посмотрел на нее с откровенным смятением и упреком, а потом лицо сделалось замкнутым, перестало выражать ужас и трепет и выражение его сильно изменилось. Старческие пятна на коже и глубоко запавшие мрачные глаза делали его похожим на маску скелета. Нона отвела взгляд и обнаружила, что принцесса тоже странно на нее смотрит.

— Ну раз ты смеешься над шутками про задницу, все не так плохо. — Пирра прижала ее к себе.

Нона не хотела говорить ей, что в ее теле происходит что-то ужасное с того мгновения, как у нее заболели рука и сердце. Она плотнее прижалась к Пирре, чтобы согреться, потому что совсем окоченела, и поцарапала руку об молнию куртки. Она долго тупо смотрела на красную ссадину и маленькие лоскутки ободранной кожи. Принцесса-труп держала перед собой фонарь, пока они долго шли по ледяному туннелю — яркий белый свет отблескивал на необработанном камне и на очень старых металлических украшениях. Нона боялась этих украшений до смерти, а потом поняла, что это кости, вклеенные в камень. Это было ужасно.

Крик эхом прокатился по туннелю, и все вздрогнули, но все же дошли до конца. Выход из туннеля

перекрывала белая решетка. Когда свет в конце туннеля столкнулся со светом фонаря, Нона разглядела, что то, что она приняла за крашенный в белый металл, на самом деле было свежей, слегка розоватой костью, покрасневшей с обоих концов, где она врастала в стену. Из-за костей выглядывала кучка стариков в черном. Испуганные лица были закрыты нарисованными масками: белые черепа на черном фоне.

— Стоять, — велел кто-то дрожащим голосом.

— Это я, — сказала принцесса. — А где Агламена?

За решеткой показалось самое асимметричное существо, которое Нона встречала за свою короткую жизнь. Послышалась лающая команда, и кости решетки раздвинулись, изогнувшись так, как никогда не изогнулись бы металлические прутья, обнажая внешний слой кости. Теперь Нона видела человека ясно. Ее лицо покрывали шрамы, до которых Табаско доросла бы годам к восьмидесяти-двумстам. Оно походило на свечу, которая горела несколько часов. Из этих наплывов плоти выглядывали зоркие надменные глаза.

Одна из ее ног ей не принадлежала (Нона заметила, как забавно она двигалась в бедре),

но держалась женщина так же прямо и гордо, как Корона. В руках она держала копье черного металла длиной с нее саму. Наконечник ярко блестел на свету. Нона никак не могла отвести от него взгляд, у нее почему-то вспотели ладони и снова зачесалась шея.

Женщина рявкнула:

— Сенешалю нужна помощь. Ася, брат Климент, быстрее!

— Ты дура и сука и у тебя мозги протухли, Агламена. Лично я бы перед собой дверь не открыл, вдруг со мной что-то не так.

— Верно. Поставьте кого-нибудь с копьем на расстояние вытянутой руки и добейте его, если что-то случится. — И добавила себе под нос: — А если не случится, то тем более добейте.

— Да, маршал, — сказал один из людей в мантиях.

— Так точно, капитан Агламена, — сказал другой, в ржавых доспехах поверх мантии.

Крукс набросился на них так же, как на Пола, но, по крайней мере, Пола он больше не трогал.

— Канаса и Давит, — прорычал он, — покинули свой пост. Они попали в плен или сбежали, ушли другим путем, может быть, заблокированным, или…

— Успокойся. Сестра Канаса и дьякон Давит не из тех, кто покидает пост, — возразила старая солдатка, — я пошлю людей посмотреть. Здесь мы в безопасности, так что брось свои бредни, а то молодежь подумает, что ты совсем с ума сошел. Тайны и заговоры на каждом углу мерещатся.

— Овца, ведьма, сука старая, — разорялся Крукс, пока при помощи Пола протискивался в арку. Старая солдатка, которую звали Агламеной, с грустью посмотрела ему вслед.

— Для этого он уже слишком стар, — тихо сказала она, но затем встряхнулась. Критически оглядела Пирру, скользнула взглядом по Ноне, посмотрела на принцессу и снова вернулась к Ноне.

— Никогда раньше не видела столько монашек, — заметила принцесса-труп, которая явно была не в восторге от этого.

— Сестра Берта, подержи-ка, — велела Агламена и передала пику довольно мрачной девушке, которая выглядела не старше Чести. Берта едва смогла удержать эту штуку, и кто-то подошел ей помочь. Тогда старуха сказала:

— Девятый дом приветствует свою Святую Преподобную дочь.

К полнейшему ужасу Ноны, Агламена опу-

стилась на единственное родное колено. За ней начали падать на пол старики в мантиях, люди средних лет в мантиях, молодые в мантиях — по одному, потом по двое, потом по трое, глядя на своих товарищей. Только несчастная сестра Берта так и осталась стоять с пикой, да еще тот, кто ей помогал. По темному залу пробежал шепот:

— Преподобная дочь, Преподобная дочь, Святая дочь.

Ужас Ноны только усилился, когда она поняла, что они обращаются не к Кирионе Гайе, а к ней самой. Агламена поднялась на ноги — это заняло довольно много времени, но она одним взглядом отгоняла тех, кто пытался ей помочь, а потом затопала вперед, в пятно света, которое отбрасывал фонарь принцессы. Она протянула руку и коснулась щеки принцессы — и обе отшатнулись друг от друга.

Кириона Гайя опомнилась первой.

— Ты всегда говорила, что я вернусь в гробу, Агламена, — весело сказала она.

— Они тебя убили, — сказала Агламена.

— Случайное преступление, — пояснила принцесса, — не говори Круксу, я совершенно и абсолютно не намерена доставлять ему такую радость.

Агламена толкнула ее прямо в грудь рукой в перчатке. Кириона немного пошатнулась и прохрипела:

— Не надо, там когда-то было мое сердце. — Но взгляд старого солдата уже упал на Нону.

Нона съежилась в объятиях Пирры, потому что лицо у Агламены было такое же неприятное, как у Камиллы, когда она ловила ее за выплевыванием пережеванной еды в цветочный горшок или еще куда. Она читала этого старого разъяренного воина как книгу: женщина была очень, очень сердита и винила ее. Кириона Гайя тоже могла ее прочитать, потому что она вклинилась между ними и холодно сказала:

— Это не она, капитан, это только ее тело.

Через плечо принцессы Агламена долго и подозрительно изучала Нону, потом вздохнула, развернулась и сказала:

— Все внутрь. Немедленно. Закрывайте ворота, — велела она людям в мантиях.

Все еще стоя спиной к своим людям, она добавила:

— Нав, будь уверена, я бы избила тебя до полусмерти, если бы не эта ужасная осада. Я не знаю, почему ты здесь, я не знаю, зачем ты вернулась, но если у нас еще будет время и Девятый дом бу-

дет существовать, я задам очень много вопросов. А пока только дай мне информацию, которая может мне пригодиться.

— Нам нужно пройти к камню, — сказала Пирра.

Агламена посмотрела на нее, но Пирра, как обычно, осталась совершенно равнодушной к враждебному взгляду глаз-буравчиков.

— Итак, в разгар самой страшной чрезвычайной ситуации, с которой когда-либо сталкивался мой Дом, — медленно произнесла Агламена, — вы требуете, чтобы я пропустила незнакомцев к главной нашей святыне.

— Да. По праву ликтора, — ответила Пирра.

Лицо Агламены осветилось тем, что точно не было надеждой, но явно обитало в одной комнате с ней — ну или, по крайней мере, в одном здании. Она снова взглянула на Пирру, Пирру в обычной куртке, обычной одежде, с обычным оружием и необычной щетиной на подбородке.

— Ваша светлость… — сказала она с сомнением.

— Право ликтора, сказала я. Не искусство ликтора, капитан…

— Маршал, — поправила Агламена, — но до отставки я была капитаном.

— Территориальные формирования?

— Ударная группа, за грехи мои.

— Для щегла ты выглядишь слишком разумной, — сказала Пирра как можно обаятельнее, и старая солдатка издала звук, бывший в близком родстве со смехом.

— С детства этого слова не слышала. — А потом Агламена ощетинилась, как будто расслабилась слишком сильно: — Ты можешь нас спасти или нет?

— Возможно, если ты пропустишь нас к камню.

— Но где Преподобная дочь, которую мы считаем святой и ликтором? Зачем вам Гробница?

В голосе Пирры уже не было улыбки, она говорила примерно как Ценой страданий по рации.

— Капитан, возможно, ты меня поймешь, если я скажу, что это дело императорской разведки.

Но это лишь снова рассмешило Агламену — на этот раз смех был горький.

— Ну уж нет, не надо мне тут про разведку, юная ты дура. В Девятом доме бюро не любят. Когда они приходили к нам последний раз, тридцать лет назад, мы выкинули их в одиннадцати часах от тюрьмы с запасом воздуха на десять часов и велели поторопиться.

Агламена посмотрела на Нону. Нона снова почувствовала себя несчастной, у нее горели щеки, под рубашкой она вся сопрела. Солдатка посмотрела на нее мрачно, как на чужую, и добавила:

— Заноси ее внутрь, к обогревателю. И медленно. Она замерзает.

— Нона не мерзнет, — возразила Пирра, но потом перехватила ее и другим голосом сказала: — Нона, да ты ледяная.

Прежде чем Нона смогла возразить, что на самом деле ей сейчас совсем тепло, даже жарко, Пирра двинулась в глубь зала. Зал был длинный, вытянутый и походил на склеп, украшенный ржавыми мечами. В стенных нишах валялся древний мусор и лежали длинные жуткие камни — правда, на них восседали люди в мантиях, из-за чего все происходящее имело вид пикника. Тусклые лампы были заключены в клетки, как и машины, которые она видела раньше. Свечи не горели, хотя Нона видела связки старых потекших свечей с наростами ужасного коричневатого жира, и лампы отбрасывали странные тени. Пирра тащила ее мимо удивленных скелетов и удивленных людей. Поначалу в темноте Нона приняла ходячие скелеты за худых людей и была в ужасе, увидев танцующие красные огоньки в

провалах глазниц — но этот ужас ее зачаровал. Впрочем, времени все равно не было. Пирра нарушила тревожную тишину, позвав:

— Паламед… Пол!

И положила Нону рядом со светящимся красным обогревателем. От него пахло маслом и горящими волосами. Двое стариков еле успели убраться с дороги, потому что не могли перестать ей кланяться. Один поцеловал ей ботинок. Даже Кевин бы так не поступил.

— Это негигиенично, — сказала она с упреком, — там же микробы.

Но старики уже исчезли.

Ужасный Крукс тоже лежал там, продолжая бранить Пола и призывать на его голову всевозможные проклятия, которые Пол выслушивал невозмутимо. Человек ростом пониже держал нож и выглядел так, будто очень не хочет этого делать.

Нону положили на твердый холодный камень, и Пирра принялась согревать ее руки в своих. Руки Ноны стали очень бледными. Нона разглядела замешательство в форме бровей и губ Пирры. Потрогав предплечья Ноны, Пирра изменилась в лице.

— Откуда это? — Она указала на очень слабый

след на предплечье Ноны, немного розоватый там, где была содрана кожа.

— Об твою молнию, — ответила Нона, а потом поняла: — Моя первая рана…

— Пол, — в отчаянии сказала Пирра, но Пол уже перешел от старика к Ноне. Он потрогал шею сзади, проверил глаза, посмотрел за ушами, ненадолго сунул палец ей в рот, ощупал подмышки. Нона отвернулась и увидела, что отвратительный старик смотрит прямо на нее, с тем же выражением мутных от боли глаз — с узнаванием. Он чего-то хотел от нее лично.

— Госпожа, — проскрипел он совсем тихо, — вы снова ушли. Моя госпожа, куда вы бежите? Вспомните катехизис и свои уроки, вспомните их хорошенько: сюда вы вернетесь из своего побега. Вам станет лучше, когда вы вернетесь. Вы помните это, Харрохак.

Нона прошептала:

— Извини, но я не Харрохак.

— Да, и ты уже говорила это раньше, — сказал старик. — Но кто ты, если не моя госпожа Харрохак?

Нона закрыла глаза. Тьма сомкнулась вокруг нее. В ней не было обогревателя, ламп, расставленных повсюду, и светильников в клетках, и

толпы людей, набившейся в длинный пыльный зал. Она оказалась вне этого зала, вне огромного туннеля, она смотрела вниз на мертвенно-белую сероватую поверхность, на огромный пористый камень. Она спустилась вниз, проверила каждую пещеру и полетела по длинной центральной шахте, глубже и глубже.

Ее средние мысли заползли в ее верхние и нижние мысли. На мгновение ей показалось, что она умрет от этого.

— Там есть ящик, — сказала она, — и… в ящике есть кто-то, кто не я. Я — это я. Я не знаю, кто в этом ящике, не совсем, только — когда вы откроете его, я уйду, потому что я не смогу выжить, зная. И мне кажется, что там, в ящике, какая-то… девушка.

Лицо старика потемнело. Пол говорил:

— Механизм исцеления перестал работать. Организму не хватает… всего. Ее мозг умирает. Пара органов отказала. Множественные травмы. Очень интересно.

— Пол, — заметила Пирра, — ты как-то хреново ведешь себя с больными.

— Это интересно, но это не круто. Нона, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказала Нона, — прекрасно. —

Честность заставила ее добавить: — Мне тревожно и немного грустно, но хорошо. Я в порядке, а мое тело нет.

— Хорошо. Экстатический припадок. Так или иначе, она стабильна. Не регрессирует. Она не исцеляется, но и хуже ей не становится. Мы должны вернуть ее душу обратно…

— Немедленно, — закончила Пирра.

— Пять минут назад желательно, — сказал Пол.

Нона протянула руку и нащупала запястье Камиллы, запястье руки, которую она так сильно любила, которая купала ее и переворачивала для нее страницы журналов, кормила ее едой, которую Нона не хотела есть. Она посмотрела в лицо ушедшей женщины, которое та делила с мужчиной, которого тоже уже не было, лицо, отданное кому-то другому.

— Чем дальше я возвращаюсь, чем дальше мне придется вернуться… Это причиняет ей боль. Она не создана для этого. Она не в той форме.

— Не надо говорить. Не напрягайся, — велел Пол, но Нона не хотела, чтобы ее перебивали.

— Возможно, я не смогу тебе помочь, когда… я вернусь, — сказала она, не совсем понимая слово «я», — я стану другой. Я буду помнить все. Я

запомню то, что пытаюсь забыть. Паламед… я не буду любить его. Я не буду любить Камиллу, или Пирру, или Табаско, или даже Лапшу. Я ничего не буду любить. Я не буду знать как. Я вообще не буду собой, или… я буду той, кто знает, а это знание будет означать, что я не Нона, а кто-то другой.

Практичный Пол сжал одну из ее рук и принялся тереть ее, чтобы согреть.

— Отлично, не беспокойся, — сказал он.

Ноне стало жарко и обидно.

— Я только что подробно рассказала тебе, что меня тревожит, и мне кажется, что это довольно важно.

— Нона любила Камиллу и Паламеда, — сказал Пол. — Нона любила Пирру. Это кончилось. Это позади. Но любовь не перестает. Мы тоже любили тебя. Паламед и Камилла любили тебя.

Пирра тоже была там, ее лицо маячило в темноте над головой Ноны. Губы скривились, как будто она мечтала о сигарете.

— Не волнуйся, малышка, — устало сказала она, — я-то буду и дальше тебя любить. Беда в том, что я не умею переставать. И знаешь, та, кто ты есть… была… прямо сейчас ты способна на большее, чем думаешь. Ты мне нравилась. Ты ему нравилась — Гидеону. Ты всегда нравилась мне

и моему некроманту. А любовь — это симпатия, которую забыли пригласить в гости.

Она наклонилась и взъерошила короткие волосы Ноны. Нона чувствовала, как бьется ее чужое сердце.

— Но ты не подарила мне подарок на шесть месяцев, — жалобно прошептала она, — ни вечеринки на пляже не было, ни торта, ни собак.

— Дорогая, я, конечно, купила тебе подарок на день рождения, — возразила Пирра, — утром перед тем выступлением. Я купила тебе новую футболку, дорогую, не такую, какие разлезаются при стирке. Я спрятала ее в шкафчике под раковиной.

Нона вздохнула.

— Расскажи мне о ней, — прошептала она, — опиши подробно.

— Э-э, — сказала Пирра и взглянула на Пола, — я, конечно, не согласовала ее с начальством, но там были усы… вроде как мультяшные, и буквы под ними. Слушай, это надо видеть, я не уверена, что могу описать…

— Пирра. Я хочу знать, что там было написано.

Пирра старалась не смотреть на Пола.

— Там было про пропуск в трусики, — наконец сказала Пирра, — у нас не было денег.

Потрясенная, Нона заплакала.

Пол заметил:

— Паламед бы не позволил ей выйти в этом из дома. А Камилла не позволила бы носить это в доме.

— А ты?

— Как хочет, — ответил Пол.

— Это был бы лучший в мире подарок, если бы не платок, — еле выдавила Нона. — Я собираюсь вернуться и забрать его. Я запомню. Заставлю себя вспомнить. Я собираюсь носить эту футболку постоянно, дома и на улице, и так вы меня узнаете. Я ухожу не навсегда. А теперь я готова. Я готова. Пойдем.

32

Агламена ждала их у маленькой неприметной двери из зала. Пол поддерживал ужасного старика — тот предъявил свои права как сенешаль, — а принцесса-труп бродила у двери. Пирра завернула Нону в большой черный плащ, который был гораздо теплее, чем казался, но пах старостью, как и весь зал, — пылью, затхлостью, плесенью. Впрочем, Нона обнаружила, что теперь ей надо приложить сознательные усилия, чтобы почувствовать запах. Примерно так ноги соскальзывают с педалей велосипеда. Агламена, высоко держа фонарь, повела их по длинному извилистому коридору. Она постоянно поворачивала туда-сюда, пока наконец не остановилась у последней двери. Она погасила фонарь, и все погрузилось в глухую черную ледяную тьму.

— Мы пойдем вслепую? — спросила Пирра.

— Здесь не светят ни электричество, ни свечи, — каркнул старик, — нет света, кроме того, что дан нам. Не перед камнем и Гробницей. В это место нельзя никому из нас, кроме Дочери и ее рыцаря.

Нона ничего не могла разглядеть в темноте,

но голос принцессы-трупа было ни с чем не спутать:

— У Преподобной дочери нет живого рыцаря.

Раздался металлический скрежет. Дверь открылась, и Нону перенесли через порог в гулкую пустоту. Воздух изменился, став холодным, как лед, черным и синим, как краска. Под ногами громко хлюпало.

Зажегся свет — огромный высокий яркий фонарь. Они стояли в гигантском зале, в пещере-соборе, и большой круглый холодный камень закрывал вход в туннель в дальнем конце — камень размером с небольшой автомобиль и весом в несколько автомобилей. А около камня — с фонарем около ботинка — стояла Корона.

Но глаза Ноны обманула игра света. Это была не Корона, а кто-то ростом с Корону, с лицом Короны, но таким, как будто кто-то постирал ее в слишком горячей воде и смыл все краски. Кто-то худой, без приятных выпуклостей Короны, жалкий и бледный. С рукой из металлически блестящих костей, движущихся костей, в костлявых золотых пальцах тлел крошечный оранжевый огонек. Нона поняла, что это действительно ее рука и что это настоящая сигарета. Пирра дернулась вперед, и тут же снова послышалось хлюпанье: они шли

по мягкой, вязкой желтой массе, похожей на маргарин, но прозрачнее. И Пирра застряла. Пол застрял всерьез, и Крукс вместе, и Агламена, и принцесса-труп.

— Как ты попала сюда раньше меня? — спросила она.

— Я попала сюда после тебя, — ответила девушка голосом Короны — серебристым, музыкальным, нежным, вот только совсем неприятным, — просто искала следы Бога и скользила сюда. Очень легко. Это место похоже на неоновую вывеску с надписью: «Джон Гай был здесь». Боюсь, я вынуждена разрушить ваши планы. Не двигайся, пожалуйста, Секстус. Гект… Гектус? — предположила она шелковым голосом.

Пол сдвинулся, чтобы поддержать жуткого старика, желтая масса крепко удерживала его лодыжки.

— Я пока не знаю, кто ты, но ты знаешь, кто я, так что оставайся на месте, Секстус.

— Это Пол, — сказал Пол.

— Уважаю, но восхититься не могу. — Девушка глубоко затянулась.

— А что это такое интересное у нас под ногами, Тридентариус? — спросил Пол.

— Животный жир и слизистая оболочка, —

скромно сказала Не-Корона, — мой собственный рецепт.

— Господи, блин, Ианта, — сказала принцесса-труп.

Свободной от желтой массы оставалась только Нона, которую несли, но поле перед ними тянулось довольно далеко. Нона, которая не была уверена, что вообще может ходить, пожалуй, сделала бы один шаг, прежде чем прилипнуть и упасть. Пирра пересадила Нону на другое бедро — бледное зеркально лицо обратилось к ним — и спросила:

— Тебя послал Джон?

Человек — Ианта, настоящая Ианта Набериус, в конце концов, а не труп с прекрасным подбородком и идеальной прической, — направился к ним, освещенный сзади электрическим светом. Вблизи оказалось, что у нее кожа как у Чести, если бы Чести посадили в пещеру на миллион лет. Или как у Лапши, если раздвинуть свалявшийся мех на затылке.

— Кто ты на самом деле? — спросила она с искренним любопытством. — Ты убедила меня, что ты — Святой долга с некоторыми недостающими элементами… я не обращала внимания.

— Его догнал номер Седьмой. Я — останки его

рыцаря. Пирра Две.

— Это… происходит со всеми?

— Нет.

— Уф, — сказала Ианта, — нет. Иоанн Гай этого не делал.

Она остановилась перед Кирионой Гайей, и они уставились друг на друга ровными холодными взглядами, держа руки на рукоятках рапир, висевших на бедре. Ианта Набериус тоже носила при себе рапиру — на поясе, украшенном драгоценными камнями, стягивавшем красивые кожаные бриджи под пергаментного цвета рубашкой, на которую было наброшено нечто из мягчайшего на вид белого материала. Как будто радугу положили в холодильник, а затем соткали из нее ткань. Она лежала на плечах Ианты Набериус, как туман. Это было невероятно красиво. Она стояла перед трупом принцессы и выглядела ненамного более живой, чем Кириона.

Пирра тихо сказал:

— Не делай глупостей, детка.

— Поздновато меня воспитывать.

Ианта, не обращая внимания на эту беседу, просто сказала:

— Принцесса Кириона Гайя.

— Принцесса Ианта Набериус, — сказала ее

противница, — и не кури ты здесь, мать твою.

— Привычка мерзкая, — призналась другая принцесса, — но не думала, что тебе есть до этого дело.

— Никакого, но тут миллион детекторов дыма.

Демонстрируя подобострастное повиновение, Ианта закатила глаза, золотыми костяными пальцами вынула сигарету из настоящей худой руки и швырнула окурок через плечо, где он остался тлеть на камнях. Крукс начал издавать звуки закипающего чайника. Ианта не обратила на него внимания. От ужасного голода она стала узкой, как клинок.

— Моя сестра с вами?

— Наверху, — ответила принцесса-труп и ткнула куда-то пальцем, — забирай себе. Она сама сюда приперлась, мне не пришлось задействовать свою привлекательность или обаяние.

— У тебя нет ни того ни другого. Она как будто хочет, чтобы я ее поймала. Непромытая шлюха.

— Еще там сидят шишки Шестого дома, не знаю, нужны ли они нам, — коротко сказала принцесса-труп, — остальная часть Дома где-то за пределами системы Ур, думаю, с ними легко будет справиться. Не думаю, что они вообще нужны папе. Они только вводят его в депрессию.

До Ноны постепенно дошло — судя по виду остальных, застрявших в желтой жиже, до них тоже доходило, — что разговор принял совершенно не тот оборот, которого все ожидали.

Ианта протянула руку, рукав съехал вниз, и Нона увидела на ее костлявом запястье странный толстый браслет: плетеный цветной шнурок, еще более уродливый, чем те, которые она видела у себя в классе и…

— Браслеты дружбы! — закричала она. — Они носят браслеты дружбы.

Ианта схватила Кириону за запястье, и Кириона вылезла из липкой жижи так же легко, как вышла бы из кучи пыли. Они стояли рядом, держась за руки, в красивых, ярко начищенных ботинках, с белыми клинками, отделанными самоцветами, — великолепная пара двух принцесс, одной мертвой и одной полуживой. Они стукнулись ладонями, проделали что-то сложное большими пальцами и встали, наклонившись друг к другу, легко и привычно, как будто они стояли рядом друг с другом миллион раз.

— Тело Харрохак почти мертво, — тихо сказал Пол. — Вы пустите нас в Гробницу или нет?

Длинные языки липкого густого жира выстрелили вверх и обернулись вокруг лодыжек Ноны,

вырвали ее из рук Пирры и покатили в сторону. Нону тошнило, она умирала от страха, а потом она остановилась около начищенного ботинка. Он сиял так ярко, что Нона разглядела в нем свое лицо. Искаженное отражение выглядело ужасно: изможденная, с синими губами девушка, которой она не знала, это была не она. Лицо исказил страх. Жир растворился, не оставив ничего, кроме странных влажных пятен на запястьях.

— Я просто делаю то, чего от меня хотела бы Харри, — говорила Ианта, — Харри обожает эту ужасную старую каменюку и ее ужасного древнего обитателя. Харри первая бы сказала: «Нет, я не достойна. Оставьте ее закрытой». Как думаешь, Девятая?

— Стараюсь не думать вообще, — скромно сказала Кириона.

Ианта и Кириона расхохотались. Они колотили друг друга по плечам, искренне веселясь. Нона в отчаянии посмотрела на Пирру, Пола и двух стариков. Пирра и Пол все еще стояли статуями.

— Рада тебя видеть, — весьма любезно сказала Ианта Кирионе.

— Взаимно, — весело отозвалась Кириона. — Ладно, давай открывать эту Гробницу и валить.

Какое-то время Ианта продолжала смеяться, а

затем сказала:

— Так. Что?

— Гробница сейчас откроется, — сказала Кириона.

— Ты не… Девятая!

Кириона сделала несколько шагов назад, в сторону от Ноны, чтобы не споткнуться об нее в желтом сиянии электрического света, отраженного от жира. Ее клинок с шорохом вылетел из ножен, и Ианта вытащила свой. Нона застыла, глядя на клинки.

— Маленькая двуличная сука, — сказала Ианта, — трижды предательница.

— Я никого не предавала, не говоря уж о трех разах, — возразила Кириона.

— Ты предала Бога, например.

— Чего? Джон сам меня сюда отправил, дура раззолоченная.

— Хрена с два, — заметила Пирра.

— Поддерживаю, — отозвалась Ианта.

— Он правда это сделал, — сказала принцесса-труп, — я не для развлечения на этот корабль попала. Неужели не ясно? Это мой шанс. Мы открываем Гробницу, я уничтожаю то, что внутри, — Алекто, Аннабель, мне насрать, как ее зовут, и все готово. Да, папа перестанет быть

бессмертным, но он говорит, что ему все равно, и я ему верю, Тридентариус. Я буду его рыцарем. Я буду Первой. Черт, я его ребенок и наследник. Разве это не самый изящный способ? Ты вообще будешь мне помогать?

Ианта отступила. Даже снизу Нона видела ужас и отвращение на ее лице: они сильно меняли линию подбородка.

— Боже мой, — сказала она тихо, — ты не можешь верить в это всерьез. Ты очень тупая, когда захочешь, но не это же…

— Ты же знаешь, что он так и не восстановился.

— Я-то знаю.

— Если бы нас не было рядом, я не знаю, что бы он делал.

— Я знаю, — сказала Ианта, — в точности то же самое, что он делает сейчас, но не пытаясь это скрыть. Ты вообще ничего плохого не видела, надоедливая малолетка и идиотка. Прекрати со мной спорить! Видишь ли, задница с ушами, в тот момент, когда откроется Гробница, ты не убьешь чудовище…

— Дай мне пять минут!

— Ты не станешь его рыцарем и ничего не исправишь. Ты просто подпишешь нам приговор.

Он получит ее снова, и ты не знаешь, кем он станет! Ты ничего не знаешь, ты просто решила ему поверить, а он тебя обманул. Ты же сама это знаешь! Ты обманываешься, а почему? Все-таки ради Харри?

Послышался глубокий вдох, Ианта рассмеялась и сказала:

— Знаешь, тебе вовсе не обязательно дышать.

— Ты очень скучная, когда говоришь о Харрохак, так что прекрати, — сказала Кириона, — ты сама себя послушай, госпожа из Первого дома. «Оставь Харроу умирать, не открывай Гробницу, бла-бла-бла». А зачем ты сюда приперлась? Прекрати разыгрывать хорошую девочку. Тебе насрать на всех, кроме собственных планов. Твоя сестра наверху. Забирай ее и уходи. Позволить мне сразиться с этой тварью и победить или умереть, а какая разница?

— Ты выпустила монстра из клетки. И ты ступила на путь, с которого никому из нас не сойти. Если Бог действительно хочет выпустить ее… если это устроил Учитель… если она ему нужна…

— Нужна? Он велел мне убить ее. Он сказал: «Убей ее как можно быстрее». Он сказал, что моя кровь позволит это сделать, сказал, что я со своей кровью — единственная…

Ианта подошла к трупу принцессы и отвесила ей пощечину. Кириона не пошатнулась.

— Он ее любит! — завопила Ианта. — Джон любит Алекто — Джону нужна Алекто! Без этого сраного куска мороженого мяса он никто, и нам нужно это так и оставить!

Слово было сказано, тайна была раскрыта, средний мозг исчез. Нона закончилась.

Первым делом огромная рана открылась над ее детским сердцем, кровь хлынула на темную рубашку, потом раны появились на животе, и ее смертные внутренности начали лопаться одна за другой. Все, что у нее внутри, оказалось разрушено. Ее порезали тысячу раз, миллион раз.

Кровь хлынула из всех пор на лице. Она лилась из-под коленей, из ушей, из подмышек. Из всех желез. Она захлебывалась кровью. Принцессы Башни бросились к ней, упали рядом с ней на колени. Одна сказала:

— Шея! Займись шеей. — Но шея распадалась с той же скоростью, с какой получалось ее восстанавливать. Детское тело разваливалось на части. Тонкая смуглая рука погладила ее по щеке:

— Держись. Где бы ты ни была, дура, я знаю, что ты меня слышишь. Держись!

За их голосами, за кровью, за тусклой сладо-

стью боли она услышала Пола:

— Пирра, давай!

Выстрел. Бледно-желтая фигура рухнула рядом с развалинами тела Ноны, прямо в телесные жидкости Ноны, задергалась в спазматическом припадке, она содрогалась и тряслась так, как будто могла каким-то образом вывернуться из кожи. Пол опустился рядом с Ноной, еле взглянув на исходящую пеной и криком сестру Короны. Сказал только:

— Эффективно.

— Я берегла эту пулю для Джона, — сказала Пирра. — Пули для Вестников не растут на деревьях. Ее сделала для меня Уэйк. Или я украла ее у нее. Какая разница. Пол… может быть… еще…

Голос Пола звучал отстраненно и далеко. Она как будто плыла под водой. Ей очень хотелось под воду.

— Открой дверь. Прямо сейчас.

Нона почувствовала, что ее поднимают. Кириона держала ее за плечи, Пирра — за бедра. Пирра под ее бедрами. Почему они несли ее таким образом? Почему Пирра говорила:

— Пол, держи руку, она отрывается.

Освещенная скала была такой огромной и ужасной. Столько людей стояли над ней, над ее

телом, над телом ребенка. Ребенка с большими черными глазами. Над куском плоти с фиолетовыми губами.

— Это же не настоящий вход? — говорила Пирра. — Не может такого быть.

И кто-то — старая солдатка — отвечал:

— Нет. Настоящий камень, говорят, в коридоре. Но я не могу поднять этот, я не адепт…

Громкий звук. Камень катится в сторону. Приятно скрежещет.

— Это не проблема, — говорит Пол. Старик хрипит:

— Ловушки. От воров. Капканы.

— Давайте я, — снова говорит Пол.

Она была в этом коридоре, она протиснулась через трещину в скале. Не через проход, не здесь. Джон сказал, что хочет ей что-то показать. Очень красивое. Что ей понравится.

Снова голос Пола — голос Камиллы — голос Паламеда:

— Почти все отключены. Чистая работа, не знаю чья.

Возможно, тело потеряло сознание. Следующим, что она услышала, стали настойчивые слова Кирионы:

— Бери. Откуда угодно. Забирай все.

— Моя госпожа, — слабо говорил старик, — моя госпожа… моя девочка.

— Мне не нужно все. Просто немного влаги.

Пирра говорила:

— Тут ничего не подделаешь. Касси, Мерси и я работали с клеточной танергией. Для активации нужна свежая танергия.

Джон любил ее. Она была рыцарем Джона. Она любила Джона. Она так любила мир, что подарила ему Джона. Мир так любил Джона, что даровал ее. Джон так любил ее, что сделал ее — ею. Джон любил мир.

— Убей меня, — сказала Кириона.

— Нет. Ты уже мертва, — ответил Пол, — реакции не будет.

— Меня, — сказала Пирра, — меня и Гидеона. Если бы Уэйк просто попросила, я бы это сделала. Умерла здесь, с ней, для этого…

— Меня убейте, идиоты, — проскрипел Крукс.

Она пришла не сама, черноглазый кусок мяса просил об этом. Цепь поцелуя: лед, обжегший губы, примерзшие к ледяным губам. Слезинка на руке. Руке, которую создал Джон.

Кто-то что-то сказал. Старик Крукс, малыш Крукс — ему едва исполнилось сто лет — хрипло говорил:

— Убей меня, и меня заберет неизведанное. Убей меня ради любви к Преподобной дочери. Думаешь, Нав, ты одна знаешь, что такое смерть? Я понял, что ты мертва, когда увидел тебя. Я совершу этот грех. Я умру ради нее. Она мое дитя. Я единственный, кто может умереть за Преподобную дочь Харрохак Нонагесимус.

— Конечно, — сказал кто-то так яростно, что голос показался незнакомым, — отлично. Умереть. Умереть за нее. И это единственное добро, которое ты когда-либо для нее сделал. Это все, что вы могли ей дать. Ты мог бы жить ради нее… но ты не знал как.

— Опять ты языком мелешь, не понимая о чем, — сказал Крукс. — Все наши жертвы. Наша экономия. Кровь хранителя Гробницы.

— Ты уверен? — спросил Пол.

— Маршал, у вас есть долг перед Дрербуром и оссуарием, — сказала Агламена. — Мой долг как вашего…

— Нет! Я не позволю! — крик Кириона.

— Мое право… Я все равно умираю.

— Да просто отпустите его, — прорычала Кириона. — Он хочет умереть? Ну так я это сделаю! Много лет мечтала!

Джон сказал: «Там так красиво. Посмотри обя-

зательно».

Она сказала: «Красивого почти не осталось. Где Анастасия? Давай я с ней поговорю».

— Ну, вперед, трусливая дура, — сказал Крукс. — Давай, нож перед тобой! Вся работа сделана.

— А ты знаешь, что я дитя Бога? — спросила Кириона. — Ты вообще знаешь, что все, что ты со мной делал… все подзатыльники, все замки́, которые ты за мной закрывал, все кандалы, все эти тарелки с дрянной едой… каждое слово, каждый взгляд… все это время я была дочерью Императора, голубой кровью! Я хочу, чтобы ты понял, кто я!

— Ты — это ты, — сказал Крукс, — бесполезный жернов на шее моей любимой. Ты рождена, чтобы заставить ее страдать. Ты умерла, как и жила, Гидеон Нав, — разочарованием для меня и Бога.

Раздался влажный, хлюпающий звук. Старик выдохнул. Стало темно. Потом был свет, яркий, холодный, электризующий, как смерть, и шорох другого камня, который медленно откатывался в сторону. А Кириона все говорила:

— Мне неприятно! Блин! Почему мне не понравилось! Так нечестно! — Истерические нотки в голосе. — Почему это так гадко! Ты, старый, мерзкий… жестокий… мудак… почему ты… по-

чему я…

«Светлячки», — сказала она Джону.

«Технически это жуки, — возразил Джон, — но я всегда любил их».

Узкие тела жуков с длинными висящими усами, ковер колеблющихся, мертвых, мигающих огней на потолке гробницы. Зеленоватые, рыжеватые, желтоватые, бесшумно ползающие друг по другу, свешивающие длинные отростки. (Что-то оторвалось от тела ребенка; кажется, нога — Пол снова ее приделал.) И вода… огромный бассейн настоящей соленой воды, которую она пила, стоя на коленях. Они переместили тело ребенка подальше от остальных. Они не могли остановить ее. Она вошла в воду: а-а-а-ах! Это было приятно. Вода оказалась ледяной, она заморозила сердце ребенка, но теперь она управляла этим телом и не нуждалась в сердце.

— Пусти, — сказал кто-то, — это гравитация. Пусть идет.

Голоса стали далекими и тусклыми, она уже не могла их различить. Почти все человеческие голоса звучали одинаково. Они не казались красивыми. Воды расступились перед ней, и по дну стало можно пройти, хрустя по костям.

Кости. О чем они заставили ее вспомнить?

Они с Джоном подплыли к холму, поднимающемуся из бассейна. Не остров, нет. Выход породы. С мраморными колоннами, мраморной площадкой и длинным низким мраморным столом. Он сказал, что ему кажется, что это хорошее место. Чтобы полежать. Ей нравилось лежать на жестком. Терпеть наличие позвоночника было тяжело. И она… долгое эхо где-то в туннеле. Искалеченный ликтор, кричащий в безумной агонии, но приближающийся.

Вот и она. Джон сделал ее такой уродливой, такой невыносимо уродливой. Ужасное лицо, с ужасными руками и ногами, ужасным туловищем, ужасными волосами, ужасными ушами. Нос слишком вздернутый, уши слишком маленькие. Но вот и она — а внутри нее спящий ребенок со странным клинком. Меч, ее меч, ее клинок, вырвавшийся наружу, еще игрушка. Ее болтающийся меч, ее игрушка. Ее простой меч. И ее тело, прикованное цепями.

— Нет, — завопил кто-то с берега, — нет, нет!

Она оглянулась и увидела Анастасию, спрятанную там, где ее никто не найдет: Анастасию из костей. Не совсем Анастасию. Тело Анастасии без мяса, прижавшееся прямо к изгибу скалы, готовое закрыть дверь, когда бы она ни открылась.

Она вспомнила Анастасию.

В глазах у нее помутилось: сердце застряло в горле.

— Ну, пожалуй, с днем рождения меня, — вздохнула Нона.

И Нона повалилась на ледяную мертвую грудь Тела.

Эпилог

Когда камень, ставший плотью, пробудился в теле, она громко вскрикнула:

— Ты!

Затем она разорвала цепь на правом запястье, и правое запястье сломалось вместе с цепью. Она разорвала цепь на левом запястье, и левое запястье сломалось вместе с цепью. То же произошло с цепями на левой и правой ногах. Руки, ноги и цепи полопались разом. Когда она подняла свою ужасную голову, цепи вокруг шеи рассыпались в пыль, и она закричала.

Когда цепи и кости сломались, один из детей попытался поступить жестоко, подняв оружие высоко над алтарем. Но черноглазое дитя, рухнувшее на алтарь, ясным и резким голосом возразило:

— И это ты собираешься сотворить, Тридентариус? Коснись ее, и наша клятва потеряет силу и я убью тебя на месте.

На что первое дитя сказало:

— Ты не ведаешь, что творишь.

И второе дитя ответило:

— Обычно нет, но сейчас да.

И первое дитя спросило:

— Ты противишься мне, полуживая?

И второе дитя ответило:

— Я-то наполовину мертва, а вот ты мертвая целиком, сука.

И первое дитя сказало:

— Радость моя, я могу умереть только от тоски по тебе.

— Тогда умри, — сказало другое дитя.

И тогда тело, бывшее камнем, поднялось с алтаря и ударило ребенка, который занес над ней меч, одной перебитой рукой, забыв меч в другой, так что ребенок не погиб, а отлетел в воду, как мусор. Множество скелетов явилось из костей одра и стен Гробницы, но при виде меча они бежали. Коснувшись камня вокруг могилы, сломанные ноги срослись и сломанные руки, поднявшие меч, срослись, но само тело еще не пробудилось и споткнулось на ступеньках алтаря, плача: «Джон, Джон». Но не упало.

И там была толпа мертвых детей. Они наседали на живых детей на дальнем берегу Гробницы. Тело не понимало, как это произошло, но когда кто-то на берегу крикнул: «Алекто, Алекто!», тело вспомнило, и на него нахлынула память Алекто, и весь сон ушел.

И Алекто сказала:

— Пирра, он упокоил меня для их усмирения, он скормил тебя для их усмирения, но он не усмирил меня. Все, что он сделал, — это научил меня умирать.

Но Пирра ничего не слышала из-за шума.

Тогда Алекто вспомнила об обете и повернулась к алтарю, ко второму ребенку, и подняла меч с яростью в сердце, потому что дитя хотело навлечь на нее гибель. Но увидев лицо младенца, Алекто вспомнила ее, потому что это лицо однажды привиделось ей во сне. И Алекто удержала меч.

Дитя поднялось и сказало:

— Тело из Запертой гробницы, я любила тебя всю мою жизнь, всей моей душой и всей моей силой. Я прошу Господа, чтобы я узрела благодать в твоих глазах. Убей меня по слову твоему, ибо я люблю тебя.

Алекто рассердилась, подняла ее и поцеловала. Дитя не закричало, хотя кровь лилась из ее уст и языка и раны ее болели. Ибо Алекто не умела целовать иначе, чем рвать зубами.

И Алекто сказала ей: «Почему ты не рада? Вот так плоть любит плоть».

Дитя молчало; но ее кровь была на губах Алекто, и через эту кровь Алекто поняла, кто перед

ней, и крайне изумилась. Она забыла свой гнев и сказала:

— Ты из рода хранителей Гробницы.

Дитя ответило:

— Да.

Алекто сказала:

— Род Анастасии еще не прерван.

Дитя ответило:

— Грешным и беспокойным путем.

Алекто сказала:

— Мне очень жаль Самаэля.

Дитя не ответило.

Алекто сказала:

— Я помню свои клятвы. Как я клялась Анастасии, так я клянусь тебе. Я в твоем распоряжении, пока ты не потребуешь исполнения долга. Все, что ты прикажешь, я выполню и тогда буду считать клятву исполненной. Так я клянусь, а до того времени поступай со мной так, как считаешь нужным.

Дитя испугалось и сказало:

— Мои руки в грязи, и я никто.

Алекто, устав от разговоров, преклонила колени на камне и протянула меч. Положила руку ребенка на лезвие, так что оно напилось алой крови. Дитя сильно ослабело, но не потеряло

сознание.

Такая сила понравилась Алекто, которая сказала:

— Я предлагаю тебе свою службу.

И на другой стороне кто-то гневно и громко завопил:

— В очередь, старая шлюха!

* * *

После этого Алекто спустилась на корабль и предстала перед Джоном, намереваясь переправиться через Реку, и была опечалена, обнаружив ее мертвой. Джон спал, в чужой одежде, небритый и все еще пьяный. Дитя, которое приняло клинок и потеряло сознание от голода и жажды, свисало через руку Алекто в глубоком сне, подобном смерти. В другой руке Алекто держала железный меч. И Алекто взяла этот меч и пронзила им грудь Джона, достав до сердца.

Джон проснулся и сказал:

— Доброе утро, Аннабель.

Ад разверзнется в романе

«Алекто из Девятого дома»

Благодарности

Многие были в недоумении, когда неудачница Нона проложила себе путь в мир, отодвинув Алекто в сторону. Сильнее всех оказались сбиты с толку мой агент и мой редактор, два человека, которые к тому моменту, как все это закончится, наверняка достигнут полного просветления. Я хотела бы поблагодарить своего агента Дженнифер Джексон, неудержимую и всемилостивую, и своего редактора Карла Энгл-Лейрда. Карл, я наконец-то нашла способ выразить тебе свою благодарность. В этой книге почти нет мемов.

Спасибо всему издательству Tordotcom, но особенно Ирен Галло, Каро Перни и Мэтью Русину; неутомимой маркетинговой команде из Майкла Даддинга, Ренаты Суинни и Саманты Фридлендер; замечательным Кристин Фольцер и Джейми Стаффорд-Хиллу, без которых мои книги не выглядели бы так хорошо. Кстати, мне невероятно повезло, когда обложку заказали Томми Арнольду, хотя я не уверена, что после всех этих костей запястья Томми будут мне благодарны. Спасибо Лорен Хоуген за то, что поймала все досадные

ошибки. И спасибо моему редактору Мелани Сандерс, которая ловит все крупные.

Также я хотела бы поблагодарить терпеливейшего Майкла Карри из DMLA за бесценные знания о двойном налогообложении.

Я полагаюсь на доброту моих первых читателей и друзей, Клеманс Племинг и Меган Смит, которые тоже меня постоянно кормят. Между прочим, без мороженицы Клеманс этой книги бы не было.

И остальные люди, которые выслушивали мое нытье, пока я работала над «Ноной», — я благодарна семье Уэст, Хеленс, Бо и Шарлотте Диффи, Лиссе Харрис, Бо и Бену, Бену Рейнору и Монти, Крису Дугласу, Мэллори, Рэй, Тим и Джо, Лоттии Алексису. Спасибо Эйвери и Марте и спасибо Уэйверли Марч (то есть всему Крысиному отсеку). И огромная благодарность Изабель Яп, фее-крестной серии. Как обычно, я бы хотела сказать спасибо своей семье, но я не видела их с начала пандемии и общалась только с братом в Animal Crossing. Спасибо, чувак, и пришли мне, пожалуйста, немного груш, потому что на моем острове они не растут.

И моя главная благодарность Мэтту Хости: я тебе соврала! Была еще одна книга!! Извини!!!

Ты болел за Нону, даже когда я была готова выкинуть всю книгу в океан. Ты перетащил меня за финишную прямую трех книг и потащишь к четвертой. Я точно знаю, что буду делать без тебя: умру от одиночества, да еще и от голода.